

Юрий А. Швецов

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ

Книга 1. МАЙКЛ.

2011

Консерватория бабочек, на канадской стороне, совсем недалеко от Ниагарского водопада, высоко над рекой в заросших аллеях огромного парка, стеклянный купол с тропическим горячим влажным воздухом, каменными склонами, экзотическими деревьями, цветами и водопадами, лежащими между тысячами летающих разноцветных бабочек, садящихся на руки и на плечи людей. И один из туристов, наверное, откуда-то из Индии, осторожно бродил между цветами тропической растительности, боясь потревожить сидящую на его шляпе огромную разноцветную бабочку. Они так и двигались вместе среди цветов и деревьев, два огромных чудесных мира с различной музыкой и красотой, живущих в параллельных пространствах.

Г Л А В А 1

Майкл сидел, закрыв глаза, в кресле у иллюминатора левого ряда Боинга. Шум людей, устраивающихся перед длинным перелетом из Европы в Америку, начал успокаиваться и в него стали вплетаться низкие звуки запускаемых двигателей, шум подаваемого в салон воздуха, высокие тона преобразователей и генераторов, скрытых обшивкой салона и живущих совсем рядом с людьми. Вся эта шумовая гамма заполнила самолет и окончательно отвлекла всех, вернув от проблем обустройства на землю, вернее, к ожиданию неба, которое было уже совсем рядом.

Прошедший день выдался чудесным. Майкл провел его в Вене, в еще одном новом для него городе, подаренным ожиданием вылета, перенесенного с раннего утра на поздний вечер из-за отказа навигационной системы самолета, точнее программного обеспечения навигационного компьютера, набора компьютерных единиц и ноликов, создающих виртуальный мир в реальном небе.

День завершался, но огромный международный аэропорт *Schwechat* в Вене был все еще заполнен людьми со всего мира, спешащими улететь или вернуться, идущими медленно или быстро от одного терминала к другому, пытающимися рассмотреть или даже впитать лежащий вокруг интересный мир либо со взглядами, обращенными вовнутрь себя, два встречных потока людей между огромными окнами на рулежки с одной стороны и разноцветными бутиками с другой.

До вылета оставалось еще немножко времени и Майкл пил чудесный крепкий венский кофе из маленькой белой керамической чашечки в небольшом баре напротив Королевских авиалиний, наполненным ароматом кофе и тонким сигаретным дымом, здесь все еще жили удовольствиями, не заглядывая в будущее. Теплое красно-желто-оранжевое освещение бара после холодных серых оттенков венского дождя, создавало уют и вносило какое-то домашнее ощущение тепла и устроенности в это небольшое

пространстве, внезапно оказавшееся в длинном переходе между терминалами огромного международного аэропорта.

Рядом с Майклом в баре сидели более чем изысканно для аэропорта одетые мужчина и женщина, оба аристократической наружности. Мужчина курил сигарету, держа ее между средним и безымянным пальцем, не отрываясь смотрел на женщину и что-то говорил очень медленно, как будто бы наслаждаясь каждым словом, на абсолютно непонятном для Майкла языке. Перед ним стоял широкий стакан с бренди или виски. Женщина пила кофе и время от времени, поворачивая длинную чудесную шею, смотрела, высоко подняв голову, на мужчину и краешками губ улыбалась. В их глазах светилось счастье короткого прошлого и бесконечного будущего. Глядя на них, можно было сказать, что они провели вместе свою первую ночь и начали первый день создаваемого ими нового мира.

Майкл улетал, а Вена оставалась жить своей жизнью, незнакомый город в незнакомой стране, пересадочная станция перед близкой и еще такой далекой Америкой. Майкл вошел в самолет, и снова начался дождь, внезапно обрушившийся на огромную открытую территорию аэропорта, и транспортный “Геркулес”, взлетающий прямо перед иллюминаторами, поднял со взлетной полосы миллионы брызг в воздух над тремя полосками взлетных огней в пространство, заполненное дождем.

Вена лежала вокруг, уже невидимая через иллюминатор, но живущая в памяти Майкла, спящий, заливаемый осенним дождем, город.

Г Л А В А 2

День, который провел Майкл в ожидании вылета в Вене, завершился и наступал вечер. Сумерки, пришедшие с запада, вползали в город над мощенной каменной мостовой, вытесняя свет из узких средневековых улиц в еще светло-синее небо, заполняя маленькие дворики между белыми с красной черепицей крыш домами, наталкиваясь в своем непрерывном движении на тупики, двигаясь дальше и дальше, и легкий вечерний ветер вносил диссонанс неустроенности в этот незнакомый осенний город. И все вокруг стало совершенно размытым и нереальным, как на средневековой картине.

День завершился и пришедший ему на смену вечер принес в жизнь Майкла странное событие. Его, наверное, можно было бы назвать случайным, но даже случайность произошедшего, наложенная на атмосферу тысячелетнего города, помнящего инквизицию и прошедшего всю длинную историю цивилизации, внесла некоторый оттенок странности в произошедшее.

Майкл шел по вечерней Вене, помнящей средневековье, феодальные и духовные ордена, доминиканцев, тевтонских рыцарей и иезуитов и в камне города застыла готическая музыка, чудесная музыка изящных сводов соборов на нервюрах стрельчатых форм, поддерживаемыми нежно, как руками, лежащими на контрфорсах аркбутанами. Майкл шел по каменной мостовой, наполняющей город приглушенным

средневековым шумом шагов, и вершины соборов растворялись в опускающемся вечернем небе.

- Какой чудесный незнакомый город, - думал Майкл, – город, в котором судьба пытается меня задержать, а я пытаюсь и пытаюсь его покинуть.

Майкл решил, что он останется еще на пару дней в Вене, снимет комнату в отеле, лучше всего в каком-нибудь старом средневековом здании, перенесет вылет и проведет здесь еще два - три чудесных дня.

- По крайней мере, Америку я видел не один раз, - уточнил сам для себя Майкл.

Он остановился, улыбнулся и... внезапно начался дождь, обрушившийся на Вену из звездного, абсолютно без туч, неба. Майкл, спасаясь от дождя, поднялся в ресторан *Do&Co*, на седьмой этаж стоящего на площади *Stephansplatz* здания *Haas-Haus*, неподалеку от известного дома *Figarohaus*, в котором Моцарт провел несколько лет, создав свою знаменитую “Свадьбу Фигаро”.

Важный и вышколенный официант, казалось, вышедший из самой “Свадьбы”, провел Майкла к свободному столику, стоящему у огромной стеклянной стены, состоящей из трех рядов соединенных между собой тонкими металлическими полосами окон, выходящих на площадь *Stephansplatz*. Дождь лил сплошным потоком, и сквозь стеклянную стену ресторана совершенно ничего не было видно, кроме струящихся по ней снаружи потоков воды.

Майкл постарался выбрать нечто необычное, подаваемое только в Вене. *Gefüllte Kalbsbrust*, грудинка телянка, напихованная различными сортами мяса, поданная с овощами, оказалась на необыкновенно вкусной, особенно после длинного дня и еды на бегу. Затем Майклу принесли его любимый кофе *Pharisäer*, самый ароматный, самый крепкий и самый вкусный в Вене, черный кофе со взбитыми сливками, колеблющимся на его вершине и сохраняющим его тепло и аромат, а также подаваемый вместе с ним маленький стаканчик рома. Майкл откинулся на спинку стула, и дождь внезапно прекратился. Огромная стеклянная стена ресторана перед Майклом, заливаемая потоками дождя, внезапно стала совершенно прозрачной. Майкл, забыв о кофе, задержал дыхание. Он находился на высоте седьмого этажа, как будто бы парил в небе прямо перед величественным 800-летним готический собором *Stephansdom*. Две Римские башни собора, построенные на месте языческих святилищ, стояли прямо перед Майклом, и за одной из них открывался вид на Ворота Бардов, когда-то вход только для посетителей-мужчин, со скульптурным барельефом над ними - сценами из жизни святого Павла, а за ризницей, над юго-восточным входом, возносился в небо прекрасный 137-ми метровый готический шпиль, ставший одним из любимых символов Вены.

Последние осколки дня, покидавшего город, растворились в еще светлых вечерних сумерках, и день, наконец, исчез. Сквозь лениво ползущие среди звезд облака проступила полная луна. Горящая маленькая свеча на столике Майка создавала теплую ауру света и тепла и даже ночь немножко отступила за ее пределы вместе со всеми неудобствами и неустроенностями пилигрима в средневековом городе, отодвинутом ее мерцающим светом в полумрак, но оставленным как мизансцена для происходящих событий.

Мысли Майкла неожиданно прервала внезапно появившаяся прямо перед ним на фоне высокой, выходящей на Вену, стеклянной стены, темная фигурка незнакомки. Изыщная, одетая в темное высокая девушка очень плавно, неся в себе грацию, как будто бы сошедшую с картин прошлого, опустилась на стул на фоне готического собора прямо перед Майклом. Она смотрела, ничего не говоря, на Майкла, а город за ее спиной отступал и отступал в темноту. Длинные, темные, вьющиеся волосы, подсвеченные огнями ночного города, обрамляли ее худенькое и бледное с утонченными чертами и огромными светлыми глазами лицо, на котором играл теплыми полутонами живой огонек свечи, стоящей на столике Майкла. Незнакомка посмотрела, ничего не говоря, на Майкла и поправила свои волосы левой рукой, отодвинув прядь назад, и рукав ее длинного платья опал вниз, обнажив узкую кисть руки с маленькими часиками, сверкнувшими сотней маленьких камешков огоньков.

- Добрый вечер, Майкл, - внезапно сказала она и улыбнулась.

Ее голос был глубоким и чистым.

- Добрый вечер, - ответил Майкл, откинулся на спинку стула и улыбнулся в ответ.

Наступал чудесный вечер после одинокого венского дня. Лицо девушки казалось удивительно знакомым, как будто бы они встречались, причем совершенно недавно. У нее даже было, помнилось, какое-то чудесное, не совсем обычное для современной эпохи имя. Но что-то совершенно неуловимое ускользало от Майкла. Он помнил не нее саму, а связанные с их встречей оттенки ассоциаций и это, накладывая завесу таинственности, не давало никакой возможности ничего вспомнить, а только снова пережить.

- Мы где-то встречались, - утвердительно сказал Майкл.

Незнакомка, ничего не отвечая, продолжала загадочно на него смотреть.

- *Navy?* – спросил ее Майкл.

- Нет. Конечно же, нет. Даже страшно подумать, - ответила незнакомка.

- Тогда отбрасываю летнюю школу, - продолжил, улыбаясь, Майкл.

- Абсолютно, - подтвердила незнакомка, улыбнувшись в ответ, и испуганно вздрогнула - неожиданно возникший из полумрака ресторана официант положил перед ними на столик винный лист. Наступила пауза. Официант снова отступил в темноту.

- В этом ресторане официанты появляются как привидения, - тихим, извиняющимся голосом сказал, наклонившись к девушке, Майкл.

Незнакомка наклонилась к Майклу и шепотом добавила:

- Или привидения, как официанты.

И снова улыбнулась. Майкл взял в руки винный лист.

- Красное вино, пожалуйста, - попросила она Майкла.

- Пино Нуар? – уточнил Майкл.

- Чудесно, - подтвердила девушка.

- Отличный выбор, - сказал снова внезапно появившийся из полумрака ресторана официант.

Девушка снова вздрогнула.

- Пино Нуар, - повторил Майкл.

- Урожая? – уточнил официант.

- Пожалуйста, не старше десяти лет, - попросила незнакомка.

Майкл вопросительно посмотрел на нее.

- Красное вино не живет дольше, - добавила девушка.

- Итальянское, французское, испанское..., – предложил официант.

Он посмотрел на Майкла и добавил:

- Американское?

- Только не американское, - попросила незнакомка. – Прости, Майкл.

- Я бы предпочел итальянское 1989-го года, - сказал Майкл. – Однако красное вино не живет так долго.

- Какое чудесное событие с тобой в этот год не произошло? - спросила девушка.

Майкл посмотрел на нее с удивлением.

- Или чудесное воспоминание? – уточнила она.

- Могло бы быть, - ответил Майкл. - В том году я снова не смог поехать в Венецию. Так никогда и не был в Италии.

- Венецианское 95-года, - попросила девушка. – Отличный для красного вина год.

- Венецианское 95-го года, - подтвердил официант. – Чудесный выбор.

И снова растворился в темноте.

- Второе его появление, даже с вином, я не переживу, - сказала девушка.

- Школа в Льюистоне? – спросил ее Майкл.

- Майкл, мы никогда не встречались, - ответила девушка.- По крайней мере в этой жизни. Только проходили мимо. “*Que les parallèles sont belles sous la perpendiculaire de Dieu*” - “Как прекрасны параллели под перпендикуляром Бога”.

Она бросила быстрый взгляд на Майкла, улыбнулась и уточнила:

- *Andrè Breton*.

- У меня к тебе одна просьба, - продолжила девушка, - поэтому я и подошла. Она небольшая, совершенно для тебя несложная, но я очень бы хотела, что бы ты ее исполнил.

- Просьба? – удивился Майкл.

- Давай вернемся к ней попозже, - попросила девушка. - Пожалуйста. Такой чудесный вечер.

Шквал ветра снова бросил потоки дождя в окно, закрыв на мгновение собор, и снова все затихло.

- Какой чудесный дождь, - тихо добавила девушка.

И снова так же внезапно появившийся официант налил Майклу немного вина в его высокий бокал. Майкл попробовал, утвердительно кивнул официанту и неслышно сказал одними губами девушке:

- Ничего в этом не понимаю.

Девушка улыбнулась.

Официант уже разливал в высокие бокалы красное вино, стояла тишина, прерываемая треском свечи на столике и шквалами ветра за окном. Майкл и незнакомка молчали и только смотрели в глаза друг друга.

- Какой чудесный вечер после одинокого суматошного дня, - продолжил Майкл.

Он поднял бокал и добавил:

- За встречу!

- За знакомство, - поправила его девушка и протянула ему свой бокал.

Майкл задержал в воздухе свой бокал с вином и, улыбнувшись, спросил:

- За знакомство?

Девушка улыбнулась ему в ответ и представилась:

- Лаура.

- Такое необычное для нашего времени имя, - подумал Майкл.

Они едва коснулись бокалами, и низкий мелодичный звон повис над колеблющимся огоньком свечи.

- Лаура, - повторил Майкл. - Очень приятно и неожиданно таинственно. Прекрасная незнакомка в прекрасной осенней Вене...

- Осень несет в себе изначальную недосказанность, - тихо сказала Лаура.

А за огромными окнами снова начался, перечеркивающий мир, дождь.

- Не мешает ли тебе интуиция? – внезапно спросила Майкла Лаура. – Мне кажется, ты все-таки больше помнишь с тобой еще произошедшее, чем произошедшее с тобой никогда.

Майкл с удивлением посмотрел на Лауру.

- Хотя бы я не называла это интуицией, - тихо добавила она.

Подобное случалось с Майклом нечасто, обычно один-два раза в году. Майкл к этому привык, он не пытался сам себе ничего объяснять и не говорил об этом ни с кем, даже со своим другом Расти. Очень часто это случалось в критические моменты, в

моменты тренировочных полетов или в воздушных боях, когда Майкл отчетливо видел, точнее, понимал, что произойдет, если он поступит так или иначе. Так и происходило.

- Ты видишь меня насквозь, – сказал, улыбнувшись, Майкл.

- Я тоже обладаю интуицией, - уточнила Лаура.

- Действительно, - согласился Майкл. - Иногда, я как будто бы вижу, что произойдет, если сейчас случится то или иное. Или вообще ничего не случится, и все будет идти, как заведено.

- Говорила тебе, что тоже обладаю интуицией, - сказала Лаура.

- Только это секрет, - таинственным голосом добавил Майкл и улыбнулся. – Никому ничего не говори.

- Никогда, - согласилась Лаура и улыбнулась ему в ответ.

- Я думаю, этому есть очень простое объяснение, - добавил Майкл. – Мы больше знаем о Вселенной, чем о самом человеке. Разум анализирует огромное количество фактов и выдает решение, что произойдет через некоторое время. Например, в полете.

- Поверь мне, Майкл, - возразила Лаура, - чтобы рассчитать, что случится через некоторое время, например, в полете, надо знать мысли всех других людей и их интуиции. Но это еще не все. Нужно знать еще и что случится в нашем огромном мире, весь набор очень неинтересных значений, как, например, скорость, ускорение или сила и очень интересных явлений, как, например, дождь, солнце, ветер или снег. Но и это еще не все. Существует еще и фактор вероятности. И все это непредсказуемо сложно.

Лаура сделала небольшой глоток вина и добавила:

- Хотя, иногда, все до необъяснимости просто. Если, конечно, не искать объяснение там, где его просто не существует.

Майкл снова откинулся назад.

- Даже самое необъяснимое? – спросил он.

- Включая самое необъяснимое, - ответила Лаура.

- Невероятно, - сказал Майкл.

- Майкл, что для тебя в нашем мире, кроме интуиции, еще осталось непонятным? – спросила, улыбаясь, Лаура.

- Сам мир, - ответил Майкл. – Он непонятен и непостижим. Особенно здесь и сейчас, в осенней Вене.

- Поверь мне, Майкл, - сказала Лаура. - Все вокруг, зачастую, объяснимо и просто, как день или ночь, как жизнь, как Вселенная, по крайней мере, как часы Палея.

- Часы Палея? – удивленно спросил Майкл.

- Вильяма Палея, - уточнила Лаура. - Философа. Посмотри на любые часы и сразу поймешь, что они созданы не хаосом природы, случайно, в смешении земли и воды, под ударами молний, а созданы они разумом для осуществления поставленной

им же цели. Если посмотреть на человека, Землю, звезды, Вселенную, так же можно понять, что все это создано с определенной целью. Как, впрочем, незнакомки и осень.

- Для объяснения непонятного мне ближе всего принцип лезвия Оккама, - сказал Майкл. - Чем проще объяснение, тем оно истиннее.

- Уильяма Оккама, - задумчиво повторила девушка, – философа, теолога и монаха-францисканца. Не находишь ли ты, Майкл, что лезвие Оккама именно и подтверждает мои слова? Что может быть еще проще? Поверь мне, ничего невозможно создать, бесконечно перемешивая хаос, даже в течение миллионов лет. Это приводит еще к большему хаосу. При этом, очень часто, а, скорее всего, всегда, очевидное, просто объяснимое и абсолютно не требующее никаких доказательств, именно и оказывается ложным.

Лаура поднесла ладони, как будто бы согревая их, к пламени свечи.

- Посмотри вокруг, Майкл, - продолжила она, - вокруг нас лежит плоская земля, вокруг которой вращаются Луна и Солнце. “Сдержи свою волю и восприми только то, что твой интеллект ясно и определенно осознал”. Четвертая Медитация Декарта. Мой интеллект отчетливо осознает плоский мир до самого горизонта вокруг. Взгляни еще раз. Не так ли, Майкл? Не часто ли очевидность не совпадает с истиной?

Она сделала еще небольшой глоток вина.

- Ты противоречишь сама себе, - возразил Майкл. - Мой интеллект говорит, что земля круглая. Это видно из космоса. Даже из самолета.

- Для того, чтобы это понять, надо подняться над миром. Многие же не в силах оторваться от земли, - сказала Лаура.

- Тогда остается только поверить, - добавил Майкл.

- Поверь мне, Майкл, - улыбнулась Лаура, - даже самая сильная вера, даже все веры собранные со всего света вместе, со всеми их доказательствами, никак не приближают предмет к истине.

- Зачастую...- начал Майкл.

- Майкл, - перебила его Лаура, - сотни вещей вокруг нас вообще не должны существовать в соответствии с философией, наукой, рассуждениями, умозаключениями и теориями, пусть даже не совсем современными, но родившимися не так давно по сравнению с возрастом нашего мира. Что тебе не нравится в часах Палея?

- Только то, - ответил Майкл, - что они подразумевают существование бога.

- Скорее, *Demiourgos*, Создателя, Мастера, - уточнила Лаура. – Демиурга, создающего мир сущего в соответствии с *paradeigma*, парадигмой, сферой вечных идей, как первообразом создаваемого мира. Еще Ламетри, Жюльен Офре де Ламетри, в тысяча семисотых называл человеческое тело искусным часовым механизмом, созданным природой с помощью механизма выживания. Представляешь? Искусный механизм, созданный другим искусным механизмом. А теперь скажи, в чем отличие между демиургом, природой и богом? Ни подменяем ли мы часто эти понятия?

Она улыбнулась.

- И если я начала вспоминать древних, - продолжила Лаура, - то теперь очередь Ксенофана из Колофона, древнегреческого философа и профессионального рапсода, жившего вообще до нашей эры, бродяжничавшего с кифарой до 92-х лет.

- Барда? – переспросил Майкл.

- Нет, именно рапсода, - уточнила Лаура, – читавшего под аккомпанемент кифары свои стихи:

*“Что среди смертных позорным сльвет и клеймится хулою,
То на богов возвести ваш Гомер с Гесиодом дерзнули:
Красть и прелюбы творить, и друг друга обманывать хитро.”*

Майкл рассмеялся, Лаура, взглянув на него, тоже улыбнулась и, повернувшись к заливаемому дождем за окном готическому собору, сказала:

- Наивность создает чудо. Люди до сих пор полагают, что готический стиль со стрелчатými формами возник как подобие форм шатров древних готов, связывающих кроны растущих рядом деревьев. Мы часто не видим причину, потому что она, как и истина, всегда закрыта от нашего взора.

- Как Вена покрывалом дождя? – улыбнулся Майкл.

- Как Северная башня, скрытая крышей собора, - уточнила Лаура и кивнула головой на *Stephansdom*.

- Чудесная башня, - продолжила она,- хоть и недостроенная, ибо ее мастер разорвал пакт с дьяволом, произнеся, не подумав, святое имя.

- И..., - вопросительно продолжил Майкл.

- Был сброшен с башни самим же дьяволом, - добавила Лаура.

- Печально, - сказал Майкл и добавил:

- Обычно все и всегда пытались объяснить для них невозможное продажей души дьяволу.

- Как, например, - приглашающе к продолжению сказала Лаура.

- Как, например, Никколо Паганини, - продолжил Майкл. – Как можно было найти тогда еще более простое объяснение? Он отдал душу, всю свою любовь и жизнь дьяволу в обмен на фантастическую виртуозность.

- Ну что ты, Майкл, - возразила Лаура. – Здесь все, скорее, наоборот. Он отдал всю свою душу, любовь и жизнь скрипке, она же подарила ему виртуозность.

- В чем разница? – спросил Майкл.

- Мне больше по душе в этой легенде скрипка, - ответила Лаура.

- *Il Cannone*, - добавил Майкл. – Как он называл ее, “Пушка”. Скрипка Джузеппе Антонио Гварнери.

Лаура посмотрела на него с удивлением.

- Очень нравится название скрипки, - пояснил Майкл.

- Представляю, - сказала, улыбнувшись, Лаура и добавила:

- Мужчины, обычно не говорят об этом.

- О чем же обычно говорят мужчины? – спросил Майкл. - Мне нравится музыка Паганини.

- О пушках, - улыбнувшись, ответила Лаура.

- И все же я совершенно не согласен с тобой, - возразил Майкл. - Первая красивая женщина, с которой я совершенно не согласен, еще и спорю. Мир - очень сложен, его невозможно объяснить, Его невозможно охватить разумом, чтобы построить логичную картину. И часто, нет, скорее всего, всегда, нет определенных границ между одним и другим понятием, все перетекает друг в друга и изменяется. Философы строили теории объяснения мира, как будто бы строили замки на зыбучем песке...

- Создатель отделил тьму от света, - улыбнулась Лаура. - По крайней мере, у Микеланджело в Сикстинской капелле. Но так и не смог отделить добра от зла.

- Потому что все простое является очень сложным, неся в себе миллионы причин и следствий, которые совершенно невозможно связать в единое целое в нашем запутанном мире. Что же касается часов Палея, я могу предсказать только будущее их секундной стрелки, - улыбнулся Майкл. - Да и то, если увижу сами часы. Мир же настолько непредсказуем и изменчив...

- Это зависит только о точки зрения, - возразила Лаура.

Она поставила локоть своей левой руки на стол, длинный рукав ее платья опал вниз, обнажив узкую кисть руки с маленькими часиками, опустившимися вниз по запястью на свободном усыпанном сверкающими камешками браслете. Маленькая серебряная секундная стрелка маленькими шажками уверенно шла по светлomu циферблату.

- Смотри, Майкл, - сказала Лаура и повернула кисть руки к свету.

Циферблат исчез и только миллионы искорок сверкающих драгоценных камней были на его месте. Уже не было ни цифр, ни стрелок, ни даже худенькой кисти руки, а только блеск раздробленного на цвета отраженного света.

Майкл улыбнулся и откинулся на спинку стула.

- Конечно же, ты не видишь это, - сказала Лаура. – Тем не менее, все было открыто очень давно. И проблема заключается именно в том, что ты, впрочем, вы все, усложняете мир. А он очень прост.

- Я усложняю мир? - переспросил Майкл.

- Именно, - ответила Лаура.

- Оглянись вокруг, - сказал Майкл. – Нас окружает такая неразбериха, каждый день открывает что-то новое, напрочь отвергающее старое...

- Но чаще всего, вносит еще большее непонимание, - добавила Лаура. - Человечество достигло в своих теориях происхождения Вселенной только того, что их

понимает несколько человек, узких специалистов в этой обширной области. Теперь ты можешь предсказать будущее науки, Майкл.

- Каждый крупный специалист будет иметь свою теорию, которую будет понимать только он один? – спросил Майкл.

- Именно, - уточнила Лаура. - Ты же сам говорил о лезвии Оккама. Чем проще объяснение, тем оно истиннее. Возьми другой пример. Основной алхимический манускрипт “Книгу Перемен”, И-Цзин, понять совершенно невозможно, так как невозможно однозначно определить, что там, все-таки, имеется в виду. Его можно только по-разному истолковать. Например, сбор пяти ингредиентов по даосской традиции на пяти священных горах и сублимация их в эликсир на основе Ритуала Четырех Вращающихся Куполов.

Майкл улыбнулся. Он откинулся на спинку стула и, выдержав небольшую паузу, сказал:

- Хорошо, тогда мой последний довод. Хотя, боюсь, он может тебя обидеть.

- Ничего, - сказала Лаура. - Иногда ничего невозможно сказать больше сказанного.

И улыбнулась в ответ.

- Я не верю в Создателя, - сказал Майкл. - И в вечную жизнь.

- Я тоже, - согласилась с ним Лаура. - И все же, все что ждет нас всех в этом мире, как, впрочем, и сам мир вместе с каждой его частицей - это не исчезновение, а метаморфозы. Майкл, пожалуйста, возвращайся с небес на землю. Смотри, как здесь хорошо.

Майкл улыбнулся. Начинался чудесный вечер вдвоем после целого дня одиночества.

- Мы будем пить красное вино, - думал Майкл, - с этой чудесной умной девушкой в этом романтическом городе. Затем поужинаем в чудесном ресторанчике. Именно в ресторанчике. Он должен быть небольшим и уютным. Маленький столик на двоих. Свеча.

Майкл окинул взглядом огромный зал ресторана вокруг.

- И я уже точно никуда не полечу сегодня ночью, - подумал он. - Только завтра или послезавтра.

- Майкл, - перебила его мысли Лаура.- У меня к тебе есть одна просьба. Она небольшая, совершенно для тебя несложная, но я очень хотела бы, что бы ты ее исполнил.

- Да, - откликнулся Майкл. – Какая просьба? Я уже согласен.

- Пожалуйста, не опоздай на свой самолет, - сказала Лаура. - И не увлекайся одновременно таким большим количеством женщин.

Она медленно начала подниматься, смотря на Майкла. Майкл начал привставать, но Лаура остановила его движением руки. Исчезли часики на ее запястье, скрытые рукавом платья. Лаура стояла, худенькая, высокая, прекрасная незнакомка,

еще в круге света свечи и смотрела на Майкла. Затем она наклонилась на прощание голову, улыбнулась и сделала шаг в темноту. И уже не было рядом никого, только стеклянная стена, готический собор и еще и спешащие к домашнему теплу люди в засыпающей после дождя осенней Вене.

Г Л А В А 3

Майкл сидел у иллюминатора, закрыв глаза, и представлял экипаж самолета, объединенный работой и жизнью, сумрак пилотской кабины, светящиеся дисплеи с приборами и миллионами цифр, щелчки переключаемых тумблеров, отрывистые приглушенные команды и линии разноцветных огней за бортом.

Самолет внезапно качнулся, начав движение. Майкл открыл глаза и увидел совершенно рядом лицо девушки, наклонившейся к его иллюминатору, чудесные милые черты лица с немножко удлинённой линией глаз и копной взлохмаченных коротких светло-каштановых волос - замерзшая звездочка в холодном пространстве незнакомых, собранных полетом людей, мадонна Боттичелли, танцующая мелодия *Allregro Con Brio* 25-й "Соль-минор" Моцарта, прозрачная свежесть импрессионистов, поэзия картин Леонардо, всплеск красок стихов Андре Бретона... Она была прекраснее.

Девушка отпрянула от иллюминатора, вжалась в свое кресло и посмотрела на Майкла испуганными глазами.

- Простите, - извиняющимся голосом сказал Майкл.

- Ничего, я привыкла, - сказала девушка. - Тем более, что это повторяется с завидным постоянством. Из моих правил выживания - никогда не разговаривать со случайными прохожими на улице и остерегаться незнакомцев у иллюминаторов, способных напугать людей. Но они совершенно не работают. Впрочем, я их никогда не придерживаюсь.

- Простите, - повторил Майкл. - Я совершенно не хотел никого напугать.

- Только хотелось взглянуть, - извиняющимся голосом сказала девушка. - Взлет над засыпающим миром ночью - такое чудо.

Она вздохнула, смущенно улыбнулась и, взглянув на Майкла, добавила:

- Так удивительно, немножко даже страшно и странно, как будто весь мир, уходя в никуда, пытается поймать твой взгляд...

- Как шествие лис в лесу, когда солнце светит сквозь падающий дождь, - добавил Майкл и улыбнулся.

- Как шествие лис, - тихо откликнулась девушка. - В "Снах" Акиро Куросавы. Такое чудо.

- Еще раз прошу прощения за то, что испугал тебя. Меня зовут Майкл. Никогда еще незнакомки так неожиданно и так близко не приближались ко мне,- сказал Майкл и, снова улыбнувшись, добавил. – В самолете.

- Шейла.- ответила девушка. - Очень рада познакомиться.

Она протянула руку, и Майкл пожал ее узкую ладошку.

Самолет уже мягко катился, удаляясь от огней аэропорта Вены и неся в прихваченном венском воздухе аромат кофе и вальсы Штрауса. Слева, позади, осталась рулежка с необычным именем Bravo, открыв линию фиолетовых огоньков, ведущих к взлетной полосе, короткому пути в небо.

- Мы можем поменяться местами, - предложил Майкл. - У меня планы только на сон.

Шейла благодарно кивнула головой. Майкл поднялся и Шейла, осторожно проскользнув мимо него, увлекая за собой облачко едва ощутимого аромата духов, опустилась в кресло, и, встряхнув копной светло-каштановых волос, схваченных сзади в короткий хвостик, прилипла к иллюминатору с мерцающие за ним разноцветными огоньками ночи. Глядя на невысокую тоненькую девушку, в белых джинсах и темно-синем с высоким воротом свитере, пристально смотрящую в иллюминатор, Майкл подумал:

- Чудесный возраст, когда еще наслаждаешься образами, а не ассоциациями памяти.

Шейла снова повернулась к нему:

- Сколько не пытаюсь, никак не удается поймать образ ночной Вены. Фотографирую, кажется, всю жизнь, но фотография передает что-то совершенно другое, и я никак не пойму, что теряется...

- Это хобби? – спросил Майкл.

- Нет, не совсем, - ответила Шейла. - Хотя и хобби тоже. Я работаю корреспондентом, немножко фотографирую, пишу акварелью. А кто ты, Майкл?

- Пилот *Navu*, - ответил Майкл.

- С утра было какое-то предчувствие, - улыбнулась Шейла. - Теперь понятно, почему я надела свитер именно этого цвета.

Она бросила в иллюминатор быстрый взгляд, повернулась к Майклу и продолжила:

- Бог ты мой, как ты можешь летать каждый день? Я с трудом переживу сегодня. Совершенно не понимаю. Человек по Сартру - авантюра, которая имеет наибольшие шансы закончиться плохо. Ты же летаешь на огромной высоте в кабине истребителя...

- Один, - добавил Майкл.

- Один, - согласилась Шейла. - Ночью, над океаном, и все это непонятно зачем.

Она зябко поежилась, представляя ночь, одиночество и темноту.

- Обычно нам объясняют “зачем” на предполетной подготовке, – уточнил Майкл.

- Хорошо, - согласилась Шейла. – Один, в крошечной темноте, на огромной высоте над океаном, еще и с чьим-то объяснением. Мне это страшно даже представить. Отказ одной маленькой частички в механизме, один неверный шаг и человек переходит из одной тьмы в другую, из которой уже нет возврата.

- Шейла, - перебил ее Майкл. - Ты просто устала. Такая длинная задержка рейса. Мне мое ожидание вылета казалось бесконечным.

- Для меня ожидание всегда кажется бесконечным, - согласилась Шейла. - Ты прав, Майкл. Мне нужно успокоиться. Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза.

- Обычно в такие моменты, - сказала тихо, не открывая глаз, Шейла, - я представляю горную реку, отбурлившую на вершинах и плавно текущую в долине у подножья гор между мириадом полевых цветов, стрекоз, бабочек и колибри.

Она помолчала, и, не открывая глаз, продолжила:

- Летний, жаркий, знойный полдень. Солнце в зените, над самой головой. Ветер затих и все вокруг, воздух, вода и земля прогрето солнцем после прохлады ночи. Воздух наполнен густым ароматом цветов и трав. И все вокруг, наконец, насытилось и замерло неподвижно, звери, птицы, насекомые, деревья, цветы и травы, и больше нет никаких желаний, кроме как ощущать счастье под горячим солнцем. И больше нет ничего желаемого, чего бы ни принес день пришедший, и больше нет ничего невозможного, чего бы ни принес день будущий. Все вокруг замерло, чувствуя прибывающую от солнца и земли силу. И осталось единственное движение - это движение реки. Чудесное состояние за секунду до послеполуденного утомления.

Шейла улыбнулась, открыла глаза и сказала:

- Не работает. Все равно, страшно.

- Попробуй отвлечься от этой мысли, - предложил Майкл.

- Как только это сделать? - спросила, улыбнувшись, Шейла.

- Ты говорила о передаче образа ночи...

Шейла снова улыбнулась.

- Да. Конечно же. Ты сбил меня совершенно с мысли, - сказал она. - Я хотела сказать, как тяжело передать все, что наполняет нашу жизнь этой ночью: мягкое движение среди огоньков рулежных дорожек, прощание с Веной, ожидание звездного неба, чудесную музыку Штрауса, запах кофе... Фотография передает нечто совершенно другое, не столько теряя, сколько смещая акценты... Помнишь Хемингуэя “*A Moveable Fest*”? Ну, хотя бы, Мэг Райян в “Городе ангелов”? “*As I ate the oysters with their strong taste of the sea and their faint metallic taste that the cold white wine washed away, leaving only the sea taste and the succulent texture, and as I drank their cold liquid from each shell and washed it down with the crisp taste of the wine, I lost the empty feeling and began to be happy and to make plans.*”

И Шейла задумчиво повторила: “И когда я ел устрицы с их сильным морским привкусом и еще с каким-то едва уловимым металлическим оттенком, который напрочь смывало холодное белое вино, оставляя только их вкус моря и сочную консистенцию, и когда я пил из каждой их раковины холодную влагу, чередуя ее с освежающим вкусом вина, исчезало мое ощущение опустошенности, я начинал быть счастливым и строил планы.”

- Хемингуэй описывает вкус, - продолжила Шейла, - или, скорее, запах моря, сочность устриц, холодную жидкости в их раковинах, сменяемой свежим вкусом вина, и все это только для того, чтобы описать вкус устриц. Представляешь, сколько необходимо непрерывно сменяющих друг друга ассоциаций, чтобы приблизиться к вкусу? И как тяжело передать это в картине или на фотографии. И еще тяжелее в музыке.

- Потому что у музыки, по сравнению с живописью, только один язык - язык ассоциаций, - сказал Майкл. - Что тебе больше нравится слушать, Шейла?

- Если бы Ума Турман спросила меня, я бы ответила, что я, скорее, человек Элвиса Пресли, чем Битлз, - ответила Шейла.

- Ума? - переспросил Майкл.

- В “Криминальном чтиве”, - уточнила Шейла.

- Да, конечно, - вспомнил Майкл.

- Мне еще очень нравится джаз, - добавила Шейла. - Особенно джазовые женщины. Например, Дайен Кролл и Кэйко Матсуи. Чистый, немножко женский, наполненный ясной мелодией джаз Дайен Кролл и инструментальный мистический джаз Кэйко Матсуи с котом на трубе, сезоном дождей, маской, мистическим танцем, присутствием Луны...

- Я тоже очень люблю джаз, - сказал Майкл. - Мне нравится одна композиция, я слышал ее однажды, но абсолютно не знаю ни ее названия, ни ее исполнителей. Это старая европейская песня 12-13-го века, еще из тех времен, когда совершенно не было ударных инструментов, а ритмика задавалась мелодией. В начале композиции музыканты исполнили ее так, как она могла бы звучать в то время, затем они добавили несколько импровизаций, перепрыгнули пару столетий во времена, когда началось влияние немецкой музыки с ее ударными инструментами, исполнили второй вариант композиции, сымпровизировали еще раз и сделали последний вариант, уже дошедший до нас.

- Никогда ничего подобного не слышала, - сказала Шейла. - Это очень близко к музыке Кэйко. Поразительно, как много музыки вокруг нас. И многое вокруг нас несет в себе свою музыку. Я помню из истории, классические композиторы слушали море или ветер, пытаясь поймать в хаосе звуков новую мелодию.

- Представляешь, как сегодня легко с компьютерами, теорией перестановок, графов и теорией хаоса? - спросил Майкл.

- Рождение из хаоса музыки. Так необычно, - сказала Шейла.

- Как мира, - добавил Майкл.

- Но все же, хорошей музыки становится меньше и меньше, - сказала Шейла. – В Вене же мне ничего не хотелось слушать, ни шума, ни музыки. Там, на средневековых улочках, тишина была более музыкальной, чем что-либо еще.

- Но все же, шум предвосхищает музыку? – спросил Майкл.

- Наверное, ты прав, - ответила Шейла. - Я никогда не задумывалась, шум действительно дает импульс созданию музыки, как случайная фраза написанию новеллы или эссе.

- Давай, попробуем, - предложил Майкл.

- Отлично, - загорелась идеей Шейла. - Я говорю... Что я говорю? Да, например, я говорю - "Серая унылая стена". Это то, что я вижу перед собой в салоне. Стену пилотской кабины. Полный реализм. Что это тебе навевает?

- Твоя стена наполнена музыкой, - сказал Майкл. - Прислушайся. *Pink Floyd* "The Wall". Фантастическая смесь философии и музыки.

- Обычно они все били стены, - добавила Шейла. - Абсолютно все без исключения, и *Pink Floyd* руками на концертах, и *Queen* паровозом в музыкальном клипе. Наверное, от ощущения лабиринта стен в жизни и свободы выбора зачастую только вправо или влево, когда упруешься в тупик. Не находишь ли ты в разбивании стены некий символизм? Разрушать или нет? Постоянный вопрос. Как стена.

- Но после разрушения стены, - уточнил Майкл, - обычно этот же человек, или группа, или кто-либо еще, так я могу дойти до государства, начинали на ее месте строить новую.

- Редко, кто напишет концерт "The Wall", - подтвердила Шейла и задумчиво сказала:

Hey you, with you ear against the wall

Waiting for someone to call out,

Would you touch me?

Hey you, would you help me to carry the stone?

Open your heart, I'm coming home.

Г Л А В А 4

- Вена - чудесный город, - сказал Майкл.

- Чудесный город, - задумчиво откликнулась Шейла. - К сожалению, я ее так и не увидела.

- Пересадочная станция? – спросил Майкл.

- Да, - ответила Шейла. – Почти как у Саймака. Рим - Вена - Нью-Йорк - Лас-Вегас – мой чудесный маршрут.

- И все же... – начал Майкл.

- Я возвращаюсь из Рима, - продолжила Шейла. - Провела неделю в Ватикане и все это время, к сожалению и к счастью, была занята только работой.

Майкл с удивлением посмотрел на Шейлу.

- Пишу статью для Таймса, - пояснила Шейла. – Или, скорее, борюсь со статьей и с собой.

Шейла на секунду замолчала и уточнила:

- Об астрономии и изучении мира.

- Об астрономии и изучении мира в Ватикане? – с улыбкой спросил Майкл.

- Ты ничего не знаешь? – спросила Шейла. - Это как камень, как тяжелая ноша, которую несет церковь со времен инквизиции и трагедии Джордано Бруно. От нее не избавиться и она никогда не исчезнет. Но вместо признания и раскаяния они выбрали не менее трудный путь. Они построили обсерваторию и занялись проблемами планет и звезд.

- Никогда бы не подумал, - удивился Майкл. – Что можно увидеть на этом уровне над океаном? Огромный слой атмосферы с мириадами микрочастиц, рассеивающих свет? Наверное, для них важнее то, что хорошо видна их обсерватория, а не звезды.

- Точнее, две обсерватории, - уточнила Шейла.

Она взглянула в темноту за иллюминатором самолета и добавила:

- Майкл, ты прав. Но они делают ту же ошибку, что и все знаменитые астрономы во всех знаменитых высокогорных обсерваториях. И даже с телескопами в космосе.

- Никогда не догадаюсь какую, - подумав, сказал Майкл.

- Как это лучше объяснить? - задумчиво спросила Шейла. - Ты в это никогда не поверишь.

- Я попробую, - предложил Майкл.

- Хорошо, - согласилась Шейла. – Представь, что Вселенная это женщина. Непредсказуемая, прекрасная, не придерживающаяся никаких законов и логики чудесная женщина в великолепно-красивом, переливающимся блестящими искрами и чудесными оттенками ярких цветов прекрасном наряде. И все они, астрономы, обступили ее со всех сторон со своими телескопами, пытаясь рассмотреть или даже найти закон движения оттенков цвета или же блестящей искорки на ее платье. Но искорка появилась и исчезла и больше, возможно, никогда не появится на этом месте, другая же будет абсолютно другой. И все их телескопы только делают картину ограниченно-маленькой, по которой никак и никогда не понять красоту и поведение Вселенной.

- И вместо телескопов нужно применять нечто противоположное? – уточнил Майкл.

- Они перестали меня понимать в Ватикане именно на этом месте, - ответила Шейла.

- Очень необычная точка зрения, - сказал Майкл.

- Как и у всех телескопов, - улыбнулась Шейла. - Скорее, телескоп – это очень странный инструмент для изучения Вселенной. Нужный инструмент, но не главный.

Майкл улыбнулся ей в ответ.

- Хотя, с другой стороны, - начала Шейла и замолчала.

- Что с другой стороны? – переспросил Майкл.

- С другой стороны, - продолжила Шейла. - Они все время смотрели в телескопы на яркие звезды, вместо ночного вакуума или тьмы, где собственно и создавалась Вселенная.

Майкл откинулся на спинку кресла и сказал:

- И ты предлагаешь...

- Только не улыбайся так, - попросила Шейла. - Я только предлагаю никогда не забывать, что Вселенная это прекрасная и непредсказуемая женщина, живущая тем, чтобы восхищать и удивлять.

- Хорошо, - согласился Майкл. - Уже не улыбаюсь.

Он сделал серьезное лицо и Шейла рассмеялась.

- При этом всем, - продолжила она, - как можно заниматься наукой в мире мистики?

- Шейла, - сказал Майкл. - Но ведь именно мистика и дополняет науку.

- Дополняет? – переспросила Шейла.

- Ну не совсем дополняет, - уточнил Майкл, - сколько заполняет неизвестное и непонятное, куда наука еще не в состоянии дотянуться. Или объяснить. Видишь, я совершенно не писатель.

- Поэтому тебя и интересно слушать, - улыбнулась Шейла.

- Именно наука и определяет и объявляет для нас, что в нашем мире есть, а чего нет, - продолжил Майкл.

- Опираясь иллюзиями и парадоксами? - спросила Шейла. - Никогда не задумывалась об этом. Мир для нас создается наукой. А ты уверен, что ты не писатель?

- С научной точки зрения, совершенно нет, - ответил Майкл.

Шейла улыбнулась.

- Мистика же заглядывает за границы известного и заполняет все необъясненное пространство между объясненными наукою фактами, - продолжил Майкл.

- И самое главное, - добавила Шейла. - Мистика раздвигает границы нашего мира. А астрономия возможна только в Ватикане. Майкл, ты можешь убедить во всем на свете.

- Я говорю совершенно о другой мистике, - уточнил Майкл.

- Я понимаю, - продолжила Шейла. – Жизнь - это общение человека с миром. Общение на всех уровнях и во всех смыслах. И даже на метафизическом, мистическом и трансцендентном. И мы совершенно не должны ограничивать это общение. Иначе мир станет неинтересным. Майкл, и все же, почему ты стоишь на позиции Ватикана?

- Наверное, потому, что очень хотел бы постоять на его земле, - ответил Майкл. - Никогда не был ни в Риме, ни в Ватикане. Да и были все эти преследования и гонения несколько сотен лет назад.

- Несколько сотен? – переспросила Шейла. – В 1962-м указом Канцелярии Ватикана запретили и изъяли из его библиотек книги Пьера Тейяра де Шардена, священника, члена ордена иезуитов, потомка Вольтера и профессора Парижского Католического Университета. Кстати, тоже мистика и тоже, кстати, как и ты, считавшего науку и религию неразрывно связанными и дополняющими друг друга компонентами процесса познания.

- Ты читала его книги? – спросил Майкл.

- Я же говорю, изъяли, - рассмеялась Шейла. – Шучу. Читала только “Божественную среду” и “Феномен человека”.

- О чем они? – спросил Майкл.

- Он, как и ты, говорил о неразрывной связи науки и мистики, - ответила Шейла.

- И все же? – переспросил Майкл.

- О любви, о “точке Омега”, о развитии и совершенствовании человека до момента, когда он сможет говорить с Создателем.

Шейла бросила быстрый взгляд на Майкла и добавила:

- Не советовала бы тебе писать книги.

- Почему? – спросил Майкл.

- Запретят, - ответила Шейла и улыбнулась. - Тем более, ты мечтаешь о поездке в Рим и Ватикан.

- Точка Омега? - заинтересованно спросил Майкл.

- Мир совершенства, - пояснила Шейла. – И его зарождение, по мнению Пьера Тейяра де Шардена, видно уже сейчас в развитии философии, математики, логики, искусства, и даже в любовных тревогах и грезах. Мириады человеческих мыслей объединяются в единую опутывающую землю паутиной мыслящую среду.

- *World Wide Web*, – сказал Майкл. – А ты еще не веришь нам, мистикам.

- Я верю, - согласилась Шейла. - И в Ватикане есть место астрономии.

- Конечно же, - подтвердил Майкл. – Хотя я говорил больше о мистике *Pink Floyd*, Венеции, Рима...

- Я понимаю, - тихо сказала, задумавшись о чем-то своем, Шейла.

- Тебе понравился Рим? – спросил Майкл. - Всегда мечтал увидеть этот город.

- Я, практически, не видела Рима, - ответила Шейла. – Три дня в офисе с утра и до ночи. Только работа, работа, работа...

Наступила пауза.

- И...? – продолжил Майкл.

- ... работа, работа, работа, - сказала задумчиво Шейла и снова замолчала.

Майкл улыбнулся.

- Да, - вернулась к разговору Шейла. - Каждое утро в Риме для меня начиналось с капучино в чудесном маленьком кафе *Greco*. Я приезжала туда на метро и Рим уже просыпался. Испанская Лестница, неподалеку от кафе, ведущая к подножью парящей в небе церкви *Trinità dei Monti* была еще пуста, еще не появились первые туристы, и она была заполнена только цветами в огромных каменных кадках, стоящих на ее ступенях от подножия и до самого верха.

- Я уже знаю, куда поеду в следующий раз, - сказал Майкл.

- Если будешь в Риме, обязательно начни день с этого кафе, - предложила Шейла. - Там сохранилась атмосфера эпохи Возрождения. Я имею в виду не временные рамки, но время, когда рождалось и становилось Искусство. Там любили бывать Вагнер, Гете, Китс, Лист, Байрон, Бизе, Казанова. Да, еще и король Баварии Людвиг Второй. Чудесное уютное кафе, в котором чудесно начинать новый день. Такие разные, зачастую совершенно противоположные люди, собранные вместе Вечным городом в этом маленьком кафе. Чудесное ощущение атмосферы прошлого и уже ожидающего тебя будущего с поднимающимся солнцем над 2700-летним Римом.

- Какие разные люди..., - начал Майкл. - Какие яркие. Особенно король.

- Они называли его Людвиг Безумный, - добавила Шейла. - Король из сказки. Он был покровителем Вагнера, я думаю, они бывали в этом кафе вместе. Пытался построить в горах Баварии точную копию Версаля. Его и называли так за его безумные проекты. Его замок *Нойшванштайн* и является прообразом Диснеевского замка.

- Наверное, он был отличным от других, - предположил Майкл.

- Конечно же, - согласилась Шейла.

- Совершенно необычный человек. И как все для него закончилось? – спросил Майкл.

- Консилиум врачей признал его ненормальным, - ответила Шейла. - Он жил в практически полной изоляции от людей и, в конце концов, утонул в озере, а его лечащий врач был найден мертвым рядом с ним.

- Как печально, - сказал Майкл. - Была ли ты еще где-нибудь в Италии?

- К сожалению, времени не хватило даже на Рим. Я прошла по его улицам только в последний день перед отъездом. “Римские каникулы”, завершение поездки, как завершение “Рима” Феллини, мотоциклисты на большой скорости на улицах Вечного города, - сказала задумчиво Шейла и снова замолчала.

- И..., - сказал Майкл.

- Внезапно начался дождь. Майкл, ты любишь дождь? – спросила Шейла.

- Мне нравится дождь, - ответил Майкл. – Иногда. Наверно, это зависит от места и времени.

- Как и все на свете, - согласилась Шейла.

- Да, но только не в океане. Какое-то ощущение мира, заполненного одной только водой. Но дождь в Риме..., - сказал Майкл.

- Дождь начался совершенно внезапно, невзирая на уверенные солнечные прогнозы синоптиков и мои ожидания, - продолжила Шейла. - Ударил гром и Рим вздрогнул мокрым осенним листом на брусчатой мостовой. Дождь застал меня совершенно врасплах на площади *Piazza del Campidoglio*, и каждая его капелька взрывалась тысячью брызг над чудесным цветком белых ломаных линий, вымощенным Микеланджело. И в самом центре площади, в самом центре дождя, как будто запуталась огромная 12-ти лучевая звезда с конной статуей Марка Аврелия, последнего из “пяти хороших императоров”, правящих Римом, смотревшего на жизнь, как мужчина, человек и гражданин, не останавливающегося ни перед чем в достижении цели - *“все, что противостоит движению, становится путем”* и жившего по принципу *“будь прямым, а не выпрямленным”*.

- И уж, конечно, привыкшего к дождям, - улыбнулся Майкл.

- Представляешь, - продолжила Шейла, - во время Марка Аврелия все было почти таким же, как и сейчас, восходы и закаты, несущие надежды и разочарования, дожди, жара, остающаяся в римских камнях на всю ночь вплоть до самого утра, до нового восхода жаркого римского солнца. Люди радовались и плакали, влюблялись и разочаровывались, встречались и расставались, надеялись на лучшее и ...

- и “Медитации”..., - сказал Майкл.

- *“.. даже небрежность природы имеет свой шарм и очарование”* - продолжила Шейла.

Дождь шел над Римом, и барокко дождя причудливо переплеталось с барокко Вечного города, и в каждой его капельке отражалось заходящее солнце. Дождь перечеркнул весь вечерний Рим, и стена дождя разрезалась только римскими античными колоннами. Дождь стекал по Испанской лестнице, уже совершенно пустой, и *caffee Greco* было полностью заполнено скрывающимися здесь от дождя людьми. Дождь пронизывал Сады Ватикана, заливал Пантеон, 2000-ти летний храм всех богов, последний сохранившийся в мире храм язычников, в котором нашел свое последнее пристанище Рафаэль. И в каждой капельке дождя отражалось заходящее над Собором Святого Петра красное солнце, и его самый высокий в мире купол, созданный гением Микеланджело, уходил в низкие дождевые облака. Дождь обрушился на *Temple of Vesta* - остатки Храма Весталок, и уже не было ни священного огня, ни его хранилищ, и только дождь заливал колонны храма, единственная сохранившаяся здесь стихия, победившая все остальные стихии в эту ночь в Риме.

- Я промокла и чувствовала себя совершенно одинокой на опустевших улицах Рима, - сказала Шейла. - Я вышла на небольшую площадь и остановилась, пытаюсь поймать такси, но это было совершенно невозможно этим дождливым вечером,

мгновенно поменявшим планы тысяч людей. Тогда я повернулась спиной к потоку ветра, несущему дождь над мощенной мостовой, и внезапно оказалась перед церковью *Sant'Andrea della Valle*. Я вошла в нее и пошла по огромному мраморному холлу, и с меня стекали на ее блестящий пол потоки воды. Я совершенно продрогла, а в церкви звучала музыка, и сотня людей была между мной и алтарем. Я искала здесь убежище совершенно так же, как искали его на протяжении сотен лет тысячи людей. Как искал его именно здесь *Cesare Angelotti* в первом акте *La Tosca*. А церковь была наполнена музыкой. Я присела на скамейку одного из последних рядов и прямо передо мной, скорее перед всеми нами, перед сотней собранных здесь красотой, музыкой и римской ночью совершенно незнакомых людей, в огромном полукруглом пространстве церкви, прямо под громадным, расписанным золотом куполом, поддерживаемым белыми статуями и расписанным фресками *Domenichino*, звучала музыка Вивальди. Четыре музыканта казались совершенно маленькими и незначительными перед огромной картиной *Mattia Preti* "Распятие святого Андрея" и горевшими перед нею огромными свечами, но их музыка заполняла пространство, вызывая в памяти все со мной неслучившееся, но пронесшееся вихрем времени в этой церкви. Я улетала этой ночью из Рима, и все казалось совершенно нереальным, и музыканты перед Андреевским распятием на каком-то совершенно нереальном *crux decussate*, кресте, оставшемся с тех времен на картинах и флагах, треск в паузах музыки горящих свеч, сверкающее золото на белом мраморе, и сама средневековая музыка... Я почувствовала себя совершенно счастливой. "*E non ho amato mai tanto la vita*" - "И никогда я не любила так страстно жизнь".

Г Л А В А 5

Шейла замолчала. Дождь снова начинался за бортом самолета, в ночном небе, и его капельки стекали по иллюминатору мимо Майкла и Шейлы, уютно устроившихся на покидающем Вену островке тепла и света.

- Ты часто бываешь в Риме? – спросил Майкл.

- Очень часто, - ответила Шейла. - Но мечтаю попасть на его праздник Двенадцатой ночи.

- Никогда о нем не слышал, - сказал Майкл.

- Потому что ты еще не был в Риме, - уточнила Шейла. - Это 5 января. Существует со времен древнего Рима. Сатурналии, разгул и вакханалии.

- Как заманчиво звучит, - улыбнулся Майкл.

- Ты опоздал, - сказала Шейла. - Сейчас это только карнавал. Костюмы Древнего Рима, персонажи Двенадцатой ночи Шекспира, и вообще, все во всем, что к лицу или кто во что горазд. Музыка, шествия, танцы, Король и Королева Двенадцатой ночи... Да, еще и напиток *Lamb's Wool* в огромных количествах, неопишуемая по вкусу смесь эля, сидра, сахара, пряностей и печеных яблок.

- Ты так интересно рассказываешь, - сказал Майкл, - что вся моя жизнь мне кажется очень скучной.

- Майкл, ищи свою войну и своего врага, - сказала Шейла.

Она бросила быстрый взгляд на Майкла и добавила:

- Прости меня, Майкл. Ты же так и живешь. Так говорил Заратустра.

Шейла извиняюще улыбнулась и посмотрела в иллюминатор. Самолет уже летел над ночным океаном с миллионами огоньков, колышущихся вместе с волнами в прибрежной полосе.

- Как чудесно сказано, - подумал Майкл. - Ищи свою войну и своего врага...

Путешествие для него в Вену началось с огненного шара, в который превратился самолет Расти над дышащей жаром пустыней Мохаве.

Г Л А В А 6

За несколько месяцев до поездки в Европу, Майкл вместе с Расти были направлены на тренировку по программе военной подготовки *Red Flag* на Военную авиабазу Нэллис недалеко от Лас-Вегаса, в 414-ю Военно-тренировочную эскадрилью.

Г Л А В А 7

Закат отгорал. Солнце уходило на другое полушарие, и небо хранило в кусочках своих облаков, в волнуемой ветром памяти, его красный закатный цвет. Авианосец “Джордж Вашингтон” шел в серой Атлантике, неся 5000 человек экипажа и боевую технику, имеющих одну задачу - защитить страну. По военной классификации “Джордж Вашингтон” относился к авианосцам класса *Nimitz*. Военные классификации были созданы людьми, привыкшими доводить все до полной ясности, разделяя все на классы, категории и ранги и доводя каждую из этих единиц до совершенства, до самого момента, когда какое-то понятие, стратегия, боевая единица либо что-то еще из маленьких кирпичиков огромной совершенной военной машины не начинало в своем развитии разрушать отведенные ей рамки, и именно в этот и только в этот момент и создавалась новая категория или же класс, как, например, у авианосцев. В мире существовало только девять подобных авианосцев: *Nimitz, Dwight D. Eisenhower, Carl Vinson, Theodore Roosevelt, Abraham Lincoln, George Washington, John C. Stennis, Harry S. Truman* и *Ronald Reagan*.

Авианосец “Джордж Вашингтон” плыл в Атлантике, огромный серый айсберг, огромная боевая машина высотой в 20-ти этажное здание, 1092 футов длиной - длиннее 3-х футбольных полей, уходящая под воду на 40 футов. Одна из основных целей при его создании, конечно же, кроме целей понятных всем и вся, как боевая нагрузка, количество боевой техники, количество персонала и тому подобное, была развиваемая

скорость. Основной целью любого авианосца является изменение баланса сил в районе конфликта в любой самой удаленной точке нашего небольшого мира. И огромная махина весом, или как говорили моряки, водоизмещением 98 тысяч тонн, несущая более 70-ти самолетов, 5000 человек военного персонала, 2000 тонн бомб, ракет и другого вооружения, благодаря двум ядерным реакторам и четырем паровым турбинам мощностью 280 тысяч лошадиных сил, вращающими четыре винта, развивала скорость 33 узла или 38 миль в час. И целью этого было как можно быстрее прибыть в район конфликта. Поэтому первый вопрос президента, если в мире случался какой-либо конфликт, иными словами, вопрос, который возникал постоянно, был: “Где находятся наши авианосцы?”

Авианосец "Джордж Вашингтон" имел 18 внутренних палуб, на которых размещалось более 70 самолетов, включая истребители-бомбардировщики *F/A-18 Hornet*, истребители *F-14 Tomcat*, самолеты, обеспечивающие защиту против атак подводных лодок *S-3B Viking*; самолеты поддержки *C-2 Greyhound*, летающие командные центры *E-2 Hawkeye*, самолеты электронной борьбы и радиоподавления *EA-6B Prowler* и вертолеты *H-60 Seahawk*, осуществляющие операции поиска и спасения. Стоимость авианосца “Джордж Вашингтон” была более 4.5 миллиардов долларов.

Авианосец возвращался в Норфолк, штат Виржиния, после 6 месяцев пребывания в Персидском заливе с нечастыми заходами в Манаму, коммерческий порт Бахрейна, где располагалась база 5-го флота. Всех ожидали 6 месяцев нормальной человеческой жизни, вместе с женами и детьми, с установленным началом и концом рабочего дня, хотя, все по-разному воспринимали, что такое нормальная человеческая жизнь. На следующий день уже был запланирован отлет всех самолетов с авианосца и их размещение на аэродроме военной базы. Авианосец же, как обычно, должен был прийти и стоять в порту без самолетов с одной лишь группой, обеспечивающих безопасность. На авианосце все уже жили в предвкушении возвращения и встречи с родными, сначала, как обычно, как повторялось из года в год, самолеты должны были пройти строем над встречающими, самолеты Майкла и Расти в строю ромбом, крыло к крылу одиннадцать Хорнетов, затем расхождение в воздухе для посадки и встреча с родными прямо у самолетов на рулежной полосе, волнующий момент как для пилотов, так и для их семей, особенно для детей. Майкл запомнил на всю жизнь, как он встречал отца у его *Фантома*, чудесные моменты, которые остались в памяти навсегда.

Майкл и Расти стояли на палубе и молчали. Закат отгорал, и огромное красное солнце садилось в воду, оставляя на неторопливо шевелящихся океанских волнах брызги лучей. Закончился еще один день, похожий на все остальные. В основном жизнь проходила или на нижних палубах, или в небе. На летной палубе они бывали с Расти только в летные дни или же, иногда, как сегодня, на закате, это уже превращалось в их традицию, неуловимо меняющую рутинное повторение каждого дня. Полеты нарушали привычный распорядок, их нерегулярность, начало то утром, то днем, то ночью, сбивало распорядок, сон был таким же неустановленным, и иногда трудно было сказать что сегодня, вторник или среда, суббота или воскресенье.

Ребята из технического состава играли на палубе в футбол. И все казалось совершенно привычным и даже домашним, если бы не корабли, окружающие авианосец из состава *CSG, Carrier Strike Group*: два ракетных крейсера класса *Ticonderoga* с управляемыми ракетами *Tomahawk*, три крейсера противоракетной

обороны класса *Arleigh Burke*, защищающие авианосец от атак с воздуха, поверхности океана и из-под воды, две ядерные субмарины класса *Los Angeles*, танкер и другие корабли поддержки.

Майкл и Расти смотрели на заходящее солнце и ничего не говорили. Наступила тишина, практически невозможная на авианосце. Не было слышно ни постоянного шума механизмов, ни голосов ребят, играющих в футбол, ни даже плеска океанских волн, ни криков птиц. Наступило фантастическое спокойствие, взгляды всех людей на палубе и башне управления были обращены в сторону садящегося солнца, как будто бы не было на земле более важных событий, ни существовало войн и раздраемых противоречиями государств, ни было абсолютно никаких проблем в семьях, на мгновение исчезло все терзающее душу перед спокойным закатом светила, напомнившим о существовании огромной, непонятной и прекрасной Вселенной, простирающейся до бесконечности вокруг.

Расти, не отводя глаз от опускающегося в океан солнца, сказал:

- Мы похожи на мессенжеров из Города ангелов.

Майкл улыбнулся.

Они всегда были друзьями, они всегда были вместе с самого детства, начиная со школы в Льюистоне, вместе закончили летную академию *Navy*, школу *Top Gun* в Мирамаре, штат Калифорния, и теперь вместе провожали солнце, стоя на летной палубе авианосца.

- Твой отец не скучает по океану? – спросил Расти. – Все-таки вся жизнь на авианосце...

Отец Майкла, военный пилот *Navy*, летал на *F4H-1 Phantom II* и провел всю свою жизнь на авианосце *Forrestal*, от самого начала своей летной карьеры и до того трагически-известного дня на *Yankee Station* возле Вьетнама. *Forrestal* был первым авианосцем, построенным для реактивных истребителей, самым большим в то время. Он был так огромен, что не мог пройти через Панамский канал и, чтобы перейти из Тихого океана в Атлантический, ему приходилось идти вокруг мыса Горн, самой южной точки Южной Америки, находящейся на архипелаге Огненная Земля. *Forrestal* был 1039 футов в длину, высотой в 25-ти этажный дом и имел летную палубу настолько длинную, что транспортный *C-130 Hercules* мог свободно с нее взлетать и садиться. Взлетная и посадочная палубы располагались под углом друг к другу, впрочем, с посадочной палубы тоже можно было взлетать – две катапульты были размещены в середине ее полосы. На *Forrestal* были впервые установлены четыре паровые катапульты вместо обычно применяемых до этого двух гидравлических. Это значительно сократило время между взлетами самолетов, что являлось одним из основных факторов в момент разрешения очередного военного конфликта и повышало жизнеспособность авианосца. Как и для всех авианосцев, одним из его основных параметров была скорость. Имея 260 тысяч лошадиных сил, он мог развивать 33 узла или 38 миль в час, как и современный “Джордж Вашингтон”. *Forrestal* был построен в декабре 1954-го и стоил 188,9 миллиона долларов. Портом его приписки был тот же Норфолк, штат Виржиния, в который возвращались сейчас Майкл и Расти.

Трагическое событие, завершившее пилотскую карьеру отца Майкла, произошло 29 июля 1967 года. *Forrestal* находился на *Yankee Station* – военном квадрате, пятнышке в океане, возле Вьетнама. Совершенно случайно, скорее всего из-за трагической последовательности событий, которые должны были когда-то сложиться в подобную цепь, событий, вызванных как случайным сложением хаотических явлений, так и чрезмерной, скорее моральной усталостью, определенной прессингом войны, была запущена ракета с самолета на летной палубе. Ракета сошла с пилона, и на ее пути оказался другой самолет, на котором бомба, подвешенная перед вылетом, взорвалась. Это вызвало цепь взрывов, и начался пожар, борьба с которым шла несколько дней...

- Он постоянно скучает по океану, - ответил Майкл.

- Наверное, так было всегда, и так будет всегда, - сказал Расти. – Как они плавали и летали тридцать-сорок лет назад на не совсем надежной технике?

- Когда-то и наш авианосец назовут устаревшим. – ответил Майкл. – Время летит очень быстро.

- Я уже слышал об авианосцах нового класса *Gerald R. Ford*. Только немного, - сказал Расти.

- Я читал меморандум *Navu*, - добавил Майкл. - Колоссальная боевая машина, которую тяжело обнаружить радаром, как самолеты, построенные по технологии *stealth F-117* или *F-35*. Ты понимаешь?

- Абсолютно нет, - ответил Расти. - Конечно, специальное покрытие, поглощающее лучи радаров, сложная поверхность, отражающая их лучи во всех направлениях, только не обратно к радарам, система радиоборьбы... Всегда удивлялся этим ребятам с большими головами... Но размеры авианосца...

- Мне тоже трудно представить, как можно спрятать в открытом океане такую машину, - согласился Майкл. - Два ядерных реактора. В три раза больше производимой и потребляемой электроэнергии по сравнению с нами. Электромагнитная катапульта вместо нашей паровой, плавное ускорение при взлете без излишней нагрузки на конструкцию самолетов...

- И пилотов, - добавил Расти.

- И пилотов, - повторил Майкл. - Такая же электромагнитная тормозная система вместо нашей гидравлической для создание специального тормозного профиля, уменьшающего нагрузку при приеме более тяжелых самолетов. На 20% больше взлетов и посадок при уменьшении обслуживающего персонала.

- Они идут к авианосцам подобным беспилотным самолетам, - сказал Расти. - Тяжело было бы жить без полетов и океана.

Солнце коснулось воды, и ребята замолчали, повернувшись к исчезающему солнцу.

- Я очень скучаю на земле по нашим закатам, - сказал Расти. – Но я уже жду завтра, жду новый день, длинный перелет, Нэллис, Лас-Вегас, Джессику и Сюзи.

- Если нам в Нэллисе позволят на денек вырваться в этот город, - уточнил Майкл.

- Я уверен, что позволят, - сказал Расти. - Уж там-то понимают, что нужно пилоту в уик-энд именно в это части Америки.

- Как пару лет назад, - уточнил Майкл и улыбнулся.

- Совершенно точно, - согласился Расти.

- Как ты думаешь, где сейчас Джессика и Сюзанна? – спросил Майкл.

- Они никогда не покинут Лас-Вегас, - уверенно ответил Расти. – По крайней мере, мне кажется, что они созданы только для этого города.

Они немножко помолчали, задумавшись о своем.

- Интересная особенность человека, - сказал Майкл. - Сейчас я хотел бы оказаться дома, но уже через одну-две недели буду стремиться назад к океану.

- Со мной происходит то же самое, - согласился Расти. - Да, наверное, как и со всеми нами. По буддизму - основная цель человека - быть счастливым. Это основное отличие от других религий и философий, быть счастливым прямо сейчас, не ожидая будущего и не возвращаясь мыслями в прошлое. И я стараюсь найти положительные моменты прямо сейчас, не ожидая возвращения на берег.

- Это философия или религия? – спросил Майкл.

- Это и то и другое. Даже тяжело объяснить. Это мировоззрение, - ответил Расти.

- Я все же не могу примириться с его основным тезисом, - сказал, получающий все больший и больший опыт в разговорах на эту тему с Расти, Майкл.

- А именно? – уточнил Расти. – Ты опять иронизируешь?

Майкл улыбнулся:

- Избавься от желаний и избавишься от страданий.

- Это очень упрощенное толкование, - возразил Расти. - И не совсем удачное. Упрощенное толкование учения Бхагавадгиты об отрешенности, как пути к духовной свободе.

Расти помолчал и добавил:

- Самое главное в том, что основной смысл человеческой жизни - счастье.

- Я это понимаю, - согласился Майкл.

- И самое главное, - добавил Расти, - именно сейчас, именно в этот момент времени и именно здесь ты обладаешь абсолютное всем, чтобы быть счастливым.

- С этим очень трудно согласиться или понять, - возразил Майкл, – как, впрочем, и всю восточную философию.

- Например? – уточнил Расти.

- Например, - продолжил Майкл, - познание пути “дао” по Конфуцию и по Лао-цзы являются не только совершенно противоположными, но и отрицающими друг друга.

- Я не вижу здесь ничего совершенно противоположного, - возразил Расти. – Тем более, отрицающего.

- Не видишь? – удивился Майкл. – Конфуцианство требует строгого следования правилам церемониала.

- Церемониала "ли", - уточнил Расти.

- Совершенно верно, - согласился Майкл. – Именно его. Постоянно забываю. Церемониала, базирующегося на жестком самоконтроле человека и обуздании всех его природных начал.

- Обуздании, - повторил Расти. – Какое интересное и точное слово.

- Не отвлекайся, - попросил Майкл. – Не отходи от церемониала.

- “Ли”, - добавил Расти.

- Именно, - согласился Майкл. - Лао-цзы же говорит о следовании естественности и об отказе от всякой целенаправленности и от самоконтроля, нарушающих естественное протекание событий.

- Протекание, - сказал Расти.

- Не начинай, - попросил его Майкл.

- Какое учение ближе тебе самому? – спросил Расти.

- Мир очень сложен, - ответил Майкл. – И очень трудно разделить все только на два цвета.

- Вот видишь, - сказал Расти. – Ты ответил сам себе. Эти два учения, конфуцианство и даосизм, как инь и янь, являясь совершенно противоположными, взаимно дополняют друг друга. Конфуций говорит о пути “дао”, как о человеческом пути, пути каждого человека, обеспечивающем накопление им магической силы “дэ”, иными словами, достоинства и добродетели. Основными качествами такого человека становятся “жэнь” - гуманность, “и” - справедливость, “чжи” - знание и “ли” - ритуал. Лао-цзы же в даосизме говорит о пути “дао” как о пути Вселенной, о естественном всемирном потоке событий, начавшимся с рождающей пустоты. “Дао” рождает частицу, одно. Одно рождает два, инь и янь. Два рождает три, триаду “небо-человек-земля”. Триада создает остальной мир.

Расти помолчал, глядя на заходящее солнце, и добавил:

- Конечно же “дао” это более широкое понятие. “Дао” с китайского - это бог, слово, логос, путь, вечно единый, но многоликий, неизменный, но все вокруг изменяющий, неподвижный, но непрерывно движущийся, непреходящий, но переходящий из века в век; неосязаемый, неслышимый и невидимый, недоступный для понимания, но совершенный. У древних греков все состояло из атомов, бесконечно малого, в даосизме же все состоит из дао, бесконечно большого.

- Между ними и лежит весь спектр философии, - добавил Майкл.

- Между ними и лежит весь спектр, - согласился Расти.

- Как необычно, - сказал Майкл. – Дай мне все же подумать. Вы вынашивали этот тезис тысячелетиями, а я получил его только сейчас. Очень красиво, но, все-же, что-то здесь не совсем верно.

- И буддийской дракон..., - начал Расти.

- Пожалуйста, убери дракона с самолета, - прервал его Майкл.

- Никогда, - возразил Расти. – Дракон есть старинный символ наивысшей духовной сущности, олицетворяющий мудрость, силу и божественную энергию преобразований.

- Только преобразования идут не в том направлении, как хотелось бы, с момента появления на твоём самолете дракона, - уточнил Майкл. - Давай сыграем в “камень-ножницы-бумагу”, если я выиграю, ты уберешь дракона.

- Майкл, ты никогда не станешь серьезным, - сказал Расти.

- Никогда, - подтвердил Майкл. – Как будто бы существует какая-то граница на планете, абсолютно невидимая, но реальнее всех остальных, делящая мир на Восток и Запад.

Он показал на лежащий на палубе между ними стебелек водоросли, занесенный на авианосец неизвестно каким ветром.

- Это деление, - уточнил Расти, - не есть понятие границы или разделяющей линии на нашей планете. Точнее, ты прав, это есть линия, но проходит она не по планете, а между людьми.

- Еще лучше, - сказал Майкл. – Чувствую, как наша дружба становится крепче и крепче.

- Это линия выдумана, виртуальна, - добавил, улыбнувшись, Расти. – Но ее не просто перешагнуть. Западу нужен лидер, вселенское сверхсущество, которое бы вело людей за собой к цели абсолютно не понимаемой, поэтому трактуемой каждым для себя по-разному, что часто приводит к разочарованию.

- Если бы люди были разочарованы, - возразил Майкл, - они бы ни за кем не шли. И убедить их в существовании ожидаемых чудес было бы совершенно невозможно.

- Наоборот, - сказал Расти. – Как сказал один из иллюзионистов, фокусы делать очень просто.

- Просто? – переспросил Майкл.

- Абсолютно, - уточнил Расти. – Аудитория приходит с желанием быть обманутой и получить удовольствие от шоу.

- Восток же..., – продолжил Майкл.

- Восток же есть путь к самому себе, - добавил Расти. – И здесь нет необходимости ни в каком сверхсущество.

- Только в наставнике, - улыбаясь, уточнил Майкл, - или учителе.

- По буддизму не надо полагаться на учителя, а только на учение, - возразил Расти.

- Учение создается людьми, - снова уточнил Майкл.

- Учение только объясняется людьми, - возразил Расти, – но существует независимо. Различие же, скорее, не в сверхсуществовании, а в том, что нельзя провести границу между всем и вся, отделив свет от тьмы. Даже темнота дает миллионы оттенков каждому цвету, миллионы оттенков нашему миру. Оставляя только разумное и отвергая все непонятное, иррациональное, можно сделать мир беднее, тусклее и, хуже всего, лишить его всей его гармонии.

- Ты любишь мрак? – спросил, улыбаясь, Майкл.

- Даже звезды рождаются в темноте, - ответил Расти. - А каждый человек рожден, чтобы стать Буддой. Будда и означает пробуждение. Пробуждение разума. Было сотни пробудившихся Буд до него и будет миллионы после.

Расти посмотрел на заходящее солнце.

- Например, Амигхоса – Будда заходящего солнца, - сказал он. – Один из пяти Адибуdd иди Бодхисаттв.

- Как ты запоминаешь имена? – спросил Майкл.

- Властитель Сукхавати, Земли блаженства- добавил Расти и улыбнулся.

- Одна из первых медитаций, - продолжил он, – медитация заходящего солнца. Солнце должно остаться в памяти, открыты твои глаза или закрыты. Далее надо создать восприятие воды, этот образ тоже должен остаться в памяти чистым и неизменным. Затем надо создать в памяти сверкающий и прозрачный образ льда и вообразить появление кристалла, сверкающе прозрачным изнутри и снаружи. И цепь этих образов должна не позволить твоим мыслям отвлечь тебя, чтобы потеряться в себе и своих переживаниях.

- По-моему, говоря об отрешенности, как пути к духовной свободе, - сказал Майкл, - вы во всех своих медитациях отрешаетесь от мира, чтобы избавиться от всех мешающих факторов, до полного отключения разума и собственного Я, как будто бы вы стараетесь что-то вспомнить, записанное тысячелетиями становления человечества.

- Я никогда не думал об этом, - сказал Расти. – Очень многое сразу очень трудно понять.

- Тебе все нравится в буддизме? – спросил Майкл.

- Конечно же нет, - ответил Расти. – В буддизме мне нравится путь, которым они идут. То же, что они открывают на этом пути, я нахожу не всегда разумным.

- Например, - сказал Майкл.

- Например, - продолжил Расти, - знания дают только иллюзию понимания мира, нереальное его постижение. Или же, иными словами, можно лезть по отвесной скале, но если ты и достигнешь вершины, то что соберешь в пути, кроме стремления быть наверху?

- Вот видишь, Расти, - сказал Майкл, – западная же философия объясняет мир и место в нем человека.

- По Монтеню, - возразил Расти, - в начале всяческой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, ее концом - незнание.

- Все, - улыбаясь, сказал Майкл, – становлюсь на тропу буддизма.

- На путь, - поправил его Расти.

- На путь, - согласился Майкл. – Ты абсолютно прав. Подвинься, я перехожу на твою сторону разделяющей Восток и Запад линии.

И он перешагнул маленький кусочек водоросли, лежащий между ними на палубе авианосца.

- Ты абсолютно прав, - продолжил Майкл. - Знания дают только иллюзию понимания, ибо они не абсолютны, и, обязательно, что-то новое опрокинет одну из старых теорий и поставит всех нас в тупик.

- Возвращайся назад, - сказал Расти. – Ты все-таки принадлежишь Западу.

- Никогда, - возразил Майкл. - Ты мне еще должен рассказать о нирване.

- Хорошо, - согласился Расти. – Представь, внутри каждого человека живет мужчина и женщина, и когда они встречаются, человек становишься по-настоящему цельным и ему не нужен никто иной. Мужчине, например, не нужна женщина. Это освобождение от желаний и есть нирвана.

- Побойся Будду, - сказал, улыбаясь, Майкл. – Мы завтра летим в Лас-Вегас.

И он сбросил в океан стебелек водоросли, занесенный на летную палубу неизвестно каким ветром.

Солнце скрылось за океаном, но небо еще оставалось светлым, неся в себе цвета заката. Океан был совершенно неподвижным. День завершился, и небо тихонечко начало темнеть, ночь опускалась с неба вниз к океану, в котором, наконец, начали зажигаться звезды.

Г Л А В А 8

Ранним утром, когда Атлантический океан еще дышал холодом после отступившей ночи и еще казался совершенно темным, пряча свою голубизну для ожидаемого дня, Майкл и Расти, уже в летных комбинезонах, стояли на том же, как и вчера, месте, наблюдая как их самолеты медленно поднимали лифтами с ангарной палубы на летную.

Летная палуба лежала перед ними и состояла из двух полос, носовой секции *fore section* для взлета и кормовой секции *aft section* для посадки. Взлетная полоса размещалась под углом 9.5 градусов к посадочной. Этот дизайн был введен англичанами в ранних 1950-х и имел колоссальное преимущество по сравнению с

устаревшим дизайном авианосцев с единственной полосой, проходящей вдоль оси корабля. Если самолет на посадке не цеплял амортизирующие троса крюком, он мог сразу же взлететь без риска врезаться в самолет, ожидающий взлета. Кроме этого, поврежденный при посадке самолет, не блокировал путь взлетающим самолетам, более того, самолеты одновременно могли совершать взлеты и посадки с двух полос.

Авианосец уже развернулся и шел против ветра, развивая обычные в полетные дни 20 узлов для того, чтобы облегчить взлет. Утро было прохладное, океанский бриз окончательно прогнал остатки сна и очистил небо, но с Атлантики уже шли тяжелые, темные, пробиваемые время от времени молниями, тучи. Расти сказал, глядя в океан, у горизонта которого уже поднималась буря:

*“Вспышка молнии в ночной пустоте
- Дорога к Бодхисаттвы жизненному пути”.*

Майкл посмотрел, ничего не говоря, на Расти и перевел взгляд на поднимающиеся с нижнего дека истребители.

- Даже не думай от том, чтобы это сказать, - попросил Расти.

- Убери с самолета дракона, - все же сказал Майкл.

На одном из самолетов возле имени Расти был нарисован небольшой разноцветный буддийский дракон.

- Такое чудесное утро, а ты снова о старом. Прекрати, наконец, быть пессимистом, - попросил Расти. - Мы все в руках судьбы.

- Эта рука судьбы выбрасывала Расти из самолета катапультной три раза в течении последних трех лет, - подумал Майкл.

Ребята в синих куртках, надетых поверх защитного цвета комбинезонов, окружили самолеты.

- Даже не верится, я не привыкну к этому, наверное, никогда, - сказал Расти, - сейчас вокруг нас океан, но уже через несколько часов будет пустыня.

- Лас-Вегас, - поправил его Майкл. - Кто же все-таки пессимист? Время вылетать.

Г Л А В А 9

Майкл сидел, уже готовый к вылету, в кабине истребителя. Вокруг самолета техники в разноцветных куртках находились, казалось, в каком-то беспорядочном, не подчиненном никакой логике движении. Однако, в этом круговороте людей и самолетов, все-таки не было ничего лишнего. Все было предопределено и предписано заранее, и в кажущейся суматохе прослеживалась определенная, введенная и отработанная годами закономерность, ибо взлетная палуба авианосца являлась одним из опаснейших мест в мире. Распорядок здесь регламентировался цветом курток техников. Молодые ребята и девушки в желтых куртках, *aircraft directors*, управляли

всеми перемещениями самолетов на палубе, в синих куртках, *plane handlers*, перемещали самолеты на палубе и между палубами. Ребята в зеленых куртках управляли катапультами и системами торможения на посадке. В красных куртках были спасатели, *crash and rescue personal*, которые также перевозили и подвешивали вооружение к самолетам. В лиловые куртки были одеты заправщики самолетов, а в белые - офицеры, отвечающие за безопасность, *safety officers*, в функции которых также входило управление посадкой самолетов с кромки посадочной полосы.

Два парня в защитных комбинезонах и зеленых куртках подошли к самолету Майкла, готовясь присоединить переднюю стойку шасси к шаттлу, подвижной части паровой катапульти с двумя поршнями под палубой. Катапульта, приводимая в движение давлением в 450 фунтов на квадратный дюйм, разгоняла самолет на взлете. Но одной только катапульти было недостаточно, авианосцу приходилось идти со скоростью 20 узлов против ветра. Позади самолета, в зоне невидимой для Майкла, поднялся щит для отражения реактивной струи. Майкл видел только двух “стрелков”, двух ребят, как будто только вышедших вчера из школы, в защитных комбинезонах и желтых куртках с надписью *Shooter* на спине. Один из них стоял рядом с самолетом, второй находился в бронекабине, поднимающейся на пару футов над палубой. Одной из основных задач “стрелка” в бронекабине было управление клапаном, задающим расход пара, подаваемого под поршни катапульти в зависимости от веса взлетающего самолета. Ошибка на этом этапе могла привести либо к отправке самолета прямо в океан, если установленный расход пара был недостаточен для разгона самолета до взлетной скорости, либо к повреждению передней стойки самолета, если расход пара был превышен. *Shooter*, стоящий слева от самолета, подал знак *Hook*, резко распрямив в локте правую руку и указав ею на переднюю стойку. По этой команде, два парня в зеленых куртках подсоединили переднюю стойку самолета к шаттлу катапульти и выскочили из-под самолета, оставив его в руках *shooter'a*. Майкл еще раз прошел глазами по приборам и доложил о готовности к взлету. *Shooter* в бронекабине, проговаривал вслух установленный порядок команд, делая необходимые проверки и нажимая кнопки:

- *Continental wind across.*

- *Combat.*

- *Salute.*

- *Light windscross.*

- *Watch track.*

Shooter возле самолета сделал над головой вращательное движение кистью правой руки, выставив вверх указательный и средний палец. Майкл отсалютовал ему левой рукой о готовности к взлету. *Shooter*, посмотрев перед самолетом и позади него и, удостоверившись, что полоса пуста, а техники в зеленых куртках, управляющие катапульти, держат отставленные правые руки, подняв вверх большие пальцы, сигнал “все в норме”, присел на колени и резко выставил влево руку.

- *Fire*, – сказал *shooter* в бронекабине и нажал кнопку, запускающую катапульти.

Сила разгона плавно вдавила Майкла в кресло, слева прошел ряд выставленных перед взлетом домой самолетов. Майкл плавно потянул ручку управления на себя, и теперь его ждало только небо, тренировки на авиабазе Нэллис, Лас-Вегас и Джессика.

Г Л А В А 10

Майкл познакомился с Джессикой два года назад, когда проводил отпуск вместе с Расти в Гранд-Каньоне. Точнее, это произошло в *Grand Canyon Phantom Ranch*, в небольшом отеле внизу у подножья стен Гранд Канона, которым заканчивался самый популярный здесь туристический маршрут *Bright Angel Trail*.

После нескольких дней путешествия Майкл и Расти, счастливые и усталые, в горячий полдень вышли, наконец, к отелю, где их ждали две небольшие чудесные комнаты, особо желанные после походной жизни путешествия, о котором они несколько лет мечтали и которое должно было заставить их забыть обо всем земном, хотя они и проговорили все время о полетах, авианосце и океане.

Первый вечер в отеле начался со спора. Спор не носил никаких особенностей раздора, непримирения или же противостояния. Майкл и Расти ударили о заклад. Но и что еще могло быть здесь иным, неподалеку от Лас-Вегаса? Все началось с высказывания Майкла о мужской дружбе и женской любви. В сравнении этих двух категорий Майкл отводил большее значение первой и отмечал большое влияние на его жизнь их путешествия с Расти в Гранд-Каньон. Расти сразу же сделал ставку на то, что Майкл все же, впрочем, как и всегда, очень скоро и очень близко познакомится с женщиной и ему снова будет не до друга. Майкл возразил. Расти предложил поспорить на бутылку Курвуазье.

- Хорошо, - согласился Майкл. - Но если я выиграю, ты уберешь со своего самолета дракона.

- Это будет нечестно, - возразил Расти.

- Почему? – спросил Майкл. - Я же тоже должен что-то выиграть.

- Нечестно, потому что ради дракона ты вообще откажешься от женщин, пока тебе не стукнет шестьдесят четыре, - ответил Расти. – А выиграешь ты мужскую дружбу.

- Почему именно шестьдесят четыре? – уточнил Майкл.

*Doing the garden, digging the weeds
Who could ask for more?
Will you still need me, will you still feed me
When I'm sixty-four?*

- ответил Расти.

- Хорошо, - согласился Майкл.

И они скрепили спор рукопожатием.

- Подожди меня в ресторане, вместе поужинаем, - предложил Расти. – Я должен сделать один звонок.

- Только не говори, что девушке, - улыбнулся Майкл.- Это будет нечестный выигрыш.

- Никогда, - ответил Расти. – Особенно после такого спора.

Майкл спустился в лобби и зашел в бар отеля. Половину бара занимала большая компания ребят и девушек с выгоревшими волосами, загорелыми лицами и со светящимися глазами людей, вернувшихся после нескольких дней блужданий к цивилизации. Вечеринка подходила к своему зениту, ребята уже смеялись каждой фразе и были счастливы. Неподалеку от них за столиком у окна сидела девушка с бокалом *Космополитена*, вероятнее всего кого-то ожидавшая. Майкл вошел в бар, девушка бросила взгляд на открывшуюся дверь и их глаза встретились. Девушка едва заметно улыбнулась, как будто извиняясь, одними краешками губ.

- Речь идет не просто о бутылке Курвуазье, - подумал Майкл. – Спор заключается о взаимоотношении философских понятий мужской дружбы и женской любви.

Он прошел к стойке бара и сел спиной к незнакомке.

- Привет. Как дела? – спросил пожилой бармен.

- Отлично, - ответил Майкл. - Но только с философской точки зрения.

Майкл на секунду повернулся и бросил быстрый взгляд на девушку. Незнакомка медленно поворачивала свой бокал, осторожно дотрагиваясь кончиками пальцев до его высокой ножки, и задумчиво смотрела перед собой.

- Это и есть место встречи философов в радиусе ста миль, - сказал бармен и тихо добавил:

– Ее зовут Джессика, и она ждет подругу, которая должна была приехать вчера вечером.

- Пожалуйста, джин и тоник, - попросил Майкл.

Майкл получил свой джин и тоник с кусочком зеленого лимона и сделал большой глоток.

- Как индейцы обходились без этого напитка при их долгих путешествиях? – спросил бармена Майкл. - Они должны до конца дней благодарить Колумба.

- Странная цивилизация, так и не открывшая спиртного, - согласился бармен.

- Во всех смыслах, - уточнил Майкл.

- Именно, - подтвердил бармен, открывая новую бутылку джина.

Бармен перевел взгляд в глубину бара, и улыбка сошла с его лица. Майкл насторожился. Бармен смотрел, не отрываясь, куда-то за спину Майкла.

- Всегда одно и то же, - сказал сам себе бармен.

Майкл повернулся, держа бокал с джином и тоником в правой руке. Два парня настойчиво приглашали Джессику танцевать, один из них тянул ее за руку. Джессика отрицательно качала головой и пыталась освободиться.

- По крайней мере, куплю две бутылки коньяка, одну для Расти, другую - нам с Джессикой, - подумал Майкл.

- Джессика, - позвал он. - Никак не могу тебя найти. Где ты исчезла?

Майкл поднял приветственно руку с бокалом. Джессика посмотрела на него с благодарностью, поднялась, вырвала руку и пошла по направлению к нему. Она уже подходила к стойке бара, когда один из парней неожиданно сказал Майклу:

- Ты делаешь большую ошибку. Лучше уходи.

И два парня, взглянув ободряюще друг на друга, уверенно направились к Майклу. Один из них захватил по пути с бильярдного стола кий.

Майкл поднялся и почувствовал, как это всегда бывало в воздушных боях, что ненависть наполняет его, ему уже было все равно, сколько их на его пути, сколько их вообще в этом баре и на всей земле. Он понял, что убьет этих двоих прямо здесь и сейчас голыми руками. Их глаза встретились и парни остановились. Один из них опустил кий, в их глазах уже жил страх. Подбежавшие две девчухи из компании потянули их назад. Майкл почувствовал, что стоящая позади него Джессика держит руки на его плечах и тихонько дрожит. Майкл осторожно повернулся и сел на высокий стул за стойку бара.

- Спасибо и извините, - сказал бармен. – Бренди. За счет заведения.

- *Джек Дэниэлс* на лед, - попросил Майкл.

Он повернулся к стоящей рядом Джессике и спросил:

- Два?

Девушка присела на высокий стул рядом с Майклом и ответила:

- Для меня это очень крепко.

- Что тебе, Джессика? – спросил бармен.

- *Манхэттен*, пожалуйста, - попросила Джессика.

- Тогда два *Джека* для меня, - сказал Майкл. – Если Джессика не передумает.

- Спасибо, - сказала Джессика. – Ненавижу конфликты.

- И танцы, - добавил Майкл.

- Лучше не напоминай, - попросила Джессика.

- *Cheers*, - сказал Майкл, поднял широкий невысокий стакан и сделал большой глоток.

- Спасибо за бренди, - сказал подошедший сзади Расти, беря второй стакан с *Джек Дэниэлсом*.

Он сел за стойку, сделал глоток и, внимательно посмотрев на взъерошенных Майкла и Джессику, спросил:

- Я что-то пропустил?

- Самое главное, ты вовремя, чтобы не пропустить *Джеск*, - ответил Майкл.

- Меня зовут Джессика, - представилась Джессика и протянула руку Расти. – Майкла, мне кажется, я знаю уже всю жизнь.

- Джессика! – закричала со входа высокая девушка. – Ты еще здесь. Извини за опоздание.

- Сюзи, - взволнованно сказала Джессика и обернулась к двери.

- Пожалуйста, еще один *Манхэттен*, - заказал Майкл. – Сюзи, пробирайся к нам.

- Будем веселиться и танцевать, - сказала подошедшая Сюзи.

- О-о-о, - шуточно простонала Джессика, положив ладонь себе на лоб. – Все начинается снова.

- Тогда еще два *Джека* и два *Манхэттена*, - заказал Майкл. – Только пропустим промежуточную часть истории.

- Истории? – хором переспросили Расти и Сюзи.

- Ребята, я приглашаю всех вас на пикник, - прервала их Джессика. - Мне значительно лучше на воздухе, чем в баре.

Г Л А В А 1 1

Майкл услышал: “83-й в воздухе”, это был позывной Расти, что означало что взлет с авианосца прошел нормально и скоро они снова будут вдвоем в целом небе. Управление *F-18*-м приносило удовольствие. Истребители Майкла и Расти были оснащены системой *fly-by-wire*. Ручка управления не была связана с управляющими аэродинамическими поверхностями самолета, как, например, с элеронами, рулями направления, стабилизаторами или закрылками, а соединялась через датчики непосредственно с компьютером и в каждый момент, когда Майкл отклонял ручку управления, компьютер выбирал, какими рулевыми поверхностями и с какой интенсивностью управлять, чтобы обеспечить наиболее оптимальный для сложившихся аэродинамических условий маневр самолета. Применение подобной системы также устраняло и опасные режимы полета, которые могли быть созданы пилотом, как например, автоколебания вдоль продольной или поперечной оси, обусловленные недостаточной стабильностью самолета.

Стабильность и управляемость самолета были Сциллой и Харибдой, между которыми приходилось выбирать путь конструктору. Чем более самолет был управляем, что являлось необходимым условием для каждого истребителя, тем менее он был устойчив, и *visa versa*. Применение системы *fly-by-wire* помогало легче найти

компромисс между этими двумя противоречивыми требованиями. В самолетах нового поколения системы *fly-by-wire* позволяли управлять практически нестабильными, а поэтому имеющими высокие показатели маневренности самолетами.

На всем протяжении полета не было ни одного облачка, и вся Америка была идеально видна от востока до самого запада, от прохладного Атлантического океана до жаркой пустыни Мохаве. Первой позади исчезла прибрежная полоса, и открылось совершенно зеленое пространство с квадратами полей и небольшими домиками, расположенными в основном вдоль полосок дорог и рек, иногда собиравшимися в небольшие городки, а иногда совершенно исчезающими среди полей с фантастическими на них фермерскими машинами. Затем на смену маленьким городкам пришла пустыня, потихоньку, маленькими шагами, от одного высохшего поля к другому, пока не превратила все оттенки цвета в желтые и коричневые. Редкие зеленые поля стали круглыми, наверное, из-за системы орошения, конструкций с тысячами водяных сопел, двигающихся вокруг центра с источником воды, и далее начались Скалистые горы, 80-ти миллионлетние горы, уходящие влево и вправо до самого горизонта гребни скал с узенькими полосками снега на вершинах. От самого подножия и до высоты 4000-6000 футов горы были укрыты обычными сосновыми лесами. Затем начинались владения орегонской сосны, забирающейся на 8000-11000 футов и сменяемой здесь осиновыми лесами с совершенно золотой осенью листвой, что являлось особенностью высокогорных лесов Скалистых гор. А далее на высоте 11000-13000-ти тысяч футов начинались альпийские луга. Майкл лежал однажды в траве на альпийском луге, было очень холодно и небо было темно-синим из-за близости космоса, а звезды и луговые цветы были совершенно друг с другом рядом.

Утро совершенно изменило горы, сделав их пики невероятно острыми из-за контрастных длинных теней, созданных восходящим солнцем. И горы, держа в ладонях тонкие длинные полоски снега на своих вершинах, обрывались в никуда, в невероятно черную пропасть теней. Темно-фиолетовый цвет на этой высоте неба создавал на их склонах фантастические оттенки, контрастно оттеняющие слившуюся воедино зелень деревьев на пестрых склонах гор. Затерявшееся далеко внизу между горных склонов грозное облако било молниями вниз в лощину и в стороны - в склоны гор, освещая их всполохами света но, не смотря на это, казалось совершенно незначительным и даже ничтожным в этом молчаливом великолепии.

Солнце поднималось выше и выше, тени становились короче и короче и солнце, наконец, поднявшись в высоту, достигло горных низин, растворив в своих лучах грозное облако, обхватив его теплым объятием.

Скалистые горы внезапно начались и так же внезапно закончились. Майкл и Расти летели уже над Аризоной, покрытой в основном, на 70 процентов, пустыней, штатом с 300 солнечными днями в году. Точнее, закончилась череда гор, и внизу проплывали одинокие вершины, уникальные места, называемые *Sky Islands*. Пустыня вокруг них препятствовала миграции животных с гор или же обратно в горы, и в результате в уникальном потерянном мире жили животные, которых не существовало нигде на свете. Пустыня же была совершенно пустынной с редкими зелеными островками кактусов и *Joshua tree*, названного мормонами, ассоциирующими его ветки с поднятыми в небо руками библейского Джошуа.

- Майкл, - сказал Расти. – Гранд-Каньон.

Внизу лежал величественный Гранд-Каньон, созданный в течении 6 миллионов лет рекой Колорадо, неустанно прорезавшей и прорезавшей одноименное плато. Гранд-Каньон, величественное формирование, созданное из скал, отвесных каменных стен известняка, песчаника, сланца, осколков камней и каменных башен, казалось, светился разноцветно-пестрыми тонами и оттенками, подобно живому цветущему пламени. Два миллиарда лет истории были записаны на его стенах фантастическим смешением красок желтого, янтарного, розового, оранжевого, малинового, пурпурного, красного и белого цвета с внезапными белыми полосами, перерезывающими теплые оранжево-красные тона по горизонтали, фантастические включения, пласты, доставшиеся из того времени, когда формировалась Земля, меняющие цвет в течении дня и совершенно фантастические на закате и ночью в лунном свете. Остроконечные каменные башни, построенные стихиями воды и ветра, уходили к горизонту, к отвесным каменным стенам каньона.

... Майкл и Джессика лежали, держась за руки, на огромном брошенном на траву ярком пледе в узкой лощине между высоких гор каньона и смотрели в небо. Начиналось утро, и первыми из темноты в лучах восходящего солнца появились стертые ночью вершины гор. Они плыли в ночном небе среди угасающего сонма звезд и утренних облаков, пытаясь дотянуться до самой земли, до уползающей в горные ущелья ночи.

- Звездное ночное небо – как Покрывало Майи, - сказала Джессика. – К счастью, утро несет в себе неожиданное и удивительное после ночи сонных грез. Как быстро летит время и как быстро меняются горы. Каждое мгновение они такие разные.

- Как быстро меняемся мы, - добавил Майкл.

- Как быстро..., - тихо откликнулась Джессика. - Еще вчера утром я не ожидала, даже не думала, что у меня будет такой хороший день, и ты войдешь вместе с ним в мою жизнь.

Майкл улыбнулся.

- Только не зазнавайся, - сказала Джессика. – Еще вчера днем я не думала, что у меня будет такая чудесная ночь и такое красивое утро.

- Ты любишь встречать солнце? – спросил Майкл.

- Я очень люблю утро, - ответила Джессика. – Особенно в Лас-Вегасе. Ты никогда не бывал на Стрипе в шесть часов утра?

- Я даже не представлял, что в это время существует Лас-Вегас, - улыбнулся Майкл.

- Попробуй однажды проснуться, - сказала Джессика. – Каждое утро в шесть я бегу. Вернее, мы бежим все вместе, танцовщицы, певицы, охранники, телохранители, все, все, все, тоненькие девушки и огромные парни. Я бегу от Белажио к Сфинксу и назад, первая остановка у фонтана Треви, чтобы плеснуть в лицо воды у Дворца Цезаря и бежать, бежать, бежать до самой Стратосферы и снова назад к фонтанам Венеции. Я бегу, чувствуя горячее дыхание пустыни. В этом городе надо быть постоянно в форме,

чтобы сохранить себя для него и его для себя. Наверное, я не смогла бы жить больше нигде. Не смотря на бесконечную вокруг пустыню.

Она на секунду замолчала и сказала:

- В детстве пустыня казалась мне бесконечно огромной, пытающейся захватить весь остальной мир. Я представляла ее, как живое существо, которое растет во все стороны, питаясь пляжами вдоль озер, морей, океанов и рек, поднимается вверх под облака по скалам и горам, съедая их снег, опускается вниз по трещинам, кавернам и пещерам, выпивая их воду. Тебе нравится пустыня, Майкл?

- Мне нравится пустыня, мне нравятся горы и мне нравится океан, - ответил Майкл. – Особенно океан. И обязательно вечером, когда исчезают проблемы дня. Когда идешь по воде, по его твердому песку, и океан выбрасывает к твоим ногам маленьких крабов, бегущих назад за уходящей волной.

- Я поняла, Майкл, - сказала Джессика. – Счастье, это когда никуда не надо бежать, когда живешь чудом настоящего и не стремишься ни в прошлое, ни в будущее. Как сейчас, как иногда в детстве...

- Джессика, где прошло твое детство? – спросил Майкл.

- Я выросла в Седоне, - ответила Джессика, - небольшом городке неподалеку отсюда, у Кафедральной скалы, возле ручья Дубов, места рождения первого мужчины и первой женщины у индейцев.

- Как был прост мир у цивилизации Майя, - задумчиво сказал Майкл.

- Как был их мир прост, - задумчиво повторила Джессика. – Они даже знали точную дату его создания.

- Точную дату? – удивился Майкл.

- Это произошло 13 августа 3114 года до нашей эры, - улыбнулась Джессика. – Они, также, ассоциировали четыре цвета с четырьмя сторонами света: красный – с востоком, черный – с западом, белый - с севером, желтый – с югом.

- А небо? – спросил Майкл.

- С небом у Майя было посложнее, - ответила Джессика. – Представь 13 кругов небес и 9 кругов подземного мира, как лежащие друг над другом поверхности и между ними земная плоскость существования, изображаемая как двухголовый кайман или лежащая в великом озере черепаха.

- Представляю, - улыбнулся Майкл.

- Я же в детстве, как и все индейские женщины, поклонялась Иш-Чель, богине радуги, супруге верховного бога Ицамны, - добавила Джессика.

- Как прост был мир у Майи, - задумчиво повторил Майкл.

Они лежали, держась за руки, смотрели в небо и молчали, а из-за гор над ними появилось солнце. Нагретый его теплом воздух поднимался к вершинам, окунался в снег и становился белыми облаками. Поверхность снега таяла, блистая капельками воды, которые снова замерзали и возвращались в свое лоно. Согретый утром воздух охлаждался и медленно опускался вниз, неся прохладу навстречу жаркому дню.

- Смотри, Майкл, - сказала Джессика.

На склоне скалы висела, верхушкой вниз, сосна. Неизвестно каким ветром было занесено ее зернышко на этот отвесный склон. И здесь, в породах тысячелетней давности, зернышко чудом зацепилось и дало корни. Стихии воды и ветра разрушали скалу, сосна теряла опору, наклонялась и наклонялась, пока не повисла верхушкой вниз, смотря в пропасть, но продолжая жить, цепляясь за прошлое.

- Совершенно, как у людей, - сказал Майкл. – Поставленная с ног на голову жизнь, живущая только прошлым.

- Но ведь нельзя же жить только настоящим или будущим, - возразила Джессика. - Пршлое держит нас в этой жизни.

- Мне кажется, мы знаем друг друга тысячу лет, - сказал Майкл.

- Я так плохо выгляжу? – рассмеялась Джессика.

- С тобой нельзя говорит серьезно, - улыбнулся Майкл. – Абсолютно никакой романтичности. Ты должна быть загадочной, задерживать дыхание и говорить “Ах!”.

Джессика замерла и стала совершенно серьезной. Она медленно повернулась к Майклу, ласково взъерошила его волосы и взяла в свои ладони его руку. Ее глаза уже были совершенно близко, наступила тишина и Джессика, задержав на мгновение дыхание, сказала: “Ах!” и расхохоталась. Майкл рассмеялся вместе с ней.

Они сидели на небольшой поляне недалеко от гостиницы и смеялись, а над ними, между стенами Гранд-Каньона, раскрашенного в совершенно фантастические цвета сегодня, как и на протяжении миллионов лет, плыло утреннее солнце.

- Майкл, - сказала Джессика. – Это тебе на память о несерьезной, всю жизнь танцующей и совсем не любящей танцевать девушке.

Она протянула ему яркую, раскрашенную фигурку танцующего и играющего на трубке, вырезанного из дерева человечка.

- Это *Kachina*, - сказала Джессика.

- *Kachina*, - задумчиво повторил Майкл, рассматривая деревянную фигурку.

- Дух племени индейцев *Hopi* и *Zuni*, - сказала Джессика, - представляющий природу во всех ее формах.

- Живой дух? - спросил Майкл и немножко отодвинул фигурку от себя.

- Абсолютно живой, - улыбнулась Джессика. - Будь с ним осторожен. Живой дух животных и растений.

- Танцующий дух, - уточнил с улыбкой Майкл.

- Танцующие духи, - поправила его Джессика. - Духи, несущие мужское и женское начало. Я подарила тебе духа-мужчину. Зачем тебе еще одна женщина? Они живут на вершинах гор *San Francisco Peaks*. И в сезон произрастания и сбора урожая в виде танцоров посещают деревни или поселения индейцев, играют, поют и танцуют на священной церемонии, церемонии общения людей с богами. Итак, духов было много. Это были мужчины и женщины, духи играющие, танцующие и поющие. И что еще

интересно. Существовали секретные сообщества индейцев. *Kiva* была секретным домом для секретного сообщества, поклоняющегося отдельной, одной из многих *Kachina*, секретное общество со своей мифологией, духом и религией.

- Джессика, - сказал Майкл, - Гранд-Каньон и есть наша с тобой *Kiva*.

Джессика снова стала неожиданно серьезной. Она наклонилась к Майклу, их лица снова были совсем рядом, и Джессика смотрела, не мигая, широко открытыми глазами в его глаза.

- Пожалуйста, - попросил Майкл.

Она снова расхохоталась:

- Только в нашем обществе мы не будем танцевать, - попросила Джессика.

- Хорошо, - согласился Майкл. - Абсолютно несерьезная девушка, так много знающая о жизни индейских духов.

... Истребители Майкла и Расти были уже совершенно близко к Лас-Вегасу и, когда они начали снижение и перевалили через последнюю вершину гор с нагромождением антенн вместо снега, появился, как чудо, на которое только надеешься, но совершенно не ждешь, Лас-Вегас, город в пустыне, как ирреалии Сальватора Дали, даже не в пустыне, а где-то в невесомости неба с Леонардовским sfumato между кардинально противоположными понятиями и представлениями, город, где краски дополняли свет, а время дня и ночи определяли желания, город, брошенный в пустыне рядом с Гранд-Каньоном, на самой грани Земли и Космоса, за которой уже не было ничего, даже слонов и черепах, а все просто обрывалось в бездну, город между пропастью и небом, наверное, именно здесь вначале и появился Мир и Свет, а первой была все-таки создана женщина.

Г Л А В А 1 2

Все начиналось со времен Вьетнама. Ввязавшись в войну с народом, который тысячелетиями непрерывно воевал, американцы несли ничем неоправданные потери. Соотношение побед к поражениям в *dog fights*, составляющее десять к одному в корейской войне, упало до соотношения два к одному. Статус-кво в воздухе катастрофически изменялся. Решение проблемы заключалось в подготовке военных пилотов по программе максимально приближенной к боевой. Незамедлительно была создана программа *Red Baron*. На авиабазе в Нэллесе, штат Невада, была организована 64-я Военно-воздушная эскадрилья, оснащенная тренировочными самолетами *T-38 Talon*, полностью имитирующая стратегию и тактику ведения войны противником. В 1975-м году эскадрилья была переименована в 414-ю Военно-Тренировочную Эскадрилью, самолеты заменены истребителями *F-16*, а сама программа переименована в *Red Flag*. Управление программой осуществлялось Авиационным тактическим центром и командованием авиабазы Нэллис.

Программа *Red Flag* была войной между “красными” и “синими”, войной практически без потерь. Принадлежащий к “красным” Дивизион вражеских тактик

постоянно изменял стратегию, тактику, системы вооружения и приемы воздушного боя, имитируя текущего противника в текущей военно-политической обстановке. К “красным” зачастую присоединялись силы армии, флота и *Marine*, имитирующие противовоздушную борьбу противника на суше и море.

К “синим” относились все, проходящие подготовку, в частности, Воздушные Силы Соединенных Штатов Америки, американская авиация Европы и Тихого Океана, Авиационная Национальная Гвардия, авиация Армии, *Navy* и *Marine*, Авиационное Мобильное Командование, Резерв авиасил, а также авиация союзных государств.

Боевая подготовка по программе *Red Flag*, как правило, состояла из трех периодов длительностью по две недели, и каждый из них ставил различные стратегические и тактические задачи в кардинально отличающихся условиях военной обстановки. Тысячи пилотов, проходящие подготовку по этой программе, участвовали в воздушных боях, бомбометании, десантировании, разведывательных полетах, координированных воздушных ударах истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков, в полетах самолетов-разведчиков, авиазаправщиков и военно-транспортной авиации. И все это проходило на территории, охваченной выдуманной войной со всеми атрибутами войны реальной.

Майкл и Расти получили приказ о перелете на авиабазу Нэллис для тренировок по программе *Red Flag* после тяжелого летного дня с десятком посадок на палубу авианосца в сплошном со снегом дожде. Их авианосец в этот момент находился в районе северных канадских границ. Приказ, как, впрочем, и все приказы, был совершенно неожидан, и свалился как снег на голову, хотя это было совершенно неподходящее сравнение для этого района полярных широт.

Г Л А В А 13

Джессика и Сюзи были красивы какой-то особой классической красотой, начавшей формироваться со времен Древнего Рима и Греции, и были совершенно противоположными по характеру, но абсолютно неразлучными девушками. Джессика была *showgirl* в *Bally's*, смеющаяся по любой причине, часто соглашающаяся с любым высказанным мнением и не создающая никаких неудобств или конфликтов при общении. Она выступала в шоу *Jubilee!*, экстравагантном шоу, основывающемся на цепи событий от разрушения Самсоном Храма филистимлянинов и до тонущего Титаника и Первой мировой войны. Сюзи брала уроки танцев, непрерывно пытаясь попасть в шоу-бизнес, и имела репутацию говорить все абсолютно противоположное высказанному собеседником.

Они шли вместе по Стрипу, центральному бульвару Лас-Вегаса, переходя из одного казино в другое, играли, делали ставки, останавливались в кафе и барах и снова играли. Наступило чудесное состояние, когда сливаешься с городом, дышишь его воздухом и живешь его ритмом.

- Здесь нужно все-таки быть, - думал Майкл.

Лас-Вегас выпадал из представления американских городов настолько, что даже находился в пустыне. Это был город, в котором жизнь не затихала ни на секунду в течение 24 часов, причем играли все поголовно. Рулетки и автоматы для игр были везде - в отелях, аэропортах, магазинах, аптеках, подземных переходах... Но квинтэссенция жизни здесь была сконцентрирована вдоль Стрип, главной улицы города длиной около шести миль, улицы, кажущейся с воздуха совершенно недлинной, но пройти которую в течение одного дня оказалось не совсем легко, наверное, из-за многообразия архитектурный стилей, собранный со всего мира, чтобы останавливать и удивлять. Это, казалось бы, не должно было навевать ничего, кроме воспоминаний или ассоциаций, но создавало совершенно необычно-ошеломляющий архитектурный аккорд, созданный из сотни архитектурных нот.

В архитектуре Лас-Вегаса поражало смешение стилей, но больше всего – его отличие от классического американского города, предсказуемого и простого по смыслу, как *downtown* с небоскребами и невысокими зданиями в кварталах вокруг. Здесь же было не только нагромождение всего известного, но и несколько степеней архитектурной вложенности – среди лесов, пальм и озер с островами и водопадами располагались отели, внутри которых были леса, пальмы и озера с островами и водопадами, внутри которых приютились уютные ресторанчики. Казалось, что только здесь могли быть реализованы проекты совершенно разных, талантливо-ненормальных архитекторов - достаточно было только увидеть огромный потолок из стеклянных разноцветных причудливо изогнутых лепестков, тянущихся сверху вниз и подсвеченных изнутри, огромный фантастический букет, переплетенье цвета и света в “Белажио”.

Они шли от “Звездной пыли” к центру Стрипа, мимо казино “Стратосфера”, построенного в виде телебашни с “американской горкой”, роллеркостером, на вершине, на высоте 1149 футов, и с чудесным видом на город и горы вокруг, особенно на закате. Справа остался отель “*Circus Circus*”, напоминающий шапито бродячего цирка, с *Adventuredome* – парком роллеркостеров и аттракционов внутри, известным вращающимся Карусель-баром, летающими акробатами над игроками в казино, с цирковыми представлениями, совершенно отличающимися от привычных, симбиозом музыки и движений, ассоциирующимися с картинами Сальватора Дали. И после отелей-казино *Westward Ho*, *Stardust*, *New Frontier* и громадного торгового комплекса *Fashion Show Mall* с 200-ми магазинами и бутиками внутри, а также с ресторанами, кафе, барами и картинными галереями, появился отель “Остров сокровищ” со скалами, пальмами и лагуной, в которой стоял захваченный сиренами корабль.

- Ребята, - попросила Сюзи. – Подождем немножко, вы этого еще не видели.

Они стояли в толпе на деревянном тротуаре с веревочными перилами вдоль *Buccaneer Bay*. Люди, ожидающие вокруг, переговаривались в предвкушении, обмениваясь впечатлениями проходящего дня, строили планы, жили будущим и вспоминали прошлое.

- Джессика, - сказал Майкл, - я хотел бы с тобой поговорить. Только, пожалуйста, не улыбайся так.

Тоненькая девушка, стоявшая слева от Майкла и Джессики, прижавшись щекой к плечу своего парня, тихонько ему сказала:

- Ожидание приносит большее счастье, правда?

И посмотрела в его глаза. Она светилась счастьем, и все у них было впереди в их чудесном городе и в их чудесной жизни.

- Майкл, никогда ни с кем не связывай свою жизнь, - попросила Джессика.

- Даже на острове сокровищ? – пошутил Майкл.

- Особенно на острове сокровищ, - ответила Джессика и улыбнулась.

- А если любовь..., - начал Майкл.

- И я все-таки пошла на свидание, - сказала кому-то женщина, стоящая позади Майкла и Джессики. - Он принес цветы, которые мне абсолютно не понравились и так и не поцеловал меня снова, а все время говорил - нет, нет и нет.

- Я звонил тебе весь день и всю ночь, - сказал мужчина женщине, стоящей прямо перед Майклом и Джессикой.

Мужчина старался не повышать голос, что ему не совсем удавалось.

- Я звонил тебе весь день и всю ночь, - продолжал он. - Но ты не отвечала.

В глазах мужчины светились тоска и ожидание, как в глазах матроса, провисевшего несколько дней в бочке на вершине мачты, но так и не нашедшего на горизонте свою землю.

- Это и был мой ответ, - ответила с гордостью женщина.

- Особенно, если любовь, - сказала Майклу Джессика. - Правда, иногда хочется зажечь фонарь и броситься по улицам, заглядывая в лица людей?

- Столпотворение играет гранями жизни, - откликнулся Майкл.

- Даже в темноте все, как на свету, - согласилась Джессика.

На корабле неожиданно появились сирены.

- Но ведь раньше была битва пиратов и *British Royal Navy*, – вспомнил Расти.

Из-за острова выплыл пиратский галеон.

- Сирены и пираты - это гораздо интереснее... Или *Navy* вмешалось? – спросил Расти.

- Как замечательно, - начал Майкл. - Мы...

И в этот момент раздался выстрел пушки. И все началось. Пираты на корабле, выплывавшем из-за острова, жили полной жизнью - оралы, пили ром, пели и стреляли из пушек. Сирены пели и танцевали на другом корабле, захваченном ими и стоящем у их дома.

- Если вы попадете ядром в наш остров, - крикнула пиратам одна из сирен, - мы разнесем ваш корабль в щепки.

- Кафка определенно ошибался, высказываясь о молчании сирен, - подумал Майкл.

- Отлично! - проорал капитан пиратского корабля. - Огонь из всех пушек!!!

Пушки начали бесперебойно палить, и огромные жаркие языки пламени взрывов распахнули окна и двери дома сирен, начался пожар, и пламя вылетело из трубы их дома вверх до самих звезд. Джессика прижалась к Майклу.

- Никак не могу привыкнуть, - сказала она, - хотя смотрела это шоу тысячу раз.

- Отлично, - сказала одна из сирен.

И они запели. На пиратском корабле начали взрываться бочки с порохом и воду полетели вместе с мачтой корабля сами пираты. Их корабль начал клониться и уходить под воду.

- Да, Кафка определенно ошибался, - сказал уже вполголоса Майкл.

Пираты валились с палубы и мачт корабля в воду и плыли, ища спасение, к острову сирен.

Йо-хо-хо, *boys!* - прокричала одна из сирен с мачты своего корабля, и начался танец и бой на шпагах мокрых пиратов и страстных сирен.

- Я надеюсь, - сказал Майкл Джессике, - что все завершится благополучно.

- Как всегда, любовью, - ответила Джессика. - Но они не будут жить долго и счастливо. Только до начала нового шоу. Как и все в Лас-Вегасе. Идем дальше?

Пройдя через толпу обменивающихся впечатлениями людей и, далее, через небольшой переход между отелями под огромными пальмами, они подошли к вулкану "Миража", точнее к острову в озере с водопадом, пальмами и пением невидимых птиц. И, неожиданно, пение птиц стало тревожным, даже небо стало немножко темнее над островом и лагуной, и внезапно клубами пошел дым, вулкан выплеснул фонтаны огня на сотни футов вверх в небо, и из него потекла лава, зажигая остров и озеро вокруг. Вулкан выбрасывал в небо языки пламени, его склон и окружающее озеро горели, и красные всполохи пламени отражались в воде. И затем внезапно наступила тишина, еще заполненная треском огня и, внезапно, как бывает только в сказке или же в Лас-Вегасе, все затихло, исчезла лава и пламя и снова спокойно запели птицы.

Напротив вулкана, очевидно по ассоциации с Везувием, был расположен отель "Венеция", построенный в итальянском стиле с мостами, каналами и гондолами, как вокруг отеля, так и внутри него, кусочек Италии, напоминающий о Мосте Вздохов и Дворце Дожей, с узкими венецианскими улочками, итальянскими картинами в анфиладе переходов внутри отеля, ведущих к огромному холлу с фонтаном, живой аккордеонной итальянской музыкой и старинной картой самой Италии.

- Майкл, мы потерялись – сказала, оглянувшись, Джессика.

- Потерялись в Лас-Вегасе? – удивленно спросил Майкл.

- Я хотела сказать, - продолжила Джессика, – мы потеряли Расти и Сюзи.

Лента эскалатора уже поднимала их ко входу во Дворец Дожей и все было совершенно рядом в этой сказочной Венеции: две знаменитые колонны на площади Святого Марка неподалеку от Стрипа, колонна самого Святого Марка с крылатым львом на ее вершине и колонна Святого Теодора с его странным, похожим на

крокодила, драконом, мост Риалто, Колокольня собора Святого Марка, гондолы на Гранд Канале и такое же нашествие людей, как и в реальной Венеции. Джессика стояла на ступеньке эскалатора перед Майклом и смотрела на него, не отрывая глаз.

- Майкл, ты хотел со мной поговорить, - напомнила Джессика. – Только, пожалуйста, не говори о серьезном.

- Джессика, - сказал Майкл. – Ты - чудесная девушка.

- Ты это говоришь несерьезно? – уточнила Джессика и рассмеялась.

- С тобой совершенно невозможно серьезно говорить, - сказал Майкл.

- Как я и просила, - уточнила Джессика.

Они вошли в отель *Venetian*, перешагнув из горячего и знойного Лас-Вегаса в прохладную Венецию, и оказались на узенькой венецианской улочке под синим искусственным небом. С одной стороны от них тянулись венецианские палаццо с магазинчиками и бутиками, с другой - по Гранд Каналу плыли гондолы, и гондольеры пели арии на итальянском.

- В этом году я впервые побывала в Венеции, - сказала Джессика. - Это было связано с нашим новым мюзиклом. Стояла зима, на улицах было совершенно безлюдно, и только тихонько падал снег... Майкл, смотри!

На небольшой площади, *пiazетте*, у самой стены *палаццо*, на мраморном постаменте, одетая в белое и загримированная под античную итальянскую статую, стояла девушка. Она стояла совершенно неподвижно, смотря на проходящих мимо и не замечающих ее людей. Возле ее ног стояла шляпа с несколькими долларами внутри. Майкл и Джессика подошли совсем близко. Майкл положил в шляпу несколько долларов и вернулся к Джессике. Джессика взяла Майкла за руку и прижалась к его плечу. Девушка еле заметно улыбнулась краешками губ.

- Какая ужасная работа, - сказал шепотом Майкл на ухо Джессике. – Я бы не выдержал и пяти минут.

- Я иногда мечтаю о такой работе, - ответила ему шепотом Джессика. - Особенно в моменты, когда нет никакого желания не только танцевать и петь, но даже и двигаться.

К девушке медленно подошел одетый во все черное патриций из Древнего Рима. Он шел величественно и торжественно, как будто бы нес в себе всю гордость и величие Великой Римской Империи. Он взял шляпу с деньгами и так же медленно пошел прочь. Девушка спустилась с постамента и медленно пошла за ним.

- Я была неправа, - сказала Джессика Майклу. - При таком образе жизни всегда так и бывает.

Менестрель начал петь свою песню совершенно недалеко от Майкла и Джессики.

- Мы совершенно забыли о Сюзи и Расти, - сказал Майкл.

- Как бы мне сейчас хотелось оказаться с тобой в Гранд-Каньоне, - вздохнула Джессика.

- Ребята, - в один голос сказала подошедшие сзади Сюзи и Расти.

И они снова окунулись в горячее марево Лас-Вегаса. Все улыбались, начинался вечер, все у них было впереди, весь город принадлежал им и лежал перед ними в горячих ладонях пустыни: вдохновленный европейскими карнавальными темами отель с казино *Harrah's*, шикарный *Wynn* с горами, окружающим озеро и водопадом; азиатский *Imperial Palace* с пагодой и знаменитой коллекцией классических автомобилей, *Flamingo Las Vegas* с известным всем и вся розово-оранжевым неоновым цветком, африканский *Barbary Coast*, древнеримский *Caesar Palace* с говорящимися и движущимися статуями Бахуса, Венеры, Плутона и Аполлона, вспоминающими дни Великой Римской Империи, с фонтанами древнего Рима, троянским конем, городской улицей внутри отеля с магазинами и ресторанами, отель, внутри которого можно было найти потерянный город атлантов.

Совсем рядом с *Caesar Palace* расположился *Bellagio*, самый элегантный отель Лас-Вегаса, несущий оттенок богемности, построенный в итальянском архитектурном стиле позади идилической деревушки на берегу самого красивого в мире итальянского озера *Como*. Домики, колокольни и церкви, собравшиеся у самой воды, отражались в озере с сотней танцующих фонтанов, раскачивающихся, перебегающих влево и вправо, разбивающихся в танцующие пары, собирающихся в хороводы и уходящих под музыку высоко в небо. Объединение романтики и элегантности по замыслу его создателя Стива Вина, с *Fiori di Como* на потолке лобби отеля - садом разноцветных стеклянных цветов наибольшей в мире стеклянной скульптуры, разметавшейся на 2000-х квадратных футов над головой, с самым большим в мире шоколадным фонтаном: две тонны шоколада, коричневого, белого и капучино, поднимались на высоту 14-ти футов и стекали вниз по 25-ти стеклянным ручной работы чашам и, наконец, с *Cirque du Soleil*, дающим по вечерам феерическое водяное шоу "О" в театре, созданном в стиле *Opéra de Paris*.

В озере *Bellagio* отражалась Эйфелева башня, уходящая внутрь отеля *Paris Las Vegas*, прямо на французские улочки, вьющиеся вокруг казино со старинными фонарями и бутиками *Prada*, *Chanel*, *Armani*, *Gucci*. Кусочек Франции с *Louvre*, *Hôtel de Ville* и *Arc de Triomphe*, расположенный совершенно рядом с отелем *Bally's* и через Стрип - с отелем *Monte Carlo*, построенным в архитектурном стиле Ренессанса с колоннами, фонтанами, скульптурами и *Street of Dreams* - европейской улочкой, вьющейся внутри отеля, с магазинами, кафе и рестораничками по обеим ее сторонам.

И далее, на пересечении Тропикана Авеню и Лас-Вегас Бульвар, расположился Манхэттен отеля *New York-New York* со статуей Свободы, *Empire State Building*, *Chrysler Building*, *Seagram Building*, *Grand Central Station*, Бруклинским мостом и, конечно же, с американской горкой между небоскребами и Статуей Свободы.

Цепочка отелей уходила к самому краю города, к самой горячей пустыне: *Aladdin Hotel* с куполами и минаретами, вдохновленными сказками 1001-й ночи; *Boardwalk Hotel* с роллеркостером и колесом обозрения, продолжающим тему *Coney Island*, начатую отелем *New York-New York*; далее *Showcase Mall* со 100-футовой неоновой бутылкой *Coca-Cola* перед входом; *MGM Grand* с огромной статуей льва из начала голливудских фильмов, названный в честь известного в 1930-х годах фильма "Гранд отель"; *Excalibur* с башнями средневековой Англии.

И далее за ними, построенный в виде 350 футовой пирамиды из затемненного отражающего свет стекла, лежал *Luxor Hotel* с огромным, высотой в 10-ти этажное здание сфинксом, зеленые лазерные лучи из глаз которого ночью уходили в озеро, окруженное пальмами, нагромождениями камней и статуями фараонов, заставляя воду кипеть и испаряться, и на этой завесе водяного пара появлялись голограммы Древнего Египта.

И последним стоял отель *Mandalay Bay* с пагодами, крылатыми драконами и лагуной, окруженной тропическими деревьями, с песочным пляжем, искусственными волнами, водопадом и *Lazy River*, рекой, по которой можно плыть, пить коктейли и обозревать лагуну. Здесь также размещался *Shark Reef* - огромным аквариум, стеклянная труба в мире 1200 разновидностей морской жизни - акул, скатов, угрей, экзотических рыб, морских черепах, крокодилов, с *Petting pond*, где было можно погладить скатов, акул *Port Jackson sharks* и крабов. А рядом с лагуной, в ресторане *Aureole*, посетителей привлекала четырехэтажная стеклянная башня, предназначенная для хранения бутылок вина, привезенных со всего мира, совмещающая воедино широкий набор и удобный выбор, особенно к концу вечеринок.

А далее за отелями уже не было почти ничего, здесь все заканчивалось и начиналось пустыней.

Ребята стояли перед романтичным и элегантным *Bellagio*, отражающимся в озере вместе с идиллической деревушкой. Тихо ударили колокола на двух ее колокольнях, наступила тишина, над озером начал подниматься дым и Фрэнк Синатра запел:

*Fly me to the Moon
And let me play among the stars,
Let me see what spring is like
On Jupiter and Mars.*

И фонтаны начали свой танец, около 1000 танцующих фонтанов поднимались на огромную высоту в такт музыки. Они обнимались струями воды, наклонялись и плавно двигались вправо и влево под музыку, сотни прижимающихся друг к другу танцующих пар...

*In other words hold my hand
In other words, darling, kiss me.*

Майкл обнял Джессику, и она прижалась к нему, положив голову на его плечо.

*Fill my life with song
And let me sing forevermore,
You are all I hope for
All I worship and adore.
In other words, please, be true
In other words, I love you.*

Г Л А В А 14

Пройдя фонтан Треви, Колизей и миновав древнеримский портик с колоннами, они вошли в отель “Дворец Цезаря” и оказались в средневековом Риме с улицами, фонтанами, домами, мраморными статуями и искусственным голубым над головами небом *Trompe l’oeil sky*. Одна из улиц вывела их на римскую площадь перед Пантеоном с чудесным фонтаном с Зевсом с пучком молний в правой руке, Нептуном с трезубцем, римским воином с копьем и щитом, прекрасной девушкой и крылатыми конями между древнеримскими колоннами. Ребята уютно устроились за столиком ресторана *Bertolini’s* недалеко от древнеримского фонтана и струи стекающей между его чаш воды несли прохладу после жаркого дня. Подсвечник на их столике был сделан из полупрозрачного стекла, внутри которого дрожал огонек свечи, отражающийся в бокалах с холодной водой. Пузырьки воздуха в бокалах, пробираясь между острыми кусочками льда, поднимались на поверхность к свету. Все столики вокруг были заняты и сидящие за ними компании, не обращая никакого внимания на окружающий мир, были заняты сами собой. Рядом со столиком ребят, как близнецы или же, как отражение в зеркале, за двумя похожими столиками с шампанским сидели две похожие друг на друга пары, держась за руки. За ними, уже в полумраке зала, за столиком побольше, сидели буддийские монахи.

- Какой поворот колеса познания занес их сюда? – спросил Майкл Джессика.

Джессика взглянула на буддийских монахов и улыбнулась.

- Что произошло в Лас-Вегасе, остается в Лас-Вегасе? – спросил Майкл.

- Как всегда, - ответила Джессика.

- Ребята, обязательно съездите к Гранд-Каньону, - прервала их Сюзи. - Совершенно фантастическое зрелище. Я готова стоять часами, особенно на закате.

- Спорю, вы там уже побывали, - добавила Джессика.

- Как ты угадала? – спросил Майкл. – Никак не привыкну к тому, как ты это делаешь.

- Классическая ситуация. Вы не представляете, насколько вы открытие люди, все на ваших лицах, - ответила Джессика. - Вам понравилось?

- Гранд-Каньон совершенно не передать никакими словами, - ответил Майкл. - Кромка отвесного обрыва, уходящая в бесконечность. Кто-то из великих сказал: “*Если долго смотреть в бездну, бездна смотрит в тебя*”.

- Чудесные слова и чудесный вечер, - добавила, бросив взгляд вокруг, Джессика.

- Чудесный вечер, просто чудесный, - как эхо, задумчиво откликнулась Сюзи, не придавая никакого смысла сказанному и перелистывая меню. - Итак, что мы пьем?

- Давайте начнем с *Маргариты*, как и в прошлый раз, - предложил Майкл. - Все согласны? Замечательно!

- О чем я говорила? – спросила Джессика. - Чудесный вечер и ...

- Привет, ребята. Меня зовут Томми, - прервал ее подошедший официант. - Я буду этот вечер с вами. Как вы устроились?

- Замечательно, - ответила за всех Сюзи. - И мы бы выпили *Маргариту*.

Майкл откинулся на спинку стула и посмотрел вокруг. Продолжался чудесный вечер. Сидящие за столиками люди казались беззаботными и счастливыми. Такими же беззаботными и счастливыми казались и порхающие между столиками девушки-официантки, и по виду каждой из них можно было сказать, что у нее есть *boyfriend*.

Майкл перевел взгляд на Томми. Судя по его виду, у него был *boyfriend* тоже.

- Постойте ребята, я думаю, у них есть чудесное итальянское вино *Lacryma Christi*, - предложил Майкл.

- *Маргариту*, - ответили хором Джессика и Сюзи.

- Изумительно, - откликнулся Томми. – Вы знаете, наша *Маргарита* одна из самых лучших.

Неожиданно для всех он испуганно замолчал и театрально всплеснул руками.

- Что я говорю? – спросил с тревогой в голосе Томми. - Лучшая, несомненно, лучшая.

- *Lacryma Christi* делают из винограда, выросшего на склонах Везувия, - не останавливался Майкл.

- *Маргариту*, - повторили хором Джессика и Сюзи.

- Мужчины, - сказал Томми с иронией в голосе Джессике и Сюзи, показывая глазами на Майкла.

- *O'key, o'key*, - согласился Майкл.

- *Маргариту*, - снова сказали хором Джессика и Сюзи и рассмеялись.

- Изумительно, - сказал Томми. – Путешествуете? Знаете, я никогда не покидал Лас-Вегас. Даже страшно представить. Самолеты, автомобили... Понимаете, что я имею в виду? Непредсказуемый мир мужчин. Зачем путешествовать? Чтобы встречать со всего мира людей? Они и так отовсюду стремятся сюда. Понимаете, что я имею в виду? Говоря о мире, это конечно изумительно, но Италия же здесь, постоянно рядом со мной, Париж – напротив через улицу...

- *Маргариту*, - повторили Джессика и Сюзи и все, включая Томми, рассмеялись.

- Уже несу, - пообещал Томми и исчез.

Томми не заставил себя долго ждать, как будто бы коктейлей было уже смешано неимоверно много и *Маргарите* приходилось ждать самой.

- Мы снова пьем *Маргариту*, - сказал Расти. - Как и в прошлый раз. Это уже напоминает капитана Флинта.

-Что, конкретно, ты имеешь в виду? - спросила Джессика.

- Переходим в казино “Остров Сокровищ”? - предположила Сюзи.

- Он пил мексиканскую текилу? - спросил Майкл.

- Разводил на пенсии кактусы? – улыбнулась Сюзи.

- Ребята, остановитесь, - попросил Расти. - Я говорю о верности. Помните последнюю команду, которую он отдал? “Принести ром из кормовых запасов!” Он был верен ему, как мы *Маргарите*. Слушайте тост. За верность! Самое редкое, что есть в Лас-Вегасе. Впрочем, как и во всем мире. И за вас всех, ребята!

- Какой чудесный тост и какая чудесная *Маргарита*! – сказала Джессика и сделала маленький глоток.

- Точнее будет сказать, какая чудесная текила, - уточнила Сюзи, специалист делать смеси коктейлей, точнее всего на свете, включая работу и удовольствие. - Я расскажу, как это делается. Алиса, их новая директриса Департамента закупок, покупает текилу у фирмы, представитель которой имеет самый сексуальный голос из всех поставщиков.

- Как просто решаются в Лас-Вегасе проблемы, - с восхищением сказал Майкл. - Замечательный метод, который стоило бы взять на вооружение.

- А вот и новый тост, - предложила Джессика. - Каждый мальчик мечтал, ну хотя бы однажды, быть военным пилотом, а девочка - *showgirl*. У многих так и получилось. С профессией. Ну, а уже после работы, дома, на улице, в ресторане, гуляя, смотря кино, принимая решения, каждая женщина витает в небе, а мужчины... так любят показывать шоу. Кто нас привел под выдуманное древнеримское небо?

- Каюсь, - сказал Майкл.

- Наоборот, мне очень нравится. Тост. За нашу гармонию! - предложила Джессика. - Получилось немножко сумбурно. *Маргарита* распыляет мысли, как центрифуга, делая ссылку на вашу профессию, и уже, к сожалению, заканчивается.

- Томми! – позвал Расти.

- Все ли хорошо? – спросил подошедший Томми.

- Замечательный вечер, - откликнулась Сюзи. - Но ты, Томми, появляешься очень редко и сразу же исчезаешь, я даже думаю каждый раз о *déjà vu*. К сожалению, *Маргарита* исчезает еще быстрее.

- Очень рад, - сказал Томми. - *Маргариту* уже несу. По поводу же *déjà vu* ничего не знаю, должен справиться в отеле “Париж”. Зовите меня, если понадобится что-либо еще. Изумительно, правда? Итальянское небо, мужчины, женщины, страсть, цветы, сладкое вино...

- *Маргариту*, - потребовали Джессика и Сюзи и все, включая Томми, снова рассмеялись.

- Уже несу, - пообещал Томми и исчез.

- Итак, тост. Снова перебили, - продолжила Джессика. - За гармонию!

Они сделали еще по глоточку.

- Хорошо так, что даже никому не хочется противоречить, - неожиданно сказала Сюзи.

- Будьте осторожны, ребята,- предупредила Джессика. - Что-то происходит с Сюзи или мир становится с ног на голову.

- Точнее наоборот, - поправила ее Сюзи. – Это, наверное, *Маргарита...*

- Будьте осторожны, ребята,- повторила Джессика и сказала:

*La donna è mobile
Qual piuma al vento,
Muta d'accento — e di pensiero.
Sempre un amabile,
Leggiadro viso,
In pianto o in riso, — è menzognero*

- Абсолютно перестал все понимать, - сказал Майкл и с удивлением посмотрел на свой бокал с *Маргаритой*.

- Из нашего последнего шоу, - пояснила Джессика. - Это на итальянском из *Rigoletto* Верди. Опера впервые была поставлена в театре *La Fenice* в Венеции. Любовь, музыка... В переводе это будет так:

*Женщина переменчива,
Как перышко на ветру,
Меняет мысли, как и голос,
Всегда чудесна и красива,
В слезах ли, в смехе –
Всегда лжива.*

- Узнаю себя, - сказала Сюзи. - Когда вы улетаете, ребята?

- Через неделю, если ничего не произойдет, - ответил Майкл.

- Например? – уточнила Джессика.

- Мы не устроимся дилерами в казино или официантами, - пояснил Расти.

- Никогда! – сказала Джессика.

- Ты в это не веришь? – спросил Майкл.

- Наоборот, верю, - ответила Джессика. - В вас! Удачи вам ребята! Вы живете своим небом, я даже завидую. Белой, конечно.

Искусственное голубое небо над головой покраснело на западе. Начался закат солнца и дня. И было уже немножко грустно. Понемногу на высоком потолке отеля красное на закате искусственное римское небо с исчезающими облаками начало становиться черным, закат отгорел, и небо потемнело до полной черноты и звезд.

- Ребята, идем в *Rain*, - предложила Сюзи. - Вы бывали там? Это совершенно рядом и совершенно невероятно, ночной клуб в *Palms Hotel* с фантастическим бамбуковый настилом для танцев.

Джессика посмотрела на Майкла и в ее глазах была усталость от бесконечных варьете и мюзиклов и желание побыть вдвоем.

- Вы танцуете, - продолжала Сюзи, - и кажется, что бамбуковый настил несет вас в реке, раскачиваясь под музыку, и вокруг все тоже танцуют, всплески воды, водяные струи и фонтаны...

Джессика тихо вздохнула.

- Ребята, - сказал Майкл, - нам хотелось бы побыть вдвоем с Джессикой.

- Хорошо, - сразу же согласилась Сюзи. - Но тогда мы покажем ребятам наше представление.

- Прямо сейчас? - удивилась Джессика.

- Сейчас или никогда, - ответила с улыбкой Сюзи.

- Хорошо, - согласилась Джессика, - только...

- Тогда бежим, - сказала Сюзи.

Она повлекла всех за собой в глубину древнеримских улиц отеля мимо бутиков *Escada, Gucci, Louis Vuitton, Versace, Corsa* и других, странно дополняющих древнеримский стиль. Ребята старались не отставать. Джессика шла рядом с Майклом, держа его за руку и загадочно улыбаясь. Майкл повернул голову и вопросительно посмотрел на Джессику, Расти и Сюзи шли впереди и ничего не видели.

- Не скажу, - ответила Джессика.

Они вышли к магазину игрушек *FAO Schwarz* с огромным высотой в двухэтажное здание Троянским конем.

*L'aguato del caval, che fe' la porta
Ond' usci de' Romani il gentil seme, -*

неожиданно сказала Джессика, -

*Троянский конь, тот, что открыл врата, в которых
Нашли зерно, несущее могущество для Рима.*

Ребята остановились и вопросительно посмотрели на нее.

- Из какого-то шоу, - пояснила Джессика. - Кто сказал, весь мир театр? Весь мир есть шоу.

- Пойдемте, - попросила Сюзи. - Будет немножко запутанно. Эскалатор ведет на третий этаж, и только потом мы можем опуститься на второй.

- Или есть комедия, - добавила Джессика.

- Странно, - сказал Майкл.

После сложной системы перемещений и переходов мимо всех типов игрушек, от мягких, всевозможных размеров и оттенков цветов, до механических, включая полную действующую модель Терминатора, они оказались на втором этаже у гигантской

клавиатуры рояля, размещенной прямо на полу у окна. Сюзи осторожно наступила на одну из ее клавиш левой половины и раздалась низкая мелодичная нота. Сюзи начала медленно двигаться, перемещаясь по клавишам, вызвав низкие вступительные звуки, мелодия начала подниматься по музыкальному ряду все выше и выше и на правую половину лежащей клавиатуры вошла Джессика. Она сделала несколько неуверенных танцевальных движений, как будто прислушиваясь к звучащей музыке, и начала танцевать. Девушки задвигались быстрее, они танцевали, перемещаясь с одной клавиши на другую, они приближались и удалялись друг от друга, менялись местами, прыгали вместе на одних и тех же клавишах, держась за руки, и снова разбегались в разные стороны клавиатуры. Звучала чудесная музыка, похожая на музыку Вивальди, девушки танцевали, но Майкл видел только Джессику, худенькую и красивую девушку, танцующую только для него одного. Темп музыки становился быстрее и быстрее, и вот Джессика уже бежала по клавишам к нему и музыка летела вместе с ней, и когда она достигла самой последней, самой высокой ноты, она прыгнула. Она летела, раскинув в стороны руки, изогнувшись назад, и в самой высокой точке своего полета крикнула:

- Лови меня, Майкл!

И упала в его объятия.

Г Л А В А 15

Майкл и Джессика попрощались с Расти и Сюзи. И далее Лас-Вегас достался только им, двум держащимся за руки совершенно противоположным людям, целый город, созданный для одиночества вдвоем, город, живущий ночью и оставляющий дню только привкус усталости и сна.

Г Л А В А 16

Через три дня, совершая полет на предельно малых высотах, самолет Расти попал в стайку птиц. Одна из них влетела в левый двигатель и сломала лопатку компрессора. Сжатый компрессором воздух через сломанную лопатку вырвался назад, на свободу, наружу перед самолетом. Давление за компрессором перед камерами сгорания двигателя упало. Компрессор за секунды создал его снова, но сжатый воздух опять вырвался наружу перед самолетом тем же путем. Начался помпаж, пульсирующий режим работы двигателя, сопровождающийся огромными динамическими перегрузками. Двигатель захлебнулся воздухом и остановился. Все это заняло несколько секунд. В этот же момент произошло второе событие. Отраженный скалой практически вертикально вверх поток ветра, облизнув левую консоль крыла Расти, создал критический угол атаки между хордой крыла и набегающим на крыло воздушным потоком. Воздушный поток оторвался от левой консоли крыла, и она потеряла подъемную силу. Самолет начал крениться влево. Еще работающий правый

двигатель начал разворот самолета также влево, в результате чего два движения сложились в плоский, смертельный для истребителя на малой высоте, штопор.

Самолет начал падать, вращаясь, вниз. Установленная на самолете *Terrain Awareness Warning System* или попросту *TAWS*, базирующаяся на *GPS, Global Positioning System*, и базе данных рельефа местности, дала предупреждающий сигнал о предстоящей коллизии с землей. Это было последнее, что услышал Расти до того, как сработала от удара о землю катапульта самолета.

Г Л А В А 17

Самолет уже летел над океаном несколько часов, а в салоне все еще сохранялся аромат кофе, навевающий воспоминания об удаляющейся Вене. Ночь стерла всякий интерес к миру по ту сторону иллюминатора, Шейла откинулась на спинку кресла и повернулась к Майклу.

- Совершенно не могу в это поверить, - сказала она.

- Во что? – с удивлением спросил Майкл.

- Неужели ты с самого детства хотел летать в подобной крошечной темноте? – спросила Шейла.

- Конечно же, нет, - ответил Майкл. – В детстве я никогда не задумывался над жизнью. Наверное, из-за большого числа увлечений. Футбол занимал лето и осень, горные лыжи – зиму, весна вообще пролетала быстро. В двенадцатом классе в эссе на тему, кем бы я хотел стать, я попытался классифицировать море своих противоречивых желаний и логично, как мне казалось тогда, дошел до лечения людей.

- и ..., - сказала Шейла.

- ...поступил в Университет на медицинский, и первые два года оказались чудесными. Мне нравилось, что исчезли всякого рода опеки, все было впереди и все было возможным. Мне нравились учеба, но еще больше мое новое хобби - я начал летать, вошел в общество *AIAA*, участвовал в экспериментах с нулевой гравитацией и аэродинамических испытаниях, мы строили радиоуправляемые самолеты и участвовали в соревнованиях. Хобби было никак не связано с будущей профессией и все было замечательно. Плюс внезапные поездки в Нью-Йорк и Вашингтон на субботы и воскресенья, концерты рок-групп и выступления интересных людей, посещающих университет...

- и? - с интересом спросила Шейла.

- ... и через два года, когда начались специальные дисциплины, я понял, что больше учиться не хочу. Последняя степень приближения к медицине оказалась совершенно неинтересной. Проблема заключалась не в том, как я жил, а в том, как должен буду жить в будущем. Главным для меня осталась только школа пилотов в Университете, а все остальное было только неудавшимся школьным сочинением на медицинскую тему.

- Как интересно, - сказала Шейла.

- Я окончил летную школу *Navy*, - продолжил Майкл. - И теперь счастлив каждый день, мир кажется простым и понятным, единственным непонятым остался только вопрос - зачем писать эссе в школе?

Шейла улыбнулась.

- Время *corriger la fortune*, - сказала она. – Время исправления судьбы.

- Как это случилось у тебя, Шейла? – спросил Майкл.

- Мне всегда хотелось быть писателем или художником, - ответила Шейла. - Я окончила Университет, сейчас работаю корреспондентом в Нью-Йорк Таймс, пишу время от времени статьи на тему искусств и развития цивилизации, фотографирую, пишу акварелью, пытаюсь переделать мир, чтобы он выглядел прекрасным и это требует немало усилий.

- Но в школе, все же, все было проще? – снова спросил Майкл.

- В школе вообще все было проще, - ответила Шейла. - Я хотела стать корреспондентом, потому что мечтала посидеть на лужайке перед Белым Домом в облачке светлячков летней ночью. Конечно же, сразу после интервью с президентом.

Майкл откинулся на спинку кресла и улыбнулся. Шейла улыбнулась ему в ответ.

- Ты что-то вспомнил, – сказала Шейла.

- Облачко светлячков летней ночью, - ответил Майкл. – Однажды я ехал по пустынной дороге, разделенной двойной оранжевой полосой, идущей вдоль огромного парка, и ветер снес на дорогу из травы десяток светлячков. Я объезжал их, а они мерцали внизу в темноте. Ты не смотрела “Унесенные ветром”? Это не о светляках?

Шейла улыбнулась.

- Знаешь, после школы пилотов, - продолжил Майкл, - я понял, что целый интересный мир остался неизвестным и где-то рядом. Нас бросали из одной страны в другую, мы провели около года на базе *Navy* в Бахрейне. Представляешь, настоящий восточный город, улицы с непроизносимыми названиями, крепкий кофе, огромное разнообразие фруктов, пустыня, полеты днем и ночью, стирающие границы между сутками, масса свободного времени, экзотичный язык, музыка и вообще стиль жизни, мы жили только словом “сегодня”... Представляешь?

- Да, конечно, - сказала Шейла.

- Там, на Востоке, со мной произошло странное событие, которое начало время от времени повторяться, - продолжил Майкл.

Шейла заинтересованно повернулась к нему.

- Ты не задумывалась, насколько мы свободны в моменты, когда ощущаем абсолютную свободу? – спросил Майкл.

- Разум умножает свободу, страдания сокращают ее, - ответила задумчиво Шейла.

- Восточный философ? – спросил Майкл.

- Лейбниц, - ответила Шейла. – А вообще, свобода это такое универсальное понятие, которое невозможно определить.

- Поэтому и существует слишком много ее определений? – снова спросил Майкл.

Шейла улыбнулась.

- Конечно же, - ответила она. – Свобода есть возможность бунта у Камю, надвигательный феномен Шелера, выход за пределы своей одномерности у Маркузе, свобода действий у Локка, противопоставление разуму у Руссо, теология освобождения у Хоркхаймера, "перехват истории" у Арндт, "либеральный иронизм" у Рорти, "внутренняя необходимость сущности" у Шеллинга, ну и самое мое любимое...

Майкл заинтересованно посмотрел на Шейлу.

- Человек обречен на свободу, - сказала Шейла и добавила:

- Жан-Поль Сартр.

- Как много ты помнишь, - удивился Майкл.

- Я знаю, - тихо сказала Шейла.

- Как много ты знаешь, - поправил себя Майкл.

- Нет, - возразила Шейла и улыбнулась. - Я знаю, как много я помню.

Майкл улыбнулся ей в ответ.

- Я думаю, говорить надо не о самой свободе, а о количестве ее граней или степеней, - сказал он. - Анализ свободы всегда приводит к полному ее непониманию, так как она многогранна и поэтому, зачастую, противоречива. Свобод в одной анализируемой свободе бесконечно много и, рассматривая одну из них, мы отвергаем или противоречим другой.

- Как интересно, - задумчиво сказала Шейла. - Что же, все-таки, с тобой произошло в том средневековом среднеазиатском городе?

- В нереалиях того средневекового города я почувствовал, что теряю всякую связь с этим миром, - ответил Майкл. - Начали исчезать экзотичные запахи, цвет, вкус, звуки, начали исчезать всякие желания, и появилось ощущение того, что наш мир становится пресным, избавляясь от всех своих пряностей и специй. Как будто бы внезапно исчез вкус в самой высокой точке наслаждения. И впереди передо мной начинался совершенно другой мир, где я был совершенно свободен и мог абсолютно все, и не было никаких ограничивающих определений и понятий.

- Это звучит, как мир с полной свободой воли, - сказала Шейла.

- Это не совсем так. Мы и здесь обладаем полной свободой, - возразил Майкл.

- Свобода воли есть только компромисс между неосознанной реакцией на событие, заложенной веками выживания человечества и требованиями инстинктов, заложенными в детстве, - сказала Шейла. - Здесь мало, что зависит от нас самих. Нельзя быть свободным, являясь маленькой частью огромного мира.

- Свобода воли мало зависит от нас? – спросил Майкл.

- Это было немножко запутанно..., – начала Шейла.

- Ибо спонтанно, - продолжил Майкл.

- И, конечно же, немножко упрощенно, - добавила Шейла. - Как иначе объяснить очевидность?

- Ты совершенно права, - возразил Майкл. - Я могу сейчас сделать все, что захочу. Например, я могу остаться здесь и продолжить спор. Я могу встать и уйти, оставив тебя с неразрешенными философскими проблемами. Хотя с другой стороны, куда уйти с летящего самолета? Видишь, как желание и намерения конфликтуют?

Шейла улыбнулась.

Майкл наклонился к Шейле и шепотом сказал:

- Скажу тебе по секрету, уходить я не собираюсь. Могу, наконец....

Майкл замолчал.

- Что? – с интересом спросила Шейла.

- Могу..., - задумался Майкл, - вызвать стюардессу, но ничего ее не попросить.

- Поверь мне, Майкл, - сказала Шейла. – Все это абсолютно не свобода воли и не свобода выбора. Ты уже сделал решение - сделать что-либо, чтобы доказать превосходство в споре, особенно с женщиной. Я не виню тебя. Это решение сделал твой инстинкт из глубины веков. Что именно сделать, чтобы доказать недоказуемое, ты выберешь в момент самого выбора, выберешь наиболее для этого подходящее. Я права?

Майкл задумался.

- И в этот момент, когда такой выбор сделан, - продолжила Шейла. – Твоя способность к размышлению найдет здесь объяснение в свободе воли. Все же находится во власти законов природы, а неумение человека объяснить то или иное явление лишь переносит его в разряд случайных.

- Иными словами, все мистическое и случайное создается человеческим умом? – уточнил Майкл.

- Лучше сказать, объявляется, - пояснила Шейла.

- Иными словами, - сказал Майкл. – Человек станет свободным, ну хотя бы будет обладать свободой воли, если он отбросит все инстинкты, сформированные тысячелетиями выживания...

- А также, воспитанием и обучением, - добавила Шейла.

- А также, воспитанием и обучением, - повторил Майкл. - Поднимется над всем, что определяло его поступки, над непосредственной реакцией, заложенной тысячелетиями выживания, понятиями добра и зла, ненависти и любви ...

- Остановись здесь, Майкл, - попросила Шейла. – Я попробовала это однажды. Это страшно. Я почувствовала себя трепещущей рыбкой в холодной руке судьбы. Ты даже не представляешь себе, как это страшно по ту сторону добра и зла. Какую

пустоту, безысходность и одиночество дает абсолютная свобода воли, к которой так стремится человечество. Ты один и только одна холодная пустая бездна вокруг тебя. Ты же сам ощутил это в том средневековом городе.

Шейла зябко поежилась:

- А если я все-таки вызову стюардессу? – спросил Майкл.

- И ничего не попросишь? – уточнила Шейла.

- Абсолютно ничего, - подтвердил Майкл.

- Ну хорошо. - согласилась Шейла. - Пусть свобода воли все же существует. Но только у пилотов *Navu*. Я сегодня бескомпромиссная, но добрая. Кстати, вот тебе пример от Шопенгауэра - мужчина думает: "Итак, сейчас шесть часов вечера. Работа закончена и я могу пойти прогуляться, заглянуть в клуб, подняться на башню, чтобы встретить закат, пойти, наконец, в театр, встретиться с друзьями или выбежать из ворот города в широко открытый мир и никогда не вернуться назад. Все зависит от меня, и я имею полную свободу. Однако, я ничего не сделаю, а лишь пойду добровольно домой к своей жене."

Шейла замолчала и улыбнулась. Майкл рассмеялся и спросил:

- Теперь ты не удивляешься, почему я отстаивал свободу воли у мужчин?

- Абсолютно нет, - ответила Шейла. - Ты всегда, почему-то, прав.

- Конечно, прав, - согласился Майкл. – Видишь, я даже не спорю.

- Я тоже, - продолжила Шейла. - Хотя спор является началом взаимоотношений, теорий, книг и даже философских направлений, хотя философы почему-то не только не изучают, а даже не затрагивают это понятие.

- Так можно прийти к теории абсолютного спора Гегеля, - улыбнувшись, сказал Майкл. - Или к метафизичности спора Фейербаха. С описанием удара книгой, посвященной его проблемам, по голове, как крайней левой составляющей его метафизичности.

- Майкл, с тобой нельзя говорить серьезно, - рассмеялась Шейла.

- Я знаю, - подтвердил Майкл. - Иногда бывают моменты, когда я сам себя анализирую и понимаю, что упростился до клетки и несу самому непонятно что.

- Не преуменьшай свою значимость, - возразила Шейла. - Превращение в одноклеточное тебе не грозит. Так что не имитируй. Амеба из тебя не получится, тем более, летающая.

- Напротив, амебой быть хорошо, ни о чем не надо думать, никакой работы, только маленькие удовольствия и все повторяется как один день, - сказал Майкл. - Мы на авианосце так и живем. Иногда даже делиться не хочется. Мыслями. Из-за их отсутствия,

- Ты снова все преуменьшаешь, - возразила Шейла. – И только, чтобы меня подразнить. Ты живешь в прекрасном мире. Истребители – продолжение эволюции природы, прекрасны своим совершенством, как и все живое. Расскажи мне что-нибудь

о них, никогда не понимала, как можно летать без взмахов крыльев. Они даже смотрят на людей свысока. Во всех смыслах.

- Хорошо, - согласился Майкл. - Истребитель *F-18*, мое чудо, совершенная аэродинамическая схема и компоновка. Представь, как он входит в еще невозмущенный, спокойный, холодный воздух на большой высоте и на огромной скорости, захватывая его трубкой приемника воздушного давления, длинной трубкой на носу самолета, глоток воздуха ныряет к прибору и давит на мембрану, перемещая стрелку указателя скорости, и затем воздушный поток раздвигается носом самолета, представляющим для всех очень прочным, как металл, но не верь, все носы самолетов из радиопрозрачного пластика, скрывающего за собой локаторы, и далее воздушный поток режется острым крылом на две части, одна уходит вверх, облизывая крыло и создавая подъемную силу, а вторая ныряет вниз, кромка воздухозаборника срезает прилипший и уже привыкший к фюзеляжу слой воздуха, захватывая внутрь двигателя только свежий скоростной поток, чтобы сжечь его в камерах сгорания, спасая же от крыла часть потока скользит под оперениями, стабилизируя самолет и, забрав с металлических щеточек горизонтального оперения статическое электричество, наконец, оставляет самолет, помня его только своей турбулентностью.

Майкл помолчал немножко, глядя на Шейлу, и сказал:

- Я понимаю, что невыносим. Я сделал только одну ошибку в жизни. Представляешь, как мало ошибок я сделал? Разве можно такое рассказывать девушкам?

- Конечно же, можно, - сразу же ответила Шейла. – Они же, глупые, ничегошеньки не понимают.

- Ну, хватит обо мне, - попросил Майкл. – Что же касается тебя...

- Что касается меня? – спросила, улыбнувшись, Шейла.

- Было ли у тебя в жизни что-то такое, что перевернуло твое восприятие мира? - спросил Майкл.

- Я думаю, это было у каждого, - ответила Шейла. – Как завершение детства. Конечно же, это было и у меня. Леонардовская *Ginevra de' Benci*. Я стояла перед ней в Национальной галерее в Вашингтоне и понимала, что все вокруг внезапно изменилось. Леонардо показал мне совершенно иной мир, наполненный гармонией и восхищением, и многие цели и стремления в моей жизни стали просто ненужными.

- Я помню эту картину Леонардо, - сказал Майкл.

- Существуют две версии ее создания, - продолжила Шейла. – Первая, немножко банальная - свадебный портрет и вторая, к которой я и склоняюсь - портрет платонической любви посла Венеции во Флоренции *Bernardo Bembo*. Я до сих пор стою часами перед этой картиной каждый раз, когда бываю в Вашингтоне. Чудесный портрет Джиневры де Бенчи, прозрачность лица, подсвеченные локоны волос в леонардовских переходах цветов, атмосфера пространства, сфумато, мистики и меланхолии, ветви можжевельника и листья деревьев едва уловимо движутся в бризе, светящееся лицо, подчеркивающее выражение глаз, прикосновение Леонардо пальцами, вместо кисти, к холсту...

- Ты так чудесно рассказываешь, - сказал Майкл. - Единственное, что мне не нравится в живописи, это абсолютная статичность.

- Ты это говоришь, чтобы меня позлить? - спросила Шейла.

- Совершенно наоборот. Застывшие формы..., - начал Майкл.

- Застывшие формы? - возмущенно переспросила Шейла.

Наступила пауза.

- Застывшие? Формы? - Шейла как будто бы попробовала на языке каждое слово. - Я уже готова в тебя вцепиться.

И внезапно улыбнулась.

- Спорим, что ты откажешься от своих слов? – спросила она и протянула руку.

- Спорим, - сказал Майкл. - На что?

- На желание, - ответила, задумавшись на секунду, Шейла.

- Согласен, - сказал Майкл.

- Представляю, - улыбнулась Шейла и добавила: - На мое желание.

- В смысле? – спросил Майкл.

- Если я выиграю, - ответила Шейла, - ты исполнишь мое желание.

- А если нет? – спросил Майкл.

- То ты его не исполнишь, - ответила Шейла.

- Но ты хотя бы скажешь, что это было за желание? – спросил Майкл.

- Зачем? – вопросом на вопрос ответила Шейла.

- Чтобы я знал, что не исполнил, - ответил Майкл.

- Хорошо, - согласилась Шейла. - А ты действительно готов исполнить любое мое желание?

- Да, совершенно готов. Не волнуйся, - ответил Майкл.

- Это меня больше всего и волнует, - сказала Шейла. – Итак, спорим?

- Спорим, - согласился Майкл.

И они скрепили спор рукопожатием. Ладонка Шейлы оказалась узенькой и прохладной.

- Итак, - уточнил Майкл. - Я стану человеком Ренессанса?

- Конечно, - ответила Шейла. – Хорошо бы прямо сейчас оказаться в Мэте, *Metropolitan Museum of Art*. Кстати, ты любишь Мэт?

- Я был там однажды, - ответил Майкл.

- Однажды! – тихо воскликнула Шейла.

Она закатила глаза и упала назад на спинку кресла.

- Однажды, - повторил Майкл.
 - Пожалуйста, не убивай меня этим, - попросила Шейла.
 - И как ты собираешься выиграть спор? – спросил Майкл.
 - Хорошо бы прямо сейчас оказаться в Мэте, - снова повторила Шейла. - А выиграть спор я собираюсь с помощью Канта и Алисы.
 - Иммануила Канта и Алисы..., - приглашающе к продолжению сказал Майкл.
 - Из Зазеркалья, - уточнила Шейла. - Да, еще и с помощью шляпника, зайца, королевы, кота...
 - Чеширского? – спросил Майкл.
 - Конечно же, чеширского, - ответила Шейла. – Какой еще кот понимает толк в искусстве?
 - Что же касается Канта? - спросил Майкл.
 - Все началось с анонимной книги Фридриха Великого, - ответила Шейла. - Анонимной из-за опасения церкви. Замечательной книги с замечательно неприемлемо длинным для нее названием "*Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem Mechanischen Ursprunge des Ganzen Weltgebäudes nach Newtonischen Grundsätzen Abgehandelt*". Только в Германии могли придумать такие длинные слова и такое длинное название. Разве можно сравнить с нашим шоу "О"?
 - Кратко и ясно, - улыбнулся Майкл.
 - Чудесно, как и сам Лас-Вегас, - согласилась Шейла. - Я буду там через пару дней.
 - Замечательно, - сказал Майкл.
 - Хотя очень бы хотелось увидеть пустыню, - добавила Шейла.
 - Ты же летишь в Лас-Вегас, - удивился Майкл.
 - Нет, настоящую, пышущую горячим песком и солнечным жаром пустыню, в которой у Ницше дух превращается во льва, - сказала Шейла.
- Самолет внезапно задрожал мелкой дрожью и начал клониться на крыло. Шейла вздрогнула. Звук двигателей усилился, пилоты восстановили горизонтальный полет. Самолет снова затрясло, и он неожиданно просел. Звук двигателей стал еще громче. Шейла побледнела, откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Майкл осторожно дотронулся до ее руки и сказал:
- Не волнуйся.
 - Что случилось? – тихо спросила Шейла.
 - Ничего страшного, - ответил Майкл. – Выше 10 тысячи метров находится слой тропопаузы с подобной болтанкой. Никто не знает, почему это начинается именно на этой высоте. Но это не важно. Главное, что здесь воздух разрежен, сопротивление полета меньше, расход топлива тоже меньше и тому подобные неинтересные вещи.

Самолеты забираются сюда, пытаюсь сэкономить деньги пассажиров. Так что все это только во благо.

- Майкл, пожалуйста, - попросила Шейла. - Ты пугаешь меня еще больше непонятной болтанкой и странной тропосферой.

- Тропопаузой, - уточнил Майкл

- Хорошо, - согласилась Шейла. - Пусть будет по-твоему. Тропопаузой.

Она зябко поежилась.

- Не представляю себе, что они чувствуют ночью, над океаном, за штурвалами, в небольшой просторности, - Шейла показала глазами на кабину пилотов.

- У них нет штурвалов, - уточнил Майкл.

- Нет штурвалов? - возмущенно и одновременно испуганно переспросила Шейла.

- У них небольшие боковые ручки управления, - пояснил Майкл. - Вместо штурвалов у них выдвигающиеся столики.

- Зачем пилотам столики? – подозрительно спросила Шейла.

- Как они шутят - для обеда и коктейлей, - ответил Майкл.

- Для коктейлей? – испуганно переспросила Шейла.

- Шейла, не волнуйся, - попросил ее Майкл. – Самолет это очень надежная машина. У нас, например, несколько независимых, дублирующих друг друга гидросистем управления. Они смогут работать даже если двигатели откажут.

- У нас могут оказать двигатели? – испуганно спросила Шейла. – Не понимаю, как ты сам не боишься летать?

- Наступило время *corriger la fortune* - время исправления судьбы. Есть одно средство, - сказал Майкл и спросил. - Хочешь попробовать?

- Абсолютно, - ответила Шейла.

Майкл посмотрел по сторонам. Все вокруг спали, стюардессы затерялись где-то в глубине самолета. Майкл достал из-под кресла кейс, положил его на колени, открыл его, достал бутылку бренди, еще раз посмотрел по сторонам, открутил пробку и налил немножко бренди в пластиковый стаканчик, стоящий на столике перед Шейлой и убрал бутылку.

- Столики для обеда и коктейлей, - вспомнила Шейла.

- Пей быстро, как лекарство, - попросил Майкл. – Если заметят, нас высадят из самолета прямо здесь.

Шейла посмотрела на Майкла умоляющими и глазами.

- Быстрее, - снова попросил Майкл.

Шейла взяла стаканчик и сделала большой глоток.

Дыхание ее перехватило. Она сидела, не дыша и ничего не говоря.

- Шейла, - позвал ее Майкл.

Шейла сделала вздох, посмотрела на Майкла и сказала:

- Это, по крайней мере, отвлекает.

- Хорошо, - сказал Майкл.

- Хорошо, - повторила Шейла.

Она снова откинулась на спинку кресла и, повернув голову к Майклу, сказала:

- Спасибо, это, правда, отвлекает от страхов. Даже стало хорошо в твоей тропоплаузе. Только теперь я засыпаю. Извини меня, пожалуйста, Майкл. Такой длинный день. Ничего с собой не могу поделать. Я закрою на секунду глаза...

Шейла подняла высокий воротник свитера до самых глаз и начала засыпать. Майкл снова остался один.

Майкл возвращался из отпуска в Европе домой и затем снова на свой авианосец, к дням сурка, океану и полетам, соленым брызгам и редким огонькам пассажирских самолетов над головой, несущих людей навстречу смыслу и бессмыслице, теплу и холоду. Здесь, по пути домой, над океаном, где-то посередине пути между Веной и Нью-Йорком, на островке тепла и света, он смотрел на засыпающую девушку, живущую образами картин и музыки, навевающую ощущение тепла и счастья одиночества вдвоем, которая только начала рассказывать миру свою историю.

- Поцелуй меня, когда я усну, - тихо сказала во сне Шейла.

Г Л А В А 18

- Просыпайся, соня, - услышал Майкл голос Шейлы. - Доброе утро.

Майкл открыл глаза. Самолет разворачивался в воздухе, и сотня солнечных зайчиков от иллюминаторов кружилась по салону. Нью-Йорк, *Big Apple*, *Большое Яблоко*, лежало перед ними, разрезанное на дольки Манхэттена, Бронкса, Квинса, Бруклина и Стейтен Айленда, огромный мегаполис, в котором жили 8 миллионов человек, говорящих на 100 различных языках.

- Доброе утро, - сказал Майкл.

Шейла качнула головой и улыбнулась ему в ответ.

Самолет нырнул в пронизанные солнцем облака и вынырнул в небольшой полоске синего неба между облаками вверху над самолетом и такими же внизу под ним, лежащими прямо на земле. Все это походило на какой-то свой, замкнутый сам на себя мир, лежащий между двумя слоями облаков, на сон, заполненный шумом самолетных двигателей, на мир без времени и пространства, без людей и событий. Самолет летел и летел, не снижаясь, и перед ними выросла Манхэттен, остров сокровищ в руках рек *Hudson* и *East*.

- У многих, впервые прибывших в Нью-Йорк, первым впечатлением будет ожидание, я не помню еще такой долгой посадки, - сказала Шейла.

На посадочной глиссаде перед *JFK*, аэропортом в Квинсе, в 15 милях к югу от Манхэттена, был виден только небольшой просвет между облаками и водой Атлантики с зашедшими сюда кораблями. Началась болтанка, самолет бросало из стороны в сторону, Шейла побледнела, сжала руку Майкла, закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Шум двигателей усилился, пилоты подтягивали самолет к взлетной полосе, пытаясь сохранить безопасную высоту. Волны проплывали уже почти под крылом и самолет начал разворот, целясь на осевую линию взлетной полосы.

- Все будет хорошо, - сказал Майкл.

Шейла вздрогнула и попросила:

- Майкл, пожалуйста, ничего не говори.

Солнце снова переместилось в иллюминаторах, волны воды под самолетом исчезли и самолет задрожал в рожденной прогретой землей турбуленциях воздуха. Его нос начал подниматься, земля вокруг, казалось, бежала назад быстрее и быстрее, внизу проплыла скоростная автострада и, наконец, они коснулись взлетной полосы, раздался привычный шум раскручиваемых ударом о бетон колес шасси самолета, поднялись панели воздушных тормозов на крыле, и заревели в реверсе двигатели, выплескивая реактивную струю вперед, против движения, в попытке еще большего торможения.

И вот они уже плавно и спокойно катились к аэропорту, где их ждал новый на земле день.

Г Л А В А 19

Майкл и Шейла вышли из здания терминала и остановились в очереди на такси. Было по-утреннему прохладно, и Шейла подняла воротник светлого плаща. Холодный осенний ветер, длинные утренние темные тени перед зданием аэропорта, внутренняя неустроенность людей, ждущих такси, полностью разрушили атмосферу близости и комфорта полета над ночным океаном. Шейла тихонько стояла рядом с Майклом и думала о чем-то своем, глядя куда-то сквозь всех, чудесная девушка в утреннем некомфортном мире нью-йоркского аэропорта. Майкл осторожно дотронулся до ее плеча и тихо позвал:

- Шейла.

Шейла подняла голову и посмотрела на Майкла.

- *“Сирены сегодня имеют более фатальное оружие, чем песни ...”* – сказал Майкл.

К кромке тротуара подлетело желтое нью-йоркское такси. Майкл открыл дверь. Шейла грустно ему улыбнулась, сказала: "Прощай, Майкл", дотронулась до его руки и села в такси. Майкл поставил ее вещи в багажник, обошел такси, открыл дверь с другой стороны и сел рядом с Шейлой.

- Пункт назначения?- спросил водитель такси.

Шейла смотрела, не отводя глаз, на Майкла, все еще пребывая в каком-то своем внутреннем отрешенном мире. Майкл взял ее руку и Шейла, также продолжая смотреть на него, улыбнулась и, подвинувшись, прижалась щекой к его плечу.

- Ребята, куда едем? – переспросил водитель такси.

- Какое фатальное оружие имеют сирены? – спросила Шейла.

Водитель снова повернулся к ним.

- Молчание, - ответил Майкл. - Кафка.

- Ребята..., - позвал водитель.

- Что ты находишь в Кафке? – спросила, улыбнувшись, Шейла.

- Единственный писатель, - ответил Майкл, - удовольствие от книг которого наступает только когда прерываешь чтение. Такое ощущение, что сам вырываешься из какой-то трясины или омота.

Водитель улыбнулся в зеркале и спросил:

- В литературный клуб?

- В Манхэттен, - сказал Майкл.

- *Lady Liberty*? - уточнил водитель.

- Что еще нужно туристам, вырвавшимся из омота? - ответил Майкл.

Г Л А В А 2 0

Они летели к Статуе Свободы на скоростном катере, делающем свыше 80 миль в час, и прыжки на волнах превращали линию небоскребов Нью-Йорка в кошмарную ломанную. Шейла, держала Майкла под руку, прижавшись к нему, а Майкл пытался закрыть ее от холодных, летящих в их лица, брызг.

Капитан скоростного катера представился перед путешествием:

- Меня зовут *Mad dog*.

И извинился за недостаточное волнение и, даже, штиль в заливе. Катер мчался, как сумасшедший, и капитан орал в мегафон проходящим судам:

- Хотите наперегонки? Я так не думаю!!!

А его помощник поливал всех из гигантского детского водяного пистолета, похожего на водомет, компенсируя отсутствие должных волн. Так продолжалось бесконечно долго и, когда уже не было никаких сил переносить этот полет, удары о волны и создаваемый брызгами дождь, катер внезапно остановился, и наступила тишина. *Lady Liberty* стояла прямо перед ними, и Майкл впервые в жизни понял, что она совершенно не была ни символом свободы, ни эмигрантской надеждой на лучшую

жизнь, скорее, не только всем этим, потому что сейчас это было совершенно не главным. Этим осенним нью-йоркским утром она была просто прекрасной женщиной, стоящей здесь, в воротах нового мира, чудесной, несущей любовь женщиной, созданной гениальным французским скульптором Фредериком Огюстом Бартольди.

Г Л А В А 2 1

Майкл и Шейла стояли на берегу, приходя в себя. Солнце поднялось и начало греть по-летнему. Шейла улыбалась, вздохмаченная полетом над волнами, тоненькая девушка, живущая настоящим, исключаяющим всякие долгосрочные и краткосрочные прогнозы и планы, с кем хотелось бы потеряться в любом незнакомом городе.

- Тебе не скучно со мной? – спросил Майкл и улыбнулся.

- Нет, напротив, - ответила Шейла. - Мне очень хорошо. Ты не представляешь, насколько ты отличаешься в этом городе от всех нас. Высокий, худощавый, загорелое обветренное лицо, выцветшие волосы... Как будто бы ты из другого мира, здесь, среди нас, избалованных удовольствиями большого города.

- Поверь, ты бы тоже отличалась в лучшую сторону от всех нас на авианосце, - добавил Майкл.

Шейла улыбнулась и сказала:

- Я представляю.

Они шли по узкой *Wall Street*, где когда-то была построена *Стена*, защищавшая город от вражеских атак, они шли по узкой *Wall Street* мимо десятка висящих над их головами разноцветных флагов, шли прямо к подножию *Trinity Church*, Церкви троицы.

- Люблю осенний Нью-Йорк, - задумчиво сказала Шейла, - когда весь день еще впереди и наполнен ожиданием чуда, особое осеннее темно-синее небо и ожидание прохладным утром тепла дня. Нью-Йорк каждый день такой разный. Сегодня же для меня весь этот набор непересекающихся ощущений даже не складывается в картинку осени. Наверное, потому что сегодня осень скорее похожа на лето, очень тепло и солнечно. Вообще идет какой-то сдвиг во времени. В прошлом году осень была очень длинной, зима пришла только в январе и закончилась в мае. Наверное, из-за глобального потепления осенью и глобального похолодания весной. Но каждый год все повторяется по-разному.

- Как говорит Расти, все открываешь снова и снова, когда поворачиваешь очередной раз Колесо Дхармы, - сказал Майкл. - И каждый раз все видишь в новом свете.

- Он серьезно увлечен буддизмом? – спросила Шейла.

- Да, - ответил Майкл. - У него даже возле самой пилотской кабины на самолете изображение дракона, векового символа наивысшей спиритуальной сущности...

-... олицетворяющего мудрость, силу и божественную энергию преобразований, - продолжила Шейла. - Я помню, это мотто издательства Шамбала.

Они подошли к *Trinity Church*, епископальной церкви в готическом стиле, поднимающейся с земли в небо прямо от их ног.

- Да, такой интересный город, который принимал авантюристов, искателей приключений и даже пиратов, - сказала Шейла.

- Ты о Капитане Кидде? - спросил Майкл..

- Да, точно, о Вильяме Кидде, - ответила Шейла. - Он нашел здесь свой остров сокровищ. И даже финансировал строительство *Trinity Church*.

- Пираты здесь становились уважаемыми людьми, а уважаемые люди стрелялись, как пираты, - добавил Майкл. - Аарон Бёрр и Александр Гамильтон. Представляешь себе свободу выбора? Вице-президент страны стреляется на дуэли с редактором газеты *New York Post*.

- Да, - согласилась Шейла. - Александр Гамильтон и нашел покой здесь же, в *Trinity Church*. Вся история всего в двух шагах от нас... Утро, лето 1804-го, выстрел на берегу реки. У нас есть все, даже Мост Вздохов над Центральной улицей в здании Криминального суда.

- Так необычно, - сказал Майкл.

- Майкл, ты часто бываешь в Нью-Йорке? – спросила Шейла.

- Я был здесь десяток раз, но, зачастую, только в аэропортах при пересадке из одного самолета в другой, - ответил Майкл. - Нью-Йорк я больше помню по школьным экскурсиям.

- Куда бы ты хотел сейчас пойти? Что бы мечтал увидеть? - спросила Шейла. - Только больше никаких реактивных катеров.

- Неважно, - ответил Майкл. - Выбирай, чем можно удивить провинциала.

Шейла бросила быстрый взгляд на Майкла и улыбнулась.

- В этом солнечном осеннем городе, - сказала она, - мне даже не верится, что ты скоро увидишь открытый океан. Один и один лишь океан, заполняющий мир до самого горизонта вокруг.

Майкл улыбнулся ей в ответ.

- Это не скучно, жить, зная наперед расписание и распорядок? - спросила Шейла.

- Это интересно, - ответил Майкл. - Каждый новый день и каждый новый город наполнен столькими событиями.

- Наверное, ты прав, - согласилась Шейла. - Ага! Я догадалась! Вот в чем отличие наших жизней!

- Даже не могу представить, - сказал Майкл.

- Как репортер, я еду туда, где что-то произошло, - продолжила Шейла. - А вы, *Navy*, прибываете, а потом все и начинается.

Майкл рассмеялся, и Шейла улыбнулась ему в ответ.

- Майкл, тебе не бывает страшно на твоей войне? – спросила Шейла.

- Страшно бывает, когда возвращаешься домой, - ответил Майкл. - Страшно от того, что война не имеет ни логики, ни конца и будет длиться вечно, переходя из одной страны в другую. Там же, внутри, в гуще событий, скорее бывает неприятно, отвратительно... Наверное, подобное ощущает хирург, очищающий рану от смешанной с грязью крови.

Шейла стояла, ничего не говоря, ставшая совершенно серьезной, и смотрела на Майкла широко открытыми глазами.

- Теперь все будет хорошо, - успокоительно сказал Майкл. - Мы завершили 2000-летний Период Рыб, *Age of Pisces*, период войн, боли и несчастий, период, когда человечество поступало по указанию свыше и только училось самостоятельно думать. Начался новый период, Период Водолея, *Age of Aquarius*, период, когда мы начинаем по-настоящему мыслить и человек становится человеком. Наступает период гуманности и добра, и человечество начинает понимать поступки, которые могут принести страдания и боль. И теперь все должно стать лучше.

- Ты действительно думаешь, что мы миновали период войн? - спросила Шейла.

- Что может случиться еще? - вопросом на вопрос ответил Майкл.

- Прости меня, Майкл. Больше не буду напоминать тебе об этом. И вообще, не воспринимай меня всерьез. Вопросы для того и существуют, чтобы на них не отвечать. Это хорошо понимают репортеры, политики и женщины.

Г Л А В А 22

Ветер, родившийся в турбуленциях где-то над Мексиканским заливом, так и не ставший ураганом и пересекший всю страну, над горами со снегом на вершинах, засыпающими и просыпающимися городами, осенними лесами и полями, врвался в открытое окно желтого нью-йоркского такси и ходил вихрем по его салону, Шейла поправляла волосы и улыбалась. Такси пролетело мимо небоскреба *Flatiron*, узким гребнем уходящего в небо, небольшого зеленого парка *Union Square* и повернуло на Бродвей, вернее на его участок, называемый *Ladies' Mile*, с большим количеством магазинов и кафе. Город уже проснулся и жил своей утренней жизнью: люди спешили на работу, опаздывали на встречи, ждали зеленый свет светофора и обменивались новостями.

Мимо такси промелькнул парк *Madison Square*, еще один этим утром небольшой тихий парк, зеленый островок, окруженный трафиком, потоками спешащих людей и деловыми офисами, возвращающий посетителей в 19-й век своими скульптурами,

спокойствием и тишиной, и такси влилось в поток спешащих автомобилей и спешащих людей на Пятой Авеню.

Шейла, проведя взглядом за окном *The Little Church Around the Corner*, Маленькую Церковь За Углом, наклонилась к Майклу и сказала:

- Церковь - молчаливое напоминание о ценности человеческой жизни.

И, улыбнувшись, добавила:

- Я же просила тебя, больше никакого реактивного транспорта.

- Речь шла о катерах, а не о такси, - уточнил Майкл.

- Если он не затормозит вовремя у пирса в очередной раз, мы превратимся в катер, - сказала Шейла.

Майкл улыбнулся, и Шейла снова повернулась к окну. Впереди, за 33-й Западной улицей, в небо величественно вознесся *Empire State Building*, Эмпайер Стэйт Билдинг. Слева промелькнула еще одна церковь *Marble Collegiate Reformed Church*, Мраморная Коллегиальная Церковь Преобразования, известная своим пастором Винсентом Пилом, написавшим книгу “Энергия позитивного мышления”. Другой позитивный мыслитель Стивен Тайлер из “Аэросмит” пел во весь голос в летящем по Нью-Йорку такси:

*Life's a journey not a destination
And I just can't tell just what tomorrow brings.*

Шейла, выставив в окно такси руку, направляла ладонью встречный поток ветра на Майкла и счастливо улыбалась.

Г Л А В А 23

Майкл стоял, дотронувшись рукой до Великих бронзовых дверей Собора Святого Патрика, огромных 20-ти тысяч фунтовых дверей с гравированными на них фигурами святых, пропуская вперед Шейлу. Собор располагался на Пятой Авеню между Восточными 50-й и 51-й улицами и был самым большим католическим собором в Соединенных Штатах, вмещающим две с половиной тысячи человек.

Майкл вошел вслед за Шейлой внутрь Собора и они внезапно оказались совершенно в другом мире, отрезанном от спешки, шума и суматохи Большого Города, как когда-то незнакомые им люди, находившие здесь пристанище и убежище в тяжелые для себя времена. Огромное круглое двадцати шести футовое *Great Rose Window*, Великое окно, несущее мозаику яркого разноцветного стекла над семью тысячами труб Великого Органа, светилось над главным входом позади Майкла и Шейлы, окрашивая разноцветными теплыми тонами их путь к Высокому Алтарю и все еще оставаясь окном в оставленный ими мир.

Они шли к Высокому Алтарю, чувствуя близость рук, шли между рядами деревянных скамей совершенно пустого в это утро собора, два человека, еще что-то ищущих в своем огромном мире.

- Спасибо, Тебе, - говорил про себя Майкл. - За дождь и музыку Вены, ночь над океаном и осенний Нью-Йорк...

- Мы исчезаем, как уходит в никуда пламя свечи, и непонятно, ни его начало, ни цель, ни завершение, - думала Шейла. - Ты оставил нас здесь тысячи лет назад и осталась только боль памяти и желание продлить Твое присутствие в воздвигаемых нами соборах. Ты оставил нас и совсем непонятно, кто мы, зачем мы и куда мы идем...

- Спасибо Тебе за небрежную цепочку событий, принесших в мою жизнь это очарование, - думал Майкл. - За это взлохмаченное осенним ветром чудо, вошедшее в мою жизнь над ночным океаном. За снова проснувшееся во мне восхищение. Это случается со мной все реже и реже.

- Наверное, я влюбляюсь, - думала Шейла. - Прошу Тебя, спаси меня от того, к чему я так стремлюсь.

- Так тихо и спокойно, как будто бы ничего не происходит, - говорил про себя Майкл. - Моя любовь рождается в тишине, под треск свечей в разноцветных лучах *Great Rose Window* в осеннем Нью-Йорке. И у меня нет ничего, о чем попросить Тебя, кроме добра и счастья для этой девочки.

- Я падаю, падаю, падаю в ощущение счастья, - думала Шейла. - И уже нет для меня никакого возврата назад.

- У нас еще весь день впереди и пусть происходит только хорошее, - тихо попросил Майкл и осторожно, кончиками пальцев, едва касаясь, погладил плечо Шейлы.

Шейла повернулась к нему и улыбнулась.

- Заканчивается чудесная осень и снова наступает холодная, долгая зима, - думала Шейла. - И я буду по нему очень скучать, моему чудесному, с обветренным загорелым лицом и выгоревшими волосами мальчику. Все собралось в сегодняшнем дне, вся моя жизнь и все мое ожидание. И нет возврата во вчера, уже совсем коротко сегодня и у нас уже не будет завтра. Только дай мне силы проститься с ним сегодня ночью. И уже почти не осталось дня. Вся моя жизнь заключена в этом очень коротком моменте бесконечного времени, настолько коротком, что у него нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

- Все будет хорошо, и сегодня, и завтра, и все сбудется и все исполнится, - думал Майкл. - Только не уходи и не исчезай никуда, Шейла...

- Мне нужно остановиться, - думала Шейла. - Мне очень хорошо сейчас и я никуда уже не спешу, и нет сейчас никакого будущего, а только одиночество вдвоем...

Возникшая в пустоте и холоде космоса любовь взглянула сквозь глаза Шейлы в глаза Майкла, сначала осторожно и испуганно и затем, когда канул в бесконечность страх увидеть пустоту, взглянула, не отводя взора, и увидела свое чудесное рождение.

- Шейла, - тихо сказал Майкл.

- Майкл, - также тихо, одновременно с ним, сказала Шейла.

И они замолчали.

- Мы с тобой..., - начал Майкл.

- Мы..., - снова одновременно с ним сказала Шейла.

И они замолчали снова.

Майкл извиняюще улыбнулся.

- Прости, что перебил тебя, - сказал он.

- Нет, ничего, - тихо ответила Шейла. – Я так счастлива и сейчас не нужно никаких слов...

Майкл взял в свою руку кончики пальцев Шейлы. Ее лицо было совершенно близко от его лица в этом забытом всеми людьми Соборе. Было очень тихо и на Майкла смотрели уже не глаза девочки из ночного самолета, которую он, казалось, знал всю свою жизнь, а глаза прекрасной и незнакомой женщины.

Они шли вместе к Высокому Алтарю, над которым парил Бронзовый балдахин в белом мраморном пространстве Собора, парил в пространстве, наполненном едва слышным треском и запахом горевших свечей, отдаленными голосами то ли только что зашедших в собор людей, то ли бывших здесь когда-то очень давно, зашедшими сюда за надеждой, утешением или просто добрым словом, зашедшими перед долгой дорогой, в горе или радости, в хорошие времена или плохие, или просто влюбленных.

Г Л А В А 24

- Превратности и знамения, многозначительное и непостижимое, суть явлений и просто жизнь, как все это звучит по-иному вне стен Собора, - сказала Шейла.

Они стояли на Пятой Авеню, в разноцветном городе, построенном на самом краю планеты, у кромки Атлантики, стояли в смешении всевозможных языков, в спешке, сумятице, рядом с проносящимися автомобилями, и все еще думали о превратностях и знамениях, о многозначительном и непостижимом, о сути явлений и просто о жизни, два еще недавно совершенно незнакомых друг другу человека, встретившихся совсем ненадолго, чтобы исчезнуть, раствориться снова в этом огромном мегаполисе, построенном, как будто бы, для встреч и расставаний.

- Спасибо тебе, Майкл, за Собор Святого Патрика, - сказала Шейла. - Ты осуществил то, к чему я так неосознанно стремилась.

- Пожалуйста, - сказал Майкл. - Я очень рад. Обычное же распространенное мнение, что я совершенно не понимаю женщин.

Шейла улыбнулась. Она стояла, задумавшись о чем-то своем, не обращая на мир вокруг никакого внимания.

- Шейла, - позвал ее Майкл.

- Да, - откликнулась Шейла и посмотрела на Майкла.
- Ты проголодалась, - сказал Майкл.
- Майкл, кто тебе сказал, что абсолютно не понимаешь женщин? - рассмеялась Шейла.

Г Л А В А 25

Они сидели в ресторане неподалеку от Рокфеллеровского центра на Пятой авеню и Шейла, задумчиво листая меню, сказала:

- А я, действительно, проголодалась. Где здесь мой огромный нью-йоркский стейк, полупрожаренный на открытом огне? Как мне сейчас понятен Гораций: *“Природа всегда возвращается, даже если ее ты гонишь вилами”*.

Она пролистнула еще две странички меню и, подняв голову, спросила:

- Майкл, я не кажусь тебе кровожадной?

- Я хочу, даже взываю, именно к этому же, - ответил Майкл. - Именно нью-йоркский стейк, именно огромный и полупрожаренный на открытом огне. И огромная запеченная в кожуре картошка, надломленная в середине и заполненная сметаной.

- И овощи, овощи, овощи, - добавила Шейла. - Брокколи, артишок... Ага, я нашла стейки. Это в середине меню. Я так их люблю, что даже завидую вегетарианцам.

- Завидуешь? – удивился Майкл.

- Еще как! - подтвердила Шейла. - Вегетарианцы для меня, как тайное общество владельцев какого-то большого секрета.

- Нет у них никакого секрета, - сказал Майкл. – Вегетарианство придумал охотник-неудачник, не умевший жить по принципу древних - всегда говорить правду и хорошо стрелять из лука.

Шейла рассмеялась.

- Майкл, - сказала она. - В тебе живет какая-то память прошлого.

- Привет, ребята, - возле их столика стояла официантка.

Она появилась внезапно, как будто бы возникла из ниоткуда. Как тогда, в Вене. Она принесла аппетайзер, теплые, только что спеченные с аппетитной корочкой булочки и масло.

- Привет, - хором ответили Майкл и Шейла.

- Меня зовут Никки, - представилась официантка. - И сегодня наши фирменные блюда...

- Пожалуйста, два нью-йоркских стейка, - попросил ее Майкл.

Никки, уточнив нюансы приготовления, сказала: “*Bon appétit*” и исчезла так же внезапно, как и появилась.

- Майкл, ты это все придумал по поводу охотника-неудачника? – спросила Шейла.

- Нет, - ответил Майкл. - Ты права. Иногда я как будто вспоминаю, это, конечно же, тяжело назвать памятью, все как-то само собой выплывает из подсознания. Сначала это пугало, а потом я привык. Я даже....

- Майкл! – воскликнула Шейла и стала совершенно серьезной. - В тебе живет память очень далекого прошлого. Этого уже почти нет. Вернее сказать, этого еще нет. Понимаешь, ты совершенно не такой как все?

- Это должны были бы быть мои слова, - сказал Майкл. – Обычно я говорю это девушкам.

Майкл улыбнулся. Шейла посмотрела на него широко раскрытыми глазами и внезапно тоже улыбнулась.

- Ты даже не представляешь, как это замечательно! – сказала она. – Майкл... Мне так хорошо! Я просто влюблена в сегодняшний день! Как будто бы я попросила исполнения желания, и оно исполнилось!

И в ее глазах появились слезы.

- Шейла, что случилось? – встревожено спросил Майкл. - Ты плачешь?

- Я просто счастлива, - ответила Шейла и сквозь слезы улыбнулась.

- Ребята, - позвала их подошедшая Никки.

Она принесла на подносе блюда. Стейки, приготовленные на открытом огне, аппетитно дымились.

- Ребята, - повторила Никки. - Вы совершенно не притронулись к аппетайзеру. Я могу вернуться позже. Мы будем держать ваши стейки горячими на огне, пока вы ни будете готовы.

- Мы уже готовы, - сказал Майкл. - Мы были готовы раньше стейков.

И Шейла вместе с Никки рассмеялись.

У Майкла оставалось еще несколько дней до его возвращения на авианосец во Флориду. И далее он снова отправлялся туда, где надо было говорить только правду и хорошо стрелять из лука.

Г Л А В А 26

Поднимаясь ко входу в Мэт, *Metropolitan Museum of Art*, Шейла неожиданно остановилась, села на его ступеньку и потянула за руку Майкла. Майкл присел рядом с Шейлой.

- Люблю здесь посидеть, - сказала Шейла и подняла лицо к солнцу.

Пятая авеню бежала перед ними по Манхеттену, бросив взгляд на Маленькую Церковь За Углом, все дальше и дальше, не останавливаясь у высоких стеклянных небоскребов и маленьких зеленых сквериков. Она пробиралась среди заполнявших ее в часы пик людей и протискивалась сквозь толпы, собравшиеся у метро. Остановившись ненадолго у Рокфеллер-центра, взглянув свысока на Леди Либерти и Таймс сквер с Эмпайер Стэйт Билдинга и переведя дыхание у собора Святого Патрика, она снова спешила вперед к тишине Центрального парка.

Шейла положила голову на плечо Майкла.

- Помогает забыть проблемы перед встречей с Мэтом, - сказала она. – Пойдем, Майкл. Уже не хочется больше ждать. Я становлюсь забывчивой все быстрее и быстрее.

Ребята медленно шли по Мэту и окна его выходили на Центральный Парк.

- Им было еще труднее, чем Хемингуэю, - сказал Майкл. - Выразить все в картинах, ничего не поясняя словами.

- Представляешь, - сказала Шейла, - Хемингуэй часами стоял у картин Сезанна в *Musée du Luxembourg*, чтобы почерпнуть истину, вдыхающую жизнь в его повести. Сейчас вспомню: *"I was learning something from the painting of Cézanne that made writing simple true sentences far from enough to make the stories have the dimensions I was trying to put in them."*

- Начнем с импрессионистов? - спросил Майкл.

- Давай начнем с самого рождения высокого искусства, с Италии, - предложила Шейла. - Я обещаю тебе не надоедать, мы не будем долго задерживаться у картин, по крайней мере, мы пройдем трехсотлетний период быстрее, чем это сделало искусство.

Майкл улыбнулся.

- Но только пообещай мне, - продолжила Шейла, - побыть со мной так долго, как я захочу, у картины, которую я никогда не видела и к которой я так долго стремилась в этом путешествии, у картины, которая скоро возвращается в Италию, во Флоренцию, к себе домой.

- Хорошо, - согласился Майкл.

- Хорошо, - повторила Шейла.

- Что это за картина? – спросил Майкл.

- Не скажу, - ответила Шейла. - Очень хочется тебя удивить.

- Ты меня уже удивляешь, - улыбнулся Майкл. - И делаешь это непрестанно с самого начала нашего знакомства.

- Пойдем, Майкл, - попросила его Шейла.

Она осторожно взяла пальцы его руки и повела за собой от картин Проторенессанса к Высокому Возрождению, по пути становления цивилизации, который Шейла проходила неоднократно, но который всякий раз открывал для нее

нечто новое. Она вела за собой Майкла и рассказывала, и рассказывала, наслаждаясь окружением шедевров и его вниманием, совершенно забыв обо всем остальном на всем свете.

Блестящая цивилизация классической древности была уничтожена. Ей на смену пришел период средневекового аскетизма с презрением ко всему земному в искусстве и с беспросветным варварством и невежеством в реальной жизни. Развитие искусства остановилось. Но это, как и все на свете, не могло продолжаться бесконечно. Майкл и Шейла стояли у “Рождества и Поклонения” Джотто, *Giotto di Bondone*, у одной из семи картин серии “Жизнь Христа”, остальные находились в других городах: в Бостоне, Мюнхене, Лондоне... Картина была создана где-то в 1320-м и являлась вершиной искусства Джотто.

- Смотри, - говорила Шейла. - Это самое начало Возрождения, начало времени, когда началось переоткрытие и переосмысление уже открытого когда-то древними и создание нового, времени преодоления безграничной власти церкви и телеологического подхода к природе, времени возникновения пантеистических тенденций в философии, начавшей считать природу, Вселенную и Создателя абсолютно равными, тебе еще не скучно?, времени возникновения космологии Коперника и Галилея, распространения макиавеллизма в политике, все большего и большего покровительства наукам и искусству. Майкл, смотри, Джотто еще ничего не понимал в перспективе, совершенно не умел поставить человека на землю.

- Смотри не на меня, - попросила Шейла. - Фигуры Джотто непропорциональны, они парят в воздухе, не имея веса, парят в небольшом пространственном слое картины. Еще не были открыты масляные краски, а темпера, смесь красителей с яичным белком, была совершенно непригодна для создания светотеней, но зато сохраняла на века яркость красок. Потом ей на смену придут масляные краски с совершенно противоположными свойствами.

- Смотри, Майкл, - повторила Шейла. - Какое чудо! Здесь, у Джотто, совершенно исчезло иррациональное начало евангельских сцен, и на картине появился человек со сложной земной душой, с человеческими чувствами, желаниями, стремлениями, сомнениями, любовью и страстями. Началось Возрождение.

Они шли, и Майкл совершенно по-иному смотрел на казалось еще недавно казавшиеся ему несовершенными картины Джотто ди Бондоне, Петро Лоренцетти, Гуаренто ди Арпо, Джованни ди Паоло, Фра Анжелико.

- Смотри, как они прекрасны, - говорила Шейла, - как первые шаги ребенка, как первые шаги человечества.

Шейла вела Майкла за собой. Они медленно шли, рассматривая картины, и вдруг Шейла внезапно остановилась перед картиной "Мадонна с младенцем и двумя ангелами". Вместе с ней остановился и Майкл.

- Как похоже на Боттичелли, - удивился он.

- Мы уже в Раннем Возрождении, - сказала Шейла. - Это Фра Филиппо Липпи, учитель Сандро Боттичелли. Фра означает монах. И это был очень веселый и непоседливый кармелитский монах, любивший веселую жизнь, путешествия, побывавший у корсаров в рабстве, женившийся на Лукреции Бути, похищенной им из

монастыря. В виде мадонн и младенцев он и изображал свою жену Лукрецию и сына Филиппино Липпи, придавая изображению их большее внимание, чем религиозному сюжету. Смотри, фигуры людей стали совершенно земными, начали появляться перспектива и объем. Смотри, какие чудесно мягкие и нежные оттенки цветов, плавность и гибкость линий, человеческая красота, какая лирически-интимная, поэтическая интерпретация религиозного сюжета. Филиппино же Липпи станет учеником Сандро Боттичелли.

- Сандро Боттичелли, - задумчиво повторил Майкл, рассматривая его картину.

- *Alessandro di Mariano di Vanni Filipepi*, - продолжила Шейла. – Алессандро, самый младший из четырех братьев, родился в семье Мариано и Эсмеральды Филипепи в небольшом доме на улице *Via Nuova* во Флоренции. Боттичелли - маленький бочонок, было детским прозвищем его старшего брата-крепыша Джованни, с которым Сандро не расставался. Он тоже, впрочем, был высоким и крепким, и звали его так же, как и старшего брата. Одиннадцать лет учился у Фра Филиппо Липпи, в двадцать пять лет открыл свою собственную мастерскую, был принят в гильдию художников *Compagnia di San Luca*, где познакомился с 22-х летним Леонардо да Винчи. Смотри, как спокойствие тонов красок Боттичелли напоминает *сфумато* Леонардо. В то время Лоренцо Великолепным поддерживалась философия неоплатонизма - все вокруг, включая человека, было создано природой и в полной гармонии с природой, а вмешательство сверхсилы потребовалось лишь в последний момент, на последней стадии, чтобы вдохнуть во все созданное жизнь. Какая смелая иерархия природы со сверхсуществом, где каждому была отведена своя роль в создании человека. Чудесная философия, чудесная, красивая, наполненная смыслом, жизнь Сандро, любовь, картины, дом с виноградником, купленный вместе с братом под Флоренцией, из окон которого были видны оливковые рощи и река *Arno*. Окружающая и наполняющая его жизнь красота, к которой, как к главному смыслу в жизни, всегда стремилось человечество. И так до самого Савонаролы, обещавшим апокалипсис, сжигающим картины и запретившим праздники, игры и фестивали...

- Он же был таким же человеком и должен был тоже понимать красоту, - тихо сказал Майкл.

- “*Центр силы дьявола сосредоточивается именно в чреслах людей*”, - добавила Шейла.

Она помолчала и пояснила:

- "Молот ведьм".

- Снова церковь, – сказал Майкл.

- Савонарола позже будет повешен и сожжен на *Piazza della Signoria* жителями Флоренции, опасавшимися отлучения города от церкви папой Александром VI Борджиа, - добавила Шейла. - Все было очень сложно в те времена, во времена Позднего Кваттроценти. Впрочем, как и сейчас.

- Какие чудесные картины, - сказал Майкл. – Как ты думаешь, почему их относят к Раннему, а не к Высокому Возрождению?

- Ты еще не понимаешь, Майкл? - спросила Шейла. - Смотри внимательнее.

Майкл медленно шел вдоль картин Андреа Мантенья, Доменико Гирландайо, Джованни Беллини. Он остановился перед “Мадонной с младенцем” Филиппино Липпи. Он стоял в атмосфере гармонии и красоты, излучаемой картиной, и абсолютно не понимал Шейлу - что здесь было не совсем совершенно?

- Шейла, - позвал ее Майкл.

Шейла подошла, остановилась перед картиной рядом с ним и сказала:

- Не скажу. Ты скоро все поймешь сам.

Они стояли и молчали.

- Я, наверное, не пойму этого никогда, - подумал Майкл.

- Пойдем Майкл, - позвала его Шейла. - Смотри, вот и Венеция в Мэте, смотри какое чудо - Джованни Батиста Тьеполо, “Аллегория планет и континентов”- Аполлон готов к своему ежедневному вояжу в небе, вокруг символы планет и представители четырех континентов. Как прост и сложен был в те времена мир.

- Как прост и сложен наш мир, - задумчиво повторил Майкл.

- Пойдем дальше, - попросила Шейла и осторожно дотронулась до его руки.

И они пошли, переходя из одного зала в другой, ненадолго останавливаясь перед картинами. И каждый раз Шейла терпеливо ждала, пока Майкл не отойдет от очередной картины, чтобы снова пойти вместе. Так они шли и шли, и вдруг Шейла, зайдя вперед, повернулась и остановилась прямо перед Майклом. Майкл остановился тоже, смотря с ожиданием на Шейлу. И Шейла, смотря куда-то за спину Майкла, улыбнулась и сказала:

- Смотри, Майкл, еще один венецианский художник!

Майкл повернулся в сторону, куда смотрела Шейла. Они стояли перед “Видом Толедо” Эль Греко.

- Венецианский? – удивленно спросил Майкл.

- Ты удивлен? - вопросом на вопрос ответила Шейла.

- Конечно, - ответил Майкл. - Эль Греко – итальянец?

- Эль Греко родился на Крите, который в те времена был частью Венецианской республики, - пояснила Шейла. - Он, впрочем, жил и в Венеции, и в Риме. Но ты прав. Он не вписывается ни в какую школу, ни в византийскую, ни в венецианскую, ни в испанскую.

- Видишь, - сказал Майкл.

- У Эль Греко была интересная техника живописи, - продолжила Шейла. - Он никогда не писал реальные тела, а применял модели из воска, гипса или глины. И еще, ученики его не переносили и просто сбегали.

- Но, зато, какие картины! – сказал Майкл.

- Правда, чудо? – спросила Шейла.

Она стояла, немножко наклонив голову, и не отрывала взгляда от картины.

- Смотри, Майкл, - сказала она. - У Эль Греко свет не материального, а трансцендентного мира, чистый, ясный, сверкающий, ослепительный, мерцающе-дрожащий свет, существующий без всякого источника, сам по себе в темном и пустом пространстве, свет, который не разгоняет темноту, а выделяет ее, создавая границу между светом и тьмой.

И они пошли дальше. Они шли и шли, переходя из зала в зал, окруженные гармонией мира, который Майкл не всегда замечал, мира со своими законами и красотой, и внезапно Шейла снова остановилась.

- Совершенно рядом картина, - тихо сказала Шейла, - которую я стремилась увидеть всю свою жизнь. Сегодня она впервые здесь, в Мэте. Но именно сегодня я никак не могу решиться войти в ее зал, даже не знаю и не могу объяснить почему.

- Пойдем, Шейла, - позвал ее Майкл.

Он взял ее за руку повел за собой. Они вошли в зал, стены которого были задрапированы в серое, в зал, в полумраке которого была освещена только одна стена с единственной здесь картиной. Шейла остановилась на входе, а Майкл сделал еще несколько шагов, забыв обо всем вокруг. Перед ним, ярко освещенная направленным на нее со всех сторон светом, жила своей фантастически куртуазной жизнью *Primavera*, "Весна" Сандро Боттичелли, картина, принесшая свою гармонию и свет в этот чудесный осенний нью-йоркский день, очередной день ее длинной истории, начавшейся около пяти столетий назад.

Майкл стоял перед картиной, и Венера каким-то грустным, одухотворенным, наполненным внутренним светом взором смотрела на Майкла, и над ее головой Любовь с завязанными глазами уже стреляла из лука, а ветки деревьев апельсиновой рощи, волнуемые легким бризом, двигались в одном танцевальном ритме с фигурами трех танцующих Граций, трех духовных стремлений человечества, составляющих искусство. Свежее прохладное весеннее утро уже начинало согреваться восходящим солнцем и Зефиром, теплым заносчивым ветром весны, и наполняться любовью. Темперамент, созданный динамичностью линий и энергией движения внешнего мира, жил на картине в гармонии со спокойствием, граничившим с каким-то оттенком меланхолии, мира внутреннего.

Шейла подошла к Майклу и остановилась рядом.

- Одна и та же девушка на всех его картинах, - сказал Майкл.

- Симонетта Веспуччи, - тихо сказала Шейла. - Девушка, которую Сандро любил всю свою жизнь, девушка из светского круга, знакомство с которой было для него совершенно невозможным. Ностальгия художника по недостижимому.

- Возлюбленная Джулиано де Медичи, младшего брата Лоренцо Великолепного, покровителя Боттичелли, - добавила, немножко помолчав, Шейла.

Они стояли перед картиной, и мир вокруг них неуловимо менялся, наполняясь красотой, внутренним светом и любовью.

- В 1475-м Джулиано де Медичи победит в рыцарском турнире в честь своей возлюбленной Симонетты Веспуччи, - тихо сказала Шейла. - Через год его возлюбленная умрет, а еще через два года в одно из теплых апрельских воскресений в

церкви перед алтарем сам Джулиано будет убит ножом в шею завидующим и пытающимся его преуспеть банкиром Франциско Пацци.

Майкл стоял перед картиной и молчал, и рядом стояла Шейла, девушка из ночи самолета над океаном.

- Шейла, - позвал ее Майкл.

- Тебе нравится? - спросила Шейла.

- Я даже забыл обо всем на свете, - ответил Майкл.

- Даже обо мне? – улыбнувшись, спросила Шейла.

Майкл виновато улыбнулся ей в ответ.

- Шейла, - начал он.

- Я понимаю, - прервала его Шейла. - Я даже счастлива, что ты чувствуешь так обостренно. Мне даже страшно.

- Страшно за что? – спросил Майкл.

- Страшно как-то, - ответила Шейла. - Это трудно объяснить.

Она пожала плечами.

- Тебе не бывает одиноко среди твоих друзей? – спросила Шейла.

- Я думаю, подобные ощущения появляются у каждого, - ответил Майкл.

- Не у каждого, - сказала Шейла. - *“Your soul painted like a wing of butterfly”*...

- Я думал...,- начал Майкл.

- Поверь мне, - повторила Шейла. - Так бывает совсем не у каждого. И еще, тебе никогда не бывает одиноко с самим собой. Я права?

- Иногда, одиноко, - возразил Майкл.

- Ты просто не понимаешь, - Шейла быстро взглянула на Майкла. - Тебе бывает одиноко иногда, совершенно нечасто, но только если ты не с кем-то для тебя особым.

- У меня же и так огромное число недостатков, - улыбнулся Майкл. - И ты нашла еще один.

Он посмотрел на Шейлу и, осторожно погладив кончиками пальцев ее плечо, спросил:

- Шейла, не хотела бы ты выпить кофе? Чудесный горячий ароматный кофе?

- Только не добавляй к своим недостаткам, что ты понимаешь женщин, - ответила, улыбнувшись ему в ответ, Шейла.

Г Л А В А 27

- Что же касается, Шейла, тебя..., - начал Майкл.

- Что касается меня? – спросила, улыбаясь, Шейла.

- Мы провели почти день в Мэте, я начал понимать женщин, но ты так ничего и не пояснила, как обещала в самолете, - ответил Майкл.

Они пили кофе в *Roof Garden Cafe*, чудесном и уютном кафе в Мэте, кофе, аромат которого принес воспоминания о далекой теперь Вене.

- Ты об Алисе, Канте и искусстве? – уточнила Шейла.

- Именно, - ответил Майкл. - И вообще я совершенно уверен, что наш спор я выиграл и тебе только остается сказать, какое желание мне не исполнять.

- Никогда, - возразила Шейла.

- Тогда начнем с Канта, - предложил Майкл.

- Хорошо, - согласилась Шейла. – Только не будь таким серьезным. Мы же говорим о философии.

Майкл рассмеялся.

- Канту не давал покоя Млечный путь, - начала Шейла. – Он возвращался и возвращался к его звездам, пытаясь осмыслить создание мира в своей "Теории небес". А может быть просто любил смотреть на небо, как и Льюис Кэрролл.

- Как и Льюис Кэрролл? – переспросил Майкл.

- Льюис Кэрролл показал возрождение изобразительного искусства в "Алисе", - продолжила Шейла. - Например, возьми сцену королевского крикета. В изображении трех карт - трех садовников, раскрашивающих белые розы в красный цвет, присутствует элемент стилизации. Условная же раскраска карт, двойки, пятерки и семерки, придают им нарядную декоративность, присущую проторенессансу. Непосредственная картина раскраски роз овейна же духом позднеготической куртуазности, присущая Раннему, я бы даже сказала, Очень Раннему Возрождению.

Шейла посмотрела на серьезное лицо Майкла и расхохоталась. Майкл рассмеялся вместе с ней.

- У меня получается? - спросила Шейла.

Она сделала маленький глоток кофе.

- Замечательно, - ответил Майкл. - Не останавливайся.

- Возрождение искусства началось с Проторенессанса, - продолжила Шейла. - Посмотри снова, например, на этих карт-садовников. Точнее, лучше сказать, прислушайся к ним. Чем не начало искусства:

“- Повнимательнее, Пятерка! Не брызгайся краской!

- Ничем не могу помочь. Семерка подтолкнула мой локоть.

- Правильно, Пятерка. Всегда обвиняй других, - возмутилась Семерка.

- Лучше помолчи, – отрезала Пятерка. – Я слышала, Королева сказала вчера, что ты заслужила, чтобы тебе отрубили голову.”

- Королева? – уточнил Майкл.

- Прямое олицетворение Савонаролы, - ответила, улыбаясь, Шейла. - Хотя нет, это, скорее, Герцогиня его прямое олицетворение. Смотри:

“- Понимаете, земле необходимо 24 часа, чтобы обернуться вокруг своей оси, - сказала Алиса.

- Говоря об осях, - добавила Герцогиня, - отрубите ей голову”.

- Какая кровожадность, - возмутился Майкл.

- Я и говорю, Савонарола, - улыбнулась Шейла. - Ты еще что-нибудь понимаешь?

- Конечно, - ответил Майкл. - Например, с садовниками-картами Льюис Кэрролл вообще не стремился к перспективе и пространственной глубине.

- Я же говорю, - подтвердила Шейла. - Очень Раннее Возрождение. Ежики же на королевском крикете, применяемые в качестве шаров, являются прямым олицетворением эстампов, рисунков углем или скетчей. Фламинго или же в их игре деревянные молотки - олицетворяют картины и фрески.

- Что же касается Савонаролы? – спросил Майкл.

- Мне кажется, во времена Возрождения и хорошее и плохое давало вдохновение искусству, - сказала Шейла. – Помнишь Бодлера:

*De Satan ou de Dieu, qu'importe? Ange ou Sirène,
Qu'importe, si tu rends, - fée aux yeux de velours,
Rythme, parfum, leur, ô mon unique reine! –*

От сатаны иль от бога, неважно,
Вернулась ты ангелом или сиреной, с ритмом и с благоуханием и светом
Вернулась единственная моя!

- Как чудесно сказано, - сказал Майкл. - Никогда не слышал.

- Вернемся к Алисе? – предложила Шейла.

- Несомненно, - согласился Майкл.

Шейла перевела дыхание, улыбнулась и сказала:

- В появлении королевской процессии в “Алисе” показано широкое распространение в живописи Раннего Возрождения светских тенденций.

Она на секунду задумалась, посмотрела на серьезное лицо Майкла, рассмеялась и продолжила:

- Как на картинах Фра Филиппо Липпи. Помнишь? В королевской процессии, в фантастической пышности костюмов, в речи, в церемонной куртуазности движений слышится отзвук франко-бургундских традиций живописи. Какая полная торжественного величия картина: “Королевская процессия подошла к Алисе и все остановились, глядя на нее. - Кто это? - спросила Королева Червоного Валета, который только непрерывно улыбался и кланялся в ответ. - Идиот, - сказала ему Королева”.

Майкл улыбнулся.

- Какая лирическая и интимная интерпретация происходящих событий, - добавила Шейла. - И в этой интерпретации проявляется не только стремление к внешнему изображению Королевы, но и интерес к психологической характеристике ее образа.

- Она не совсем нормальна? - спросил Майкл. - В смысле, Королева.

- Абсолютно, - ответила Шейла. - В смысле, не совсем. То есть, абсолютно не совсем нормальна.

Она перевела дыхание и продолжила:

- Неукротимая энергия Льюиса Кэрролла отбрасывает все мелкое и случайное и создает величественный и прекрасный мир, возвышающийся над всем обыденным, которому чужды драматизм, патетика и пестрое многословное повествование. Совсем, как в искусстве.

- Чеширский кот? - предположил с улыбкой Майкл.

- Майкл, я знаю тебя всего лишь один день, но ты все время прав, - сказала Шейла.

- Это только потому, что ты знаешь меня всего лишь один день, - уточнил Майкл и спросил:

- Что же касается кота?

- “И кот может выглядеть как Король, сказала Алиса”, - продолжила Шейла. - Я, то есть Алиса, прочла это в какой-то книге, только не помню в какой. Майкл, ты еще слушаешь? “Бесполезно разговаривать с Котом, подумала Алиса, пока его уши не появятся, по крайней мере, одно из них”.

- Я слушаю очень внимательно, - улыбнулся Майкл. - Мои уши уже появились.

- Мы уже почти достигли Высокого Возрождения, - продолжила Шейла. - Но мы еще в Раннем. Переход от замешиваемой на яичном белке темперной краске к масляной, чем тебе ни пример с Шалтаем-Болтаем на стене, дало возможность художникам показать оттенки, объем и глубину мира, позволили усложнить пространственные решения, глубже заглянуть во внутренний мир человека. Фантазия художников уже не сковывалась жесткими рамками окостеневших канонов. Папа Сикст IV приглашает для украшения капеллы, которую вскоре назовут по его имени Сикстинской, лучших художников. И каждый создает картины и фрески в своем стиле. Какая игра в королевский крикет с фламинго-клюшками и ежиками-шарами!

Шейла бросила на Майкла испытывающий взгляд, Майкл улыбнулся, и добавила:

- Искусство Высокого Возрождения проникнуто идеалами гуманизма и верой в творческие силы человека, в неограниченность его возможностей, в разумное устройство мира. Лейтмотивом искусства Высокого Возрождения становится образ прекрасного, сильного телом и духом...

- Человека, - предположил Майкл.

- Да, конечно, но по Льюису Кэрроллу, не совсем, - возразила Шейла и повторила:

- ... образ прекрасного, сильного телом и духом...

- Короля? - снова предположил Майкл.

- Чеширского кота, - ответила Шейла, - возвышающегося над уровнем повседневной обыденности.

- Ты все это придумала, - улыбнулся Майкл.

- Нет, скорее Льюис Кэрролл, - ответила Шейла.

- Шейла, я понял, - прервал ее Майкл. - Отличие Высокого Возрождения от Раннего в изображении на картинах душевных конфликтов и столкновений характеров. В чудесном мире Боттичелли человек не вступает ни с кем в конфликт. *"All you need is love"*. Нет усталости и мудрости в глазах, как на картинах Эль Греко и Рембрандта, нет взволнованности и восхищения, а только спокойствие и какой-то неуловимый внутренний свет человека, полностью ушедшего в себя и живущего в полной гармонии со своим внутренним миром.

- Видишь, как мне помогла Алиса? - улыбнулась Шейла.

Она помолчала и добавила:

- Я вспомнила внутренний огонь и внешнее спокойствие "Мозеса" Микеланджело.

- Такое понятное и абсолютно не понимаемое понятие, как красота, - сказал Майкл.

- Наверное, от того, что красота аутентичного, подлинного, живет в высшем состоянии где-то вне нас и независимо от нас, - предположила Шейла и добавила. - Это не я, это почти забытый нами Платониус. Красота растворяется, диффузирует, входя во что-либо, сопротивлением материала. Поэтому причина всегда сильнее эффекта.

- В этом случае художники всегда должны испытывать трагедию из-за несовершенства произведения, заметную только им, - сказал Майкл.

- Ты прав, Майкл, - подтвердила Шейла. - Настоящие художники, или писатели, или скульпторы... Трагедия состояла в том, что им приходилось жить с созданным и воспринимаемым только ними несовершенством. Помнишь, великий Микеланджело ударил в великой досаде молотком великую статую Мозеса, крикнув ей "Говори!" и оставил навсегда нам щербинку в мраморе.

- Последнее, что не удалось вдохнуть ему в свое произведение, - добавил Майкл.

- Ты не читал его стихи? - спросила Шейла.

- Микеланджело? - удивился Майкл.

- Да, - подтвердила Шейла, - третируемого гения Микеланджело:

*Свобода от раба и смертность бога
Даны в награду мне...*

- Как я еще много не читал, - улыбнулся Майкл.
- Это из его 32-го сонета, - пояснила Шейла. – О чем мы говорила?
- О Микеланджело, - напомнил Майкл.
- Нет, - сказала Шейла. – Да. Ты опять меня сбил.
- С Микеланджело? - спросил Майкл.

Шейла улыбнулась.

- Я хотела сказать, что художники все время движутся между объективным и субъективным, - продолжила Шейла, - пытаюсь одновременно показать совершенно противоположные друг другу реальный и создаваемый ими мир. И в процессе создания то один, то другой мир превалируют друг над другом.

- Странность в имитации природы состоит в том, что природа часто имитирует саму себя, - добавил Майкл. - И в этом есть какой-то эстетический шарм.

Шейла посмотрела на него с интересом.

- Хамелеон на ландшафте, - уточнил, улыбнувшись, Майкл.
- Лучше на ландшафте, чем на натюрморте, - добавила Шейла.

И они рассмеялись.

- Я не представляю себя без Мэта, - сказала Шейла. - Я не представляю себе человечества без искусства. Любовь к красоте проникает в нас настолько, что без нее не обойтись никому. Она с нами с самого начала, в хороших и плохих, в ангелах и тиранах, в самых разных людях в самые разные времена, она ведет нас куда-то и этому невозможно противостоять. Красота создана с целью, считал Платон. Мы же не понимаем, куда она ведет нас и это придает всему этому чудесную таинственность. Мэт - храм нашей любви к красоте, одно из мест, где мы можем, наконец, остановиться, забыв обо всех проблемах, и вернуться к себе из построенного нами несовершенного мира.

Шейла поднялась, вместе с ней встал и Майкл.

- Спасибо за чудесный кофе, - сказала Шейла.- Теперь глоточек импрессионизма, искусства, уставшего от реалий жизни, и... Центральный парк.

Г Л А В А 28

- Какой чудесный мир турбулентного смешения всех цветов даже за пределами воспринимаемого нами спектра, - сказал Майкл. - Мир, где совершенно противоположные понятия, как свет и тьма или даже добро и зло существуют, касаясь друг друга, как два наложенных на холсте рядом друг с другом цветовых пятна совершенно противоположного и даже отрицающего друг друга цвета. И все зависит лишь от точки зрения.

Они шли мимо пестроты Моне, Пуссена, Ватто, Пикассо, Кандинского, Боннарда, Ренуара, Матисса, Сезанна, ненадолго задерживаясь перед картинами.

- Я не совсем понимаю импрессионистов, - сказал Майкл. - Но восхищаюсь их впечатлением от увиденного ими мира.

- В общем-то, все и началось с впечатления, - сказала Шейла.

- Как и сам мир? – улыбнувшись, спросил Майкл.

- Нет, значительно позже, - улыбнувшись ему в ответ, ответила Шейла. - Холст Клода Моне “Впечатление. Восходящее солнце” и дал название этому направлению. Чудо среди 165-ти картин на выставке в мастерской фотографа Надара - картина Оскара-Клода Моне или Клода-Оскара Моне. Они называли его по-разному. Это случилось в апреле или в мае 1874-го.

- Пусть будет Клода Моне, - предложил Майкл. - Иначе все снова будет для меня запутанно. Впрочем, как и все направления в живописи.

- Клода Моне, - задумчиво повторила Шейла. - В общем-то, принцип разделения и смешения цветов в атмосфере, положенный в основу их техники живописи, открыли Моне и Ренуар. Смотри, Майкл, на их картинах нет ни контурных рисунков, ни светотеней, глубина передается не перспективой, а игрой цветовых оттенков. Ушли темные тона. Практически нет черного цвета. Тени пишутся с оттенками отраженной голубизны небесного цвета, что создает эффект свежести и открытости. Чистые тона красок, как в радуге, не смешиваются, а укладывались на холст цветовыми прикосновениями, часто к еще влажному холсту, формируя мягкие переходы от одного цвета к другому. Цветовые пятна смешиваются нашим глазом, формируя цветовую вибрацию изображения, становясь и оставаясь уже нашим впечатлением.

- Наверное, они устали от академизма в искусстве, - предположил Майкл. - Импрессионизм это бег от аполлонического к дионисийскому в живописи.

- Я думаю, ты прав, - согласилась Шейла. - Законы живописи были уже открыты...

- И им стало скучно создавать прекрасное по его законам, - продолжил Майкл.

- Плюс амбиции понимания роли света, - сказала Шейла.

- Кубизм же, - продолжил Майкл, - просто кошмарен. Я думаю, его причиной были художники, опустившиеся на уровень своих поклонников.

- Это ты говоришь, чтобы снова вывести меня из себя, - улыбнулась Шейла. - Хотя я тоже не люблю кубизм. Они пытались показать условный характер пространства, как импрессионисты показывали условный характер цвета. И началось все с “Авиньонских девиц” Пикассо.

- Авиньонские девицы в кубическом стиле кошмарны, - сказал Майкл.

Шейла рассмеялась.

- Кубизм, с научной точки зрения, - продолжила она, - это специфическая теория познания, фундированная презумпцией антипсихологизма.

- Познания авиньонских девиц? - уточнил Майкл.

- Майкл, ты невыносим, потому что прав, - сказала Шейла. - Мне тоже не нравится кубизм. Как ты относишься к “невозможному искусству”?

- “Невозможному искусству”? – переспросил Майкл.

- “Невозможному искусству”, - подтвердила Шейла. - Одному из направлений “новой волны”. Например, к произведению искусства американского скульптора Ричарда Серры - фигурно организованной вертолетами пылевой бури в Канзасе.

- Мне бы понравилось, - сказал Майкл.

Шейла задумалась и сказала:

- Знаешь, мне, после знакомства с тобой, тоже. Даже не знаю почему. Видишь, как быстро меняются взгляды на искусство?

- Никогда не мог понять, чем можно объяснить восхищение примитивным в искусстве, - продолжил Майкл.

- В картинах Малевича тоже звучит музыка, - сказала Шейла.

- К сожалению, музыка Малевича звучит как одна нота, - уточнил Майкл, - причем, квадратная по форме.

Шейла рассмеялась.

- И все же, - сказал Майкл.

- В основе любви к живописи многих лежит логика *Le Père Noël*, логика Пер-Ноэля, - сказала Шейла.

- Пер-Ноэля? - переспросил Майкл.

- Логика Санта-Клауса, - уточнила Шейла. – Логика, открытая Бодрийяром, по его словам, не логика тезиса и доказательства, но логика легенды и вовлеченности в нее. Мы в нее не верим, но, тем не менее, она нам дорога. Ответ же на твой вопрос во входе в элитный круг причащенных к искусству, не понимаемому многими.

- Но почему Санта Клауса? - спросил Майкл. - Это скорее логика рекламы или же выдуманного идеала стиля жизни.

- Да, конечно же, - согласилась Шейла. - Логика Санта Клауса, потому что она подобна детской вере в рождественские подарки. И Санта Клаус здесь уже не важен. Дети на определенном этапе уже в него не верят, но посредством своей выдумки они продолжают чудесную игру, приносящую чудесные подарки на Рождество.

Майкл остановился перед “Мадонной” Сальватора Дали. Вместе с ним остановилась и Шейла.

- Какое чудо сюрреализм, - сказала она.

- Скорее, это нереализм, - уточнил Майкл.

- Совершенно наоборот, - возразила Шейла.

- Сверхреализм? - предположил Майкл.

- Да, - согласилась Шейла. - По крайней мере, а переводе с французского *Surréalité*.

- *Surréalité*, - задумчиво повторил Майкл.

Он взял Шейлу за руку, и они снова пошли дальше.

- Мне очень нравится сюрреализм в стихах, - добавила Шейла. - *Andrè Breton*.
Послушай, какое чудо:

*Dix ans après
Je te retrouve dans la fleur tropicale
Qui s'ouvre à minuit
Ten ears later.*

Спустя десять лет
Увидел тебя снова
В тропическом цветке,
Раскрывшемся в полночь.

- Или еще, - добавила Шейла:

Quand tu dors dans la clairière de ton bras sous les papillons de tes cheveux.

Когда ты спишь на ладони под бабочками волос.

- Действительно, чудесно звучит, - сказал Майкл и задумчиво повторил:

- *Quand tu dors dans la clairière de ton bras sous...*

-...*les papillons de tes cheveux*, - улыбнувшись, добавила Шейла и остановилась перед "Подсолнухами" Клода Моне. Вместе с ней остановился и Майкл.

- Какая цветовая мистика с неуловимым шармом отрицания одного цвета другим, - сказала Шейла и снова улыбнулась. - "*Все смешано вместе в гармонию противоположностей*". К сожалению, здесь, в Мэте, не понимают, что картины импрессионистов требуют больших залов, большого света и пространства. Импрессионисты не смешивали краски, чтобы получить определенный цвет. Их пятна цветов на картинах должны слиться в цветовой оттенок, а цветовые оттенки в цветовую гамму, и для этого нужно расстояние. Смотри, Майкл.

Шейла взяла Майкла за руку и повела от картины Клода Моне "Букет подсолнухов". Они уходили от картины дальше и дальше, Майкл время от времени оборачивался, и картина начала неуловимо меняться. Они вышли в другой зал и подошли к его максимально удаленной от "Подсолнухов" стене. Майкл и Шейла стали спиной к картине Камилла Писсаро "Сад Тюильри в весеннее утро".

- Ничего страшного, - тихо сказала Шейла на ухо Майклу. - "Сад" заслуживает этого по сравнению с "Подсолнухами".

Они смотрели на "Букет подсолнухов" из другого зала через проем двери и картина Клода Моне приобрела глубину и обрела жизнь, они смотрели на живой вибрирующий оранжевыми и желтыми оттенками чудесный букет подсолнухов и Шейла счастливо улыбалась.

- Как я люблю совершать это чудо! - тихо сказала Шейла.

Г Л А В А 29

Майкл и Шейла шли по Центральному Парку и перед ними, пробиваясь сквозь осенние листья, прыгали солнечные зайчики, отраженные от слегка волнующегося озера *Conservatory Water*. Негромко и даже как-то лениво пели птицы в огромном желто-оранжево-красном лесном массиве *The Ramble*, как будто бы сохраняя силы для последней песни заката уходящего в прошлое дня. На травинках после прошедшего недавно короткого дождя остались его капельки, в которых отражалось осеннее солнце.

- Какое самое чудесное событие, которое с тобой не случилось? - спросила Майкла Шейла.

- Венеция, лето 1989-го года, - ответил Майкл.

Он улыбнулся и добавил:

- Ты знаешь, Шейла, в Вене со мной произошло странное событие. В ресторане ко мне подошла совершенно незнакомая женщина...

- Ты находишь это странным? - спросила, улыбаясь, Шейла.

- Нет, не это, - ответил Майкл. - Хотя и это тоже. Но она задала мне этот же вопрос.

- Майкл, - сказала Шейла. - Ты меня совершенно заинтриговал. Что же с тобой не случилось в Венеции летом 1989-го года?

- Скорее случилось, - ответил Майкл. - Концерт *Pink Floyd*, на который я, к сожалению, не попал. Так никогда и не был в Венеции.

- Как странно, - сказала Шейла. - По-моему мнению, музыка *Pink Floyd* менее всего подходит Венеции.

- Я понимаю, - согласился Майкл. - Венеции более подходит классическая музыка.

- Не вся, конечно, - уточнила Шейла.

- Конечно же, не вся, - согласился Майкл. - Вивальди, Моцарт, Бах...

- Я бы добавила Сен-Санса и Паганини,- сказала Шейла.

- Ты права, - снова согласился Майкл. - Каждый город несет в себе определенную музыку.

- Никогда не думала об этом, - сказала Шейла. - Но так приятно быть правой. Только не знаю, какой город несет в себе музыку *Pink Floyd*.

- Может быть не из нашего времени, - предположил Майкл.

- Может быть, - согласилась Шейла. - Мне кажется, что *Pink Floyd* это мечта уставшего от суматохи огромного мегаполиса. Лондона, Нью-Йорка, Рима... Ожидание философского спокойствия после хаоса дня. Майкл, тебя не удивляет наше восприятие музыки или живописи? Как будто бы кто-то иной живет ими внутри нас...

- Ты имеешь в виду кого-то, непонятно кого, живущего внутри нас и общающегося с миром на языке красоты, воспринимающего не сказанное окружающим миром, управляющего нашим сознанием с совершенно непонятной для нас целью и делящегося с нами получаемым от красоты удовольствием? – спросил Майкл.

- Как похоже на третью категорию воли Жана-Поля Сартра, - сказала Шейла.

- На третью? – удивился Майкл.

- Первые две - воля и сопротивление подавлению со стороны окружающего мира,- сказала Шейла.

- Но ведь мы постоянно живем под давлением и никакой волей этого не избежать, - возразил, улыбнувшись, Майкл.

- Меняется же наша свобода с уходом детства, времени максимального подавления воли, хотя, конечно же, все относительно, - объяснила Шейла.

- Ты - философ, - улыбнулся Майкл.

- В этой жизни мы все философы, - согласилась Шейла.

- Фото, - сказал Майкл.

Шейла недоуменно приподняла брови. Майкл показал взглядом на стоящую на берегу озера кабинку для автоматического фотографирования.

- Я неудачно получаюсь на фотографиях, - возразила Шейла.

- Я тоже, - сказал Майкл. – У нас будет дважды неудачная фотография.

- Хорошо, - согласилась Шейла.

Ребята с трудом втиснулись в маленькую кабинку, зажглась красная лампочка, предупреждающая о съемке первого кадра, и Майкл спросил:

- Интересно, кто из нас получится на фотографии хуже?

Шейла рассмеялась, и вспыхнула вспышка.

Через пару минут Шейла уже держала в руках узенькую полоску с четырьмя фотографиями.

- Ну и как? – спросил Майкл.

- Мне понравилось, - сказала Шейла.

Они вышли к озеру *Conservatory Water*, к бронзовой скульптуре чаепития Алисы в Стране Чудес. Ребятишки запускали в озеро радиоуправляемые модели парусных кораблей, и пиратский галеон грозно плыл к берегу, распугав уток, к тому самому берегу, на котором Холден Колфилд сэлинджеровской “Над пропастью во ржи” рассказывал таким же уткам о своих проблемах.

- Я думаю, восприятие красоты происходит от заложенного в нас веками инстинкта выживания, - сказал Майкл. - Мы получаем удовольствие от красоты женщины, ребенка, пламени, океана или моря, от всего того, что способствовало выживанию человечества. Наверное, это восприятие меняется с развитием цивилизации.

- Идет переоценка ценностей, - добавила Шейла. - Я думаю, ты прав, но, все же, все значительно сложнее.

- Я думаю, что восприятие красоты еще и зависит от степени развития человека, - продолжил Майкл. - Внутреннее совершенство обуславливает стремление к более сложным образам, музыке. Красота перед нами раскрывается настолько, насколько мы ее в состоянии понять.

- Майкл, вот ты и вернулся к третьей свободе Сартра, достигаемой через моральное развитие, - сказала Шейла.

- Я вспомнил нечто из летной школы, что совершенно странно, - добавил Майкл. - Или из детства.

- Что? – заинтересованно спросила Шейла.

- “Существование предвосхищает существо”, - ответил Майкл.

- Это Сартр. Сколько трактовок этого выражения, но я никогда не думала о его связи с восприятием красоты, - удивилась Шейла. - Ты прав, восприятие красоты, конечно же, зависит от уровня развития человечества. Иными словами, развитие человечества определяет уровень восприятия красоты и, как следствие, уровень развития искусства.

Шейла помолчала и добавила:

- Как быстро летит время.

- Шейла, - сказал Майкл. - Мне кажется, я знаю тебя всю жизнь.

- Или же мы встречались в прошлой, - улыбнулась Шейла. - В ее лабиринте.

- В “Саде расходящихся тропок” Боргеса, - добавил Майкл.

- Ты читал? – с удивлением спросила Шейла.

- Я же говорю, частная школа в детстве с огромнейшим акцентом на спорт, литературу, музыку и живопись, - ответил Майкл.

Шейла понимающе улыбнулась.

- Первый день в жизни, когда я не жалею о потраченном в детстве времени, - улыбнулся ей в ответ Майкл.

- Лабиринт, - сказала Шейла. - Чудесная метафора восприятия мироустройства постмодернизмом.

- Чудесная, - согласился Майкл, - но, несмотря на все мои школьные усилия, дискуссии и эссе, в голове осталась какая-то странная смесь авангардизма, модернизма и постмодернизма.

- Авангардисты разрушали прошлое в искусстве, создавая новое, модернисты же строили на его основе будущее. По Эко, прошлое ставит нам условия, не отпускает, шантажирует нас. О’Догерти применяет к прошлому идиому *Katzenjammer*, что немецкого означает утреннее похмелье. Смотри, как все просто, - рассмеялась Шейла.

- Как в лабиринте, - добавил Майкл и улыбнулся.

- Ты не читал Эко "Имя розы", "Пределы Интерпретации" или "Остров прежнего дня"? - спросила Шейла.

- Я не помню, - ответил Майкл. - О чем они?

- О лабиринте, - ответила Шейла.

- Я помню только несколько эссе Боргеса, скорее его Вселенную как Лабиринт, как Вавилонскую библиотеку, - сказал Майкл.

- "Вавилонская библиотека", - задумчиво повторила Шейла. - *"Вселенная внезапно стала конгруэнтной бесконечной ширине и широте надежды человечества"*.

- *"И если бы какой-либо вечный странник пустился бы в путь в каком-либо направлении, то, по происшествию веков, он бы обнаружил, что одни и те же книги повторяются в том же беспорядке"*. Иными словами, весь беспорядок, хаос, повторяется в одном и том же порядке, - сказал Майкл.

- Беспорядок, будучи повторенным, становится порядком, - добавила Шейла. - Интересна мысль у Боргеса в его эссе "Доктрина циклов" о том, что из-за конечного числа атомов Вселенной по истечении очень долгого времени они снова могут сложиться в когда-то уже существовавшую комбинацию и все в мире повторится.

- Мы снова встретимся? - спросил Майкл.

- Конечно, - ответила Шейла и улыбнулась. - Затем Боргес опроверг эту идею с помощью научных теорий.

- Как жалко, - сказал Майкл. - Не верь ученым.

- Хорошо, - согласилась Шейла.

- Ты не находишь в этом мироустройстве некую безнадежность и безысходность, как в лабиринте Минотавра, где все пути ведут только к самому чудовищу? - спросил Майкл.

- Я думаю, все это идет с самого первого, наивного контакте человека с миром, с его первого восприятия, даже переживания, своей заброшенности, случайности в нем, где человек властвует над всем живым, но его собственная жизнь очень коротка и ничего с этим нельзя поделать; где человек имеет странную свободу, в которой нельзя выйти за рамки инстинктов, например, боли, - сказала Шейла.

- Но только человек в силу своего разума способен разрушить казуальность событий в мире, непрерывный поток изменений Вселенной, определяемый рядом причин и следствий, - возразил Майкл.

- Разрушить Лабиринт, - задумчиво сказала Шейла. - Как делает искусство в своем развитии.

- Шейла, я не думаю, что прогресс продолжается в области искусства, - возразил Майкл.

- Майкл, это совершенно неподходящие друг для друга термины или даже категории, прогресс и искусство, - возразила Шейла.

- Неподходящие? - уточнил Майкл.

- Абсолютно, - ответила Шейла.

- Это и подтверждает мою точку зрения, - начал Майкл.

- Которая состоит в том, что..., - сказала Шейла.

- Только наука имеет прогресс, - продолжил Майкл. - Она развивается от простого к сложному и вместе с ней все, что окружает нас, весь мир с самолетами, автомобилями и тому подобным. Искусство же упрощается и упрощается. Посмотри на литературу, музыку, живопись. Особенно на современные.

- Это легко объяснить, - сказала Шейла. - Мир стремится к красоте, и красота претерпевает изменения вместе с изменяющимся вместе с ней миром.

- И ты веришь в это объяснение? - спросил Майкл.

- Очень хочется в него верить, - ответила Шейла. - Не хочется видеть деградацию. Майкл, ты прав. Это происходит с самого Высокого Возрождения.

Шейла улыбнулась.

- Может быть, мы находимся под влиянием крупных корпораций, растущих с ходом твоего прогресса в науке, которые воздействуют на наше понимание искусства, - предположила она.

- Ты имеешь в виду, что прогресс в науке и в промышленности подталкивает корпорации к деградации искусства для воздействия на наше сознание? - спросил Майкл.

- Может быть, - ответила Шейла. - Это не очень хорошее объяснение. Но нужно же найти какое-то. Предположим, что происходит революция корпораций, говорящих на языке получения выгоды от всего и навязывающих нам свои вкусы. Говоря словами Хоркхаймера и Адорно, современное общество, применяя все средства масс-медиа, формирует свои ценности в искусстве и создает среднего человека.

- Как тогда, при подобной связи прибыли кого-либо с примитивностью всех остальных, объяснить десятки миллионов долларов, вкладываемых в создание одного фильма? - спросил Майкл. - На эти деньги можно было бы найти и вырастить еще одного Леонардо.

- Тогда правительства? - предположила Шейла.

Майкл улыбнулся.

- Тогда Леонардо, - продолжила Шейла.

- Ты имеешь в виду, что после него в мире никогда не было подобного ему художника? - спросил Майкл.

- "Мадонна в гроте" была, возможно, создана не Леонардо, а другим художником, - задумчиво ответила Шейла. - Конечно же, должны были бы появиться и другие...

Шейла помолчала и сказала:

- И ты думаешь...

- Ни корпорации, ни правительства не захватывали власть, - сказал Майкл. - Власть в искусстве захвачена массами, серостью, скорее, все вокруг затоплено серостью. Их больше и они думают, что они лучше. Ты говоришь, век просвещения. Они же не хотят просвещаться и никак их не заставить. Они заняты своими инстинктами, они живут своими инстинктами, они обожествляют свои инстинкты. Их музыка, книги, картины и фильмы затопили мир. У каждого из них есть свое мнение, неотличимое от мнения остальных, у каждого из них есть свое мировоззрение, неотличимое от мировоззрения остальных, и каждый из них является личностью, неотличимой от личности остальных. Коллективный же разум не сложился мудростью, напротив, у них оказалась одна мудрость на всех вместе.

- По Жану Бодрийяру, массы это молчаливое большинство, это черная дыра, поглощающая все социальное, - задумчиво сказала Шейла.

- Скорее, черная дыра, поглощающая гениев, - добавил Майкл.

- Но, с другой стороны, мудрость творца и состояла в том, что люди в основном своем составе примитивны, - сказала Шейла. - Это было, есть и будет неизменным условием выживания человечества и формирования цивилизации.

- Видишь? – сказал Майкл.

- Но есть же интересные течения в литературе, в живописи и вообще, в искусстве, - возразила Шейла. – Не убила же беллетристика литературу.

- Конечно же, - согласился Майкл. - Но они столь малы и незначительны. Если из “Barnes and Noble” убрать все книги, созданные до пятидесятих годов, сколько интересных книг останется? Прошло же полвека. Из 1000 телевизионных каналов можно смотреть пять или шесть. Сколько красных квадратов, черных квадратов, просто полос, приложений из фотографий Мерлин Монро висят, как картины, на стенах в современных музеях? Пятую симфонию Бетховена свели к 4 нотам. Она стала очень похожа на *Smoke on the water*, только примитивнее нее. И всех устраивает всеобщий конформизм к примитивному.

- Мне очень нравится *Deep Purple*, - сказала Шейла.

- Мне тоже, - согласился Майкл. – Но где они сейчас?

- И все же образование охватывает все больше и больше людей, - возразила Шейла.

- Ты права, - сказал Майкл. - Но можно я с тобой не соглашусь?

- Конечно, - улыбнулась Шейла. - Ты делаешь это уже второй день.

Майкл улыбнулся.

- Хорошо, - сказала Шейла. - Что же касается науки, прогресс все же существует.

- В науке нельзя победить голосованием или громкостью и уверенностью в голосе, - сказал Майкл. - Здесь все нужно подтверждать тестами. Наука - единственное сейчас, что формирует гениев.

- Но в этом случае, - возразила Шейла, - возьмем, например, космос. Серости, по-твоему, не нужен ни Марс, ни Луна.

- К счастью, их мнение никто не спрашивает, - сказал Майкл.

- Майкл, почему ты такой злой? - спросила Шейла. - Мир настолько сложен, что никакое явление, даже самое простое, нельзя объяснить простой причиной. Зачастую существуют несколько переплетенных, совершенно противоположных, отрицающих друг друга причин. И каждый раз, анализируя одну из них, пытаюсь придать ей основное значение, мы наталкиваемся на другую, начисто отвергающую первую. Например, ницшевские дионисийское и аполлоническое начала в искусстве. Ты не задумывался, какое из искусств появилось на земле первым?

- Я думаю, музыка, - ответил Майкл.

- Должна была быть музыка, - согласилась Шейла.

- Музыка звучит во всех остальных искусствах, - добавил Майкл. - Тяжело представить поэзию или произведение живописи без внутренней музыки, без ритма и мелодии строф, света, цвета, осторожных касаний полотна пальцами, кистью или быстрых мазков.

- Не говоря уже о танце или песне, - улыбнулась Шейла. - Иногда даже отличие поэтов звучит не в смысле слов, а во внутренней музыке их стихов.

- Конечно же, первой должна была появиться музыка, - сказал Майкл. - И только после того, как музыка зазвучала в душе художника или поэта...

- В душе рождающегося человечества, - добавила Шейла.

- В душе рождающегося человечества, - согласился Майкл, - и появились другие искусства. Музыка создавала образы, образы реализовывались в картинах или стихах. Сначала была музыка и только затем должны были появиться искусства, исполняющие то, что была не в состоянии и в полной мере исполнить она.

- Что именно? - спросила Шейла.

- Затмить реальный, неуютный мир и создать новый, более простой и понятный, и поэтому, более желанный, - ответил Майкл.

- Как, например, опера, - сказала Шейла.

- Я не люблю оперу, - тихо, наклонившись к Шейле, сказал Майкл.

- Я тоже, - так же ему в тон, тихим, заговорщическим голосом ответила Шейла и осторожно посмотрела по сторонам.

Майкл рассмеялся.

- Правда, - сказала Шейла. - Там музыке отведена вторичная роль, на авансцену выведен текст, который совершенно невозможно понять.

- Скорее исполнитель, стоящий в вычурной позе в вычурных декорациях, - добавил Майкл.

Шейла рассмеялась.

- Мы говорили о дионисийском и аполлоническом началах в искусстве, - напомнил Майкл.

- С тобой уже второй день нельзя говорить серьезно, - сказала Шейла.

- Я уже другой человек, - улыбнулся Майкл. - Хотя дионисийское начало предполагает некую необузданность.

- “Я создал ритуалы и танцы, как манифест от бога людям”, - сказала Шейла и рассмеялась.

- Дионисийское - это инстинктивная жажда и желания жизни, это опьянение, это вождение музыкой, восторг близости желанного, все то, что идет из глубины души человека, бьющая через край жизненная сила, бесконечность, неограниченность до необузданности во всем, иными словами, жизнь, - сказала она. - Аполлоническое же это прекрасный сон застывших и прекрасных форм, в которых нет ничего безразличного, но нет ничего и волнующего, это лежащий вокруг прекрасный мир, спокойно улаждающий своей красотой. Фантомы, а не фантазмагии, грезы и иллюзии, а не буйство. В мире Аполлона радость побеждает горе, и счастье побеждает страдание, в мире Диониса – все в избытке и все бьет через край. И в борьбе, и союзе этих двух начал и лежит то, что движет искусство. Это чудо, когда в застывший аполлонический мир врывается Дионис.

- Как будто среди спокойной и красивой музыки Гайдна неожиданно звучит *Allegro Assai* его 45-й симфонии, - сказал Майкл.

- Да, - согласилась Шейла. - Очень интересно наблюдать у Моцарта, как с его становлением как композитора, дионисийское начало звучало все сильнее и сильнее в его музыке. Я начала слышать дионисийское с его 10-й симфонии, еще едва слышимое, как будто бы осторожное прикосновение к клавишам, как будто бы танец на тонкой поверхности льда. И далее все сильнее и увереннее: длинные еще неглубокие и осторожные музыкальные фразы *Allegro* 20-й симфонии, затем это чудо повторяется в 21-й симфонии. В первой части 23-й симфонии дионисийская музыка звучит вместе с очень красивой аполлонической мелодией, как будто бы дионисийская птица рвется вверх, в небо, под золотой сеткой Аполлона. Эта золотая сеть разрывается в последней, третьей части его 24-й симфонии. Дионис как будто бы отталкивается от нее, как от золотой ступеньки, и свободно летит в небо в *Allegro Con Brio* своей 25-й симфонии.

- Музыкальная лестница в небо, - добавил Майкл.

- Да, - согласилась Шейла. - Аполлонические ступеньки, как музыкальные гаммы в *Finale: Allegro vivace* 34-й симфонии, по которым взбегают в небо Дионис к *Allegro Assai* 40-й симфонии...

- Или в Зальцбургской, - добавил Майкл.

- Какая чудесная дионисийская музыка, - согласилась Шейла.

- Кстати, ты не пробовала *Commandaria*, кипрское вино, созданное по рецепту первого вина Диониса? – спросил Майкл.

- Нет, - ответила Шейла. - Очень хотелось бы попробовать.

- Обязательно сегодня, - сказал Майкл.

- А теперь, не находишь ли ты, что дионисийское начало и идет от того, что ты называешь восстанием масс в искусстве? - спросила Шейла.

- Конечно же, - согласился Майкл, - но, согласишься и ты, что чрезмерность дионисийского ведет к чему-то отталкивающему в искусстве.

- Например? - спросила Шейла.

- Брейгелевские свадьбы в живописи, - ответил Майкл.

- Кошмар, - согласилась Шейла. - Но ты, все же, не прав.

- Почему? - спросил Майкл.

- Не скажу, - ответила Шейла. - Ты все равно все будешь отвергать.

- Я обещаю тебе ничего не отвергать, потому что и сам до конца не все понимаю, - пообещал Майкл.

- Хорошо, тогда вот основная причина, почему ты не прав, - сказала Шейла и улыбнулась.

Майкл внимательно посмотрел на нее.

- Ну, хорошо, - добавила она, - прав, но не совсем. С одной стороны, искусство всегда движется то вверх, то вниз. Например, "Кандид" Вольтера есть ступенька вниз после Шекспира, но только затем, чтобы подняться другой дорогой к Гете.

- А во-вторых? - спросил Майкл.

- Во-вторых, - сказала Шейла, - мир, заполненный серостью, очень скучен, а я сейчас так счастлива.

- Я тоже, - сказал Майкл и улыбнулся. - Приятно, когда счастье делает тебя неправым в твоём мировоззрении. Даже приятно философствовать.

- Конечно, - согласилась Шейла. - "В начале всякой философии лежит удивление, ее развитием является исследование, а ее концом - незнание".

Майкл улыбнулся.

- Мишель Эйкем де Монтень, - пояснила Шейла.

- Как чудесно, - сказал Майкл.

Шейла присела на шляпку гриба бронзовой скульптуры чаепития Алисы в Стране Чудес с самой Алисой, Чеширским котом, Мартовским зайцем, мышью Соней и Шляпником. Майкл присел рядом с ней.

Шейла улыбнулась пробивавшемуся сквозь осенние листья осеннему солнцу и сказала:

- Леонардо примиряет все наши споры и противоречия о красоте и о возвышенном, порой доходящие до жизненных расколов, начавшиеся с периода осмысления человечества, а скорее всего, до него. Его картины всегда приводят к одному мнению...

- Искусство показывает человечеству дорогу? - спросил Майкл.

Шейла посмотрела на Майкла и внезапно улыбнулась.

Майкл взглянул на Шейлу с недоумением.

- Вспомнила из “Алисы”, - пояснила Шейла.

- Шляпника! - предположил Майкл.

- Нет, - коротко ответила Шейла.

- Мышь Соню? – спросил Майкл.

- Нет, - ответила Шейла.

- Шалтай-Болтая, - снова предположил Майкл.

- Не смей меня, Майкл, - попросила Шейла. - Вон уже даже Мартовский заяц смеется. Я вспомнила путь Чеширского кота. Помнишь:

- Не могли ли бы вы сказать, которой дорогой я должна идти? - спросила Алиса.

- Это зависит от того, куда ты хочешь попасть, - сказал Кот.

- Мне все равно, - сказала Алиса.

- Тогда ищи свою войну? – предположил Майкл.

- Майкл, ты не выноси, - рассмеялась Шейла. - Совсем наоборот:

- Тогда неважно, каким путем ты пойдешь, - ответил Кот.

Майкл рассмеялся. Оранжевое заходящее солнце светило сквозь оранжевые листья, где-то далеко звучала музыка *Kiss* и рядом сидела девушка, знающая все ответы и вообще все на свете.

- Пойдем, Майкл, - предложила Шейла.

И они пошли дальше по тропинке через лесопарк *The Ramble* к мосту *Bow Bridge* и Вишневному холму, *Cherry Hill*, с растущими на нем японскими вишнями *Yoshito cherry*. Наступал вечер, и на озере под мостом появилась венецианская черная гондола с красной подушкой в виде сердца на спинке ее деревянного кресла. Гондольер, одетый в рубашку с широкими красными и белыми полоскам, черные брюки и бело-красную шляпу, пел неизвестную арию на итальянском, и музыка плыла над озером, как прощальная песня уходящего дня.

- Ты знаешь, Майкл, - внезапно вполголоса сказала Шейла. - Я постоянно сравниваю американцев и европейцев. Мне кажется, что основное отличие в том, что у нас не было такого взрыва, как Ренессанс, случившегося в Италии, прошедшего всю Европу и вытолкнувшего наверх, ко всем на уста, огромное число писателей, художников и музыкантов с их несоразмерными эмоциями страданий, поисков, метаний и переживаний. Этот взрыв затих где-то в Атлантическом океане, не докатив до Америки, где люди, собравшиеся со всего мира, строили новую страну. Не возводя страдания на пьедестал, они жили, получая удовольствие от всего хорошего и опыт от всего не очень.

Шекспировский сад *Shakespeare Garden* остался в вечерних сумерках где-то позади, чудесный сад тюльпанов, пеонов, винограда, гиацинтов, мяты, магнолий, и конечно же, шелковицы, выращенной из черенков деревьев собственного сада Шекспира. Засыпал Пруд Черепаш, *Turtle Pond*, с осторожно входящей в его уже холодную осеннюю воду острой травой, входящей прямо в отраженное осеннее небо с засыпающими стрекозами на своих травинках, отражающимися вместе с небом в воде.

Майкл и Шейла сидели на скамейке на Земляничных Полях Центрального Парка, созданных в честь Джона Леннона, живущего когда-то рядом в *Dakota Apartments* и погибшего в 1980-м от руки своего поклонника. Они сидели у мозаичного круга, доставленного из самого Неаполя, с именем его знаменитой *Imagine*, выложенным мрамором в самом центре. Напротив них, прямо на асфальте перед мозаичным кругом, сидели молодые ребята, наверное, школьники, парень и девушка. Парень очень тихо играл на гитаре и так же тихо пел:

All you need is love, love, love...

День шел к завершению, и солнце отдавало последнее на сегодняшний день тепло. Шейла подняла лицо к солнцу и поежилась от холода. Майкл обнял Шейлу, и Шейла прижалась к Майклу, положив голову на его плечо.

- Очень люблю осеннее солнце, - сказала Шейла.

Ветер сгребал упавшие осенние листья к подножью деревьев у края лужайки.

- Совсем, как домик из осенних листьев, в котором хотела жить в детстве Венди, - сказала Шейла. - Почему-то каждая американская девочка мечтает в детстве о встрече с Питером Пенном, а не со сказочным принцем, как каждая европейская.

- Я тоже часто вспоминаю детство, когда мне хорошо, - сказал Майкл. - Мир был простым и в нем жили люди, которые были добрые или злые, хорошие или плохие, и все было очень четко разделено.

- Майкл, ты прав, в детстве все было просто, - согласилась Шейла.

Она улыбнулась и сказала:

- Майкл, ты будешь смеяться, но для меня все люди в детстве делились на дятлов и жуков. Дятлы долго и нудно били в одну и ту же точку, иногда достигая своего, иногда - без всякого результата, иногда - до полного раздражения окружающих. Жуки же шли то прямым, то извилистым путем к своей цели, иногда летели, иногда ползли по какой-то странной кривой, ища новый путь. Ты, например, был бы для меня четко выраженным жуком. Ты не обиделся?

Шейла ласково погладила колено Майкла и заглянула в его глаза.

- Ну что ты? Конечно же, нет, - ответил Майкл. - И притом, я же не один. Со мною *Beatles*.

Майкл улыбнулся.

- Ну, по крайней мере, трое из них, - продолжил он.

Шейла вопросительно посмотрела на Майкла.

- Все, за исключением Ринго, - пояснил он.

Шейла рассмеялась.

- Осень, - сказала она, - это время шаления головы. Все равно как время года.

- *Commandaria*, дионисийское вино, - напомнил Майкл.

- Непременно, - сказала Шейла.

Г Л А В А 30

Майкл открыл глаза. Шейла спала, положив ладошку под щеку, и ее чудесные волосы рассыпались на освещенном осенней луной милом лице.

- *Quand tu dors dans la clairière de ton bras sous les papillons de tes cheveux*, - вспомнил Майкл. - *Когда ты спишь на ладони под бабочками волос.*

Шейла открыла глаза и улыбнулась. Майкл прижал Шейлу к себе, и они так и лежали, не говоря ни слова. Наступало утро, и где-то совершенно рядом стоял еще не проснувшийся Сан Патрик и только что уснувший Таймс Сквер.

- Майкл, пожалуйста, не провожай меня в аэропорт, - попросила Шейла. – Иначе я никогда не улечу в Лас-Вегас, потеряю работу и запишусь в армию.

- В *Navu*, - уточнил Майкл. - Это было бы чудесно.

- Когда я уеду, никуда не спеши, - попросила его Шейла. - Ключ на столе, оставь его себе, еда в холодильнике... Я заказала тебе билет на вечерний самолет. Отдохни, погуляй по Нью-Йорку.

- Спасибо, - сказал Майкл.

- Майкл, мне было с тобой очень хорошо нашим теплым осенним нью-йоркским днем, - сказала Шейла. - Как ни жалко, но эта дорога никуда не ведет, как дорога Алисы из вчерашнего осеннего парка. Я плыву по течению, не принадлежа себе и ничем не управляя. Сегодня я буду в Лас-Вегасе, через несколько дней в Вашингтоне, и ты тоже, несмотря на монотонность твоей жизни, совершенно не сможешь обойтись без твоих полетов и океана.

- Шейла, могу я звонить тебе, хотя бы изредка? – спросил Майкл.

- Конечно, - вздохнула Шейла.

Она взяла откуда-то из темноты блокнот, записала на листочке свой телефон, оторвала листок и отдала его Майклу.

- Прости меня, Майкл, - сказала Шейла. – Почему-то сегодня думаю только о себе. Ты же голоден. Никакой зарядки сегодня утром. Прохладный душ, горячий кофе и завтрак.

Через некоторое время Майкл сидел за столиком у окна на кухне Шейлы и смотрел, как она готовит завтрак. Перед ним стоял высокий стакан с апельсиновым соком. Кухня была большой, со стенами светло-кофейного цвета и блестела металлом

нескольких кухонных комбайнов и агрегатов, включающих фантастическую кофеварку со светящимся пультом.

Шейла была одета в выцветшие до белизны и протертые на коленях до дыр когда-то светло-голубые джинсы и большую для нее одетую на выпуск белую рубашку Майкла.

- Чем я могу тебе помочь? – спросил Майкл.

- Только смотри и продолжай меня боготворить, - улыбнулась Шейла. – Сегодня у нас будет *omelette*, приготовленный по-моему собственному рецепту. Скажу тебе по секрету, я взяла все лучшее из рецептов омлетов всего мира. В результате получилось чудесное блюдо.

Шейла посмотрела на Майкла и улыбнулась.

- Должно будет получиться, - уточнила она.

Шейла размешивала смесь, добавляя ингредиенты омлета, в стеклянной полусфере, прижимая ее к себе левой рукой.

- Как итальянцы, все ингредиенты будем смешивать до приготовления, - объяснила Шейла.

- Чудесно, - откликнулся Майкл.

- Почти, как создание мира, - улыбнулась она. – И не надо семи дней. Добавляем в омлет по нидерландскому рецепту нарезанные грибы, сладкий перец, немножко горького красного и зеленого перца и зеленый горошек, по денверскому – кусочки индюшки и нарезанного бекона, по испанскому – тонкие ломтики поджаренной картошки и тертый сыр, от меня – небольшие кусочки артишока и, наконец, по филиппинскому рецепту - ломтики помидоров и немножко чеснока.

Шейла улыбнулась.

- Теперь солим, - продолжила она. – По морокканским традициям нам нужна *Fleur de sel* - морская соль. Плюс совершенно немножко пряностей: щепочка кервеля, розмарина и тимьяна по французскому рецепту, кориандра, римского тмина и куркумы – по индийскому, да, еще и кетчупа, как ни странно, по японскому.

Шейла добавляла ингредиенты, взбивая смесь.

- С чем у тебя ассоциируется Япония? – спросила Шейла. – По-моему, кетчуп совершенно не передает ее характер и колорит.

- Япония? – переспросил, задумавшись, Майкл. – Вершина Фудзиямы со спящим вулканом, саке, скоростные поезда...

- Майкл, пожалуйста, больше никаких скоростных поездов и катеров, - рассмеялась Шейла.

- Хорошо, - согласился Майкл.

Шейла поставила стеклянную полусферу со взбитой смесью на разделочный стол.

- Фудзи на острове Хонсю, - задумчиво повторила она. – К сожалению, sake придется заменить бурбоном.

Шейла достала из холодильника ярко-желтый тюбик с маслом, открыла стеклянную крышку разогретой на огне сковородки, выдавила по спирали масло, создав в ее середине подобие горы с отверстием вулкана, плеснула в него бурбон и подожгла. Яркое бело-синее пламя взметнулось вверх, растапливая масло, и Шейла залила его подготовленной для омлета взбитой смесью.

Она повернулась к Майклу и улыбнулась.

- У меня есть еще и японский джаз, - сказала Шейла, – но, несмотря на его экзотическое название, он, к сожалению, разгоняет остатки приятных снов. Не хочется слушать его особенно сегодня.

- Конечно, - согласился Майкл.

- *Pink Floyd*, - предложила Шейла, – который тебе так и не удалось послушать в Венеции. День исполнения желаний.

Она нажала несколько кнопок на висящем на стене плоском проигрывателе с пятью дисками под прозрачной крышкой, один из дисков завертелся, и Шейла вернулась к Майклу. Майкл раскрыл для объятия руки. Шейла сладко потянулась, подняв руки с переплетенными пальцами вверх, улыбнулась и, повернувшись спиной к Майклу, упала в его объятия.

Шейла сидела на коленях Майкла, прижавшись к нему и положив голову на его плечо. Тихо пел *Pink Floyd*:

*All that you touch
All that you see
All that you taste
All you feel.
All that you love
All that you hate
All you distrust
All you save.
All that you give
All that you deal
All that you buy,
beg, borrow or steal.
All you create
All you destroy
All that you do
All that you say.
All that you eat
And everyone you meet
All that you slight
And everyone you fight.
All that is now
All that is gone*

*All that's to come
And everything under the sun is in tune
But the sun is eclipsed by the moon.
There is no dark side of the moon really.
Matter of fact it's all dark.*

Г Л А В А 3 1

Майкл и Шейла стояли у ее дома в Квинсе. Майкл поднял руку и желтое нью-йоркское такси, развернувшись по широкой дуге и подлетев к тротуару, затормозило, подняв в воздух упавшие листья, вынесенные осенним ветром к подножью многоэтажек.

Майкл обнял Шейлу и она, прижавшись к нему на прощание и осторожно дотронувшись губами к его щеке, тихо сказала:

- Прощай, Майкл.

- Прощай, Шейла, - также тихо сказал в ответ Майкл, - моя прекрасная незнакомка из нашей прекрасной осени. Я буду звонить тебе каждый день.

Шейла скользнула в такси и прижала ладошку к стеклу изнутри. Майкл положил снаружи на стекло свою ладонь. Такси тронулось, поднимая за собой осенние красно-оранжево-желтые листья и закручивая их в маленькие торнадо. Рука Майкла медленно опустилась. Он продолжал стоять на дороге, глядя вслед уезжающему такси, и его медленно объезжали немногие в это раннее утро машины.

Такси уехало, и листья медленно опустились на дорогу вокруг Майкла и затихли снова, как будто бы совершенно ничего не произошло. Стало очень тихо и весь огромный город замер вокруг. Майкл печально улыбнулся. Он был грустен и счастлив одновременно и все, казалось ему, еще ждало его впереди.

Майкл будет набирать номер Шейлы бесконечное число раз, но ему так никто и никогда не ответит.

Г Л А В А 3 2

Майкл прилетел в Международный аэропорт Баффало вечером. Аэропорт был полупустым, приглушенно звучал джаз. Сквозь огромные стеклянные окна струился теплый вечерний уличный свет, никто никуда не спешил, люди спокойно сидели у завешенных огромными телевизионными экранами с никому не нужной в этот час информацией стен, и только огромные лапы пальм медленно колебались в такт приглушенной музыки в воздушном потоке кондиционеров, Майкла встретил отец, и через полчаса они уже ехали в его *Hummer*'е по 90-й автостраде в Льюистон, домой.

- Странно, что вы уже месяц дома, - пошутил Майкл.

Родители Майкла, после ухода на пенсию, постоянно путешествовали и уже объездили весь мир. Их очень трудно было застать дома.

- Как поживает Расти? – спросил отец.

- Если бы не его чрезмерная любовь к буддизму..., - начал Майкл.

- Ты знаешь, - прервал его отец, - я тоже открыл для себя буддизм. Я был очарован и восхищен им в нашем путешествии в Непал. Только представь, вера очень важна, но мудрость важнее. Совершенное отличие от других религий. Отказ от религиозных догм, попытка победить страдания... Да, еще и Колесо Дхармы, каждый поворот которого открывает мудрость на новом уровне. Какое отличие от *“все было и все будет”* Экклезиаста.

- Я понимаю, - сказал Майкл. - Более того, я прочел все книги, с которыми не прощается Расти, и видел Далай-ламу год назад на его лекции в университете во Флориде.

Отец посмотрел на него с удивлением.

- Расти я, вообще, видел пару недель назад, - добавил Майкл.

- Майкл, ты никогда не будешь серьезным. Как у Расти дела? – спросил отец.

- Он уже начал летать, - ответил Майкл.

Г Л А В А 33

Они подъехали к дому, все окна были погашены и свет горел только на кухне. Дом был такой же спокойный и тихий, как и всегда, и, казалось, ждал Майкла, погруженный в вечерние сумерки. Майкл вспомнил зимы в Льюистоне, когда он был еще ребенком, как вечерами тихо падал снег, пахло растапливаемыми в окружающих домах каминами и все дома вокруг были в рождественских огнях.

Они вместе с отцом вошли в дом, мама их еще не слышала, и сам дом казался пустым и только тихонько тикали старые с маятником часы. Отец сделал шаг в сторону и остановился, и вдруг внезапно вспыхнул свет, комната наполнилась друзьями, родственниками и просто знакомыми, и все закричали: “Сюрприз!!!” Все столпились вокруг Майкла, они обнимали его, жали руку, хлопали по плечу и никак не могли успокоиться:

- Мы застали тебя врасплох, Майкл!!!

- Вы застали меня врасплох, - отвечал радостно Майкл, и усталость сама собой ушла, как будто бы не было длинного перелета и ожидания в аэропортах, а все было просто и понятно: вечеринка!!!

- Дайте мне обнять Майкла, - к нему пробивалась мама.

- Мама! – крикнул Майкл.

Он повернулся к ней и обнял ее, оторвав от пола.

- Майкл, - сказала, выбираясь из его объятий, мама. - Ты снова похудел. Все время думаю о тебе.

- У меня все замечательно, - успокоил ее Майкл. – Усталость только из-за нарушения расписания в гражданской авиации, в военной же все отлично.

- Всю мою жизнь я волнуюсь, - сказал мама. - Сначала о твоём отце, когда он летал, потом – о тебе, когда начал ты, затем буду волноваться...

- О внуках? – спросил Майкл и улыбнулся.

- Как раз о том, что у меня их нет, - ответила мама. – Когда, наконец, ты остепенишься, осядешь и женишься?

- Никогда, - вставил отец.

- Я так мечтаю заботиться о внуках, - сказала мама.

- Знаете, как это со мной происходит? – спросил Майкл. – Знакомлюсь с девушкой, сразу же влюбляюсь, на седьмом небе от счастья...

- Лучше сказать, в девятой сфере рая Данте, - уточнил отец. – Я помню даже сейчас. Иногда ощущал такое же...

- Я тебе ощуцу! – погрозила кулаком ему с улыбкой мама.

- Итак, - продолжил Майкл. - Влюбляюсь, думаю только о ней день и ночь, и...

- Что и? – спросила мама.

- И чудо исчезает, - сказал Майкл. – Трудно ведь всегда придерживаться роли, особенно женщине.

- Майкл, мужчины и женщины отличаются, - начала мама.

- И все же женщина должна отличаться в лучшую сторону, - сказал Майкл. – Вся эволюция была направлена у них только на это, в отличие от мужчин.

- Не искал ли ты проблему в себе? – спросила мама.

- Сотню раз, - ответил Майкл. - Причина в ожидании чего-то невозможного. Я прекрасно понимаю это, но как только представлю, что проведу с этой девушкой всю жизнь, мне становится страшно.

Мама потрепала его по голове и сказала, меняя тему:

- С длинными волосами ты мне нравился больше.

- Я понял, - сказал Майкл.

- Почему нравился больше? – спросила мама.

- Нет, - ответил Майкл. – Эволюция человечества сделала на мне ошибку. Это был тупик в развитии, и у меня нет никаких шансов на продолжение рода.

- Не шути так, Майкл, - попросила мама. – Все на земле имеет свое предназначение.

- Свою функцию? – уточнил Майкл.

- Именно, - ответила мама.

- Как часы? – снова уточнил Майкл. – Палея?

- Совершенно неверно, - сказал отец. – Часы не в состоянии иметь детей.

- Я и говорю, - сказал Майкл. - Я - как часы.

- Не скажи так на авианосце ребятам, - пригрозил отец. – Представляю результат. У нас на “Форрестале” была психолог, и я постоянно ощущал...

- Я тебе ощушу! – погрозила снова ему с улыбкой кулаком мама.

- Майкл, мы с тобой никогда здесь не поговорим о наболевшем, мужском, - сказал отец.

- О женщинах? – уточнила мама.

- Ты хочешь иметь внуков или нет? – спросил отец.

Мама махнула на него рукой.

- Майкл, - сказал отец, - пойдём, поможешь мне с грилем.

- Ребята, привет! – их остановил только что пришедший на вечеринку старый друг отца, с которым они вместе служили на авианосце. - Что у нас поесть на сегодня?

- Любишь лобстера? – спросил отец.

- Надоел со времен плавания, - ответил его друг.

- Васаби? – уточнил отец.

- Никогда не слышал.

- Тогда вали отсюда, - шутливо сказал отец.

И они пожали, приветствуя друг друга, крепко руки.

- Совершенно потерялся без компаса. Покажи, где “Джек Дэниэлс”, - попросил его друг.

- Норд–норд–вест, - ответил отец и показал рукой. - Пойдем, Майкл, поможешь мне с барбекю.

Отец готовил цыплят по своему собственному рецепту. Он замачивал их несколько дней в соусе, в состав которого входили ананас, лимон, грейпфрут, какие-то экзотические тропические фрукты и пряности. Запах стоял фантастический.

- Ты так же готовишь на гриле с углем, - сказал Майкл. - Газовый гриль был бы эффективнее. Ты бы сократил время раза в два.

- Майкл, - ответил отец, - газ есть газ. Древесный же уголь дает ни с чем ни сравнимый запах, я еще и добавляю веточки японской вишни.

- И теряешь столько времени, - добавил Майкл.

- Майкл, ты все время пытаешься переделать людей вокруг себя по-своему образу и подобию, - сказал отец. - Этот принцип сработал только раз, две тысячи лет назад, и затем только давал сбои. Расскажи мне лучше о Расти.

- Расти снова, к счастью, легко отделался, - сказал Майкл. – Представляешь себе несколько катапультированных?

- Над ним, как будто бы, висит рок, - добавил отец.

- Кстати, со мной в Вене произошло странное событие, - начал Майкл.

- В Европе постоянно происходит что-нибудь странное. Что именно? – спросил отец.

- Прекрасная незнакомка, у нее оказалось чудесное имя Лаура, попросила меня не увлекаться одновременно большим количеством женщин, - ответил Майкл.

- Видишь, уже незнакомые люди просят тебя не увлекаться женщинами, - сказал отец и улыбнулся.

- Ты не находишь это странным? – спросил Майкл.

- Майкл, увлекайся женщинами, теряй голову, дари цветы. Жизнь коротка, а время летит очень быстро, - сказал отец. - Не останавливайся, пока ты не влюбишься по-настоящему.

Отец переворачивал мясо над углями, и чудесный аромат плыл над лужайкой.

- Майкл, попробуй сыр, - предложил отец. - Чудесный швейцарский “Kaltbach” фирмы “Le Gruyère”, состаренный в швейцарских пещерах.

- Гриер, - задумчиво повторил Майкл. - Звучит, как имя киноактрисы.

- Никого не могу вспомнить с таким именем, - сказал отец.

- Джуди Гриир, - пояснил Майкл. - Чудесная обаятельная женщина.

- Майкл, у тебя все ассоциируется с женщинами, - улыбнулся отец. - Помни просьбу Лауры.

- Мне ближе твой совет, - уточнил Майкл.

- Я не всегда бываю прав, - возразил отец.

- Почему ты не говорил мне этого в детстве? – улыбнувшись, спросил Майкл.

- Ты и так вырос замечательным парнем, - ответил отец. - Пробуй сыр.

Майкл откусил кусочек сыра и, закрыв от наслаждения глаза, покатавал его кончиком языка во рту.

- Как тебе Гриер? – спросил отец.

- Чудесный сыр, - ответил Майкл. - Я не помню, когда я пробовал нечто подобное.

- Я же говорил, - сказал отец.

- Но ему подходит другое название, - уточнил Майкл. - Гриир.

- Майкл, ты невыносим, - улыбнулся отец.

Майкл повернулся к шумящей вечеринке.

- Почему не пришла Эллен? – спросил он.

Эллен была знакомой Расти. Их пылкая любовь сама собой как-то затихла, они стали друзьями без всяких ссор и упреков и, казалось, это устраивало их двоих, Эллен всегда приходила на подобные вечеринки, даже без участия Расти, чтобы узнать, как у него дела, обменяться новостями, попросить обнять его от нее и передать привет.

- Я пригласил ее, но она отказалась, попросила тебя встретиться с ней завтра в ее любимом с Расти кафе у итальянской пиццерии, - ответил отец.

- Майкл, привет, - прервала их подошедшая к ним незнакомая девушка, державшая в руках пять высоких стаканов с разноцветными напитками. - Помоги мне, пожалуйста, отнести это ребятам.

- Майкл, это Мэгги, - сказал отец.

- Очень приятно, - ответил Майкл. - Мэгги, давай мне твои стаканы.

- Теперь вечеринка начинается по настоящему, - подумал Майкл.

Майкл и Мэгги вернулись в шумящую вечеринку. Майкл сел за стол, поставив напитки в его центре и оставив себе *Маргариту*. Мэгги присела рядом с ним.

- *Маргарита* и Мэгги, - подумал Майкл и улыбнулся.

- Майкл, ты без девушки, - сказала Мэгги. - Хочешь, я буду твоей девушкой на сегодняшней вечеринке?

- Конечно, - ответил Майкл.

- Как ты себя чувствуешь? - спросила Мэгги.

- Как дома, - ответил Майкл и снова улыбнулся.

- Майкл, ты женат? - спросила Мэгги.

- Нет, - коротко ответил Майкл, взглянув на Мэгги.

- У меня всегда так, - сказала Мэгги. - Как только найду достойного себе, так он женат. Ты - исключение.

Она посмотрела искоса на реакцию Майкла.

Майкл сделал большой глоток *Маргариты* и сказал:

- Я этому только рад.

- Мой экс, - сказала Мэгги и показала рукой за спину Майкла.

Майкл повернулся. Громадный парень в джинсах и клетчатой ковбойской рубашке разговаривал с пышной брюнеткой.

- Экс? - переспросил Майкл.

- Экс-муж, - уточнила Мэгги. - Никогда не ценил мой ум и интеллект. Не понимал, как я старалась для него.

- Как? - откликнулся Майкл.

Парень повернулся и посмотрел на Майкла и Мэгги. Майкл приветственно поднял в его сторону свой высокий стакан с *Маргаритой* и сделал еще один большой глоток.

- Не согласишься, - продолжила Мэгги. - Каждое утро новая прическа и макияж. И так во все дни без исключения. В праздники, рабочие дни и уик-энды. Для меня, Майкл, макияж, все равно, как одежда. Выйти без него, как появиться на людях вообще без ничего.

- Как леди Годайва? - уточнил Майкл.

- Кто? - спросила Мэгги. - Да, именно, как леди...

- Кстати, Майкл, - продолжила она. - Тебя не смущает моя красота? Чувствуй себя со мной совершенно свободно. А вначале он казался мне совершенно достойным...

- Кто? - спросил Майкл.

- Мой экс, - ответила Мэгги. - Подарил мне альбом Бонни М. Ты не читал "Рожденная, чтобы быть дикой"? Нет, постой, "Рожденный, чтобы быть диким". Нет, как то не совсем так. "В семье Диких". В общем, что-то в этом духе.

- Наверное, нет, - ответил Майкл.

- Потрясающая вещь, - продолжила Мэгги. - Я тебе одолжу книгу. Там Моника говорит своей подруге, что парень так возбуждающе горяч, что она готова растечься в лужу прямо у его ног.

Майкл сделал несколько больших глотков. *Маргарита* заканчивалась, Мэгги, к сожалению, нет.

- Ты представляешь, Майкл, какая любовь? - спросила Мэгги. - Только женщины способны так чувствовать.

- Несомненно, - согласился Майкл. - Наверное, Лаура была все же права.

- Какая Лаура? - спросила Мэгги. - Из цветочного?

- Да, - ответил Майкл.

Он извинился и, сославшись на заканчивающийся напиток, оставил Мэгги и вернулся к друзьям, которых он так долго мечтал увидеть.

Г Л А В А 34

На следующий день Майкл сидел за столиком на улице у небольшого кафе в центре Льюистона, стоящего возле итальянской пиццерии. Было ветрено и холодно. Все было закрыто, никто не спешил к началу работы, наверное, просто по привычке, а может быть из-за навеваемого этим городком настроения неторопливости.

- Никто бы никогда и ни за что на свете не поверил, что это американский город начала 21 века, - подумал Майкл. - Коротенькая улица в никуда.

Шло время, и мысли Майкла перепрыгивали с одного предмета на другой. Уже миновало полчаса как должна была открыться пиццерия, в витрину магазинчика “Хобби”, стоящего рядом с пиццерией, вышло два огромных кота, один незамедлительно сел у бочки видом похожей на пивную, но с отверстием, навевающим мысли о скворечнике, наверное, это и было основной причиной остановки для кота, второй же прошептал к соседнему ресторанчику “Великая китайская стена”.

- Если она похожа на этот ресторанчик, то в чем ее величие? – подумал Майкл.

Время шло и шло. На улице не было ни человека.

- Красота не живет вне или над миром, - думал Майкл. - Абсолютно нет даже абсолютной красоты вне нашей жизни. Древние совершенно что-то не видели или не понимали. Красота принадлежит миру, она даже создает в нашем мире свой собственный мир, свою Вселенную, маленькую сферу тепла и чуда, как тогда в ночном самолете над океаном, в Святом Патрике или в Мэте... Красота ведет нас, как в детстве, по желтой кирпичной дороге к счастью...

- Шейла, - тихо сказал Майкл.

- Привет, Майкл, - ответила подошедшая к нему Эллен.

- Привет, - сказал Майкл. - Присаживайся. К сожалению все закрыто, не могу предложить тебе ни кофе, ни пиццу. Как ты? Ожидал увидеть тебя на вечеринке.

- Так, ничего, - ответила Эллен. - Конечно же, небольшие перемены. Расти исчез, как всегда... Я думала все это время...

- Расти в госпитале, - сказал Майкл. - Ты не пишешь и не звонишь. Все катится само собой безо всякой логики...

- Я знаю, - сказала Эллен, кусая губы. - Я ждала его два длинных года. Очень длинных. Хотя и прошло всего лишь два Рождества. Я поняла для себя, что не могу жить его жизнью.

- Но вы же друзья, - возразил Майкл. - И Расти сейчас, как никогда, нужна твоя поддержка.

- Не хочу видеть ни его, ни тебя, - взорвалась Эллен и тут же взяла себя в руки.

Она медленно поднялась из-за столика.

- Прости меня, Майкл, - сказала Эллен. - И прощай.

- Прощай, - тихо сказал Майкл.

И Эллен сказала, глядя перед собой на пустынную улицу:

- Скоро опять новое Рождество.

Г Л А В А 35

Майкл приехал к Ниагарскому водопаду, одному из своих постоянных мест для попыток бегства от реальности, к бесконечности воды, шума, водяной пыли и радуги. Он приехал сюда один, сразу же после разговора с Эллен, в этот холодный и ветренный осенний день.

Встреча с Ниагарой для Майкла началась с заблудившихся туристов. Майкл полчаса объяснял француженке с маленькой девочкой из Квебека, обе не понимали практически ни слова по-английски, впрочем, как и Майкл, по-французски, как найти Пещеру ветров. В такой холод весь город был сплошной холодной пещерой, пронизываемой ветром, и самым эффективным оказалось показать направление.

- Даже если они и промахнутся, - подумал Майкл, - все равно они выйдут к своей канадской границе.

Майкл спустился на лифте вниз, к самому подножию Ниагарского водопада, у Моста радуги, названного, наверное, после старой джазовой песни “Я сижу на радуге и держу весь мир на струнке”.

Вид снизу на водопад под мостом Радуги был великолепен. Майкл поднялся по каменной лестнице ближе водопаду и к созданной его брызгами радуге. Он увидел восход солнца из-за стены падающей с неба на землю воды и в этом заполненном шумом и брызгами мире, в этой падающей воде, он увидел падающую рыбу, отрицающую шум опасности и не поворачивающую вспять, рыбу, дошедшую в своем прагматизме до падения, как и в своем падении - до прагматизма. Он увидел еще как два военно-транспортных *Геркулеса С-130*, два самолета, появились в небе над водопадом, прямо над падающей в радугу водой, и это было прекрасно.

- Как хорошо, - подумал Майкл, - что мы отстояли от закрытия военную базу в Ниагаре, присоединяясь к протестам, воззваниям, меморандумам, подписывая письма и возмущаясь на митингах.

Майкл понял, что он окончательно замерз. Он поднялся наверх и зашел в небольшой ресторанчик небольшой гостиницы “*Red Coach Inn*” - “Красная карета”, стоящей неподалеку от Ниагарского водопада. Здесь около часа Майкл объяснял официанту, что коньяк, в том числе, французский арманьяк, необходимо подавать в пузатеньких с маленьким горлышком бокалах. Официант понимал не более, чем француженка с ребенком, хотя и говорил на великолепном английском.

- Становлюсь миссионером, - думал Майкл. - Буду нести в народ, в холод и стужу, крупицы своего опыта жизни.

Арманьяк даже в широком стакане был чудесен, и Майкл почувствовал, как к нему возвращается тепло. Он уже начал скучать по океану, полетам и ребятам из эскадрильи и только шум падающей воды и, даже странно, стук дятла где-то неподалеку, возвращал его к реалиям действительности.

- Какое-то беспокойное существо, - подумал Майкл. - Как они не устают биться головой о ствол? И как они не страдают от этого? Какая-то интересная структура головы. Никогда никаких сотрясений мозга, ни даже головокружений.

- Поэтому страдаем от них только мы, - добавил он про себя и улыбнулся.

- В детстве я делила людей на жуков и дятлов, - говорила Шейла.

День завершался, и солнце красным диском пробиралось вниз, к самой воде, сначала в небе, между летящих канадских гусей, затем мимо небоскребов Ниагара Фоллз, между парусных мачт, удочек, беспокойных чаек на пирсе, мимо волнорезов, все ниже и ниже к холодной воде, и затем, между рыб и водорослей, уже к другому краю планеты.

Майкл вернулся домой усталый и счастливый. Через час телефон Майкла неожиданно зазвонил. Через три часа Майкл уже был в Баффальском международном аэропорту, ожидая вылета во Флориду, на свой авианосец.

Г Л А В А 36

Майкл шел по Международному аэропорту в Орlando, Флорида. Он шел по зеленому ковру под куполом трех стеклянных сегментов, поддерживаемых изогнутыми, подкрепленными краспицами, трубами, сделанными совершенно по подобию дельтапланного крыла. Уходящие в обе стороны к стоящим на земле самолетам крылья терминала своим дизайном напоминали самолетные салоны.

Сине-красно-оранжевые кили самолетов авиакомпании *South-West* плыли за окном в море пальм, как плавники акул в океане. Самолет за стеклом высоко в небе медленно развернулся и стал на посадочную глиссаду. Стоял ароматный запах кофе и, казалось, никто вокруг никуда не спешил.

- Расти, - подумал Майкл. - Снова делаю для тебя невозможное. Передвигаю как можно ближе твою летную комиссию. И это в *Navy*. Как ему жить без полетов, а мне - без него?

Майкл купил кофе, сел за столик в самом центре терминала, неподалеку от монорельса с шаттлами, соединяющими аэропорт с отелем "Хайятт", достал телефон и набрал номер Роксаны. Роксана была администратором госпиталя *Navy* в Мэриленде, хорошей знакомой Майкла, с которой он встретился, отдыхая несколько лет назад во Флориде в небольшом городке с романтическим названием *Kissimmee*, с океаном, подступающим ко входу гостиницы во время ночных приливов, с пеликанами, как чайками в небе, с маленькими птичками, бегущими по утрам к берегу перед накатывающей волной и затем за ней же к океану назад в попытке найти что-нибудь вкусное, с огромными черепахами, бредущими неторопливо вдоль автострад, в городке с тропическими ливнями и дорожными знаками, показывающими направления ухода во время харрикейнов.

Никто не отвечал, и Майкл сделал маленький глоток очень горячего, крепкого и ароматного кофе. Рядом тихонечко брэнчало банджо. Майкл обернулся. Компания ребят и девушек в выцветших комбинезонах из *Marine* сидела неподалеку, ожидая вылета. Светловолосый парень, совершенно незнакомый Майклу, но, тем не менее, близкий ему духом и образом жизни, играл на банджо и тихо пел:

*So stand in my shoes,
And leave from your home.
Fight for the people who hate you
With protests they've shown.
Fight for the stranger,
Fight for the young.
So they all may have
The greatest freedom you've won.*

Майкл улыбнулся ребятам. Он видел их впервые в жизни, но узнал бы их среди тысяч людей, ребят, за которых и вместе с которыми он сражался на своей войне.

- Я слушаю, - ответила Роксана.

Г Л А В А 37

- Где ты, Майкл? – спросила Роксана.

По голосу Майкл понял, что она улыбается.

- Попытайся угадать, - ответил Майкл. – Рядом со мной чайки и океан.

- Виктория? - предположила Роксана.

- Виктория? - заинтересованно переспросил Майкл.

- Виктория, Бритиш Коламбия, Канада, - уточнила Роксана.

- Да, - понимающе откликнулся Майкл. – Нет. Подожди.

- Это Тихий океан? – приглушенно спросил он кого-то на другом конце линии.

Роксана рассмеялась.

- Нет. Это Атлантический, - сказал Майкл Роксане.

- Спорим, что это была красивая девушка, - сказала Роксана.

- Нет, - ответил Майкл. – Нет, в смысле, не спорим.

- Ага, - понимающе сказала Роксана.

Майкл рассмеялся.

- И все же? - переспросила Роксана.

- Ты же все сама хорошо видишь, - ответил Майкл.

- Я тебя хорошо знаю, - уточнила Роксана.

- Как хорошо было тогда в Виктории, - сказал Майкл. – Каждое утро солнце поднималось в небо из-за отеля *The Empress*, и каждый вечер в пять у них было традиционное английское чаепитие. Фантастическое смешение места и времени, заблудившаяся Виктория в качающемся переплетении мачт яхт, средневековый

европейский город, раскинувшийся вокруг тихоокеанского залива, ресторанчик “Артезианское вино” на *Government Street*...

- Лучше не вспоминай, - рассмеялась Роксана. – Вино там действительно било, как из артезианской скважины.

- Какая чудесная была ночь, - добавил Майкл.

- Да, - согласилась Роксана. – Ночь, действительно, была чудесная. Не могу сказать того же самого об утре.

- Не говори, - согласился Майкл.

- Да, тогда это был Тихий океан, - сказала Роксана. – Итак, ты говоришь чайки в небе.

- Подожди, - сказал Майкл.

- Это точно чайки? – спросил он приглушенно кого-то на другом конце телефонной линии.

Роксана рассмеялась.

- Да, это чайки, - ответил он Роксане.

- Та же девушка?- спросила Роксана. - Она, действительно, знает ответы на все вопросы?

- Подожди, - сказал Майкл.

- Майкл, прекрати, - рассмеялась Роксана.

- Я уже серьезен, как никогда, - сказал Майкл.

- Все время хотела тебя спросить, - продолжила Роксана. – Почему ты повез меня в Викторию, на край света?

- Ты же меня хорошо знаешь, - сказал Майкл. – И сама же и ответила на свой вопрос.

- Знаю, но никак не могу догадаться, - уточнила Роксана. – И все же?

- Правда, это было чудесное путешествие? - спросил Майкл.

- Да, - согласилась Роксана. – Ты все же скажешь или нет?

- В Виктории есть дорога, которая называется “Дорога к краю мира”, - ответил Майкл. – Очень хотелось по ней проехать.

- Дорога, ведущая к краю острова, к Тихому океану, к ферри в Ванкувер? – уточнила Роксана.

- Да, - согласился Майкл. – Помнишь ее?

- Конечно, - задумчиво откликнулась Роксана.

- А затем ты уютно сидела, забравшись с ногами, в мягком кресле на 5-й палубе ферри у громадного окна и держала в руках бумажный стаканчик с ароматным горячим

кофе, - продолжил Майкл. - А впереди к нам приближался окруженный горами со снежными склонами Ванкувер. Поедем снова?

- С тобой, после “Артезианского вина”, никогда, - рассмеялась Роксана.

Она на секунду замолчала и сказала:

- Ты во Флориде.

- Абсолютно точно, - ответил Майкл. – Аэропорт, банджо, песня и самолеты, самолеты, самолеты.

- Майкл ты неисправим, - улыбнулась Роксана. - Я помню другую Флориду. Романтичный *Kissimmee*, миллионы звезд в ночном океане, чудесное красное вино, горящая свеча, которую едва касался, набегая, прилив... Хотя был еще роллеркостер Аэросмит. Теперь я вспоминаю. Ты один?

- Совершенно один, - ответил Майкл. - Приглашаю тебя бросить все, приехать сюда и никогда больше не расставаться.

- Я тебя слишком люблю, чтобы связать с тобой жизнь, - улыбнулась Роксана.- Снова проблемы?

- *Navy* - очень консервативная организация, - начал Майкл. - Летная комиссия Расти же так далеко, что мне кажется я увижу его только в следующей жизни.

- Майкл, не волнуйся, - сказала Роксана. - Никогда не любила консерваторов.

- Да и еще, - попросил Майкл. - Попроси его, пожалуйста, даже поставь непереносимое условие, убрать рисунок дракона с самолета.

- Старинный символ наивысшей духовной сущности, олицетворяющий мудрость, силу и божественную энергию преобразований. Я еще помню. Хорошо. Пока и звони, хотя бы иногда.

- Непременно, - ответил Майкл.

Роксана положила трубку и, погруженная в свои мысли, повернулась к Стефани, своей подруге, с которой они часто коротали вдвоем вечера. Стефани понимала, что сейчас не надо надоедать ни с какими вопросами, а надо дать Роксане побыть наедине с происшедшим. Стефани, сделав глоточек “Метрополитена”, откинулась на спинку высокого кресла и обвела глазами комнату, которую принято было бы назвать рабочим кабинетом, но которую Роксана называла *place for fun*. Приглушенный свет освещал только маленький кофейный столик, кусочек светлой стены и кожаный угловой диван, а за этим кругом света комната жила своей жизнью - три огромных, до самого потолка, дубовых стеллажа, уставленных книгами со стоящими между ними на полках бронзовой буддийской вазой с саламандрами из монастыря в Непале, фотографией Роберта Планта с автографом, венецианской карнавальной маской, греческой амфорой, германской пивной кружкой и массой небольших ярких сувениров из различных стран мира, на стене - картины, фотографии, меч нинзи, вытканная молитва буддистов, меню из ресторана Лас-Вегаса, на полу в высокой вазе тростья бамбука с листочками и ростками, все остальное терялось в темноте, и только светился зеленый огонек *CD*-проигрывателя.

*East of the sun, west of the moon
We will build home, full of love....,*

- пела Дайена Кролл. Чудесный концерт с Лондонским симфоническим оркестром в Париже. Чудесный концерт для сегодняшнего вечера. И все, что непрерывно появлялось и исчезало в этом мире, этим вечером остановило свой бег.

Роксана и Стефани были очень похожи друг на друга, две высокие стройные женщины, проводящие пять вечеров в неделю в *YMCA*, очень профессионально работающие, но не отдающие себя целиком работе, получающие все удовольствия от жизни, но не обременяющие себя семьями, имеющие многих, в том числе очень влиятельных друзей, но очень часто проводящие вечера вдвоем друг с другом. Они называли себя *Powerful Girls* и были достаточно умны, чтобы управлять в этом мужском мире, и достаточно мудры, чтобы не ловить на свадьбах первые попавшиеся букеты очень счастливых невест.

Роксана начала работать хирургом в госпитале *Navu* несколько лет назад. И с этого момента ее жизнь заполнила только работа: дни занимали операции, вечера - подготовки к ним. Однажды Роксана ехала в госпиталь рано утром по скоростной автостраде почти пустой от машин, час пик еще не наступил, она ехала и слушала *Allegro Maestoso* Четвертого концерта Паганини для скрипки с оркестром и внезапно она поняла, что дороги вперед нет во всех смыслах, даже не дороги, а ей казалось, что она мчится в каком-то темном тоннеле и нет никакого света в его конце. Роксана съехала на обочину.

- Все, - подумала она. - Это конец. Пора снова становиться женщиной, а не кромсать по живому, не копать во внутренностях и не посвящать вечера самообучению, как кромсать и копать лучше и лучше. Пора остановиться.

Она остановила машину на обочине, тихо посидела, глядя перед собой, и внезапно сказала:

- Что, в общем-то, я и сделала.

И улыбнулась. Главное решение было принято. Звучала спокойная, виртуозная музыка Паганини, один из моментов его музыки, как, наверное, и его жизни, когда мятущаяся душа музыканта успокаивалась, и он создавал спокойную и прекрасную мелодию, и Роксана была от этого счастлива.

Сзади замигали красные и синие полицейские огни.

- По-крайней мере, я остановилась сама, - подумала Роксана.

Полицейский, очень молодой парень, подошел к машине и, как всегда, остановился немного позади водительского окна, готовый ко всему неожиданному, что иногда случалось на автострадах и могло произойти прямо сейчас. Роксана опустила стекло, повернулась к полицейскому, и он увидел усталые глаза красивой женщины. В машине тихо звучала непонятная красивая музыка.

- М'эм, что случилось? - вежливо спросил полицейский.

- Очень хочется снова быть женщиной, а не м'эм, или лучше, что я бы именно и предпочла сейчас, леди, - ответила Роксана.

- Ваши права и регистрация, - попросил полицейский.

Скрипка вскрикнула короткой мелодией и снова зазвучала спокойная музыка.

- Virtuозная умиротворенность, - сказала Роксана.

- М'эм, - терпеливо повторил полицейский.

- Вот именно, - сказала Роксана.

Она достала из сумочки водительские права и потянулась к перчаточному отделению за регистрацией на автомобиль, столкнув книги с переднего сиденья вниз, под ноги.

- Все одно к одному, - сказала тихо, кусая губы, Роксана.

Она выбрасывала и выбрасывала все из перчаточного отделения, ища регистрацию. Полицейский терпеливо ожидал.

- Стоп, - сказала сама себе Роксана. - Она просто обязана оказаться в самом низу.

Роксана достала регистрацию из под вороха бумаг и протянула ее вместе с правами полицейскому.

- Что значит логика, - сказала она.

Полицейский взял документы.

- От греческого *логос*, - добавила Роксана.

Полицейский хотел что-то ответить, судя по выражению его лица, но он увидел усталые умные глаза женщины, ракетки для рэкетбола на сиденье сзади, сваленную с переднего кресла вниз стопку книг по общей хирургии и промолчал. Затем он, мельком взглянув на водительское удостоверение, спросил:

- Где вы работаете?

- *NNMC, National Naval Medical Center*, Национальный морской медицинский центр, - ответила Роксана, - 8901, прямо на *Rockville Pike*.

Полицейский смотрел на Роксану и ничего не говорил.

- Город Бесезда, штат Мэриленд, Соединенные Штаты Америки, - продолжала Роксана.

Полицейский протянул ей права и регистрацию.

- Индекс 20889, - добавила тихо Роксана и замолчала.

- Езжайте, - сказал полицейский. - Будьте осторожны и внимательны и никогда не останавливайтесь на автостраде без включения аварийных огней, красивая и умная женщина. Не нарушайте правила. А из любой ситуации всегда есть выход.

Роксана сказала: "Спасибо", взяла документы, включила сигнал поворота, посмотрела в зеркала и стекло назад и поехала.

- Из любой ситуации всегда есть выход, - повторила Роксана.

Роксана вспомнила, когда она первый раз появилась в госпитале, главная администратор, властная женщина, пришедшая в госпиталь из политики, сказала:

- Что может быть лучше хирургии?

- Что может быть лучше? - иронично спросила сама себя Роксана.

Она подъехала к госпиталю, не отстегнув, как обычно, ремни безопасности футов за пятьсот до стоянки.

- Уже не нарушаю правила, - сказала сама себе Роксана. - Надолго ли?

Она припарковала машину на своем обычном месте, выключила двигатель, вышла из машины, вошла в главное здание, поднялась в кабинет главного администратора госпиталя и попросила подыскать себе что-нибудь похуже, чем хирургия.

Стефани мельком взглянула на Роксану и вздохнула. Роксана все еще витала а облаках.

Стефани попала в отдел перспективных методов лечения этого же госпиталя несколько лет назад, посвятила себя целиком работе и быстро двигалась по карьерной лестнице - через два года она была уже начальником отдела. Затем она остановилась, встретив Роксану и приняв ее образ жизни.

- Ты мне все-таки расскажешь? – не выдержав, спросила Стефани.

Роксана улыбнулась, вернувшись в их вечер.

- Неужели осень так влияет на человека? - сказала она.

- Кто это был? - спросила Стефани. - И что у тебя с ним? Какая-то пытка молчанием.

- Совершенно ничего, - спокойно ответила Роксана.

- Ты снова влюбилась! - утвердительно сказала Стефани.

- Совершенно нет, - возразила Роксана.

- Нет, влюбилась! Я же вижу, - продолжала настаивать на своем Стефани.

- Абсолютно нет! – снова возразила Роксана.

Стефани посидела, успокаиваясь, и сказала:

- Я же вижу по твоему настроению, голосу, взгляду и отрешенности. Ты влюбляешься, теряешь голову и внезапно останавливаешься, как будто бы боишься чего-то.

- Уж поверь мне, с этим мальчиком мы зашли так далеко, что... - возразила Роксана.

- Это снова происходит с тобой, - мечтательно сказала Стефани.

- Мы встретились в *Kissimmee*, маленьком городке к югу от Орlando, стоящем на озере с длинным непроизносимым названием *Tohopekaliga*, часто называемом *Lake Toho*, - сказала Роксана. – Чудесное место. “*Beyond the screen of leaves the sunlight pelted*

down and the butterflies danced in the middle their unending dance” - “За занавесом листьев струился вниз свет солнца и бабочки кружились в середине своего бесконечного танца”.

- И? - спросила Стефани.

- Он все еще ищет свою любовь, и она будет для него, как Откровение, как вспышка молнии, как падение в пропасть. Я знаю его целую вечность и сразу пойму, когда он ее найдет, - ответила Роксана. – Даже немножко страшно за него.

- Почему? - спросила Стефани.

- Любовь ослеплена как огнем страсти желания обладать, так и маской лжи нежелания быть отвергнутой, - ответила Роксана.

- Ты преувеличиваешь, - возразила Стефани. - Свет любви зажигается страстью. *“La Volupté m’appelle et l’Amour me couronne!”* - “Где страсть командует, даже любовь повинуется”.

- Поэтому немножко и страшно за него, - повторила Роксана.

- И сейчас ему нужна твоя помощь? – уточнила Стефани.

- Нет, не ему, - ответила Роксана. - Его другу.

- И ты помогаешь..., - приглашающе к продолжению начала Стефани.

- Этот парень – один из лучших пилотов *Navy*, - сказала Роксана. – *“Ses ailes de géant l’empêchent de marcher”* - “Имеет он столь большие крылья, что не способен по земле ходить”.

- Ты все время стремишься к тому, чего избегаешь, - сказала, улыбаясь, Стефани.

- Наверное, потому, что психология формируется детскими запретами, - согласилась Роксана. - А страшно мне от того, что его коснется война, дух которой уже витает в воздухе с 11-го сентября.

- Почему некоторые государства жестоки не только по отношению к другим странам, но и к своему собственному народу? – спросила Стефани.

Роксана пожала плечами.

- Не смотря на абсолютный контроль над своим населением, практически полное управление не только поступками, но и мыслями, несмотря на безграничную власть над людьми, что еще можно пожелать для достижения государством любой цели, как не абсолютное управление гражданами своей страны..., - продолжила Стефани.

- Это даже тяжело назвать гражданством, гражданство подразумевает какую-то степень свобод, - уточнила Роксана.

- Да, - согласилась Стефани, - несмотря на абсолютную, ничем и никем неограниченную власть над своим населением, а также на невероятно длинное время их развития в истории цивилизации, как суверенных государств, они так и не смогли создать ничего подобного современным городам с чудесной *skyline*, городам как Нью-

Йорк, Рим, Лондон, Бостон, Лос-Анджелес. Представь только, что период Темных веков европейских стран во времени совпадает с периодом Золотого века Багдада, в котором процветали науки: математика, философия, астрономия, медицина, а во Дворце Мудрости студенты пытались перевести на арабский все знания, накопленные человечеством.

- Поэтому им и осталось только разрушать? - предположила Роксана. - Разрушать, причем в стране, которая дала им возможность жить, плюс современный уровень жизни.

- Все намного сложнее, - возразила Стефани. - Я думаю, что причина лежит более глубоко. Даже не в нашем реальном, а в виртуальном мире.

- В виртуальном мире? - удивилась Роксана.

- Абсолютно точно, - ответила Стефани. - Смотри...

- В это даже трудно поверить. Это как утопия..., - прервала ее Роксана.

- Я имею в виду виртуальный мир, который человечество начало создавать с первых шагов своей истории, - продолжила Стефани. - Виртуальный мир с его более абстрактными и менее очевидными движущими силами, который дополнял реальный мир, зачастую из-за недостатка знаний, как, например, религия, зачастую же для получения удовольствия от ухода от жестокостей реального мира.

- Картины удачной охоты на камнях пещер? - спросила Роксана. - Как я помню Фрейд в "*Die Zukunft einer Illusion*" - "Будущем одной иллюзии" отводил богам больше функций: устранение ужасов природы, примирение человека с его судьбой и вознаграждение за страдания в течении жизни.

- Я говорю больше о первобытном искусстве. Люди получали удовольствие, созерцая свое могущество на картинах при колеблющемся пламени после неудачной охоты, - ответила Стефани. - Виртуальный мир был прост, в нем жили слоны и черепахи, на которых покоилась Земля, гоблины, тролли, эльфы и гномы. Виртуальный мир также оказался сильным средством управления населением как через создаваемые системой воспитания идеальные образы, так и через создаваемые религией образы карающие. Человек населял виртуальный мир все новыми и новыми образами и виртуальная жизнь, рожденная искусством, жила параллельно с реальной жизнью нашего мира. И было так более-менее стабильно до девяностых годов.

- До падения Берлинской стены и прекращения холодной войны? - спросила Роксана.

- Я думаю, все это было уже следствием, - ответила Стефани.

- Что же тогда случилось в девяностых? - снова спросила Роксана.

- Именно в девяностых *WEB*-паутина оплела мир, объединив персональные компьютеры в единую систему, - ответила Стефани.

- Это мне напомнило плоский мир Томаса Фридмана, - сказала Роксана.

- Плоский мир – это только один из размеров нашего великолепного объемного мира, - возразила Стефани. - Итак, появление персональных компьютеров у населения

практически всех стран, компьютеров с едиными микрочипами, появление единой архитектуры информационных сетей, единых информационных баз данных, например, на базе *IBM Cell* процессора, как в наших госпиталях, появление единых операционных систем, единых для всего мира программных средств и тому подобного, трудно даже перечислить, и определили единую компьютерно-информационную среду с едиными законами и правилами, накрывшую сетью наш реальный мир. И масштабы этой метаморфозы были огромны. Работающая с нами *LANL, Los Alamos National Laboratory* - Национальная Лаборатории в Лос-Аламосе, например, занимается сейчас визуализацией процессов и комплексных структур, обрабатывая на одном шаге компьютерных вычислений объем данных, превосходящих по размеру всю информацию Библиотеки Конгресса.

- Я понимаю, - согласилась Роксана. - Хотя для меня было бы совершенно невозможным повторить все твои ученые слова. Тем не менее, я понимаю, что исчезла всякая необходимость в получении разрешения правительства на работу на иностранную фирму, чтение иностранной литературы, путешествие в виртуальной Италии или Франции. Произошла глобализация и консолидация как экономики, так и всех остальных сфер человеческой деятельности.

- И никакая инквизиция уже не могла запретить чтение книг, - подтвердила Стефани. - Тем более сжечь виртуальную книгу.

- Вообще-то, все началось задолго до инквизиции, - возразила Роксана. - Первый прецедент сжигания книг произошел в пятисотых годах до нашей эры. Книги Анаксагора.

- Никогда не возьму тебя в свой отдел в госпитале, - добавила, улыбаясь, Стефани. - Во-первых, не знаешь умных информационных слов, во-вторых, выучишь и перестанешь меня вообще о чем-либо спрашивать.

- Уж лучше лечить людей, а не компьютерные системы, - улыбнулась Роксана.

- Абсолютно согласна, - подтвердила Стефани. - Как только вспомню внедрение нашей *ECC, Elliptic-Curve Cryptography* - Криптографии на базе эллиптических кривых, так мороз по коже.

- Извини, что перебила тебя, - сказала Роксана.

- Итак, все это и создало условия для международного разделения труда, например, как открытие филиалов компаний в других странах, так и привлечение иностранных компаний непосредственно для проектирования и производства, - продолжила Стефани. - Это коснулось инженерии, архитектуры, компьютеров, математики, разработки технологий в области радиологии в медицине, социальных наук и много-многого другого. Такое международное разделение труда назвали оффшоринг или аутсорсинг в зависимости от конкретной ситуации: выполнялась ли работа филиалом собственной компании в другой стране или же иностранной фирмой. Так или иначе, изучение Правительством США оффшоринга было проведено с помощью аутсорсинга агенством *National Academy of Public Administration*. Не видишь ли ты здесь иронии?

- Конечно же, вижу, - согласилась Роксана, - но не забывай, американские дети перестали хотеть быть инженерами. Как не уйти этой работе в другие страны?

- Конечно же, при зарплате в десятки раз меньше по сравнению с зарплатой врачей или юристов, - уточнила Стефани.

- Постой, - возразила Роксана. - Они же оказались виноваты в этом сами. Они так и не смогли создать организацию для лоббирования своих интересов.

- Но самое интересное, - продолжила Стефани, - что кроме экономической глобализации произошла глобализация социальная. В системе обучения знания можно было получить по Интернету, причем знания университета той страны, в которой ты хотел бы найти работу. В медицине, ты знаешь, все наши госпитали объединены единой системой телекоммуникаций.

- Как раз сегодня утром я была на компьютерном совещании с Неапольским госпиталем, - сказала Роксана. - Что удивляет - это ощущение, как будто бы мы находимся в различных комнатах одного и того же здания, что убивает - это разница во времени, пришлось вставать в четыре утра. Если бы еще и изменить с помощью компьютеров часовые пояса.

- По Жану Бодрийяру, - продолжила Стефани, - ценности стало более невозможно идентифицировать, культура стала транскulturой, политика - трансполитикой, сексуальность - транссексуальностью, экономика - трансэкономикой.

- Представляю его культуру "экстаза коммуникации", - улыбнулась Роксана. - Какая-то аберрации восприятия.

- Но самые болезненные изменения произошли в сфере глобализации политики, - продолжила Стефани. - В государствах, власть которых базировалась на экономической основе, как например, в Индии, Китае, Сингапуре, Бразилии, началось колоссальное экономическое развитие. В странах, в основном мусульманских, власть в которых базировалась на религии, началась потеря могущества правителей. Виртуальный мир поднялся над реальными границами, разделяющими страны.

- Я понимаю, - согласилась Роксана. - Люди из реального мира религиозного подавления начали уходить в сверкающий, абсолютно незнакомый, прекрасный виртуальный мир, изменивший их жизненные цели и желания и кажущийся безграничным для познания и развития.

- Международный диалог с одними странами упростился, с другими - невероятно усложнился, - сказала Стефани.

- Можно ли договориться, найти общий язык с абсолютно нецивилизованной страной? - спросила Роксана.

- Кстати, что ты имеешь в виду? - спросила Стефани. - Что является, по твоему мнению, основным принципом цивилизации?

- Ты отвечаешь вопросом на вопрос? - улыбнулась Роксана.

- Нет, интересно..., - ответила Стефани.

- На все вопросы в нашем мире уже есть ответы, причем разнообразные, что и оставляет возможность выбора, - сказала Роксана.

- Итак..., - приглашающе продолжила Стефани.

- Мне ближе высказывание Уинстона Черчилля, - ответила Роксана. - Центральным принципом цивилизации является субординация правящей власти установившимся обычаям людей и их воли, выраженной через Конституцию.

- И?- спросила Стефани.

- Вот тебе и цивилизация, когда вождь устанавливает свои законы, невзирая на желание народа, - ответила Роксана. – Да и народа то, в общем, еще не существует в полном смысле. Идет какая-то странная *bellum omnium contra omnes*, война всех против всех.

- Но с другой стороны, - возразила Стефани, - в такой феодальной стране, как Ирак, выживаемость государства превалирует над выживаемостью населения и как только государство прекращает войну против своего народа, война разгорается внутри самого народа, между составляющими его племенами или народностями.

- Что я и говорила, - сказала Роксана.

- Это, действительно, страшно, - согласилась Стефани. - Никогда об этом не думала. Привилегии свободы могут быть очень опасными.

- А иногда и смешными, - добавила Роксана. – Северная Корея согласно своей Конституции есть суверенное социалистическое государство, руководствующееся идеями “чучхе”.

Стефани улыбнулась.

- И еще одно, - продолжила она, - абсолютно все сверхдержавы, рано или поздно, всегда разрушались, начиная с Великой Римской Империи.

- Я помню, да, действительно все это уже было объяснено, - добавила Роксана. - “Пагода на глиняных ногах”, кстати, выражение Байрона, которое часто цитировал тот же Черчилль.

- Точнее, - попросила Стефани. - Так хочется запомнить и блеснуть.

*Those Pagod things of sabre away
With fronts of brass and feet of clay,*

- сказала Роксана.

- Как замечательно сказано, - восхитилась Стефани.

- Ставишь ли ты в один ряд интеллектуала сэра Черчилля и нашего Буша? - спросила Роксана.

- “*Anyone who wants to govern the country has to entertain it*”, - ответила Стефани. - “Каждый, кто хочет управлять страной, должен развлекать ее”.

- И все же? – переспросила Роксана.

- Они уже в одном ряду, - ответила Стефани. - И, к сожалению, ничего ни поделать. Все вокруг упрощается, включая интеллектуальный уровень правителей. Это и есть цивилизация. Правители все больше и больше становятся похожими на среднего жителя, который и делает выбор.

- Прошло время королей? – спросила Роксана. – Кстати, вспомнила слова младшего брата Луи XVI, виконта д’Артойса “Джентльмены, знайте, что королевские расходы не могут зависеть от его доходов, доходы должны определяться его расходами”.

Стефани помолчала немного и сказала:

- Все так бессмысленно. К чему стремиться в этой жизни?

И улыбнулась.

- Понять что такое добро и зло, - ответила Роксана. - И умереть. Потому что уже больше ничего не остается.

- Нельзя быть такой пессимистичной, - возразила Стефани. – А надо быть тебе дилетантом, ибо дилетанты – самые счастливые люди, познавшие только добрую сторону добра и постоянно наслаждающиеся все новой и новой открывающейся для себя стороной хорошего.

- Итак, чай, - предложила, улыбнувшись, Роксана. - Ты еще не изменила “Седому графу”?

- Конечно же, нет, - улыбнулась ей в ответ Стефани. - Единственный, кому я еще не изменила.

- Вот и чудесно, - сказала Роксана. - Не волнуйся, жизнь прекрасна. Это я только для того, чтобы тебя позлить и внести некоторый философский смысл. Нельзя же все время о Буше.

- Как я люблю твой чай! - сказала Стефани.

- Как я люблю наши вечера, - добавила Роксана. - Так чудесно и так спокойно. После совершенно ненормального дня.

Они замолчали. Дайена Кролл пела:

*The autumn leaves
drift by the window,
the autumn leaves
to come and go...*

- Эта осень пришла какими-то отдельными, несвязанными друг с другом ассоциациями, - сказала Роксана. - Музыкой, не связанной с красками, красками, не связанными со словами, словами, не связанными с тишиной, и тишиной, стоящей над шуршанием листьев, и еще выше, над всем этим, дождем.

Г Л А В А 38

11-го сентября 2001-го года террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне унесли жизни 3000 человек, живших здесь или приехавших сюда со всего мира.

Мусульманские террористы, захватив два пассажирских самолета авиакомпаний *United Airlines* и *American Airlines*, рейсы 175 и 11 соответственно, атаковали два небоскреба Мирового торгового центра. В начальной стадии катастрофы погибло несколько сотен людей, но, к огромному сожалению, этим все не закончилось. Разлившийся из самолетных топливных баков и загоревшийся керосин разрушил силовую структуру небоскребов, и они осели, погребив под собой 2752 человека.

Но это было еще не все. Самолет авиакомпании *American Airlines*, рейс 77, летящий из Вашингтона в Лос-Анджелес с 64 пассажирами и членами экипажа был также захвачен террористами и брошен на Пентагон. Другой самолет, авиакомпании *United Airlines*, рейс 93, был направлен на Белый дом. Пассажиры этого самолета пытались атаковать террористов, и самолет упал в Пенсильвании, не долетев до своей цели.

Мир отреагировал на эти трагические события по-разному. Огромное количество стран отнеслось с сочувствием и поддержкой, палестинский лидер Ясир Арафат, опасаясь санкций, сдавал перед телекамерой кровь, в некоторых мусульманских странах, включая Ирак, празднования в масштабах национальных шли, не останавливаясь, три дня и три ночи.

В этот трагический день Буш продиктовал в свой дневник: “*The Pearl Harbor of the 21-st century took place today*” - “Сегодня произошел Пирл Харбор 21-го столетия”. Тони Блейр, в своей книге “*A Journey. My Political Life*” напишет “*This was terror without limit; without mercy, without regard to human life, because it was motivated by a cause higher than any human cause. It was inspired by a belief in God...*” - “Это был террор без милосердия и всяких границ, без сочувствия к человеческим жизням, потому что он был побужден причиной выше, чем человеческая жизнь. Он был вдохновлен верой в их бога...”

Нечто подобное, хотя и не таких масштабов, предчувствовалось давно. Уже имели место в истории взрыв бомбой пассажирского самолета авиакомпании *Pan Am* над Шотландией, нападения на посольства США в Кении и Танзании и атака на военный корабль *USS Cole*.

В конце девяностых годов глобализация экономики еще больше обострила противоречия между странами. Уже во времена Клинтона был создан Национальный экономический совет (*NEC, National Economic Council*), заседания которого часто проводились совместно с Советом по национальной безопасности (*NSC, National Security Council*). В 1995 году Билл Клинтон подписал Президентскую директиву 39 (*PDD-39, President Decision Directive*), направленную на борьбу с терроризмом.

Ничего не делать после брошенного вызова было бы большой ошибкой. Джордж Буш в своей книге через несколько лет напишет: “...*The first plane could have been an accident. The second was definitely an attack. The third was a declaration of war*” – “...Первый самолет мог оказаться случайностью. Второй несомненно означал атаку. Третий был объявлением войны”.

Уже 15-го сентября в Кэмп Дэвиде обсуждался ответ на события 9/11. Основное внимание уделялось Афганистану, но Буш просил не забывать и Ирак. Основными участниками подобных заседаний впоследствии станут президент страны Джордж Буш,

вице президент Дик Чейни, государственный секретарь Колин Пауэлл, министр обороны Доналд Рамсфелд, советник по национальной безопасности Кондоллисса Райс, директор ЦРУ Джордж Тенет, глава объединенного комитета начальников штабов Генри Хью Шелтон, заместитель министра обороны Пол Вулфовиц и глава кабинета вице-президента Льюис “Скутер” Либби.

Местами совещаний были Западное крыло и Ситуационная комната (*Situation Room*) Белого дома, Кэмп Дэвид (*Camp David*), Оффис безопасности (*Security Office*), расположенный на третьем этаже серого каменного здания Старых Исполнительных Офисов (*Old Executive Office Building*), находящегося непосредственно у Белого дома, а также ранчо Буша в Кроуфорде (*Crawford*), штат Техас.

Несколько совещаний с участием Главнокомандующего Армией генерала Эрика Шинсеки (*Chief of Staff of the Army, General Eric Shinseki*), Главнокомандующего морских операций адмирала Верна Кларка (*Chief of naval operation, Admiral Vern Clark*), Главнокомандующего Военно-Воздушными силами генерала Джона П. Джампера (*Chief of Staff of the Air Force, General John P. Jumper*) и Главнокомандующего корпуса Морской пехоты генерала Джеймса Л. Джонса (*Commandant of the Marine Corps, General James L. Jones*) состоялись в Пентагоне в его Военной комнате (*Pentagon War Room*), оффисе Рамсфелда, Оффисе системного анализа (*Pentagon Office of System Analysis, OSA*) и в комнате совещаний *the Tank*, созданный еще во времена Джонсона для рассмотрения вопросов ядерной стратегии.

Сразу же активизировала свою деятельность команда *NEST, Nuclear Emergency Support Team*, секретное подразделение Департамента Энергии, разъезжающее по стране в автомобилях *van*, напичканных детекторами гамма и нейтронного излучения, в поисках *Dirty bombs* - обычных бомб, но в оболочке из радиоактивных отходов.

На авиалинии вышли *Sky marshals* – ничем не отличимые от обычных пассажиров вооруженные и подготовленные для борьбы с угонщиками самолетов профессионалы.

Департамент внутренней безопасности (*Homeland security*) ввел в действие предупреждающую систему, используя пять цветов: зеленый, синий, желтый, оранжевый и красный, отказавшись от белого цвета, как нейтрального.

Соответственно была изменена задача разведывательного спутника *KH-11*, называемого “Большая птица“ (*Big Bird*). Спутник был создан компанией *Lockheed*, по размерам и форме напоминал *Hubble Space Telescope*, предназначался для передачи цифрового изображения в реальном масштабе времени непосредственно в военную информационную сеть и был запущен на орбиту Американским Национальным Разведывательным Оффисом (*American National Reconnaissance Office*).

17-го сентября 2001 года было принято решение о начале военных операций против терроризма. Осама бин Ладен, создатель мировой террористической сети *al Qaeda*, управляемой им из Афганистана, и Саддам Хусейн были названы основными ответственными за события 9/11. Специальные команды ЦРУ вступили в Афганистан 27 сентября, а еще через 22 дня в Афганистан вошли *Commando Teams* для управления точной бомбардировкой. Началась война.

В первой половине ноября 2001-го года на заседании *CENTCOM* на авиабазе Макдилл в городе Тампа, штат Флорида, рассматривался вопрос о необходимом количестве войск для вторжения в Ирак. *CENTCOM* или *Central Command*, Центральное командование, одно из девяти подобных структур, отвечало за планирование операций и управление войсками при проведении боевых действиях в странах Среднего Востока, Восточной Африки и Центральной Азии. Главой *CENTCOM* был генерал Томми Рэй Фрэнкс, который впоследствии станет главнокомандующим коалиционными силами в годы Иракской войны. Старый план *OPLAN 1003-98* предусматривал полугодичную подготовку к войне и требовал переброску в район конфликта 38 тысяч человек, что казалось чрезмерным абсолютно всем. В то время ЦРУ рассматривал Ирак, как страну вторичного приоритета для разведки, поэтому разведанных было немного.

21 ноября 2001 года в Ситуационной комнате Белого дома президентом страны было дано поручение Доналду Рамсфелду и генералу Томми Франксу доработать военный план *OPLAN 1003-98*.

28 декабря 2001-го на видеоконференции на ранчо Буша в Техасе была представлена матрица стратегии войны в Ираке. Строки матрицы представляли собой цели в Ираке: руководство страны, специальные войска, внутренние службы безопасности, Республиканская Гвардия, регулярная армия, предполагаемые места базирования оружия массового уничтожения, ракеты, территория, инфраструктура, коммерческий сектор. В столбцы матрицы были занесены силы союзников в войне с Ираком: специальные войска, армия, морская пехота, авиация, оппозиция и дипломатические силы. Отмеченные пересечения строк и столбцов матрицы представляли собой пересечения в войне и жизни, и в каждом пересечении был определен характер взаимодействия.

В июле 2002-го были нанесены воздушные удары по командным центрам, центрам противовоздушной обороны и были разрушены оптоволоконные сети, осуществляющие военную связь в Ираке.

В октябре 2002-го Палата представителей США (*The United States House of Representatives*), в которой каждый штат был представлен пропорционально численности населения, голосами 296 “за” к 133 “против” дала Бушу право на военные действия. Сенат, в который входило по два сенатора от каждого штата, голосами 77 к 23 утвердил это решение.

В декабре 2002-го мобильный командный пункт стоимостью 58 миллионов долларов был установлен на базе *As Sayliyah* в Катаре для генерала Фрэнкса и его 600 человек. Был также установлен *A*-день - день начала авиаударов, *G*-день - день начала наземных операций и *C*-день - день начала разворачивания войск в Кувейте.

В качестве *casus belli*, повода для объявления войны, было “разоружить Иран от оружия массового уничтожения, закончить поддержку Саддамом Хусейном террористов, освободить иракский народ”. Причины войны лежали, конечно же, глубже. В начале 2000-х безопасность страны уже определялась не только численностью армии, ее способностью воевать и качеством оружия, но и ее способностью защититься от террористов. И здесь не могла помочь никакая огромная прекрасно подготовленная армия. 1 июня 2002 года президент Буш на выступлении

перед выпускниками военной академии *West Point* провозгласил новую доктрину - право нанесения удара первыми - в новом мире, в который мы вошли, единственный путь к миру и безопасности есть путь действий. Кроме этого, военная доктрина США предусматривала способность одновременного ведения войны в двух странах (*Two war doctrine*). Это исключало ситуацию, когда какая-либо страна для получения преимущества могла совершить нападение на Америку, находящейся в состоянии войны с другой страной. Да и Афганистан казался слишком легкой расплатой террористов за события 9/11. Плюс ко всему, работы Агентства перспективных оборонных научно-исследовательских проектов (*DARPA, Defense Advanced Research Project Agency*) требовали проверку в условиях военных действий, плюс многое-многое другое.

Расположение Ирака облегчало его выбор для ведения второй войны. В августе 2002-го США уже имело 10 тысяч солдат на военной базе *Camp Doha* в Кувейте, 3 тысячи - на авиабазе в Катаре, 6 тысяч - в Саудовской Аравии. Неподдалеку на острове Диего Гарсия в Индийском океане размещалась американская военная база. Корабли отсюда же участвовали в разрешении конфликта Ирака с Кувейтом в августе 1990-го. В Саудовской Аравии американская авиация имела аэродромы, применяемые в том же конфликте.

Союзников в регионе предполагаемых военных действий было достаточно много: Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Оман, Кувейт, Иордания, Турция, Объединенные Арабские Эмираты, Египет и Израиль. Вне Ирака существовала оппозиция Саддаму Хусейну - Иракский национальный конгресс, возглавляемый Ахмедом Чалаби. В Ираке уже существовали зоны, в которых было запрещено летать иракской авиации, так называемые *no fly zones*, занимавшие около 10% территории Ирака на Севере и около 50 % его территории на юге, контролируемые американской авиацией.

Оружие же массового уничтожения, которое так и не найдут после окончания войны, все же существовало в Ираке. В марте 1991-го боевые бомбы с заринем, нервно-паралитическим газом, были сброшены по команде Хусейна на повстанцев-шиитов в Кербела и Эн-Наджаф. Бомбы, к счастью, не сработали. Курдам повезло меньше. В химической атаке в 1988 году в Халабдже погибло около 5 тысяч человек. В атаке применялись нервно-паралитические газы зарин, VX и горчичный газ.

Итак, выбор страны был произведен. 17 марта 2003-го года Саддаму Хусейну был представлен ультиматум покинуть страну с двумя его сыновьями в течении 48 часов.

19 марта 2003-го года, через полтора часа после истечения срока ультиматума, были нанесены ракетные удары по Багдаду и Дора Фармс. 31 команда Специальных оперативных сил (*Special Operations Forces*) вошла в Ирак на севере и западе.

Политика, проводимая по отношению к Ираку с октября 1989 года, сформулированная в подписанной президентом Бушем Национальной директиве по безопасности "Политика США в регионе Персидского залива" (*NSD-26, National Security Directive "US Policy toward the Persian Gulf"*), предусматривающая политическую и экономическую помощь, направленную на трансформацию страны в демократическое государство, не привела ни к чему. 20-го марта 2003 года началась

война, получившая название Иракская свобода (*Iraqi Freedom*). В войне участвовали военные силы США (241516 человек), Англии (41000 человек), Австралии 2000 человек) и Польши (200 человек).

Иракская армия воевала в соответствии с планом Хуссейна, созданным в декабре 2002-го года и предусматривающим несколько колец обороны Багдада. Одним из таких колец была Красная Зона, защищаемая Республиканской гвардией. Внутри Багдада, из-за опасения переворота, было разрешено находиться только Специальной республиканской гвардии. План Хуссейна не учитывал ни сил, ни стратегии и тактики войск США и союзников и устанавливал только один лозунг “Защита до смерти”.

В экипировку американского солдата входил кевларовый пуленепробиваемый шлем с люминесцентной полоской сверху для распознавания авиацией, форма защитного цвета, кевларовый пуленепробиваемый жилет, наколенники, кожаные ботинки, прибор ночного видения, наушники и микрофон для внутренней радиосвязи, радиостанция для связи с авиацией, автоматический карабин *M4*, противогаз, бинокль, нож, карты района конфликта, рюкзак с водой, едой, взрывчаткой, пакетом первой помощи, спальным мешком и теплой одеждой. Отлично подготовленные и прекрасно оснащенные для ведения войны солдаты воевали в стране, на дворцах которой было выбито “Созданы в эру Саддама Хуссейна, защитника Ирака, заново возродившего цивилизацию и построившего новый Вавилон”.

Г Л А В А 39

Здесь, в Ираке, по ту сторону добра и зла, Майкл летал в паре с Беатрисс, пилотом ведомого самолета, высокой темноволосой женщиной, родившейся в Италии и жившей в США, с женщиной, дошедшей в своем феминизме до полета. Они летали на грани, между жизнью и смертью, старясь помочь ребятам там, внизу, в огне и крови, у которых вечером не будет, как у пилотов, ни теплой уютной каюты на авианосце, ни свежего бриза, ни соленых океанских брызг, а может быть, напротив, не будет, как и у некоторых пилотов, уже вечером совершенно ничего, кроме последней дороги домой. Они воевали в этой древней стране, заблудившейся в поисках будущего, терзаемой внутренними противоречиями и пропитанной ненавистью ко всему живущему вокруг них.

Еще до взлета Майкла и Беатрисс, взвод морской пехоты поднялся на “Ирокезе”, и их вертолет пошел низко над землей, поднимаясь только над рельефом холмов. Они шли низко, поднимая за собой вихри пыли горячего песка и высушенной солнцем земли. Ник, высокий светловолосый парень из Миллвилла, штат Нью-Йорк, сидел прижимаясь спиной к нагретому за день борту вертолета, держа коленями автомат. Вся жизнь Ника прошла в небольшом американском городке, похожем на все остальные. Родители Ника, преподаватели университета, дали ему прекрасное образование. Ник занимался в частной школе, знал три языка и наиболее тяготел к литературе, не особо любя математику, физику и подобные им дисциплины. После окончания университета он имел предложение работать в одной из престижных фирм, но ему не хватало

последнего шага в мир опасности, последнего шага до того, как окончательно осесть и остаться в повторяющейся и приносящей постоянное удовольствие рутине жизни.

Этот вылет был последним боевым заданием Ника, заканчивающим его 4-х летний контракт с морской пехотой, но сейчас, в этом болтающемся между жизнью и смертью вертолете, Ник уже не помнил, что привело его сюда, что было до и что будет после, и казалось, не было никакого прошлого и будущего, а была только наполненная шумом двигателя и вихрями врывающегося в открытые двери воздуха кабина вертолета с торчащими наружу стволами двух пулеметов и еще ребята, сидящие на полу, привалившись спинами к вертолетным бортам.

Они высадились неподалеку от небольшого пыльного городка и пробирались, управляемые короткими командами мастера-сержанта, к его центру, к цели. Они двигались короткими перебежками, неслышной и невидимой группой, и, внезапно, когда они были уже у самой цели, начался обстрел. Ребята оборудовали огневую точку в давно покинутом и полуразрушенном доме, и самым трудным теперь было не подпустить танки или хотя бы ракетометчика. Бой продолжался около часа, то затихая, то снова разгораясь. Дивизия врагов называлась “Головорезы”, но это оказалось только название.

Майкл и Беатрисс получили задание в воздухе. Их целью стала воздушная поддержка взвода морской пехоты Ника до подхода штурмовиков *A-10 Warthog* 172-й Экспедиционной истребительной эскадрильи. Как говорили пилоты, штурмовик *A-10* был построен вокруг 30-ти миллиметровой автоматической пушки *GAU-8 Avenger Machine Gun*, с вращающимися для охлаждения при стрельбе стволами. Штурмовик *A-10*, оснащенный ракетами класса воздух-земля *AGM-65 Maverick*, в основном применялся против танков и боевых машин. Майкл улыбнулся. Он вспомнил надпись на одном из таких штурмовиков “*Have Gun, Will Travel*”.

Майкл и Беатрисс были уже над целью. Внизу шел, мелькая вспышками в черных клубах дыма, бой.

- Только не увлекайся, как всегда, будь осторожнее, - попросил Майкл Беатрисс.

Они заходили на цель снова и снова, и их не волновало ничего, кроме этих молодых ребят там внизу, под огнем. Ракеты *AGM-65 Maverick* у Майкла и Беатрисс закончились и оставались только автоматические пушки. И в тот самый момент, когда уже подошли штурмовики, самолет Беатрисс выскочивший после захода на цель прямо перед Майклом, взорвался огнем. Град горящих самолетных обломков ударил по самолету Майкла, самолет тряхнуло, раздался взрыв, зазвучала сирена и замигали огоньки пожарной сигнализации. Майкл, почувствовав, что самолет уже совершенно не управляется и началось падение в никуда, коротко доложил о случившемся и включил катапульту. Раздался короткий звук сработавших ускорителей. Майкл от перегрузки закрыл глаза, и внезапно наступила тишина. Майкл медленно открыл глаза. Он опускался на парашюте в прохладном на этой высоте воздухе, ярко и тепло светило солнце, а далеко внизу, на земле, раскачивался ветром парашют Беатрисс. Майкл, натягивая стропы парашюта в сторону, пытался приземлиться как можно ближе к ней, но это ему не совсем удавалось, ветер сносил его в сторону, и боль в груди совершенно мешала управлять стропами. Майкл взглянул вниз и увидел, что весь комбинезон на груди пропитан кровью.

- Ничего серьезного, - сказал сам себе Майкл. - Иначе бы я не продержался так долго.

Земля приближалась очень быстро, и Майкл не в состоянии был что-либо сделать. Он почувствовал сильный удар о землю и не смог устоять на ногах. Лежа, он отстегнул парашют, попытался встать и не смог. Тогда Майкл пополз, цепляясь разбитыми пальцами за камни и корни растений, пополз туда, где горячий и сухой ветер трепал наполовину наполненный купол парашюта Беатрисс, бросая его из стороны в сторону. Майкл полз и полз, забыв о времени, и только маленькие тени птиц металась перед ним по земле. Он еще раз попытался подняться и снова не смог из-за наполняющей его боли, и кровь, выходящая с каждым выдохом из раскрытого рта, забрызгивала его руки. Беатрисс лежала лицом вниз, и ее правая рука тянула нижние стропы, пытаясь погасить трепещущий купол. Майкл отстегнул ее парашют, осторожно перевернул Беатрисс и спросил:

- Как ты? О'кей?

- Мне холодно, - тихо, растрескавшимися губами сказала Беатрисс.

Майкл осторожно вытер кровь с ее лица.

- Что с тобой? – тихо спросила Беатрисс.

Майкл пытался не дышать глубоко, чтобы не пугать ее своей кровью, он даже боялся говорить и ощущал боль, усталость и накачивающийся холод. Над их головами прошла трассирующая пулеметная очередь, пули ударили по песку, и Майкл прижал Беатрисс к себе, пытаясь защитить ее от всего на свете. Ему стало немножко теплее, и мир вокруг него погас.

Взвод Ника уже покинул дом, в котором они оборудовали огневую точку. Точнее, дома уже не существовало. Ребята из морской пехоты были на открытом с трех сторон пространстве и отстреливались, прижимаясь к шершавой стене устоявшей мечети. Ник, непрерывно стреляя, лежал за огромным камнем и пули над его головой наполняли пространство неприятным свистом, заканчивающимся тупыми ударами о камни мечети, взрывающимися тысячами каменных брызг. Улица перед ним была уже не та. Стена противоположного дома была пробита, и ветер продувал дом насквозь, неся с собой сотни мелких обрывков, казалось, прошлой жизни. Два *F-18*, обеспечивающих поддержку с воздуха, куда-то исчезли, и теперь оставалось надеяться только на себя самих.

- Где же штурмовики? - думал Ник.

В провале стены дома напротив внезапно появился ствол легкой пушки. Ник увидел только вспышку, ствол пушки дернулся назад, и сверху посыпались обломки камней, но мечеть снова устояла. Ник поднял голову. Сверху над мечетью медленно выплыл "Ирокез". Из него вышла ракета, подбившая пушку и окончательно разметавшая остатки дома. И сразу же очень низко, практически над головами ребят, прошли штурмовики *A-10*.

Ребят из морской пехоты вывозили "Ирокезом". Вертолет медленно поднимался над раскаленным солнцем и огнем городом, и город стоял в открытой двери вертолета как-то боком, уходя вниз и вниз в никуда, как в ад. Он становился все меньше и

меньше, сжимаемый со всех сторон пустыней, лежащей здесь миллионы лет, пустыней, в которой в четырнадцатом веке тартарский вождь Тамерлан воздвиг пирамиду из черепов тысяч убитых персидских солдат.

Вместе с ними в вертолете вывозили парня и девушку в летных комбинезонах, Майкла и Беатрисс. Их нашел беспилотный самолет *ScanEagle A-15* из 2-й эскадрильи беспилотных самолетов морской пехоты, обычно применяемый для передачи изображения поля боя. Их нашли вдвоем, прижавшихся друг к другу и пропитанных кровью Майкла.

Майкл лежал, закрыв глаза, а Беатрисс сидела на полу кабины вертолета на коленях, держа его руку. Она что-то непрерывно ему говорила и говорила, но совершенно ничего не было слышно в этой наполненной шумом и вибрацией кабине вертолета. Врач, молодой парень, бывший на первой своей войне, сделал Майклу инъекцию, и Майкл неожиданно открыл глаза. Он слабо, одними губами, улыбнулся Беатрисс и сделал попытку приподняться к иллюминатору. Врач попытался его удержать, но Беатрисс оттолкнула его руку. Она приподняла Майкла за плечи, и Майкл увидел пустыню, настоящую, пышущую горячим песком и солнечным жаром пустыню, о которой говорила Шейла, пустыню в которой дух становился львом. Майкл понял, что видит пустыню последний раз в своей жизни и мир вокруг него погас.

Вертолет сделал вираж, и пустыня заполнила все пространство открытой двери “Ирокеза”. В этой войне, как и во всех войнах, происходивших и происходящих, в пропитанном кровью столкновении времени и пространства, все было временно: и победители и проигравшие, и были еще ушедшие навсегда.

- Мы все равно были до и будем после всех войн, выигранных и потерянных, - думал Ник.

Он смотрел на пожар, уже охвативший весь небольшой городок с верхушкой мечети в разорванных черным дымом языках пламени и вспоминал свою школьную учительницу по литературе и слова фолкнеровского капитана Богарда: *“God! God! If they were all there – all the generals, the admirals, the presidents and the kings – theirs, ours – all of them”* - “Бог! Бог! Если бы все они оказались здесь – все генералы, адмиралы, президенты и короли – их, наши – все, абсолютно все”.

Г Л А В А 40

Майкл медленно открыл глаза. Наступал рассвет. Майкл лежал один в огромной белой палате, опутанный проводами, идущими от прикрепленных к нему датчиков к мерцающими мягким светом экранов приборам. Было тихо, и только доносились едва слышные голоса людей, говорящих что-то на совершенно непонятном языке. В палате было прохладно после только что прошедшего дождя и его капли, попавшие вовнутрь сквозь приоткрытое окно, лежали на блестящем полу. Ночь уходила и тяжелые от дождя кроны деревьев за окном казались усталыми и неподвижными. У стены, возле самого окна, глядя на Майкла, стояла женщина.

- Здравствуй, Майкл, - улыбнувшись, сказала она.

Майкл не видел ее лица, но ее худенькая фигурка и голос казались совершенно знакомыми. Они когда-то встречались, так же шел дождь, только не было сейчас за окном готического собора, а лишь мокрые, капающие остатками дождя, кроны деревьев.

- Лаура, - откликнулся Майкл. - Мы в Вене?

- Майкл..., - начала Лаура.

- Я умираю? – спросил Майкл.

Лаура ничего не ответила.

Наступила тишина, и только ночная бабочка билась о стекло, по которому еще стекали капли прошедшего недавно дождя, сделавшего мир за окном абсолютно нереальным. Свет преломлялся в мокром стекле, изменяя до неузнаваемости собравшиеся за окном деревья с еще спящими птицами и не было никакого движения, и освещенные луной застывшие листья выглядели, как на старой фотографии, наполненной усталым утренним светом.

- Как ты себя чувствуешь? – спросила Лаура.

- Я не чувствую ничего, кроме нереальности мира, - ответил Майкл. - Все вокруг странно и до непонятности необъяснимо. Темная комната, ночь, странные птицы за окном, дыхание свежести, странные запахи, непонятная речь, звон колоколов, волны жары и холода, шум моря, мерцание света, тихая музыка, и все это переходит друг в друга. Ты была права. В нашем мире нет исчезновений, только метаморфозы.

- “*Cogito, ergo sum*”, - сказала Лаура.

- Звучит так же, как и музыка, - сказал в ответ Майкл и улыбнулся.

Лаура молчала.

- Наверное, что-то означает, - добавил Майкл.

- “Я думаю, значит, я существую”, - сказала Лаура.

- Я только думаю, что я существую, - улыбнулся Майкл.

- Ты никогда не бываешь серьезным, - улыбнулась ему в ответ Лаура.

- Кто ты, все-таки, Лаура? – спросил Майкл. - Ты забираешь меня отсюда?

- Я сама всего лишь странник в этом мире, - ответила Лаура. – И ты уже ему не принадлежишь.

- И что же будет с нами? – снова спросил Майкл.

- Я не знаю, - ответила Лаура. - Я, всего лишь, странник и я абсолютно не знаю ответы на вопросы, которые мне всегда задают.

- Ты приходишь ко мне ночью, - сказал Майкл.

- Я всегда прихожу с дождем, с его последней каплей, - сказала Лаура. - Всегда у самого сильного и долгого ливня, есть последняя капля.

- Как странно..., - начал Майкл.

Лаура помолчала и добавила:

- *“Et les grandes orgues c’est la pluie comme elle tombe ici et se parfume: quelle gare pour l’arrivée en tous sens sur mille rails”*.

- Звучит снова, как музыка, - сказал Майкл.

- “И музыкой великого органа падает благоуханный дождь: что за чудесное место для прибытия со всех направлений по тысячам путям”, - добавила Лаура. - Объяснения всегда делают все невероятно запутанным и сложным.

- Для меня все это и есть до непонятного сложно, - уточнил Майкл.

- Все зависит только от точки зрения, - сказала Лаура.

Она приподняла кисть своей левой руки, и рукав ее платья соскользнул к запястью вниз, как и тогда в Вене, обнажив сверкающие сотней камней часики.

- Как хорошо было в Вене, - Майкл устало улыбнулся и закрыл глаза.

Наступила пауза. Лаура тихо подошла и присела на краешек кровати Майкла.

- Я пришла, чтобы снова тебя увидеть, - сказала она. - И я хотела бы побыть с тобой, пока не начинается новый дождь. Я так люблю жить в твоей памяти.

- Я не понимаю, - сказал Майкл. – Но так приятно, что тебе в моей памяти хорошо.

Он едва улыбнулся.

- Жить в твоей памяти, - сказала Лаура, - все равно, как лететь в сверкающей дождевой капле и видеть измененный твоими глазами мир сквозь ее прозрачные стены. Жить в твоей памяти все равно, как двигаться из прошлого в будущее, отражаясь от происшествий и событий настоящего, и видеть только длинный, непрочный и непостоянный, как струи дождя, путь, который, то летит прямо вперед, то внезапно делает длинную или короткую петлю или же сотни петель, возвращаясь к какому-либо событию, чтобы пережить его и снова летит вперед мимо уводящих в миллионы сторон ассоциаций к другим островкам памяти, и если коснуться одной из них, оказываешься на новом пути и снова летишь, но только в другое неизвестное. Иногда ты встречаешь другой островок памяти и сливаешься с ним, иногда другие островки остаются невидимыми, иногда они сливаются в линии пути. И эти линии временами едва касаются друг друга, рождая ассоциации и предоставляя попытку для бегства из одной памяти в другую, временами они расходятся в отдалении и невозможно рассмотреть что было совершенно близко, иногда другие линии переплетаются с твоей, проникая одна в другую, и уже непонятно, откуда ты пришел и куда идешь. Иногда перед тобой миллионы расходящихся, как лучи снежинки, путей, иногда одна лишь линия, она прямая и одинокая и нет ни ассоциаций, ни других направлений, и вдруг, внезапно, она расходится на две под острым углом, разрывая тебя, буквально, на части от желания быть одновременно в каждой, иногда же твой путь заканчивается тупиком, из которого возможно движение только по ассоциациям в другие отрезки памяти. И ты снова летишь вперед и внезапно влетаешь в темноту, в твой сон. Даже не в сон, а в череду быстрых следующих друг за другом снов, которые иногда бывают едва прорисованными и неяркими, иногда же детальными и цветными. И, как правило, нет в

этих снах никакой логики, впрочем, как и в жизни. Встреча сна и жизни – это встреча дионисийского с аполлоническим, что часто случается у тебя и в жизни, и во сне. И после вспышек быстрых снов в темноте, снова свет и яркость жизни с воспоминаниями снов. И снова перед тобой пути, которые возносятся, захватывая дух, вверх, или же падают, захватывая дух, вниз, и живут в них удовольствие и неудовольствие, печаль и веселье, грусть и радость, которых касаешься каждый раз, проходя мимо, и еще рождается там любовь.

И снова наступила тишина, наполняемая тяжелым шорохом мокрых листьев, собравшихся у окна деревьев.

- Почему ты убиваешь? – спросила Лаура.

Майкл открыл глаза. Он не знал абсолютно никакого ответа на вопрос Лауры, а перед глазами уже была лежащая на камнях раскаленной пустыни Беатрисс, мальчик из морской пехоты в вертолете, перемешанная с песком кровь близких ему людей...

- Почему ты убиваешь? – снова тихо спросила Лаура.

- Я убиваю, - начал Майкл и замолчал. - Это трудно, это невозможно объяснить. В это даже невозможно поверить. Я убиваю только очень плохих людей.

- Даже Создатель на фресках Микеланджело не смог отделить добро от зла, - сказала Лаура. – Только свет от тьмы.

- Как хорошо было в Вене, - повторил Майкл.

- Зачем ты держишься за этот мир? - спросила Лаура. – За ваш мир, наполненный страхом, ненавистью, голодом и войной?

Майкл снова устало закрыл глаза. Он увидел себя маленького, и шел снег, и он увидел еще пустынную холодную землю без единого человека и без единого островка тепла.

- Я умираю, - сказал Майкл. – Пожалуйста, не уходи, Лаура.

Лаура осторожно взяла его руку.

Майкл уже ничего не чувствовал, они падали и падали в никуда, и он уже не видел Лауру, он абсолютно не видел ничего и вдруг, в совершенно кромешной темноте, он увидел первые проблески рождающегося света, проблески, похожие на Северное сияние и повернулся к Лауре. Он уже видел ее в отблесках света, она улыбалась Майклу, и Майкл улыбнулся ей в ответ.

- Как рождение мира, - сказал Майкл. – Или рождение Земли. Как это случилось?

- Взаимное притяжение двух возникших рядом друг с другом звезд, разорвало материю пространства, создав между ними вспышку энергии, как молнию, как выстрел, как любовь. И две звезды, захваченные взаимным притяжением, устремились навстречу, сначала медленно, как будто бы еще не веря, и затем быстрее и быстрее, пока ни вошли одна в другую, родив колоссальный импульс, сжавший рожденную молнию в вытянутый шар, и выбросили ее мягкой рукой от себя в сверкающее пространство.

- Представляю себе этот прямолинейный полет, - сказал Майкл.

- Ничего во Вселенной не движется по прямой, - добавила Лаура. – И не движется долго. Раскаленный шар летел по огромной дуге. Он летел, ожидая рождения человечества, пока ни попал в сети другой звезды, затрепетал в ее руках и, успокоившись, остался с ней навсегда.

Лаура замолчала и посмотрела на Майкла. Они стояли на мягкой земле, и Лаура продолжала держать его за руку. Вокруг было еще темно, но вдали угадывались обступившие их холмы.

- Пойдем дальше, Майкл, - сказала она. – Хотя на этой дороге никто не спешит к ее концу.

- Как ты понимаешь, где мы? – спросил Майкл. - Вокруг крошечная темнота.

- *“Non isperate mai veder lo Cielo!”* - сказала Лаура, - “Оставь надежды вновь увидеть Небо!”

Майкл бросил быстрый взгляд на Лауру, Лаура посмотрела на него в ответ и рассмеялась.

- Ирония ада и состоит в том, что он создан богом, - сказала она. – Майкл, посмотри, пожалуйста, вверх.

Майкл поднял голову. Вверху над ними сияли звезды в каких-то едва узнаваемых созвездиях.

- Вы никогда не смотрите вверх, - сказала Лаура. – Только вперед или назад.

И внезапно, из-за лежащих перед ними холмов, появился огонь, и Лаура сжала руку Майкла. Огненная река, играя всеми цветами, всеми оттенками красного, оранжевого, желтого, зеленого, синего и фиолетового, втекала в долину со всех сторон, огибая холмы. Майкл стоял с Лаурой в самом центре долины, на островке в море огня, который, сжимаясь с каждой секундой, становился меньше и меньше.

- Майкл, - сказала Лаура. - Ты переносишь это легче, чем я ожидала. Что ты сейчас чувствуешь, Майкл?

- Ничего, - ответил Майкл. – Странное состояние, когда...

- ... уже не чувствуешь ни горечи, ни боли, ни жары, ни холода, - добавила Лаура.

- Это уже ад? – спросил Майкл.

- Нет, это еще не ад, - ответила Лаура. - Это лишь рождение Земли. Ад возникнет позже с появлением человечества. Ты снова не смотришь на звезды.

И жар, внезапно, спал, как и появился. Огненная река ушла вниз сквозь растрескавшуюся от жары от самих их ног и до самого горизонта землю. Они стояли на, казалось, совершенно пустой планете, над которой поднимался теплый пар. И внезапно из трещин вышла вода. Наступило утро. Майкл и Лаура стояли перед широкой, бурлящей в своем движении в вечность, рекой.

- Нам нужно перейти реку, - сказала Лаура, и первая вошла в воду.

Майкл вошел вслед за ней. Они шли, держась за руки, стараясь устоять в бурлящем шумящем потоке на скользких камнях. Лаура придерживала подол намоченного длинного платья, она устала, и ей было тяжелее и тяжелее держаться в потоке воды.

- Лаура, - позвал ее Майкл.

- Майкл, нам нужно просто дойти, - устало сказала Лаура. - И никак чудес.

Они продолжали идти вперед, и река становилось все глубже и глубже. Лаура совершенно устала и остановилась, стараясь устоять в бурлящем потоке. Майкл, улыбнувшись, поднял Лауру на руки. Лаура обвила его шею руками и сказала:

- Как хорошо жить в твоей памяти.

Майкл улыбнулся ей в ответ. Они уже миновали середину потока, и Майкл старался идти очень осторожно в воде по мокрым и скользким камням.

- Майкл, смотри! – внезапно сказала Лаура, глядя испуганными глазами куда то назад, за спину Майкла.

Майкл оглянулся, и поток воды сбил его с ног. Они были вдвоем под водой, в бурлящем зеленом потоке, перемешанном с миллионами вращающихся пузырьков воздуха. Майкл держал Лауру, судорожно пытаясь вырваться на поверхность. Поток нес их, переворачивая и вращая, и Лаура абсолютно не подавала никаких признаков жизни. Майкл прижимал ее к себе одной рукой, пытаясь бороться с потоком другой, и Лаура казалась уснувшей русалкой в своем длинном и мокром платье. Поток воды прижал их внезапно стене каменного грота. Майкл видел только шершавую стену из вдавленных друг в друга временем и потоком воды камней и еще и черный проем в никуда у самого дна реки. Он, отталкиваясь от каменной стены, пытался вырваться вверх, продолжая удерживать Лауру, пока ни почувствовал удар в спину потока воды и они снова оказались во вращающемся и несущемся вперед зеленом круговороте пузырьков воздуха. Майкл продолжал и продолжал бороться с потоком, боясь потерять Лауру, и думал только о глотке воздуха и вдруг в его глаза внезапно ударил солнечный свет, они были уже на поверхности, оставаясь все еще во власти потока, и Майкл, пытаясь выплыть к берегу, держал лицо Лауры над водой. И все закончилось так же внезапно, как и началось, они были уже вне потока, Майкл снова стоял на скользких камнях, и вода проносилась рядом, оставляя в своем спокойном течении у берега тысячи маленьких безобидных водоворотов.

Майкл продолжать стоять там, где было уже совершенно неглубоко и у него уже не было совершенно никаких сил идти к берегу. Продолжая прижимать Лауру одной рукой к себе, другой рукой он убрал намоченные тяжелые волосы с ее лица, и Лаура внезапно вздохнула, открыла глаза и тихим голосом что-то попросила. Майкл, оглушенный борьбой с потоком, ничего не услышал, кроме кошмарного шума в ушах.

- Что, Лаура? – переспросил Майкл и наклонился к ней.

Он был счастлив, что все, наконец, закончилось.

- Воды, - тихо попросила Лаура и рассмеялась.

Майкл отпустил ее и она, продолжая улыбаться, медленно ушла под воду.

Прошло несколько секунд. Лаура не появлялась. Майкл начал волноваться. Он оглянулся вокруг, и Лаура внезапно вылетела из-под воды совершенно рядом с ним. Она смеялась, мотала головой, поднимая в воздух миллионы брызг, и тянула Майкла за руку к берегу.

- Идем Майкл, - звала она. - Мне надо высохнуть и найти одежду поудобнее. После этого в следующий раз ты меня уже не будешь спасать.

- Воды? – улыбаясь, переспросил Майкл и сказал. - Никогда.

-Что именно “никогда”? – спросила Лаура, смеясь и продолжая тащить Майкла за руку к берегу.

- Ни то, ни другое, - ответил, улыбаясь, Майкл.

Они уже выходили из воды, продолжая держаться за руки, на горячий песок берега.

- Как я люблю жить в твоей памяти, - сказала Лаура и внезапно спросила:

- Я ужасно выгляжу?

Г Л А В А 4 1

Они сидели по разным сторонам огромной яблони, прислонившись спинами к ее стволу, а их одежда висела и сохла на ветках среди налитых соком тяжелых яблок. Дерево было невероятно высоким и уходило зеленой кроной в самое небо.

- Майкл, - позвала Лаура. – Сорви, пожалуйста, своей даме яблоко.

- Никогда, - возразил Майкл. – За это, однажды, выгнали из рая.

- Майкл, не было никогда никакого рая, - сказала Лаура. – Как, впрочем, и не было никакого яблока. Это был инжир. Посмотри на фреску Микеланджело в Сикстинской капелле. И был еще плохой перевод с языка древних. Слово “фрукт” перевели с иврита как “яблоко”. Впрочем, много ли людей знали тогда, что такое инжир?

- Несомненно, - сказал Майкл.

- И грозит тебе, Майкл, - продолжила Лаура, - если ты будешь такой нудный, только удар яблоком по голове. Как и Ньютону.

- Только не это, - попросил Майкл. - Ничего никогда не понимал в гравитации.

- И будет, в твоём случае, этот удар совершенно не связан со всемирным тяготением, поэтому успокойся, а скорее с кривизной пространства, ибо ты получишь этим яблоком по голове от меня по кривой вокруг ствола. И вообще все у Адама и Евы было не так.

- А как? – спросил Майкл.

- Не скажу, - ответила Лаура. – Все равно не поверишь.

- Поверил же я в инжир, - сказал Майкл.
- Как вас, мужчин, легко во всем убедить, - рассмеялась Лаура.
- Лаура, - попросил Майкл.
- Хорошо, - согласилась Лаура. – Все было так.

Адам бродил с самого утра безрезультатно уже несколько часов, пытаясь сделать что-нибудь конструктивное. Правду сказать, в те времена не было ни часов, ни утра, да и сама правда с тех пор претерпела некоторые изменения. Адам, абсолютно чистая душа, *tabula rasa*, пытался отделить зерна от плевел, пытаясь понять, что есть добро и что есть зло, что в его мире делать можно, а что - нельзя, причем применял он чисто эмпирический метод. Обычно Голос говорил ему “нельзя” либо непосредственно перед очередным опытом, либо после нескольких попыток добиться результата. Возможно, Создатель был занят чем-то другим, а может, не придавал деятельности Адама большого значения. Иногда Голос никак не реагировал, что переносило содеянное в разряд разрешенных. Причем у опытов Адама не было оборотной стороны – умирать ему не приходилось, Адам приходил в себя через некоторое время после неудачи и сам делал выводы. Последние эксперименты перенесли в разряд запрещенных: падение в пропасть с целью сокращения времени путешествий, прыжки с высоких деревьев в попытке полетать, что, в общем-то, удалось, но лишь на короткое время, и ныряние в омут с абсолютно непонятной целью. Итак, Адам безрезультатно бродил уже очень долго, причем, вокруг не наблюдалось ничего подобного скалам, высоким деревьям или омутам, пока он не увидел Еву. Ева сидела на коленях в идеально зеленой, расчесанной до самого горизонта мягкой траве, спиной к Адаму перед зеленым деревом. У самого ее лица, зацепившись хвостом за одну из веток, качалась, как маятник, змея. Как обычно, Ева, почувствовав приближение Адама, повернула к нему голову.

- Как дела? – спросил Адам.
- Чудесно, - ответила Ева.

Адам перевел взгляд на змею.

– Змея предлагает сорвать запретный плод. Не знаю, что и делать, - добавила Ева.

Адам, будучи экспертом в вопросах, что можно, а что нельзя, незамедлительно и коротко сказал:

- Не рви. Ни к чему хорошему не приведет.

Ева согласно кивнула головой.

- Из моего опыта, - добавил Адам Еве.

- Здесь все так уныло, - вмешалась в разговор змея. – Покорность убивает буйство полевых цветов.

- Почему бы тебе не сорвать плод самой? – спросил Адам змею.

- Руки короткие, - ответила змея.

Адам непонимающе оглядел ее.

- Пыталась всеми способами, - пояснила змея. – Безрезультатно. Нужна сила. Помни об этом, когда будешь терзаться вопросом о предназначении людей.

Адам продолжал смотреть на нее с непониманием.

- Быть орудием в руках хитрых змей, - пояснила змея.

Ева перевела взгляд со змеи на плод.

- Ты еще не понимаешь, для кого был создан этот мир? – спросила змея Адама и сама же ответила. - Для Евы.

Адам непонимающе огляделся. Вокруг все было, как обычно. Бегали овечки и козочки, летали голуби.

- Для Евы, для Евы, для Евы, - задумчиво повторила, продолжая медленно раскачиваться, как маятник, змея.

Адам еще раз бросил взгляд вокруг. Вокруг резвилась счастливая живность, и для его экспериментов оставался только плод.

- Очень бы хотелось попробовать, - умоляющим голосом сказала, глядя снизу вверх на Адама, Ева.

- Мне тоже, - добавила змея. – Именно попробовать, но в другом смысле.

Адам протянул руку и дотронулся до плода кончиком пальца. Ничего не произошло. Змея и Ева мечтательно закрыли глаза.

- Нет, - твердо сказал Адам.

Змея и Ева глаза открыли.

- Я даже не могу представить последствия, - сказал Адам.

- А последствия будут таковы, - пояснила змея, - как инструмент выживания, вам вложат в голову огромное количество понятий, как прекрасное и отвратительное, хорошее и плохое, доброе и злое, и много-много других и отправят в настоящий мир. В твой, Адам, мир. И ждет вас там радость и боль, счастье и разочарование, наслаждение и голод, миллион разрывающих вас на части желаний, волнения и покой, какофония, шум и чудесная музыка, мир запахов, вкуса и цвета, буйство травы и цветов, рассветы и закаты солнца, звезды в небе...

- Так хотелось бы попробовать, - умоляющим голосом повторила, сидя на коленях в высокой траве и глядя снизу вверх на Адама, Ева.

Адам сорвал плод и вложил его в открытую ладонку Евы.

Майкл рассмеялся. Он протянул руку и сорвал растущее прямо над его головой налитое соком тяжелое огромное ярко-красно-оранжево-желтое яблоко.

- Лаура, - позвал он.

- Я здесь, - сказала Лаура.

Она тихо подошла и села рядом с Майклом, прижавшись к его плечу. И Майкл вложил яблоко в открытую ладонку Лауры.

- Спасибо, - сказала Лаура.

Она откусила яблоко и протянула его назад Майклу.

- Это точно был инжир? – уточнил, улыбаясь, Майкл.

- Абсолютно! – ответила Лаура.

Майкл взял яблоко, почувствовав прикосновение пальцев Лауры. Он откусил яблоко и вернул его ей назад.

- Майкл, почему тебя так волновала проблема яблока? - спросила, беря яблоко из его рук, Лаура.

- За яблоком я не вижу дерева? – вопросом на вопрос ответил, улыбаясь Майкл.

- Абсолютно, - ответила Лаура.

Она откусила яблоко и протянула его Майклу.

- Точнее, ты не видишь многих деревьев, - уточнила Лаура. - Например, Мирового дерева, олицетворяющего три шага Вишну по вертикали: с небом-кроной обителью богов, подземельем-корнями царства мертвых и между ними - с человеческой жизнью как древесным стволом. По горизонтали же с тенью дерева и светом, разделяющими космос и хаос.

Майкл откусил яблоко и вернул его Лауре.

- Или же Деревя куртуазного универсума из Веселой науки, - продолжила она.

Лаура взяла яблоко из рук Майкла, рассмотрела его и, улыбаясь, спросила:

- Чем тебе не яблоко познания?

Майкл улыбнулся ей в ответ.

- Майкл, - попросила Лаура, - подожди меня, пожалуйста, пару минут. Мне нужен более подходящий для нашего путешествия наряд.

Майкл взял протянутое ею яблоко и сказал:

- Хорошо. Никаких проблем.

Прошло минут десять или пятнадцать. Майкл доел яблоко и надел высохшую одежду. Лаура появилась из-за дерева в темно-синих джинсах, светло-синей футболке, в белых кроссовках Найки, темно-синей кепке с длинным козырьком, с эмблемой подковки и надписью *Colts. 18. Payton Manning*. Хвостик ее волос выбивался сзади из прорези в кепке и висел, играя светлыми и темными каштановыми оттенками. Майкл стоял, опершись спиной о ствол яблони, и ел новое сочное яблоко. Он увидел Лауру и рассмеялся. Лаура, оглядев себя сверху донизу, с тревогой в голосе спросила:

- Что-то не так?

Майкл продолжал молчать и улыбаться.

- Майкл? – снова спросила Лаура.

- Что еще может быть более подходящим для путешествия в прошлое, - сказал Майкл.

Лаура рассмеялась вместе с ним.

- Действительно, - согласилась она. - Никогда не задумывалась. Что может быть еще более подходящим древней эпохе?

Она забрала у Майкла яблоко и откусила кусочек.

- Зато удобно, - добавила Лаура.

Они стояли рядышком под огромным деревом, улыбались и откусывали по очереди яблоко. Они закрывали глаза и подставляли лица теплу восходящего солнца.

- Нас ждет чудесный день, - сказал Майкл.

- Нет, напротив, ночь, - возразила Лаура. – День для человечества еще не наступил.

Она взглянула, прищурившись, на яркое солнце и добавила:

- Никогда не удавалась одна фраза со всем ее смыслом, даже смыслами и значениями. Великая фраза. Наверное, поэтому. Все всегда происходило совершенно наоборот.

- Какая именно фраза? – спросил Майкл.

- Одна, - уточнила, улыбнувшись Лаура. – Великая. Ты ее знаешь. Поэтому никогда не пытаюсь ее произносить.

Она помолчала немножко и добавила?

- Или не спешу.

- Из-за того, что я ее знаю? – спросил Майкл.

Лаура рассмеялась.

- Из-за того, что все происходит совершенно наоборот, - сказала она.

Майкл улыбнулся ей в ответ.

Светило солнце, стоял знойный, наполненный жужжанием насекомых и пением птиц день и река катила воды в свою неизвестность.

- Какая именно фраза? – снова спросил Майкл.

- *Fiat lux*, - сказала Лаура. - Да будет свет.

И наступила тьма.

Г Л А В А 4 2

Они стояли в пещере, и, пробивающийся откуда-то сверху, из расщелины скалы, лучик света, отражаясь от мокрых каменных стен и медленно стекающей по ним воды, тускло освещал противоположную, далеко стоящую от них стену, практически плоский участок вертикальной скалы с едва видимым отсюда непонятными рисунком.

- Пойдем, Майкл, - позвала Лаура.

И они пошли по мокрым осколкам камней вперед, вокруг небольшого озера в центре пещеры, в которое медленно стекала вода с ее мокрых стен. Они шли к размытому эллипсу света на противоположной стене мимо ведущей в никуда, заполненной сплошным мраком, расщелины в скале.

- Здесь кто-то живет? – тихо спросил Майкл.

- Дети Урана, сторукие исполины Гекатонхейры, - так же тихо ответила Лаура и рассмеялась.

- Шучу, - сказала она.

- Мы увидим первых людей? – спросил, оглядываясь вокруг, Майкл.

Было совершенно тихо, как будто бы они были одни на всей только что оставленной им земле, и только шум их шагов отражался мокрым эхом от мокрых холодных стен.

- Первых людей? – откликнулась Лаура. - Нет. Зачем они тебе? Страшные и испуганные они забились сейчас в свои каверны. Их сознание затуманено, и разум еще спит. И даже в нагромождении камней, закрывающем вход в их пещеру, они видят дворцы. Зачем тебе эти люди? Я покажу тебе Человека.

Она остановилась, и вместе с ней остановился и Майкл. Они стояли перед лежащей в вытянутом круге света картиной, написанной на стене пещеры, скорее, не картиной, а эскизом, выполненным углем и какими-то твердыми цветными осколками пород.

- Это их первая Венера. Смотри, какое чудо, - сказала Лаура.

- Когда это произошло? – спросил Майкл.

- Когда *“l’ universo sentisse amor”*, - ответила Лаура. – Когда “Вселенная почувствовала любовь”.

- Интересно, кто он был, тот, кто занимался живописью после наполненного опасностями тяжелого дня в своей короткой, наполненной опасностями, жизни? – снова спросил Майкл.

Лаура ничего не ответила. Они тихо стояли и смотрели на разноцветный эскиз, выполненный на стене пещеры.

- Мне кажется, - внезапно сказала Лаура, - что он уже тогда перестал отличаться от нас всех, наслаждающихся произведениями искусства.

- Что нас ждет теперь? – спросил Майкл.

- Я не знаю, - тихо ответила Лаура. – Мы в самом низу, наверное, у нас только один путь вверх.

Каменная дорога вела вокруг озера в центре пещеры вверх по огромной спирали вдоль скалы и была не очень широкой. Лаура шла, прижимаясь к каменной стене, ведя по ней ладонью руки, Майкл шел за Лаурой, поддерживая ее за локоть каждый раз, когда из-под ее ног осыпались вниз, в озеро, осколки камней.

- Это произошло где-то в Африке, - внезапно сказала Лаура. - Никто не знает точно, где и как появилось человечество. Вся история у Микеланджело на потолке в Сикстинской капелле. Я думаю, что все так и было.

- Было как? - переспросил Майкл.

- Солнце стояло в созвездии Овна. И первым на Земле был оставлен Адам, - сказала, продолжая идти вперед, Лаура. - И затем уже, через несколько дней - Ева, когда Адам адаптировался к новому миру. Да, и еще, не было у них никаких имен, все это будет придумано позже. Это была такая эра без имен.

Лаура перевела дыхание и продолжила:

- То, что ты видишь у Микеланджело, знаменитое касание двух рук, это не последний шаг Создателя, вдыхающего в Адама жизнь, а прощание с ним. Момент, когда их руки уже разошлись в пустоте. Помнишь, кисть Адама опущена, он остается на Земле. В лице его покорность, нежелание, впрочем, даже бесполезность именно в данный момент бороться с судьбой. Маленькая женская фигурка позади Создателя. Ее назовут позже именем Ева, абсолютно неподходящим ни тому месту, ни тому времени. Маленькая женская нереальная фигурка позади Создателя еще не живущая на земле, но уже живущая в глазах Адама. Маленькая женская фигурка, еще защищенная от всего земного нереально тоненькой, уже практически несуществующей, розовой мантией, и в глазах Евы уже живет укоризна, укоризна Адаму, впрочем, как и всему миру, укоризна маленькой хрупкой женщины, интуитивно знающей свое будущее. Адам оставлен и люди, окружающие Создателя, смотрят с восхищением на им созданное, от Создателя отпрыгнули только ребенок и Ева, уже понимающие свое будущее. Ева интуитивно знает, что будет отставлена вместе с ребенком здесь, на странной земле, она боится, но в ее глазах живет жалость к Адаму и просыпающееся чувство любви. Создатель обнимает ее, она обнимает его в ответ, прижимая к себе ребенка, но глазами, взглядом, она уже вместе с Адамом до последнего суда, который Микеланджело напишет черной краской из сожженной им виноградной лозы.

Камни под ногами Лауры внезапно начали съезжать вниз. Лаура покачнулась и, пытаясь удержаться, опустилась на колени, касаясь рукой мокрой стены. Майкл опустился рядом с ней, удерживая ее от скольжения вниз. Они замерли. Лаура посмотрела в глаза Майкла. И внезапно, испуганные шумом падающих в холодную воду камней, в воздух со стен пещеры поднялись тысячи летающих существ. Они закружились над головами Лауры и Майкла и начали подниматься все выше и выше. В темноте закричало какое-то животное или птица, и все снова затихло, оставив только эхо. Майкл помог Лауре подняться на ноги.

- Еще через несколько дней, - продолжила Лаура, - Создатель покинет Землю, повернувшись к ней спиной, совсем как у Микеланджело. И больше его никто и никогда не увидит. И на Земле останутся семь падших ангелов. И первым главным ангелом станет ангел любви, отвечающий за это святое чувство, которого, правда, иногда заносило.

Они стояли уже у самого выхода из пещеры, у высокой расщелины в скале, через которую вовнутрь врвалось солнце.

- Интересно, Майкл, - улыбнулась Лаура. - Ты пропустишь свою даму вперед, в неизвестное, или выйдешь первым, оставив ее здесь, в темноте?

Майкл улыбнулся ей в ответ.

- Я имею в виду, как поступают военные? – спросила Лаура. - Сначала думают, а потом действуют или наоборот?

- В *Navu* мы обдумываем все до деталей, а потом принимаем решение, - ответил Майкл. - Хотя Наполеон поступал наоборот. Часто его принципом было сначала ввязаться в сражение, а потом думать.

Лаура улыбнулась.

- Чаще я поступаю так, - сказал Майкл.

Он взял Лауру за руку и повел ее за собой. Они вместе вышли из пещеры, и солнце окатило их своим теплом и светом. Стояло утро, и просыпающийся мир лежал вокруг них.

- Майкл, - позвала его Лаура.

- Тише, - попросил ее Майкл. - Только не повторяй, пожалуйста, больше никаких фраз. Особенно, которые не удаются. Такой чудесный день.

Лаура улыбнулась.

- Хорошо, - согласилась она. - Больше никаких ночей не предвидится. И никаких пещер тоже. Мы поднимаемся вверх, как и солнце.

И они пошли вверх, по склону холма. Они шли по невысокой траве по высушенной солнцем земле и прямо перед ними под ногами пробегали мышки и ящерицы. Они поднимались все выше и выше, и вместе с ними поднималось и солнце.

- Какой чудесный день, - сказал Майкл.

- Какой чудесный мир, - откликнулась Лаура. - Простой и понятный, состоящий из пяти элементов Аристотеля.

- Огня, Воды, Земли, Воздуха..., - начал Майкл.

Он замолчал и вопросительно посмотрел на Лауру. Лаура ничего не говорила.

- И любви? – спросил он.

- Аристотель, чудесный ученый, - задумчиво сказала Лаура. - Вел свободный образ жизни, изысканно одевался, носил обувь на высоких каблуках, любил украшения и наложниц. Как, впрочем, и они его. Пятым элементом могла бы быть, конечно же, и любовь. Но нет, пятым элементом была *Aether*, субстанция, из которой состояли небесные сферы, звезды и планеты. Любовь же, как и душа человеческая, была еще проще, являлась воплощением стихии огня и состояла из распределенных по всему телу очень маленьких круглых и гладких атомов.

- Как будто бы начинается новый день человечества, - сказал Майкл, посмотрев на восходящее солнце.

- Начинается новый день, - задумчиво повторила Лаура. - И мир вокруг, развиваясь от пяти элементов Аристотеля, становится сложнее и сложнее, идя к разрешению четырех парадоксов или антиномий чистого разума Канта.

- Четырех антиномий? – переспросил Майкл.

- Четырех пар абсолютно противоположных друг другу понятий, которые Кант пытался разрешить,- объяснила Лаура. - Например, первая из них: “Мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве” и “Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он везде бесконечен”. К чему ты склоняешься, Майкл?

- Ко второй, - ответил Майкл. – Какие были другие антиномии?

- “Все сложное состоит из простого, в мире существует только простое, или то, что из него сложено” и “Ничто в мире не состоит из простого, и вообще, в мире нет ничего простого”.

- Просто, но запутанно, - улыбнулся Майкл. – Не смотря на то, что в мире нет ничего простого. И третья...

- “Все явления в мире нельзя объяснить законами природы, необходимо еще допустить и свободу воли” и “ Не существует свободы воли, а все совершается лишь по законам природы”. И, наконец, четвертая антиномия: “Абсолютно необходимая сущность принадлежит миру или как его часть, или как его причина” и “Нигде нет ни абсолютно необходимой сущности, ни причины - ни в мире, ни вне его”.

- И какие были ответы? – спросил Майкл.

- Человечество еще не нашло их. Вернее, нашло, но много, - ответила Лаура. - Послушай хотя бы один из них - послушай Канта: “Так как мир не существует сам по себе, то он не существует ни как бесконечное, ни как конечное целое”.

- Но мир же существует, - возразил Майкл. - Стоит только оглянуться вокруг.

- Вот именно, - улыбнулась Лаура, - гений Канта состоял в том, что он понимал, что источник этого противоречия лежит не объекте познания, а в самом человеке и, следовательно, сначала необходимо исследовать сам разум, его возможности и границы, а затем онтологически разграничить и ограничить сферы компетенции разума. Парадокс требовал парадоксального решения. Гегель же пытался синтезировать антиномии, найти единое в противоположном, но был не так успешен.

- И Кант создает свою гносеологию, - сказал Майкл. – Теперь я начинаю, наконец, все понимать. Отрывистые школьные знания, как пять элементов Аристотеля, складываются в картину мира.

- Все? - переспросила Лаура. – Включая ограниченную сферу компетенции разума?

Она улыбнулась.

- Кант создает принципиально новую гносеологию на основе переосмысленной онтологии, учения о "вещи в себе", - продолжила Лаура. - Антиномии создаются самим разумом, переходящим из ограниченной сферы познаваемого и познанного мира в бесконечную сферу размышлений о нем.

- Где разуму уже верить нельзя, - предположил Майкл.
- Как женщине, - улыбнулась Лаура. – Или философу.

Г Л А В А 43

- Греция – чудесное состояние, затишье на пути человечества после жестоких прошлых войн перед страшными будущими войнами, - сказала Лаура.

Солнце еще не достигло зенита, и не наступила полуденная жара, несущая утомленность и дрему. Еще летали какие-то совершенно незнакомые Майклу бабочки и птицы, и воздух был наполнен звоном невидимых насекомых. Вниз, по склону холма, по пыльной дороге шли легионеры, и их боевые доспехи и оружие сверкали на солнце. Несколько рабов на винограднике, занявшем несколько кажущихся отсюда довольно узких полосок противоположного склона, распрямились и смотрели легионерам вслед.

- Как жалко, - сказала Лаура.

- Почему? – недоуменно спросил Майкл.

- Еще бы немножко и мы бы захватили *Ἐλευσίνια Μυστήρια*, - ответила Лаура.

- Я даже не могу повторить, - улыбнулся Майкл.

- Элевсинские мистерии, - пояснила Лаура. – Обряды в культах греческих богинь плодородия и земледелия Деметры и ее дочери Персефоны.

- Как жалко, - повторил Майкл.

- Кстати, Персефона была похищена Аидом и, когда он отпустил ее по требованию Зевса, он дал ей несколько гранатовых зерен, - добавила Лаура. – Видишь, ты уже знаешь о происхождении яблок, инжира и гранат. Еще немножко и ты будешь знать о происхождении всего мира.

Майкл улыбнулся.

- Персефона была еще и владычицей подземного царства, - уточнила Лаура и бросила взгляд вокруг.

Вместе с ней оглянулся и Майкл. Ничего вокруг не напоминало царство мертвых. Воздух был наполнен едва уловимым запахом невозможной здесь камфары и абсолютно возможных дробленых орехов.

- Глубочайшая иллюзия зачастую скрывает *Τάρταρος*, Тартар, глубочайшую бездну, - сказала Лаура и добавила. – Пойдем, Майкл.

Начинающиеся у их ног мраморные ступеньки вели к портику с классическими колоннами и хранили прохладу после ушедшей ночи. В тени финиковых пальм на мраморном полу сидели философы. Майкл, не отрывая взгляд, смотрел на одного из них, который казался ему очень знакомым. Но что-то ускользало, то ли из-за жары, то ли из-за большого числа произошедших событий.

- Таким ты помнишь Сократа, - сказала Лаура.

- Таким я едва помню Сократа, - уточнил Майкл.

- Тогда вступай на ступени Академии, - предложила Лаура. - Академии, где обучают логике, эпистемологии и теории познания. Островку знаний в мире постоянных войн.

- И ты спрашивала, почему я воюю? - уточнил Майкл. – Я делаю это не так часто.

- Помнишь Храм бога Януса? – спросила Лаура.

- Храм, который открывался только тогда, когда Рим вел войну? – спросил Майкл.

- Да, - ответила Лаура. – То есть не закрывался никогда.

- Конечно же, - ответил Майкл. - Я же воин.

Он оглянулся вокруг. Его почему-то ничего не удивляло, как будто бы он был здесь много раз.

- Мы здесь так отличаемся от других, - сказал Майкл и спросил:

- Почему это никого не настораживает?

- Это нереальный мир, Майкл, - ответила Лаура.

Они подошли ближе к кружку философов.

- Лаура, как здесь принято приветствовать друг друга? – тихо спросил Лауру Майкл.

- Пожалуйста, подожди, Майкл, - шепотом попросила его Лаура.

- Хорошо, - также тихо ответил ей Майкл.

- Я люблю человека, который убивает людей, - внезапно, обращаясь к философам, сказала Лаура. - Человека, который несет этим страдания не только другим, но и мне. Что мне делать с моей любовью?

К ней повернулся Пиррон из Элиды.

- Воздержись от суждений, Лаура, - ответил он. - Не думай и не будешь беспокоиться. Все вокруг одинаково: нет справедливости и несправедливости, хорошего и плохого, мира и войны, добра и зла, страданий и удовольствий, прекрасного и безобразного. Здесь все одинаково. Различия придает только человек вещам и понятиям, совершенно недоступным для его понимания и познания.

- Философия воздержания? – усмехнулся Сократ. – Только почитайте Секста Эмпирика “Пирроновы положения” или “Против математиков”. Какой-то сплошной скептицизм.

- Да, - поддержал его Диоген. - Воздержание звучит смешно. Война же необходима. Мораль и счастье лежат в отрицании каких-либо ограничений, особенно социальных, и в возврате к природе. Война несет свободу, как и все остальное, что ограничивает желания до животных потребностей.

- Молчи, собака, - прервал его Сократ. – Иди и учи философии на своем рынке. Странное вырождение без перерождения. Я скорее умру, чем буду презирать законы своего полиса. В этом, Лаура, и состоит необходимость идти на войну. И ты не можешь говорить о страданиях и несправедливости. Мы называем Диогена киником, греческим словом для собак, за его отрицание морали и собачье поведение на публике.

- И нет лучшего названия для моей философии, - согласился Диоген. - Ибо избавься от желаний, за исключением животных, и станешь свободным от всего.

- Молчи, - сказал ему Сократ. - Избавься также и от желаний животных и подохни, как собака.

Лицо Диогена начало наливаясь кровью и он начал привставать. Сократ ткнул его кулаком в грудь и сказал: “Место!”

И Диоген осел.

- Пустые, как катакомбы, мысли, - добавил Аристотель.

- Как ни старайся, все вокруг есть только импрессия, как говорил Монимус Циник, - обиженно сказал Диоген.

- Еще один импрессионист нашелся, - ответил ему Сократ. - Платон называл тебя безумствующим Сократом. Сейчас я покажу тебе себя в безумии.

- Все должно жить в гармонии, - сказал Аристотель и положил руку на плечо Сократа, успокаивая его.

Лаура обвела сидящих философов взглядом. Все молчали. Лаура остановила свой взгляд на трех философах, сидящих немножко поодаль от основной группы.

- С ними тебе никак не найти ответ на твой вопрос, - сказал Сократ.

Лаура вопросительно посмотрела на него.

- Милетская школа, - пояснил Сократ. - Фалес, Анаксимандр и Анаксимен. Сами никак не найдут ответ на свой вопрос “Из чего создан мир?”

- Что является первоначалом мира? - уточнил Анаксимандр.

- Несомненно, - согласился Сократ.

- Вода, - ответил Фалес.

- Воздух, - поправил его Анаксимен.

- Первовещество, *ἄπειρον* – апейрон, - возразил Анаксимандр.

- Видишь? – спросил Лауру Сократ.

- Сократ, ты мне не друг, и истина дороже, - сказал Фалес. – Во Вселенной все одушевлено и каждое имеет *ψῦχή* – свою душу. Познать человека можно только познав души всего остального.

- Все одушевлено? – спросил Сократ.

- Все одушевлено? – уточнила Лаура.

- Например, магнит и янтарь притягивают тела, приводят их, как и человек, в движение, - пояснил Фалес. – Следовательно, имеют душу, ибо причастны к первоначальному, приведшему в движение мир.

- А все ответы уже найдены, так что философией даже неинтересно заниматься, - добавил Анаксимандр. - Земля похожа на часть ствола дерева, колонну или цилиндр высотой в одну треть его диаметра и находится неподвижно в центре мира. Мы живем на верхнем ее срезе и окружены океаном, как ствол дерева корой. Солнце, Луна и звезды есть дыры в небе, через который виден вырвавшийся при создании мира огонь.

- Мой ученик, - гордо пояснил Лауре Фалес.

- Несомненно, - саркастически согласился Сократ.

- Что ты можешь противопоставить моему учению? – возмутился Анаксимандр.

- Очень многое, - ответил ему Сократ.

- Например..., - приглашающе с спору сказал Анаксимандр.

- Например, учение пифагорейцев, - сказал Сократ. - Исследование четырех пифагорейских «матем»: арифметики, геометрии, гармоник и сферик.

- Пифагорейцы запрещали есть бобы, - прервал его Фалес. – Наверное, бобы и были их первоосновой мира.

- Исследование гармоник? – переспросил Сократа Анаксимандр. - Спел бы уж что-нибудь получше, Сократ.

Глаза Сократа стали наливать кровью и он начал приподниматься.

- Все небо есть гармония, - сказал Аристотель и положил руку на плечо Сократа, успокаивая его. - Музыкальная гармония является частью мировой гармонии и в основе всего лежит число.

- В основе гармонии лежат три созвучия: кварта, квинта и октава, - добавил Секст Эмпирик. - И их численные пропорции находятся в пределах единицы, двух, трёх и четырёх. Например, созвучие кварты является в виде сверхтретьего отношения, квинты - полуторного и октавы - двойного. Следовательно, число четыре, будучи сверхтретьим от трех, так как оно составляется из самого числа три плюс его третьей доли, обнимает созвучие кварты. Число три, будучи полуторным от двух, так как равно двум плюс его половине, выражает созвучие квинты. Число четыре, будучи двойным в отношении двух, и число два, будучи двойным в отношении единицы, определяют созвучие октавы...

- Ты еще не устал, Секст? – спросил его Сократ.

- Не слушай их, Лаура, - обратился к ней Гераклит. - Глаза и уши плохие помощники, если душа глупа. Сама посмотри вокруг. Какой же это мирный и гармоничный мир? Все вокруг живет в конфликте. Огонь поедает воздух, а воздух огонь, вода поглощает землю, а земля воду. И лишь война – создатель всего. Основой же равновесия, как и основой жизни, есть только борьба, как борьба в равновесии лука со вложенной стрелой и натянутой тетивой. И невозможно назвать в этом конфликте что-то хорошим, а что-то плохим.

- Ты, как никогда, прав, - согласился Парменид. - Невозможно познать истину через чувства. Глаза и уши - плохие помощники, поэтому думай, но сначала пойми отличия между *ὅπως ἐστίν* и *ὡς οὐκ ἐστίν*, между бытием и небытием. Изменений никаких нет. Воздух не может превратиться в огонь, как и огонь не может превратиться в воздух. Воздух есть бытие, стать чем-то другим он может только став тем, чем он не является в данный момент. То, чего нет в данный момент, вычеркнуто из бытия и является небытием. Небытия же не существует, поэтому нет и никаких превращений. Если нет превращений, то не существует и времени. Бытие же можно познать только с помощью *λόγος* - логос...

- Ты еще не устал, Парменид? – спросил его Секст.

- Не забывайся, - остановил его Платон. – И не забывай абстрактное мышление, которое принес в наш мир Парменид.

- Еще один абстракционист нашелся, - усмехнулся Сократ.

- Вы забыли начало, - сказала Лаура. – Я люблю человека, а он...

- Смотри на мир шире, - прервал ее Эмпедокл. – Нашим миром движет Любовь и Раздор. Любовь соединяет элементы или стихии, создавая мир, Раздор разъединяет их, мир разрушая. Твоя Любовь должна соединить тебя с человеком, находящимся в Раздоре со всем остальным миром...

- Софист? – тихо спросил Сократа Аристотель, едва заметно кивая головой на Эмпедокла.

Сократ отрицательно покачал головой.

- Плюралист? - также тихо спросил Аристотель.

- Скорее, хиппи, - ответил Сократ. – *Sensu allegorico*, в аллегорическом смысле.

- Только познав Любовь, можно приблизиться к богам, - бросив укоризненный взгляд на Сократа, добавил Эмпедокл. - Мое сокровенное желание.

- У тебя есть только одна возможность приблизиться к богам, - обратился к нему Сократ.

Эмпедокл заинтересованно повернулся к нему.

- Пойти и броситься в жерло Этны, - добавил Сократ.

- *Fiat justitia ruat caelum* - пусть истина свершится, хотя бы пало небо, - сказал Эмпедокл.

- Как будет угодно, - добавил Сократ. – Но падать придется тебе. *Suum cuique* – каждому свое.

- Мировой ум *νοῦς*, собирая, перебирая и соединяя элементы, создал наш мир, оставаясь в каждой созданной вещи или живом создании, - сказал Анаксагор. – Кроме тебя, Сократа.

- Иониец? – тихо предположил Аристотель.

- Несомненно, - также тихо ответил ему Сократ. - Богач, а туда же, в философы. К чему только человек не может пристраститься. Глядя на него, никак не могу поверить не только в мировой ум, но и в разумность человека.

- Какими судьбами? – спросил он Анаксагора. - Ты же в изгнании, в Лампсаке. Какими небольшими иногда бывают потери!

- Не я потерял Афины, а Афины потеряли меня, - гордо ответил ему Анаксагор. - Возвращаюсь иногда, конечно.

- Не нападай на Анаксагора, - попросил Сократа Демокрит. - Помни о принципе изонмии, равенстве всех перед законами, в том числе законами природы. Равенство для всех благородно.

- Для всех, кроме женщин и рабов? - уточнил Сократ.

- Ошибался иногда, конечно, - извиняющим голосом сказал Демокрит, бросив быстрый взгляд на Лауру.

- Только не смейся, - попросил его Сократ. – “Смеющийся философ”. Ну и имечко. Предтеча клоунов, безвреднейшие ребята.

- Не могу смотреть, не смеясь, на глупые лица людей на фоне мирового порядка, - пояснил Лауре Демокрит. - Как и не переношу насилие.

- Досократовская школа, - сказал тихо Сократ Аристотелю. – К сожалению, школа шутов.

- Пацифисты, - ответил ему также тихо Аристотель.

- За малым, Лаура, люди часто не видят большого, как огромного множества расположенных рядом друг с другом звезд Млечного пути, сливающихся в единое свечение. Как множества рождающихся и исчезающих миров - сказал Демокрит. - Люби и иди за своей звездой.

- Люби и иди за своей звездой, - тихо повторила Лаура.

- Человек есть мера всех вещей, существующих и несуществующих,- добавил Протагор. - Поэтому только ты способна ответить на свой вопрос, Лаура.

- Софист, - тихо сказал Сократ Аристотелю, указав на Протагора. - Уверяет, что является воспитанником персидских магов.

- Несомненно, - также тихо согласился с ним Аристотель. - Только воспитал его Демокрит, увидев, как он рационально складывает из поленьев вязанки.

- Он и мог научиться этому у магов, - предположил Сократ.

- Несомненно, - тихо подтвердил Аристотель.

- Очень язвительно, - сказал, услышав их, Протагор.

- Две женщины вошли в мою жизнь, Лаура, - прервал его Сократ. – Диотима, провидица и жрица, научившая меня философии любви, и Аспасия, гетера, научившая меня философии риторики. Ты спрашиваешь о любви, философии двух моих женщин понадобятся мне, чтобы тебе ответить. Любовь - это дитя возможности и необходимости. Она же есть еще и страстное желание бессмертности. Каждый из нас

стремится к безграничной любви, но только мудрецы знают различие между любовью духовной и телесной, между любовью небесной и земной. К какой ты стремишься любви, Лаура? Или к обеим? Или ты все еще бежишь от того, чего так страстно желаешь?

Лаура, ничего не говоря, повернулась к Майклу, как будто ища ответа.

- Вот и понадобилась тебе, Сократ, еще одна женщина, чтобы найти ответы на вопросы, которые ты все еще не нашел, - сказал Платон. – Какая превратность судьбы.

- Вернемся к моему “Пиру”, - предложил Сократ.

- Скорее, к моему, - уточнил Платон.

- Несомненно, - согласился Сократ.

- К “Пиру”? - переспросила Лаура.

- К пиру у Агафона, на котором присутствовал Сократ, - сказал Платон. - Они пили вино, и Эриксимах предложил каждому из присутствующих по очереди сказать похвальное слово Эроту.

- Богу любви, - уточнил Агафон.

- Эрот не является богом, - возразил Сократ. - Так говорила Диотима. Эрот – сын изобилия и бедности, сын опьяневшего бога Пароса и нищей богини Пеннии. Но Эрот - ни смертен, ни бессмертен, ни бог и ни человек, и находится между ними. Его предназначение - быть гением, посредником между богами и человечеством.

- Быть мессенжером, - добавила Лаура.

- Пусть будет по-твоему, третья женщина, вошедшая в мою жизнь, – согласился Сократ. - Мессенжеры, заполняя пропасть между богами и людьми, создают целостность Вселенной. Благодаря этому в мир людей из мира богов приходит красота, таинства, пророчества и искусства, в мир же богов приходят человеческие страсти, заставляющие двигаться Вселенную.

- Я с Сократом не в силах спорить, - сказал Агафон. – Какая обманчивая правдивость.

- Нет, Агафон, - возразил Сократ. – Ты все время споришь с Сократом. Ты не в силах спорить с истиной.

- Как же Эрот несет человечеству ему недостающее? – спросил Агафон.

- Ответ на вопрос “как?” для философии абсолютно недостаточен, - ответил ему Аристотель. - Философия должна ответить на вопрос “почему?”

- Эрот несет человечеству из мира богов то, чем человечество не обладает и к чему все время стремится, - сказал Сократ. - Эрот несет из мира богов любовь - путь человечества к бессмертию.

- Должен ли я ответить теперь на вопрос “почему?” - спросил Агафона Аристотель. - Без Эрота не была бы самого этого вопроса, как бы и не было человечества.

- Я с Аристотелем не в силах спорить, - сказал Сократ и рассмеялся.

- Среди лучшего всегда можно найти совершенное, - добавил Аристотель. - Мы находимся между мудростью и невежеством, хотелось бы думать, где-то в середине, как остроумие находится между шутством и неотесанностью или дружелюбие – между вздорностью и угодничеством. Мы, наконец, оставили в прошлом невежество, но никогда не достигнем мудрости. Поэтому никто никогда полностью не ответит на твой вопрос, Лаура. Мы знаем и будем знать лишь часть ответа.

- Лаура, - услышал Майкл и обернулся.

К ним подошла одетая в белое просторное платье девушка. Она улыбнулась Майклу и остановилась перед Лаурой. Девушка протянула Лауре повернутые вверх ладони рук. Лаура положила свои ладони на ладони девушки.

- Лаура, - сказала девушка.

- Клаудия, - откликнулась Лаура.

И они улыбнулись друг другу.

- Охваченный смятением маскарад идей, - сказала Клаудия, кивнув на философов.

- Непрекращающийся, - согласилась Лаура.

- Лаура, - улыбнулась Клаудия. - Ты никак не найдешь свое время, чтобы остановиться.

- Клаудия, - сказала ей Лаура. - Мне кажется, я его уже нашла.

- Я понимаю, - сказала Клаудия.

Она повернулась к Майклу и протянула ему повернутые вверх ладони рук.

- Майкл, - сказала Клаудия, улыбаясь краешками губ.

Майкл положил свои ладони сверху на ее ладони и сказал:

- Клаудия.

Он почувствовал, какие горячие у девушки ладони.

- Я поддерживаю огонь, - объяснила Клаудия Майклу и повернулась к Лауре.

- Ты должна все же найти свое время, Лаура - сказала Клаудия. - Его остается очень мало. Иначе навсегда останешься в вечности. Торопись, Лаура, нет ничего короче вечности.

- Я знаю, - ответила Лаура и грустно улыбнулась.

- Тебя не удивляют своими рассуждениями философы? – спросила Клаудия Майкла.

- Я только рад появлению разума и философий, - ответил Майкл. – Все же остальное, рассуждения и разговоры, произвольно.

- Майкл, не задавал ли ты сам себе вопрос, является ли появление сознания последней стадией развития человечества? – спросила Лаура. - Особенно учитывая молодой возраст самого человечества в масштабах Вселенной. Или же это побочное

явление, проявляющееся при зарождении какого-то нового свойства? Или оно помогает человеку не сойти с ума?

- Сознание помогает само себя не потерять? – улыбнулся Майкл.

- Что было за один шаг до его появления? – продолжила Лаура. – Впрочем, очень часто я задаю этот вопрос сама себе и каждый раз нахожу разные ответы.

- И все же? - приглашающе к продолжению спросил Майкл.

- Прежде всего, для сохранения человечества его пришлось заточить в клетку инстинктов, - ответила Лаура.

- Звучит несколько обидно для человечества, - уточнил Майкл. - Не правда ли?

- Прости меня, Майкл, - сказала Лаура. – Но не напоминает ли тебе ваш мир иногда зоопарк?

- Несомненно, - согласился Майкл. – Но ты совершенно забыла о сознании.

- Осознаю свою ошибку, значит, существую, - улыбнулась Лаура. – Почти как у кого-то из великих. Нет, Майкл. Сознание помогает человеку выбрать путь в клетке инстинктов. Да, этот путь очень короток, но без подобного движения человечество бы погибло. Впрочем, как и без прутьев клетки инстинктов. Оторви один прут, например, боязнь высоты, и человек окажется на дне пропасти. Во всех смыслах. Причем он уже не будет иметь никакой возможности двигаться, даже на небольшое расстояние, позволяемое когда-то размерами клетки. Забери у человека любовь и влечения, еще несколько прутьев его клетки инстинктов, и человек окажется снаружи клетки невероятно свободным от любви и влечений, и, скажем, через 100 лет человечества не станет.

- И сознание позволяет человеку выйти, правда, только мысленно, из клетки инстинктов, - добавил тихо Майкл.

- Иначе человечество сошло бы с ума, - согласилась Лаура.

- Грустно, что из клетки нет выхода, - сказал Майкл. – Шейла вспоминала “Нет выхода” Сартра.

Лаура бросила на Майкла быстрый взгляд.

- Выход всегда есть, - сказала она. - Клетку можно разрушить, создав вокруг нее другую, размером побольше клетку. Например, ты уже не боишься высоты. Правда, это звучит как “Есть выход” Лауры? Иногда, для человечества, к сожалению, “Пока есть выход” все той же Лауры. Жизнь развивается темпами иногда *Allegro*, часто *Vivace*, природа изменяет и изменяется, а не ждет.

- Лаура, - раздался внезапно громовой голос.

Клаудия тихонько отошла в сторону. Майкл и Лаура обернулись.

- Ты так же, Маркус, приветствуешь Цезаря, идя на смерть? – спросила Лаура.

- Только его одного, – ответил Маркус, - давшего нам этот чудесный мир.

Маркус был одет в тунику грубой шерсти, короткий плащ и боевые сандалии *caligae*. Блестящий металлический панцирь из связанных кожаными ремнями

металлических полос, защищал его спину и грудь, декорированные металлом кожаные полосы свисали с его пояса, стальной шлем с гребнем, украшенный перьями и конскими волосами, венчал голову, а в его руках был гальский с тупым концом меч и круглый с изображением орла этрусский щит.

Маркус оценивающе посмотрел на Майкла и сказал:

- Отличный выбор, Лаура. Отличный выбор.

- Маркус, - смущенно попросила Лаура. - Имей такт.

Маркус захохотал. С арены Колизея доносился рев львов, а с его трибун - рев публики.

- *Panem et circenses?* - Хлеба и зрелищ? - спросила Лаура.

-Точно, - подтвердил Маркус.

Он ударил коротким широким мечом о свой круглый этрусский щит и добавил:

- Люблю этот мир, невзирая на то, что приверженность несет оттенок жертвенности!

И пошел к арене.

- Лаура, - сказал, повернувшись к ней, Майкл. - Это уж совершенно непонятно, хоть и нереально. Философы разных времен, воедино Древний Рим и Греция.

- Именно это тебя удивляет? – спросила Лаура.

- И это тоже, - ответил Майкл.

- Чтобы тебя успокоить, - улыбнулась Лаура. - Это уже не Древний Рим и не Греция.

Майкл удивленно оглянулся.

- Это городок Опис на реке Тигр. Фестиваль Александра Великого, - сказала Лаура.

Г Л А В А 44

- Иди сюда, Майкл, - позвала Лаура. - Нам тоже нужно место за столом. Фестиваль есть фестиваль, да и время обеда.

Майкл оглянулся. Светильники, выкованные из коринфской меди, освещали огромный зал с огромным количеством пировавших. Стержни светильников были выполнены в виде человеческих фигур, а их основания украшены изображениями голов хищных птиц и зверей. На столах стояли блюда с жареными на огне и начиненными трюфелями и бобами ионийскими рябчиками, колхидскими фазанами, цесарками, бекасами, с облитыми медом и обсыпанных маком кусками дымящегося мяса, горячими сосисками, африканской смоквой, сирийскими сливами, гранатовыми зернами, финиками и орехами. Одетые в яркие одежды воины, аристократы,

священнослужашие, женщины окружали Майкла и Лауру. Слуги с трудом пробирались между пировавшими. Под ногами, подбирая упавшие остатки еды, бегали собаки. Стоял невообразимый шум. Свободного места за столом не было.

Лаура подошла к столу, взяла за плечи абсолютно, как истина, пьяного римского воина, спавшего, уткнувшись головой в блюдо с зеленью и соусом, и попыталась столкнуть его на пол. Это ей не удалось. Пьяный воин был похож на вросшую в землю скалу или крепость.

- Помоги мне, пожалуйста, Майкл, - попросила Лаура. – К сожалению еще не изобрели подобающей техники.

Майкл подошел и взял воина за другое плечо.

- Один, два, три, - скомандовала Лаура.

Они потянули изо всех сил, и воин показал первые признаки жизни. Он помотал головой, это никак не помогло ему разобраться, что все-таки происходит, и затянул боевую песню.

- Первые признаки жизни оказались все-таки признаками походной жизни, - сказала Лаура.

Она уперлась ногой в крышку стола, кубки покачнулись.

- Майкл! – скомандовала Лаура, и они сделали новую попытку.

И воин, наконец, сначала едва заметно, а затем быстрее и быстрее начал валиться на пол. Он падал, как громадное подпиленное у корней гигантское дерево, как подорванная угловая оборонная башня, как сорвавшийся в пропасть кусок громадной скалы и движение это было необратимо как снежная лавина, сель или извергающийся вулкан. Он падал и падал, и падение, казалось, было бесконечным. Лаура уже улыбалась, убирая со лба выбившиеся волосы, и, наконец, раздался удар огромной туши о твердый пол, собаки брызнули в разные стороны, не жалея лап. Римлянин, не открывая глаз, пошарил рукой вокруг. Его рука наткнулась на неосторожно подвернувшуюся любопытную, а может быть голодную собаку. Он схватил ее за лапу. Собака истерично взвизгнула, вырвалась и отскочила. Римлянин, обученный доктрине не останавливаться ни перед чем в достижении своей цели, продолжил, не открывая глаз, свои поиски, пока его рука ни наткнулась на щит. Римлянин сладко улыбнулся.

- Да! – сказала Лаура, с интересом за ним наблюдая.

Римлянин подтянул щит к себе, положил на него голову, обнял его руками и сладко улыбнулся во сне.

- Со щитом или на щите, - сказал Майкл.

Лаура рассмеялась. Она села за залитый красным вином дубовый стол, хлопала рядом с собой рукой и сказала:

- Садись, Майкл. Люблю это время, хоть иногда и скучаю по кетчупу.

Вокруг пировали, не обращая на них никакого внимания.

Лаура взяла со середины стола с огромного блюда огромный кусок зажаренного на огне мяса на кости, зубами оторвала небольшой кусочек, протянула кость с мясом Майклу и сказала:

- Вкусно.

Майкл взял дымящийся кусок мяса. Оно было прожарено до углей снаружи, но внутри куска, у самой кости, мясо было абсолютно сырым. И можно было легко выбрать сильно или слабо прожаренную часть, все только зависело от того, что ты любишь и как глубоко вгрызся в плоть. Майкл откусил кусок, стараясь выбрать среднепрожаренный. Мясо было чудесным, свежим и несло вкус красного вина и пряностей. Лаура подвинула Майклу стоящего на столе бронзового ослика с двумя мешками по бокам с зелеными и черными оливками. Майкл вернул Лауре кусок мяса и с интересом оглянулся вокруг.

- Эллинистический период классической цивилизации, - пояснила Лаура. - Или римский. Как хочешь. Время мыслителей, философов, писателей, архитекторов, ученых, поэтов, музыкантов, время, когда боги еще были бессмертны. Александр еще пытается объединить полисы, небольшие города-государства, в единый космополис, лежащий на трех континентах - Европе, Азии и Африке. И жить ему остается всего лишь один год.

- Александр Великий? – спросил Майкл. – Мы так далеко?

- Да, - ответила Лаура. - Александр еще пытается собрать и объединить культурные осколки павших империй: Халдейской, Ассирийской, Персидской, Египетской, Вавилонской и Хеттской. Мы в городке Опис на реке Тигр.

- Какое разнообразие народа, - восхитился Майкл. - Кто эти люди вокруг нас?

- Патриции, плебеи, воины, женщины, аристократы, люди понтифия, - ответила Лаура.

- Люди понтифия? – переспросил Майкл.

- Они поддерживали *pax deorum*, пакт с богами, - объяснила Лаура. - А в случае разрыва пакта при его нарушении одной или другой стороной, возобновляли новый.

- Чудесная работа, правда? - спросил Майкл.

- Мы на великом фестивале, - продолжила Лаура, - собравшем девять тысяч гостей из всех частей создающегося космополиса. Девять тысяч представителей павших империй, ломающих от одного куска хлеб, пьющих вино и поющих вместе пеаны, победные песни. И самое главное, Александр пытается повенчать Грецию с Римом, привить эллинскую культуру, как нежную ветвь, грубому и могучему македонскому дереву, привить великую греческую культуру своим грубым македонцам.

- Венчание Греции и Рима, какая замечательная идея, - сказал Майкл. - И так коротка была его жизнь.

- Помнишь. Майкл? В нашем мире нет исчезновений, только метаморфозы, - напомнила Лаура. - Александр Великий посадил семя, которое более чем через тысячу лет даст рождение чудесному цветку на земле Италии – Ренессансу.

И вдруг, внезапно, в зале наступила тишина. Тишина появилась в самом начале огромного зала и волной прокатилась до самого его конца. Все замерли. Один из людей в нарядной тоге выкрикнул что-то совершенно непонятное, все чокнулись огромными кубками, выплеснув вино на столы. Майкл слегка дотронулся своим кубком до кубка Лауры и сказал:

- Пьем за жизнь! Какое это все-таки чудо!

- О'кей, - согласилась Лаура. - За настоящую, полную и интересную жизнь.

И они сделали по глотку красного вина.

- Мое любимое, фазосское, - сказала Лаура. – И вдруг неожиданно спросила Майкла:

- Хотел ли бы ты жить в этом времени?

- Я бы мог жить в прошлом, - ответил Майкл. - Меня только пугает будущее, при всей комфортности и устроенности оно кажется мне чужим и неудобным.

- Майкл, - восхищенно сказала Лаура, глядя на него широко открытыми глазами. – Ты даже помнишь будущее. Конец нашего путешествия теперь мне кажется очень интересным.

- Только это почему-то звучит очень печально, - уточнил Майкл.

- Завершение всегда звучит немножко печально, - согласилась Лаура. – Но, поверь мне, Майкл, для тебя это только начало. По крайней мере, я постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы это стало началом.

Майкл сделал глоток вина и сказал:

- Какой чудесный мир вокруг нас.

Лаура посмотрела вокруг и вздохнула.

*...quanto la cosa è più perfetta,
Più senta il bene , e così la doglienza, -*

добавила она, -

*... чем больше нечто совершенством обладает,
Тем более сулит как счастье, так и боль.*

Она помолчала немного и сказала вполголоса:

- К сожалению, снова Собор Святого Патрика.

- Собор? – переспросил Майкл.

- Не волнуйся, - ответила Лаура. – Теперь пьем за тебя.

И она подняла свой кубок.

Майкл приветственно поднял свой, они чокнулись и снова сделали по глотку.

- Майкл, нам пора, - неожиданно сказала Лаура.

Они вместе поднялись из-за стола, и Лауре пришлось переступить спящего на полу воина.

- Пойдем, - позвала Лаура и толкнула тяжелую дубовую дверь.

Они оказались на узкой, круто поднимающейся вверх, винтовой лестнице. Майкл поднимался вслед за Лаурой и видел только уходящий вниз, в темноту, ствол шахты здания с узкими высокими зарешетчатыми окнами, в которое светило солнце, и еще и мелькающие белые Найки Лауры. Так продолжалось очень долго, и наконец, винтовая лестница закончилась. Лаура повела Майкла через анфиладу комнат с развешанными на стенах картинами, мимо пасти льва с прорезью для доносов, через комнату с географическими картами, затем Лаура открыла еще одну дверь и они оказались в очень узком переходе с двумя окнами, выходящими на канал.

- Мост Вздохов? – удивленно спросил Майкл.

- И да, и нет, - ответила Лаура. – Это осколки воспоминаний.

Они оказались на широком пролете лестницы и, спустившись вниз, вышли на площадь.

Г Л А В А 45

Они пробивались через толпу плебеев. Майкл шел, выставив левое плечо вперед, Лаура держала его под правую руку и делала все возможное, чтобы толпа их не разъединила. Майкл пробивался вперед, получая в спину тычки и слыша проклятия. Плебеи развлекались, они рассказывали последние сплетни, щипали девок, гоготали над шутками, занимали деньги, глаза их горели, их женщины бравировали простотой и грубостью, все возбужденно веселились, но в их глазах, все же, гнезился страх. Майкл подобрался уже к самой трибуне, толпа здесь стала почему-то реже, и Лаура внезапно попросила:

- Остановись здесь, Майкл.

И внезапно над площадью повисла тишина. С левой стороны к ростре, ораторской трибуне Форума, украшенной носами захваченных в боях римлянами вражеских кораблей, шел легионер и нес что-то завернутое в окровавленную матерью.

- Не могу это видеть, - сказала Лаура.

Она повернулась спиной к трибуне, лицом к Майклу и положила сжатые кулаки на его грудь.

- Это голова Марка Туллия Цицерона, - тихо сказала Лаура. – Как он ошибался, говоря “честность - лучшая политика”. Вот и результат его честности.

- Что же случилось? – также тихо спросил ее Майкл.

- Произошло очень много событий, которые могли бы забрать жизнь Цицерона, но все обошлось для него хорошо, - ответила Лаура. - Цезарь, поссорившись с Сенатом, перешел Рубикон, небольшую речонку между Италией и Цизальпинской Галлией,

провозгласил свое знаменитое “пришел, увидел, победил” и стал пожизненным Римским диктатором с полным контролем армии Республики и ее финансов, сделал Сенат только советником. Цицерон отказался от звания короля Форума. Затем Цезарь был убит сенатскими заговорщиками в каменном театре позади статуи Помпея Великого. Консулом стал Марк Антоний.

Лаура замолчала.

- И..., - приглашающе к продолжению сказал Майкл.

- Все началось с атак Цицероном Марка Антония в его выступлениях прямо на этой трибуне, - продолжила Лаура. - А закончилось выставленной на ней же головой самого Цицерона. “*Vedi che la ragione ha corte l' ali*” – “Смотри, как коротки рассудка крылья”.

Лаура замолчала, она все также стояла, прижавшись к Майклу, и из ее закрытых глаз текли слезы. Легионер подошел к самой трибуне, возле которой его ждала Фульвия, жена Марка Антония. Она взяла из его рук окровавленный сверток, медленно его развернула, положила голову Цицерона на свои колени, открыла ему рот и несколько раз в иступлении проткнула его язык шпилькой для волос.

- Идем, Майкл, - сказала Лаура. – Кто более беспощаден в мести, мужчины или женщины?

Г Л А В А 4 6

Майкл и Лаура шли по солнечной поляне, лежащей у берега горной реки, отбурлившей на вершинах и теперь плавно текущей в долине у самого подножия гор между мирриадом полевых цветов, стрекоз, бабочек и колибри. Стоял летний, жаркий и знойный полдень. Солнце было в зените, над самой головой. Ветер затих и все вокруг, воздух, вода и земля было прогрето солнцем. Воздух наполнился густым ароматом цветов и трав. И все вокруг, сбросив утреннюю дрему, наконец, насытилось и замерло неподвижно, звери, птицы, насекомые, деревья, цветы и травы, и больше не было никаких желаний, кроме как ощущать счастье под горячим и знойным солнцем. И больше не было ничего желаемого, что бы ни принес день пришедший, и не было ничего невозможного, что бы ни принес день будущий. Все замерло неподвижно, чувствуя прибывающую от солнца и земли силу. И единственным движением было движение реки из прошлого к будущему. Чудесное состояние за секунду до послеполуденного утомления.

- Что-то чудесное и непонятное, притягивающее наш разум живет в этом знойном, наполненном запахом цветов и трав воздухе, в холодной воде спокойно текущей реки, в темноте сухой земли, в прохладной тени листы, жужжании насекомых, в самих нас и вокруг нас до бесконечности, до самых звезд, - сказала Лаура.

- Какой чудесный, великий, цветущий, жужжащий беспорядок, - добавила она. – Вселенная Уильяма Джеймса.

Майкл почувствовал, что он очень устал. Он лег в траву на спину, и Лаура опустилась на колени возле него. Совершенно рядом с ним сомлевшая на солнце стрекоза медленно перебирала крылышками, опаживая засыпающий от зноя цветок.

Майкл протянул к цветку руку, но Лаура остановила его коротким движением.

- Не люблю мертвые цветы, - сказал она.

- Лаура, - позвал ее Майкл.

- Тише, - попросила Лаура. – *“Taci, e lascia volger gli anni”* – “Молчи и дай лететь годам”.

Она смотрела на Майкла, ничего не говоря, и грустно улыбалась, а над ней тихо плыли облака. Майкл закрыл глаза, и мир вокруг окунулся в ночь.

Г Л А В А 47

Майкл и Лаура шли длинным коридором мимо, казалось, собранного со всего света скульптур.

- Мораль не принадлежит Вселенной, - говорила Лаура. – Вселенная является неморальной, поэтому иногда побеждает добро, иногда зло, эти две взаимопереплетенные выдумки человечества, которое до сих пор не нашло различия между ними. Иногда я думаю, что добро – это лучшее из двух зол и даже если совершать добро для абсолютного большинства людей, всегда найдется небольшая группка недовольных, похожих на древних китайцев, которые таскали своего бога на веревке по уличной пыли в отместку за оказанное ему почитание и свою плохую жизнь.

Они шли и шли, пока Лаура внезапно ни повернула. Майкл, не задумываясь, последовал за ней, они миновали полутемный переход и внезапно оказались на трибунах залитого солнцем великолепного ипподрома Константинополя, столицы Византийской империи.

- Присаживайся здесь, Майкл, - сказал Лаура. – Вот тебе кубок вина. Наслаждайся. Как ты? Я уже счастлива только от того, что они здесь, наконец, запретили гладиаторские поединки.

Перед ними лежал величественный императорский ипподром. Они сидели в одной из лож его северной стороны и над ними рвались в небо статуи четырех блестящих золотом коней.

- Смотри, какое чудо, - сказала, показав на них, Лаура. – Они еще здесь, но после четвертого крестового похода победители увезут их в Венецию и установят на базилике Святого Марка.

Около семидесяти тысяч зрителей волновались в предвкушении зрелища на *Sphendona*, U-образной трибуне напротив Майкла и Лауры, на южной стороне ипподрома. Многие из них были в праздничных одеждах, с венками на головах. Голубые, пурпурные, лиловые, фиолетовые, белые и зеленые цвета одежд, блеск

золотых украшений, перламутра и драгоценных камней в мелькании опахал страусиных и павлиньих перьев окружали Лауру и Майкла. Гирлянды цветов украшали аркады, портики и трибуны ипподрома. В его середине возвышалась Колонна Змей, привезенная сюда из Храма Аполлона из Дельфи в честь побед над персами. Вершину Колонны венчала огромная золотая чаша, поддерживаемая головами трех змей. Вдоль всей арены ипподрома проходил центральный барьер *spina*, вокруг которого и проводились гонки. Два раба держали цепь, соединенную в середине слабым узлом, перед створками еще закрытых ворот, из которых должны были появиться колесницы.

- Я привыкаю к этому вину, - сказал Майкл.

- Ты привыкаешь к этому миру, - поправила его Лаура. - Будь осторожен с молодым вином. Ты бы остался здесь жить?

- Только бы ненадолго, - ответил Майкл. – Не кажется ли тебе жизнь здесь несколько однообразной?

- Нет, - ответила Лаура. - Дело не в этом. Что-то происходит с тобой, я не знаю что, и мне кажется, ты не понимаешь этого тоже.

Майкл ничего не ответил.

- Что случилось с тобой в той жизни, Майкл? – спросила Лаура. – Ты живешь, как будто бы защищенный от всех и от всего непроницаемой оболочкой. Никак не могу проникнуть в твой мир, понять твои мысли и поступки. Все это совершенно непонятно и даже страшно. Что-то происходит с тобой, и я никак не могу тебе помочь.

Внезапно волнение прокатилось по трибунам, и сразу же наступила тишина. Все вокруг замерло, повернув головы к восточной трибуне. В императорской ложе *Kathisma*, осененной шитым золотом по зеленому полю ковровым пологом, окруженный свитой, появился Константин Великий.

- Я удивляюсь, как ты все это так легко воспринимаешь, - сказала Лаура. – Я, впервые почувствовав это, была совершенно ошеломлена. Эта разница между мною и всеми остальными людьми совершенно потрясла меня. Я была очень напугана, скорее это было похоже на то, как будто бы я подошла к краю пропасти и заглянула в нее, такое ощущение восхищения, страха, необычного, неиспытанного никогда до этого волнения, ожидание чуда, ощущение одиночества, и все это в каком-то удивительно чистом морозном воздухе гор, и одновременное ощущение близости бездны неба над головой и бездны пропасти у ног.

- Я понимаю, - начал Майкл.

- Смотри, Майкл, - вскрикнула Лаура и привстала.

По ипподрому рассыпались глашатаи. Ворота открылись, и наступила тишина. В воротах, сдерживаемые цепью, которую продолжали держать рабы, стояли восемь колесниц четырех цветов - синего, зеленого, красного и белого, по две колесницы каждого цвета. В каждой колеснице, *quadrigae*, было запряжено по четыре коня.

- Четыре команды? – спросил Майкл.

- Четыре команды четырех партий Византийского Сената, - ответила Лаура.

Лошади нетерпеливо перебирали ногами, волнение толпы нарастало и нарастало и, наконец, в императорской ложе мелькнул белый платок. Рабы, дернув цепь, разорвали ее в середине, раздался марш, заорала толпа и началась гонка. Колесницы синего и зеленого цвета в поднявшейся туче пыли, подбрасываемой вверх шипами подков лошадей, уверенно пробились вперед.

- Самые сильные команды, - пояснила Лаура. – А теперь начинается самое интересное.

- Азарт болельщиков больше, чем на Суперболе, - уточнил Майкл.

- Однажды дошло даже до небольшой гражданской войны, в 532-м году, *Nika Revolt*, между Синими и Зелеными, - сказала Лаура, не отрывая взгляда от колесниц.

- Определенно они азартнее, - добавил Майкл. – Конечно же, зачем им еще и гладиаторские поединки? Абсолютно безобидное зрелище. Болеем за синих. Мы были с Расти в их команде на базе Нэллис в Лас-Вегасе.

- Тогда только за синих, - улыбнувшись, согласилась Лаура.

И синия колесница начала медленно обходить идущие впереди бок о бок две колесницы зеленых. Возница колесницы, в короткой безрукавке с коротким, висящем у пояса, кривым ножом, в гладком блестящем шлеме, с обнаженными, обвитыми ремнями ногами, подгонял и подгонял лошадей. Шум трибун стал неимоверно громким. Лаура стояла рядом, что-то кричала, но совершенно ничего невозможно было разобрать. Внезапно колесницы синих и зеленых столкнулись боками, толкнув друг друга в стороны, и колеса двух колесниц зеленых сцепились. Одна из колесниц завалилась на бок, продолжая скользить в тучах пыли, и ее возница попытался перерезать кожаные ремни и вожжи своим коротким и кривым ножом. Трибуны заорали еще громче, что-то рядом кричала Лаура, и ее совершенно не было слышно в этом кошмарном реве трибун. Внизу из клубов пыли, в которых, как игрушечные, скользили на боках уже несколько колесниц, катились оторвавшиеся колеса и заваливались на бок лошади, вырвалась вперед колесница синих. Рев трибун стал неимоверно громким, синие победили, и наступила тишина. Толпа улыбалась и переводила дыхание.

Майкл торжественно поднял кубок и, сделав приветственное движение в сторону Лауры, осушил его одним глотком. Лаура подняла свой кубок и последовала его примеру.

Г Л А В А 48

- Это совершенно не так, Ипатия, - услышал Майкл голос Лауры и с трудом открыл глаза.

Голова раскалывалась. Лаура оказалась права насчет молодого вина. Комната вокруг казалась неимоверно большой - огромное пространство с тремя громадными стеллажами темного дерева, стоящими у стены напротив Майкла у небольшого окна. Стеллажи с самого низа и доверху были заполнены рукописями, эскизами, картами, блестящими перламутровыми раковинами, разноцветными морскими камешками,

небольшими, вырезанными из дерева, фигурками животных и подобным набором *bric-à-brac*, несущим в настоящем память прошлого. Точнее, рукописи, эскизы, карты земные и небесные лежали везде вокруг, даже на полу.

Майкл обвел взглядом пространство вокруг себя. Ипатия сидела за столом напротив Лауры и была одета в белую, свободно спадающую вниз мантию, охваченную вокруг ее тоненькой шеи жемчужным ожерельем. На темном деревянном столе перед ними горел огонек светильника, распространяя необычный запах наполняющих его ароматных масел. Два подобных светильника горели с двух сторон деревянных стеллажей, и их колеблющийся свет играл теплыми тонами на развешанных на стенах картинах с изображениями Юпитера, Зевса, Минервы, Сераписа, мифологических сюжетов, морских пейзажей, священных животных: коровы, собаки, кота и священных растений: лотоса, лавра и лука. На стене над Майклом висели офорты и эстампы на темы создания Вселенной.

- Они придут через три дня, - сказала Лаура.

Ипатия бросила на нее испуганный взгляд, взяла со стола и прижала к груди серебряную фигурку Минервы, богини мудрости и своей покровительницы.

- Мудрость, к сожалению, не всегда может помочь, - сказала Лаура и повторила:

- Они придут через три дня.

- Я никуда не уйду, - вполголоса сказала Ипатия.

- У тебя нет никаких шансов после того, как они разрушили храм Сераписа, - добавила Лаура.

- Чудесный бог, - тихо сказала Ипатия. - Великий Серапис. Чудесное переплетение греческого и египетского, культур, верований, взглядов, традиций...

- И заблуждений, - добавила Лаура.

- И заблуждений, - согласилась Ипатия. - К счастью, сменившего Зевса с его громами и молниями.

- К сожалению, сменившего его, - уточнила Лаура. - И теперь тебе надо спешить.

- Это трудно понять, - сказала Ипатия. - Никогда не призывала никого убивать, пишу трактаты о трудах великих, о небе и звездах, философствую на языке Платона...

Голова Майкла раскалывалась от боли, и даже тихие женские голоса казались невероятно громкими в этой огромной комнате.

- Лаура, - тихо позвал Майкл.

- Да, - откликнулась Лаура, и две женские головки повернулись к нему.

- Вот нас и трое, - сказала Ипатия. - Все по римской пословице - гостей за столом должно быть не менее трех граций и не более девяти муз.

- Окончательно бросаю пить, - сказал Майкл и сделал попытку улыбнуться.

- Майкл, это твое не первое обещание, - уточнила Лаура. - Познакомься, это Ипатия, астроном, математик и философ.

- Очень приятно, - сказал Майкл. – Какой удивительно прекрасный астроном, математик и философ.

- Перестань, Майкл, - улыбнулась Ипатия. - Человек это удивительно простая система. Немножко красного вина и он хочет воды. Как сейчас. Не правда ли? Вид женщины и он говорит о любви. И даже, возможно, пишет стихи. А всего лишь незаметная взгляду химическая реакция.

- Еще и какой удивительно прекрасный алхимик, – добавил, улыбаясь, Майкл.

- Ты еще веришь в любовь? – спросила Ипатия.

- Конечно, - ответил Майкл, и его собственный голос отозвался в его голове эхом.

- Но сейчас, все же, больше хочется воды? – улыбнулась Ипатия.

- Ипатия, пожалуйста, - попросила Лаура.

- Конечно, конечно, - согласилась Ипатия.

Она налила воду в чашу из высокого кувшина, подошла к Майклу и, опустившись перед ним на колени, протянула ему чашу с водой. Ее лицо с совершенно невероятными изумрудного цвета глазами было совсем рядом. Майкл смотрел на нее, не отрываясь, задержав дыхание и забыв обо всем. Она осторожно провела рукой по его щеке и сказала:

- Какие вы, все-таки, странные.

- Ипатия, - позвала ее Лаура.

- Да, - откликнулась Ипатия.

Она грациозно поднялась и вернулась к столу.

- Так рада тебя видеть, - сказала Ипатия Лауре.

- Я тоже, - согласилась Лаура. - Особенно сегодня, когда я знаю день, когда они придут.

- Именно тот самый день? – уточнила Ипатия.

- Именно тот самый, - ответила Лаура. - Мне просто повезло оказаться сейчас рядом с тобой.

Они вдвоем взглянули на Майкла.

- А может быть, ничего не произойдет? – спросила Ипатия. – Как будто бы нас нет в этой огромной Вселенной. Странные мысли приходят, когда живешь ночами и видишь вокруг одни только звезды. К сожалению, звезды всегда в пустом пространстве, заполненном холодом и одиночеством.

- Да, к сожалению, - сказала Лаура. - Каждый ищет в своей жизни свой день, ты же нашла свою ночь.

- К счастью, - поправила ее Ипатия.

- Послушай меня, пожалуйста, - попросила Лаура. – Ты, все-таки, не совсем веришь в это. Тебя не станет через три дня. Я тебя очень прошу, уйдем сейчас вместе с нами.

- Ну что ты, Лаура,- испуганно сказала Ипатия. - Я никуда не уйду. Ты же знаешь. И потом, многое еще надо успеть завершить.

- Пожалуйста, - попросила Лаура и добавила. – Тогда я останусь здесь вместе с тобой.

- Хорошо, хорошо, - согласилась Ипатия. - Только, пожалуйста, не волнуйся так. Я уйду завтра. Мне еще нужна сегодняшняя ночь.

- Страшно жить среди спящих? - спросила Лаура и осторожно дотронулась кончиками пальцев до руки Ипатии.

- Страшно, - тихо, вполголоса, отозвалась Ипатия.

Она печально улыбнулась и добавила:

- Поэтому я и не сплю по ночам.

Лаура улыбнулась ей в ответ и сказала:

- Тяжелое время. Их разум еще спит.

- Всякое время по-своему тяжелое, - согласилась Ипатия. – Но самое трудное, что в мир приходит новая религия. Уничтожается прошлое с его искусством, культурой, наукой, всем-всем-всем, что создавалось веками. И ничего не сделать. Прошлое уходит от нас и его никак не удержать, как будто бы вода уходит из ладоней. И впереди ничего нет ему на смену. Только огромная бездонная пропасть между прошлым и будущим. И потребуются несколько сотен лет, чтобы создать все заново.

Ипатия немножко помолчала и добавила:

- И не будет веселых, пьющих вино и радующихся жизни богов на Олимпе, к которым у человечества всегда был шанс подняться. И не будет самого Олимпа. И не будет *Katagōrgia*, фестиваля Диониса, на который боги с вершин спускались на улицы Греции. А будет несколько сотен лет тьмы и страха, огромная страшная бездонная пропасть, освещаемая кострами аутодафе, от нас и до самого Возрождения. Чудо языческой религии и состоит в том, что она легко опровержима. Ее чудо еще и в том, что она ведет нас к тому чудесному моменту, когда человечество поднимается к богам на Олимп.

- Нам, как, впрочем, и никому, не переделать человечество, - сказала Лаура.

- К сожалению, правители владеют народом, - добавила Ипатия. - Так было всегда и так будет всегда. В той или иной степени. К сожалению, я среди огромного количества людей, не умеющих жить настоящим, умеющих и готовых только страдать и ждать жизни после смерти.

Наступила пауза.

- Не понимаю, почему они принимают эту страшную религию? – спросила, казалось сама себя, Ипатия.

- Одни спасаются от одиночества, другие – от окружающих людей, одни бегут от жестокости мира, другие – чтобы выплеснуть на мир свою жестокость, одни стремятся к повиновению, другие – к власти, одни ищут любовь, другие – стремятся избавиться от нее, одни пытаются спасти, другие – спасать. Правда, чудесный в религиозном понимании спектр? - спросила Лаура.

Наступила тишина. Ипатия и Лаура молчали, глядя друг на друга. И внезапно Ипатия тихо сказала:

- Страшный мир. Снесен Олимп и теперь только пустыня вокруг них, в которую они хотят вернуться. Со всей своей благочестивостью и праведностью они погружаются в ад, которого так стремятся избежать и им предстоит еще учиться смеяться. Как говорил Плотинус, все живое способно ощущать счастье. Интересно, в чем счастье у них?

- К сожалению, Создатель еще не закончил их создание, - добавила Лаура.

- В каждом человеке есть и материал, и создатель, - возразила Ипатия. – “*Defienda me Dios de tu*” – “Да защитит меня Бог от самого себя”.

Лаура тихо вздохнула.

- Если бы только найти капли, даже горчайшие, для больного религией человечества, - сказала Ипатия.

- Ипатия, не забывай, что человек с момента его появления и до настоящего времени более длительный период был животным, - тихо сказала Лаура.

- Конечно же, - согласилась Ипатия. – *Sub specie aeternitatis* – с точки зрения вечности нам отведен такой короткий срок.

Майкл тихо поднялся, подошел и стал позади Лауры, положив руки на высокую спинку ее стула. Перед ним в круге света сидела Ипатия, маленькая испуганная хрупкая женщина, ищущая истину ночью.

- Мы никуда без тебя не уйдем, - твердо сказал Майкл. – И не волнуйся так, мы с тобой и ничего тебе не грозит.

- Глупышка, - тихо откликнулась Ипатия.

- Пятьсот одетых в черное монахов, - сказала Лаура.

- Это произойдет в моем храме? – спросила Ипатия.

- Нет, в их церкви, - ответила Лаура. – Они распяли своего бога, что им до людей.

- Присаживайся, Майкл, - сказала Ипатия.

Они сидели втроем за столом, и огонек свечи метался между ними, освещая их лица.

- Майкл, у тебя уже есть вопрос, - сказала Лаура. - Это написано на твоем лице.

- Даже несколько, - согласился Майкл.

- Иногда, чем больше вопросов, тем легче на них найти ответы, - улыбнувшись, сказала Лаура.

- Иногда, - подтвердил Майкл.

- Итак, - приглашающе начала Лаура.

- Я уверен, тебе всегда задают одни и те же вопросы, - сказал Майкл.

- Иногда, - улыбнулась Лаура.

- Итак, - начал Майкл.

Лаура улыбнулась.

- Хорошо. Кто мы, человечество? Кто создал нас? - продолжил Майкл. – Куда мы идем?

- Иногда? – уточнила Лаура и рассмеялась.

Вместе с ней рассмеялись Майкл и Ипатия.

- Ты никогда не задумывался, - начала Лаура, - что этим вопросам миллиарды лет и никто так и не нашел на них ответы.

- Я бы еще предположил тысячи, - сказал Майкл.

- Миллиарды, - уточнила Лаура. - По крайней мере, с момента рождения Вселенной. И все во Вселенной, как и она сама, имеет своего предшественника.

- Но именно это утверждение и не дает ответ, - сказал Майкл.

- Вся его прелесть в том, что именно оно и ставит эти вопросы, - добавила Лаура. - И всякий раз, посвящая жизнь поиску ответа, надо понимать, что его может не существовать. В нашем же случае, ответов очень много, и тебе остается выбрать один. По-крайней мере, на вопрос – кто создал нас?

- Какой бы ответ выбрала ты? – спросил Майкл.

- Я совершенно не могу это для тебя сделать, - ответила Лаура. – Наверное, единственное это.

- И все же, что ты выбрала для себя? – снова спросил Майкл.

- Улисса, - ответила Лаура. - Или Одиссея. Нас создал одиссеевский Никто с острова Циклопов. Помнишь, как тогда давно на острове Циклоп съел на ужин двух друзей Одиссея, на завтрак - еще двух и Одиссей предложил Циклопу единственное, что у него оставалось, замечательное вино. Циклоп попробовал вино и остался им доволен.

- Помнишь? – переспросила Лаура:

- Как тебя зовут? - спросил Циклоп Одиссея. – В благодарность, я съем тебя последним.

- Никто, - ответил Одиссей.

- И затем он с друзьями выколол Циклопу глаз, - продолжила Лаура. – И когда к кричащему от боли Циклопу сбежались его друзья и спросили, кто это сделал, он

ответил: “Никто”. Майкл, перед тем, как ответить на вопрос, на который так и не смогло найти ответ человечество, постарайся ответить на вопрос - почему это случилось? Почему лучшие и умнейшие философы так и не смогли найти никакого ответа?

- По-моему, это труднее, чем сам вопрос, - сказал Майкл.

- Все очень просто, - улыбнулась Лаура. - Вы видите и слышите, чувствуете вкус, тепло и холод, но у вас, к сожалению, забрали чувство восприятия времени, оставив взамен лишь механические часы.

- Да, еще и часы Палея, - улыбнулся Майкл.

- Как ты мне нравишься, - сказала Лаура.

- И все же, - продолжил Майкл. - Кто создал наш мир?

- Майкл, я восхищаюсь тобой, - сказала Лаура. - Тебя уже нет в той жизни, а ты все еще ищешь ее смысл. Как только вписывается человек с его гармонией, организацией, стремлением к порядку, совершенством, моралью и смыслом в бушующую, бессмысленную, ненормально беспорядочную Вселенную?

- И все же, - повторил Майкл.

- Майкл, человечество почему-то и совершенно непонятно по какой причине рассматривает только три объяснения создания себя и мира, - сказала Лаура. - Первая и самая старая идея – это идея Создателя, Сверхсущества.

- Почему ты говоришь с сожалением? – спросил Майкл. – Обычно для объяснения какого-либо явления существует несколько теорий. В чем здесь проблема?

- Проблема в том, что вы очень внимательно всматриваетесь в детали, в частности и за частным не видите целого, - ответила Лаура. - Вы не в состоянии представить, как выглядит весь ваш мир со стороны. Очень трудно услышать музыку, рассматривая в микроскоп структуру рисунка каждой ее ноты.

- Но, тем не менее, - приглашающе к продолжению сказал Майкл.

- Тем не менее, - продолжила Лаура, - идея Создателя, конечно же, элегантна, она снимает с плеч человечества необходимость объяснения каждого явления, но все же имеет некоторые экстраординарные прорехи, которые никак не объяснить без вмешательства в процесс создания мира и дьявола. В результате, мир, созданный этой парочкой, становится до простого понятным и объяснимым без необходимости поиска каких-либо объяснений вообще. Да и как могло бы быть иначе? В те времена это был единственно возможный путь ответа на все вопросы, как и объяснение всего непонятного, который еще и без всяческих трудностей легко мог бы быть найден без вмешательства каких-либо сверхсуществ. Я не буду рассматривать идею вмешательства инопланетян, которые должны были бы терзаться все тем же вопросом создания мира. Хорошо?

- Хорошо, - согласился Майкл. – Что же касается мистики?

- Что касается мистики? – переспросила Лаура. - Мистика лишена собственного мнения при объяснении мира. Спрятавшись за завесу таинственности, она трактует все

непонятное поведением или желаниями Свехнепонятных, созданных ею же самую Сверхсуществ. Завеса таинственности навеивает мысли о скрывающейся за нею прекрасной и мудрой философии.

- И страшно отдернуть завесу, человечеству так прекрасно жить в мире фантазий и снов, - добавила Ипатия.

- Знаешь, что здесь интересно? – спросила Лаура и бросила быстрый взгляд на Майкла.

- Что? – спросил Майкл.

- Интересно то, что идея Сверхсущества появилась очень давно, поэтому и сохранила все оттенки того времени, - продолжила Лаура. – Вид, характер и поведение Создателя, его реакция на грех, определение греха вообще, процедура суда... Непонимание сложного и объясняет необходимость всего семи дней для создания мира. Появление света. Да будет...

Майкл предупредительно взглянул на Лауру.

- Молчу, - улыбнулась Лаура. - Представляешь, если бы идея Создателя появилась впервые в наши времена? Институт Создания Мира с молодыми талантливыми ребятами и девушками в различных департаментах, занимающихся созданием различных видов животных, растений, явлений природы, микроклимата, макрокосмоса, структуры земли, состава океанов, влияния спутников и небесных тел, законов природы и тому подобное. И великий спор между соревнующимися, чье творение победит и будет владеть миром. Миллионы гениальных идей, кофе по утрам, семинары, конференции, бесконечные споры, расчеты на компьютерах, выступления, публикации, первые практические результаты, новые исследования, начинания сначала, бесконечные споры о гуманности... Вот тебе и ответ, что было первым, курица или яйцо. Курица была идеей, достаточно вкусной идеей, но для ее доставки и распределения по земле, сначала понадобилось яйцо. К сожалению, объяснение создания мира появилось очень рано и оставило нам все дошедшие до нас идеи греха, наказания, рая и ада.

Лаура замолчала и перевела дыхание.

- Не останавливайся, - попросил Майкл.

- Другая идея, совершенно не отличающаяся от первой, была идеей создания мира самим собой, без вмешательства Создателя, по своим собственным, независимым ни от кого законам, - продолжила Лаура. - Я бы назвала ее идеей Миксера. Сваливаешь в миксер продукты и очень долго все перемешиваешь, пока в миксере молекулы не сложатся в живое существо и не появится жизнь. В этот момент нужно остановиться. Ибо чревато потерять все. Эта идея несет элемент научности, потому что, изучая законы природы, можно бесконечное число раз бросать яблоко и удивляться, что оно падает с одной и той же высоты или ветки за одинаковое время. Подобным образом можно определить, что все ноты написаны 125-м оттенком черного цвета, но это никак не поможет услышать музыку.

- Тут еще интересно и другое, - сказал Майкл.

- Да, - откликнулась Лаура.

- Если миксер остановить, хорошо бы его еще и поставить на солнышко, жизнь в нем появится сама собой, - сказал Майкл.

- Плесень, - улыбнулась Лаура. - Человечеству еще не удалось создать такую примитивную и практически неуничтожимую форму жизни.

- И? – спросил Майкл.

- Ты ждешь от меня Великого Откровения? – снова улыбнулась Лаура.

- Да, - согласился Майкл и улыбнулся ей в ответ.

- Я тоже, - добавила Ипатия.

- Хорошо, - согласилась Лаура. - Давай мысленно отойдем и посмотрим на всю Вселенную. В чем отличие человека и, скажем, галактики?

- Отсюда очень тяжело рассмотреть, - улыбнулся Майкл.

- Для создания нашей Вселенной необходимо было определенное сочетание элементов в самом начале создания, например, во время Большого Взрыва, если мы будем считать верной эту теорию. Небольшое отклонение в составе первичной структуры, в протоматерии, и наша галактика была бы создана совершенно в другом месте космоса и была бы совершенно отличающейся от нашей. Ученым для объяснения этого необходима теория больших чисел, теория шума, термодинамика или что-то еще, мне же все понятно и без всего этого. Также и структура всех живых видов была заложена в первичной структуре, в протоматерии, в самом начале создания. Да, виды мутируют, приспособляясь к изменяющимся внешним условиям, Дарвин прав, но не происходят друг от друга. На земле так и не нашли переходных видов. Иными словами, все живое и разум были заложены еще до Большого взрыва. Трудно найти ответ на вопрос, кто создал живое много миллиардов лет назад, трудно найти ответ, который не существует. Все, и живое и неживое, было создано еще до Большого Взрыва в структуре протоматерии, но появилось в определенный срок. Как заложенная программа, которая, наконец, сработала. Видишь, надо отойти подальше, чтобы все рассмотреть.

- Так говорила и Шейла, - тихо сказал Майкл.

- Шейла, - задумчиво откликнулась Лаура и посмотрела в глаза Майкла.

- Какой чудесный день, - неожиданно сказала она.

- Чудесный? – переспросил Майкл.

- Теперь я знаю ответ и на свой вопрос, - ответила Лаура и улыбнулась.

- Но все же, это так трудно понять, - сказал Майкл.

- Это трудно понять, потому что все ваши истории создания мира напоминают сказки, - добавила Ипатия. - Точнее, начало сказок. *Once upon a time...* Времени же в начале просто не существовало.

- Как и слова, - сказала Лаура. – *“In the beginning was the Word”* – “В начале было Слово”. Не было в начале никакого слова. Мир появился задолго до него.

- Болтуны появились позже, - добавила Ипатия и улыбнулась. - И появился мир совершенно не случайно. Не прав был Демокрит.

- "*Democrito, che 'l mondo a caso pone*", - сказала Лаура. - "Демокрит, кто отрицал причинность мира".

Ипатия подтверждающе кивнула головой.

- И нет в нашей Вселенной никакой материи, - сказала Лаура. - Одна лишь энергия. Или дух, как называли ее когда-то. Первым, кто это понял, но так и не смог объяснить, был Эммануэль Кант.

- В это тяжело поверить, особенно в нашем материальном мире, - возразил Майкл и спросил:

- Леонардо был неправ, стараясь на картинах показать вес и объем материальных тел?

- Леонардо был всегда прав, - ответила Лаура. - Преимущественно, конечно. То, что ты находишь твердым, всего лишь сгусток энергии, который, как магнит, отталкивает твою руку. То, что ты видишь непрозрачным, всего лишь сгусток энергии, который, как зеркало, отражает падающий свет.

- Мне тяжело это даже представить, - сказал Майкл.

- Вы столь долго пытались объяснить двойственную природу света, как частиц и волн, что заблудились на этом пути, но продолжаете идти, не меняя направления, - сказала Лаура.

Она помолчала, ожидая, пока Майкл привыкнет к этой мысли, и продолжила:

- Майкл, я сама это не совсем понимаю. Нет веса, всего лишь сила притяжения двух сгустков энергии. Нет ощущения объема, всего лишь сила отталкивания двух сгустков энергии. И нет ничего непостояннее энергии или материи. Жизнь, как понимаете ее вы, настолько коротка, что все только кажется застывшим. Но нет ни смерти и нет и жизни, а есть лишь метаморфозы Вселенной. И я совершенно не понимаю, как они происходят. Для меня это совершенное чудо, когда из абсолютного покоя рождаются две притягивающие друг друга звезды и возникают звездные турбуленции. Мы создали Создателя, чтобы найти какую-то логику и не сойти с ума.

- *In the beginning was the World*, - неожиданно сказала Ипатия. - В начале был Мир. Представь, Майкл. Все замерло. Это и есть самое начало Вечного Повторения или же Вечного Возвращения. Еще нет никаких сил, ни притяжения, ни отталкивания, ни электрических, ни магнитных, ни гравитационных, ни ядерных, вообще никаких. Еще ничего нет. Все замерло, и нет никаких изменений, а значит, нет и времени. Извечный вопрос, что было в самом начале, имеет очень простой ответ - не было самого начала, ибо не появилось еще время. И такое безвременье принадлежит каждому новому Повторению. Первым появилось время, и начались изменения, начали расти силы притяжения и отталкивания. Они возрастали очень медленно, сначала едва заметно, а затем все интенсивнее и интенсивнее и сила их нарастания была по форме в появившемся времени похожа на форму колеблющейся струны. Зазвучала первая нота Вечного Повторения. Под действием родившихся сил началось движение, едва

заметное, медленное, но неукротимо нарастающее и нарастающее. Нота зазвучала сильнее. И каждая новая частичка придала ей свой обертона, ритм, синкопу.

- Зазвучала музыка, - тихо добавил Майкл.

- Гармония или музыка сфер, о которой говорили, но которую так и не понимали древнегреческие философы, - сказала Ипатия. - Звучащие светила Аристотеля. Сопряженные музыкальными интервалами октавы, кварты и целого Солнце, Луна и звезды Пифагора. Майкл, представляешь эллинские музыкальные Пифийские игры в масштабе космоса или же космос, как мировой гармонический хор?

- Зазвучала музыка создания мира, - добавила Лаура. - И не было никакого Большого Взрыва, не было никакого диссонанса в создаваемом гармонией Вечном Повторении.

- Движение нарастало, создавались планеты и созвездия, сонмы звезд поднялись в небо - продолжила Ипатия. - И, наконец, возникло человечество в постоянно повторяющейся пьесе жизни.

- *"All the world's a stage, and all the men and women merely players"*; - улыбнулась Лаура. - "Весь мир - театр, а люди в нем - актеры".

- Создавалась история и цивилизации, - продолжила Ипатия. - И силы притяжения и отталкивания начали уменьшаться в форме той же колеблющейся струны. Они уменьшались и уменьшались, пока не изменились на противоположные. И движение поменяло направление. Началось движение вспять, к своим истокам, к самому началу Вечного Повторения. Сфера мира сжималась, вибрируя, становясь все меньше и меньше, пока не исчезла совсем, затихла музыка, и вместе с ней исчезло и само время. И все началось снова...

- Невероятно, - тихо сказал Майкл.

- Человечество уже начинает понимать, - добавила Лаура, - пока еще немного, самое начало.

- Мысль о Вечном Возвращении придет к нему в августе 1881-го, когда он будет идти через лес вдоль озера Сильваплана и остановится у пирамидального блока из нагроможденных камней, - продолжила Ипатия. - Мысль о том, что каждый повторяет свою жизнь бесконечное число раз без каких-либо изменений. И эта мысль будет настолько противоречить его логике развития мира, что он всегда будет повторять ее шепотом до самого момента своей туринской трагедии.

Лаура взглянула мельком на Ипатию.

- И это не так? - спросил с сомнением в голосе Майкл.

- Это не совсем так, - ответила ему Лаура.

- Майкл, тебе нужно отойти подальше, чтобы пристальнее все рассмотреть, - сказала Ипатия. - Представь, как в пустоте вибрируют другие миры, разноцветные, наполненные музыкой, мерцающие миллионами оттенков сферы.

- Теперь, наверное, от того, что все стало, наконец, ясно, я совершенно ничего не понимаю, - сказал Майкл.

- Все просто и ясно, как часы Палея, - улыбнулась Лаура. – Не замыкайся на своем мире и человечестве. Человечество есть не цель, а всего лишь средство. Ты это уже понимаешь?

- Я же говорю, абсолютно ничего, - ответил Майкл. – Но каким же, все-таки, было первое слово?

- Слова, - поправила его Лаура. - Первыми словами были слова Адама, обращенные к Еве, когда он увидел ее впервые. По крайней мере, в соответствии с *Genesis 2:23*.

- У каждого свой ответ на вопрос святого Томаса, - добавила Ипатия. – “*Utrum veritas sit fortior inter vinum et regem et mulierem?*” – “Что сильнее – власть короля, влияние вина, шарм женщины или сила правды?” Первые слова были обращены к женщине. Да, Майкл, и не увлекайся, пожалуйста, молодым вином.

Ипатия улыбнулась

- Цель разума - вносить возмущения, - продолжила Лаура. - И поэтому в каждом новом Повторении мир отличается от предыдущего. Вспять можно лишь повторить движение, обусловленное физическими силами или законами, но не обусловленное разумом или жизнью.

- И мир возвращается в исходную точку измененным и начинает новое Повторение немножко иным, - добавила Ипатия. - И эти изменения усиливаются и усиливаются.

- Как это, все-таки, необычно, - удивился Майкл.

- О Вечном Повторении написано в Упанишадах входящих в Веды, - сказала Ипатия.

- У Геделя есть интересная работа по общей теории относительности, - добавила Лаура. - Из его решения уравнений Эйнштейна следует, что Вселенная может иметь структуру, в которой время движется по кольцу. Гедель сделал заключение о возможности путешествий во времени. Реально же это математическая основа Вечных Повторений. Интересно еще учение Эпикура, этого мудреца с острова Самос, написавшим около трехсот книг, учение о бесконечном числе миров, появившихся в результате столкновения атомов.

- Иными словами, каждый человек снова вернется в мир, и жизнь его повторится? – спросил Майкл.

- Пока изменения, вносимые разумом, столь незначительны, что их трудно заметить в каждом новом Повторении, - улыбнулась Лаура. – Разум есть столь ценное создание, что было бы неразумно его уничтожать. Но самое интересное, у некоторых людей уже появились интересные особенности, которые закрепляются в каждом новом Повторении.

- Только бы люди не стремились уйти из этого мира в другой, - улыбнулась Ипатия. - С их точки зрения, лучший.

Лаура посмотрела загадочно на Майкла.

- Какие особенности? – спросил Майкл.

Лаура немножко помолчала, не отрывая взгляда от Майкла, и добавила:

- Я просто не тороплюсь отвечать, Такое чудесное ожидание чуда.

Она дотронулась до его руки и сказала:

- Человек это не *tabula rasa*, чистая доска, на которой жизнь делает свои заметки. Майкл, ты помнишь свое прошлое из прошлых Повторений. Можешь называть это интуицией, *déjà vu*, но это чувство у тебя основывается не на неосознанном просчете будущего на основе имеющихся фактов, а на памяти прошлого.

- *Perpetuum vestigium* – вечный след Повторений, - добавила Ипатия.

- Человечество должно вспомнить себя, - тихо сказал Майкл.

- Я думаю, да, - согласилась Лаура. – Хотя определенно, никто ничего определенного не может сказать по этому поводу. Человечество должно вспомнить себя из прошлых Повторений. Что произойдет после этого, будет как ваш *Big Bang*, Большой Взрыв при создании мира.

- Совершенно невероятно, - сказал Майкл.

- Майкл, тебе нужно отойти подальше, чтобы пристальнее все рассмотреть, - улыбнулась Ипатия.

- Так говорила в самолете над ночным океаном Шейла, - тихо сказал Майкл.

- Шейла - чудесная девочка, не понимающая преобразований, которые происходят с ней и с нашим миром, - добавила Лаура.

- Я должен был успеть на самолет, чтобы встретиться с Шейлой? – спросил ее Майкл.

- Да, - ответила Лаура. – “*Amor condusse noi ad una morte*” – “Любовь, что привела нас к смерти”. Майкл, с тобой все совершенно наоборот. Без Шейлы ты погибаешь очень рано в каждом новом Повторении. Она тоже может жить только рядом с тобой.

- Но я же все еще жив, - возразил Майкл.

- Посмотри вокруг, - с улыбкой сказала Лаура.

- Не воспринимай ее всерьез, Майкл, - попросила его Ипатия.

Она перевела взгляд с Майкла на Лауру и задумчиво сказала:

- Одиночество вдвоем. Как чудесно! Что он еще сказал?

- Ты все же о нем думаешь? – спросила ее Лаура.

- Простая химия, - улыбнулась Ипатия. - И все же.

- Я бы не хотела повторять его последних высказываний, - ответила ей Лаура.

- Прошу тебя, - умоляюще попросила Ипатия.

- Ты терзаешь себя совершенно напрасно, - сказала Лаура. – Это не принесет тебе никакой радости.

- Прощу тебя, - снова попросила Ипатия.

- Хорошо, - согласилась Лаура. - *“Если бы женщина была мыслящим созданием, то, конечно, будучи кухаркой в течении тысячелетий, она должна была бы открыть величайшие физиологические факты, а равным образом и овладеть врачебным искусством.”*

- Как чудесно! – сказала Ипатия и счастливо улыбнулась.

Г Л А В А 49

- Вперед, Майкл, - сказала Лаура.

Майкл толкнул высокую под потолок дубовую дверь, и они оказались в огромной серой комнате с высокими забранными решетками окнами. Майкл сделал по инерции шаг и остановился. Сзади в него уткнулась Лаура. Комната была заполнена чавкающими звуками и одетыми в черное с ног до головы монахами. Их было около пятисот. Монахи ели прозрачную похлебку с плавающими в ней кусочками чего-то, что должно бы было быть едой.

- Не останавливайся, Майкл, - попросила Лаура и подтолкнула Майкла.

И они пошли вперед между наклонившими к еде и бросающими исподлобья взгляды монахами.

Лаура шла рядом с Майклом и, поворачивая голову вправо и влево, искала кого-то глазами. Майкл, не останавливаясь, еще раз осмотрелся. Все вокруг были на одно лицо.

- Конечно же, он не может быть здесь, - сказала Лаура. – Он обедает отдельно.

- Кто он? – спросил Майкл.

- Наставник, - ответила Лаура и, поймав недоуменный взгляд Майкла, добавила:

- Они не оставят в покое Ипатию. Ипатия не спешит, поэтому поспешить придется нам, пока ни случилось нечто ужасное.

Майкл и Лаура прошли комнату и оказались в узком коридоре. Царил полумрак, на стенах и потолке колебались отблески пламени свечей, горящих в прикрепленных к стенам светильниках. Сами потолок и стены были закопчены, стоял тяжелый запах плавящегося воска. Майкл и Лаура шли по коротким и длинным коридорам, анфиладам комнат с арочными потолками, поднимались и опускались по деревянным скрипящим лестницам, снова шли по закопченным серым коридорам и внезапно Лаура остановилась.

- Здесь, - сказала она. – Не отставай, Майкл.

Она открыла дверь, и они вошли в комнату. Сидящий за столом человек сразу же поднялся и пошел им наперерез. Судя по простой одежде, это был помощник или секретарь. Лаура выставила вперед руку с открытой ладонью навстречу ему, и он остановился на полпути. В его глазах светился страх. Лаура, не останавливаясь, пересекла комнату, толкнула плечом дверь в стене напротив и вошла в другую комнату. Вместе с ней вошел Майкл.

- Оставайся у двери, Майкл, - попросила Лаура и сделала несколько шагов вперед.

Майкл остановился у двери. В его спину тревожно задышали. Майкл обернулся. Позади него стоял помощник или секретарь. Он преданно смотрел куда-то вперед, за спину Майкла, осторожно выглядывая из-за его плеча. Майкл повернулся вперед. Комната была большой и, в полной традиции с этим заведением, серой. Высоко вверх в правой стене кусочком синего неба светилось маленькое зарешетчатое окно. На стене слева тремя свечами горел грубо скованный из бронзы светильник. У стены, напротив, сидел Наставник, на шатком столике перед ним стояла похлебка. На вид она казалась значительно лучше той, которая была у монахов. Наставник ел. Рядом с ним на полу стоял глиняный кувшин с водой. Не поднимая головы от тарелки, Наставник поднял вверх указательный палец левой руки, делая знак остановиться вошедшим. Лаура остановилась. Прошло несколько секунд. Наставник оторвался от тарелки и поднял к Лауре свой взгляд.

- Кто ты, дитя мое, вернувшееся в лоно? – спросил он бархатным голосом.

- Ты отлично знаешь, кто я, - ответила Лаура. – И я не твое дитя.

Наставник махнул в воздухе двумя пальцами правой руки, приказывая помощнику удалиться. Помощник, пятясь спиной, с таким же преданным взглядом в глазах, покинул комнату. Майкл закрыл дверь и оперся на нее спиной.

- Лаура, - сказал Наставник удивленным голосом, как будто бы он только что ее узнал. – Что привело тебя сюда, заблудшая овца?

- Овца? – с иронией в голосе переспросила Лаура. - Я видела твое стадо. У них сейчас трапеза. Загнать людей в подобное состояние, как и согнать их в подобное стадо, возможно только одним путем, создав им единственный идеал, к которому они и должны стремиться. Поэтому вы и уничтожаете греческих богов, вдохновляющих свободомыслие, многообразие мнений и свободу выбора каждым своего идеала.

- Ты не понимаешь или не видишь, - возразил Наставник. - Мы несем покой в души людей.

- Внутренний покой, который несет ваша религия, определяется лишь тишиной и спокойствием в вашей церкви, неподвижностью человека во время службы, монотонным чтением молитвы, монотонными движениями священника, перебором четок, успокаивающим хором, медленным ритмом свечей, успокаивающим низким голосом музыки, - сказала Лаура. – Сон для мозга в течение дня.

- Если ты не веришь, доверяешь ли ты мне, наконец, быть наставником в твоей жизни? – спросил Наставник.

Лаура хотела что-то ответить, но сдержалась. Она тихо вздохнула и сказала:

- Наставник, я прошу тебя не трогать Ипатию.

- Ты заблуждаешься, дитя мое, - сказал Наставник. – Мы не трогаем людей, но наставляем на путь заблудших.

- И, тем не менее, - сказала Лаура.

Наставник внимательно осмотрел ее с головы до ног.

- Есть ли у тебя какие-либо доводы? – усмехнувшись, спросил он. - И я поменяю свое решение.

- Она такое же человеческое существо, как и все вокруг, - сказала Лаура.

- И да, и нет, - возразил Наставник. – Нельзя пить из одного родника с мутящими воду его. Дальше.

- Она создана, как и все, Создателем и только Ему решать вопрос о ее жизни, - добавила тихо Лаура.

Она уже поняла, что проиграла.

- Или его заместникам на земле, - возразил Наставник. – Конечно же, она была создана Создателем, но пока в нее не вселился дьявол. Жить или нет? Создатель бывает иногда слишком занят, чтобы решать подобные проблемы. У тебя остались еще доводы? Иначе, иди, и я благословлю тебя.

Наставник улыбнулся и бросил короткий взгляд на свою похлебку.

- Последний довод, - сказала тихо Лаура.

- Да, - откликнулся Наставник с полным вниманием в своем бархатном голосе. – Но помни, что твоя душа бродит еще в потемках.

- Хорошо, - согласилась Лаура.

Она изящно согнула в колене свою правую ногу, поставив ее на пол на кончики пальцев, изящно прогнулась назад, как красивая кошка и, развернувшись на левой ноге, ударила правой в голову Наставника. Удар пришелся в лоб. Туловище Наставника качнулось назад, его голова ударилась о стену и отлетела вперед. Эхо гулко отразилось от пустых стен. Наставник упал головой в похлебку. Шаткий столик от удара распался, и Наставник оказался на полу. С пола медленно поднялась пыль. Наставник лежал лицом вниз и не подавал никаких признаков жизни.

Майкл сделал шаг вперед. Лаура, стоя к нему спиной, предупреждающе подняла правую руку и попросила:

- Пожалуйста, оставайся у двери.

Она медленно повернулась к Майклу, улыбнулась ему и добавила:

- А ты говорил, у меня неподобающая для данной эпохи одежда. Смотри, какая удобная, особенно для последнего довода.

Майкл улыбнулся ей в ответ. Лаура присела, осторожно потерла ладонью ступню правой ноги и добавила:

- Больно.

Она поднялась, взглянула на лежащего Наставнику и добавила:

- Теперь его душа бродит в потемках.

В дверь осторожно заскреблись.

- Наставник, все ли в порядке? – спросил испуганным голосом его помощник из-за двери.

- Сейчас посмотрим, - сказала Лаура Майклу.

Она взяла с пола глиняный кувшин и начала лить воду на голову Наставнику.

Наставник что-то невнятно пробормотал.

- В абсолютном, - ответил Майкл помощнику. Он придавил дверь плечом, закрыл ее на бронзовую задвижку и повернулся к Лауре.

Лаура стояла неподвижно, с ожиданием смотря вниз. Наставник сделал попытку подняться. Лаура придавила ступней ноги его голову к полу и сказала:

- Запомни, я вернусь и тебе не больше жить, если кто-либо коснется хоть пальцем Ипатии. Как тебе мой последний довод?

Наставник что-то пробормотал.

- Повтори, - приказала Лаура.

- Никто не коснется пальцем Ипатии, - громко сказал Наставник. – Клянусь.

- Хорошо, - сказала Лаура.

Она убрала ногу с головы Наставника.

В дверь раздались удары, дверь прогибалась, но бронзовая задвижка еще сдерживала натиск. По ее виду и по энтузиазму помощника можно было сказать, что задвижка не проживет очень долго.

Лаура сделала несколько шагов по направлению Майклу и остановилось.

- Майкл, открой, пожалуйста, дверь, - попросила она, - пока они не собрались здесь все вместе.

Майкл попробовал открыть задвижку. Задвижка не поддавалась. Майкл прижал плечом дверь, открыл задвижку и сделал шаг назад. Дверь от очередного удара распахнулась. Помощник по инерции головой вперед влетел в комнату. Лаура, широко размахнувшись, ударила навстречу кувшином по его голове. Два движения встретились в одной точке. Глиняный кувшин разлетелся на осколки. Помощник остановился, его глаза закатились, и он осел, как подорванная осадная башня, на пол.

Лаура посмотрела на два лежащих тела, бросила на пол глиняную ручку от кувшина и сказала:

- Должна была быть троица.

Она огляделась вокруг и добавила:

- И снова нужна вода.

Воды под рукой не было. Майкл вышел в комнату помощника и вернулся с новым глиняным кувшином воды в одной руке и одетым в черное монахом – в другой. Он вел впереди себя монаха, держа его за ворот, монах испуганно верещал.

- Я же помню, была троица, - сказал Лаура.

Майкл посадил монаха на пол у двери и протянул ему глиняный кувшин с водой. Монах взял кувшин, сделал глоток, успокоился и затих. Позади неожиданно вскрикнула Лаура. Майкл быстро обернулся. Обстановка в комнате уже изменилась. Лаура бежала к Майклу и ее глаза были испуганны. За ней, расставив в стороны руки и наклонив вперед голову, гнался Наставник. Его глаза были налиты кровью. Лаура заскочила за Майкла и прижалась к его спине. Майкл, не задумываясь, отклонился с линии атаки и, коротко размахнувшись, ударил кулаком навстречу в голову Наставнику. Наставник остановился, его колени подкосились, и он упал головой вперед.

- Готов? – с надеждой в голосе спросила Лаура из-за спины Майкла.

- Готов, - подтвердил Майкл.

Лаура медленно вышла из-за его спины и сказала:

- И снова нужна вода. Чтобы делала без тебя беззащитная женщина?

- Беззащитная женщина, - с иронией в голосе повторил Майкл.

Он повернулся к монаху и попытался забрать кувшин из его рук. Монах не отдавал. Майкл потянул сильнее и забрал кувшин.

- Я тебе его верну, - пообещал Майкл.

Он отдал кувшин Лауре, повернулся к монаху и добавил:

- Если, конечно, никто больше не явится.

Монах испуганно кивнул головой, соглашаясь, но ничего не понимая.

Майкл повернулся к Лауре. Лаура снова лила воду на голову Наставнику.

- Ну и крепкие же у них головы, - сказала она Майклу.

Наставник зашевелился и приподнял голову.

- Помнишь, что ты мне обещал? – спросила Лаура.

- Ипатия, - сказал неслушающимся языком Наставник. - Ни волосок с головы, не коснемся и пальцем...

- Правильно, - сказала Лаура. - Пойдем, Майкл.

Они вместе подошли к двери и Лаура отдала кувшин с оставшейся водой сидящему на полу монаху.

- Да, - сказала она и повернулась к Наставнику. – Ты обещал меня благословить.

Наставник, лежа головой вперед, не отрывая лица от пола, поднял согнутую в локте правую руку с открытой ладонью навстречу Лауре.

- Спасибо, - сказала Лаура. – *Suum cuique* – Каждому свое. Пойдем, Майкл. Их нота истории, к сожалению, затянулась.

Они прошли пустую комнату помощника, миновали короткий темный коридор, вышли из здания и оказались в лесу.

Стояла ночь. Майкл шел на полшага впереди Лауры, отклоняя переплетенные ветки деревьев и кустарников рукой, иногда налегая на них всем телом, открывая дорогу Лауре. Ощеряясь, уступали дорогу и уходили в темноту сливающиеся с лесом звери. Лес вокруг стоял черный, страшный и мрачный, было совершенно темно, и даже свет полной луны не мог пробиться сквозь переплетение его ветвей.

- Только не волнуйся, - сказал Майкл, обернувшись, вполголоса Лауре. - Все будет хорошо.

- Все будет хорошо, - тихо откликнулся Лаура. - Если бы я только знала, что такое хорошо.

- Подожди, - внезапно сказал Майкл и остановился.

Лаура замерла, ничего не говоря. Она тихо стояла, прижавшись Майклу.

Мир вокруг казался зыбким и нереальным, несущим смутные воспоминания промелькнувших фантомов и ушедших в никуда грез. И, казалось, любое движение разрушит его, и он уйдет, исчезнет, канув в небытие, навсегда. Огромный лес тянулся к темному небу переплетением черных ветвей, в которых запуталась полная луна. Лес роптал, и, казалось, обрывки смутных отголосков прошлого наполняли его от переплетенных узлами корней вплоть до черных и колючих крон.

Майкл оглянулся, и ему показалось, что где-то слева от них сквозь стволы деревьев брезжит неяркий холодный свет, напоминающий голубое свечение в океане, ночью, на большой глубине.

- Идем, - снова сказал Майкл, повернувшись по направлению света влево. - Я вижу свет.

- Как будто бы в начале сотворение мира, - улыбнулась Лаура.

Она взяла Майкла за руку и, посмотрев в его глаза, сказала:

- Я же говорила, не надо было тебе рвать яблоко с дерева познания добра и зла.

- Ты же говорила, инжир, - возразил ей Майкл.

- Ну, хорошо, не надо было тебе рвать инжир с дерева познания добра и зла, - повторила Лаура. – Хотя в нашем случае это было яблоко.

- Ты же просила сорвать, - продолжал настаивать на своем Майкл.

- Майкл, ты меня окончательно запутал и заблудил, - сказала Лаура. - Где твой свет?

- Идем, - сказал Майкл. - Будет тебе свет.

- Да будет свет? – переспросила Лаура и улыбнулась.

- Да, будет, - ответил ей Майкл, и они снова начали продираться сквозь стоящий вокруг них лес.

Свечение то усиливалось, то ослабевало, иногда оно исчезало, но снова появлялось и вдруг, внезапно, пошел снег. Он падал огромными хлопьями откуда-то сверху, из совершенно невидимого из-за переплетения ветвей неба, и каждая снежинка находила свой странный, извилистый путь вниз, находила, чтобы упасть и растаять в мягких руках зеленой травы. Становилось холодно. Майкл почувствовал, что он начинает замерзать и вдруг внезапно перед ними открылась освещенная полной луной поляна, совершенно круглая поляна, окруженная стеной неподвижно стоящих черных деревьев, над которыми и висела полная луна. На поляне стоял человек, мужчина, воин. Он стоял, опустив низко голову, опираясь на рукоятку воткнутого в землю с оплавленным лезвием меча, и что-то тихо сам себе говорил.

Его голова в тяжелом шлеме, склепанном из трех согнутых металлических полос с изображениями священного вепря, была низко опущена, левая сторона шеи была разорвана, но кровь уже запеклась на его шее, плечах, руках и груди. И сам воин, и все вокруг него, казалось неподвижным, и даже лес отступил в темноту, оставив ему одному залитую лунным светом поляну. И только тихо падал из безоблачного неба белый снег.

Майкл хотел сделать шаг, но Лаура остановила его рукой и тихо сказала:

- Только не дотрагивайся до меча. Меч священен и даже имеет свое собственное имя.

Воин медленно поднял голову и сказал:

- Лаура.

Лаура сделала несколько шагов вперед. Майкл последовал за ней. Она протянула воину скомканный кусочек материи, наверное, платок. Воин прикоснулся им к ране на шее, посмотрел на него и сказал:

- Все прошло.

- Ненавижу, - неожиданно громко, во весь голос, сказала Лаура. - Ненавижу насилие, войну и кровь.

Воин усмехнулся:

- Война священна, - возразил он. - Она дает человеку одно из самых дорогих, что он только имеет - врагов.

- Ненавижу врагов, - тихо откликнулась Лаура.

- Врагов нужно любить, - твердо сказал воин. - Их нужно любить и уважать. Величие врага и создало человека.

- Ты помнишь Гренделя?- спросила его Лаура.

- Я помню и тоскую о нем. - ответил воин.

- Зачем же ты убил его? - спросила Лаура.

- Я боролся с ним. Он умер потому, что не смог противостоять, - ответил воин.

- Ты ненавидел его, - утвердительно сказала Лаура.

- Я любил его, как и всех своих врагов, - сказал воин и внезапно спросил:

- У тебя есть враги, Майкл?

- Да, и много, - ответил Майкл. - И стоят они между нами и будущим.

- Будущего не существует, если нет врагов, - сказал воин. – Оно живет лишь в нашей голове.

Воин протянул руку, и Майкл пожал ее.

- Я ненавижу вас обоих, - сказала Лаура.

- Ты еще можешь, к сожалению, его спасти, - сказал ей воин. – Меня же, к счастью, уже нет.

Он внезапно покачнулся, но устоял, опираясь на рукоятку воткнутого в землю меча.

- Тебе страшно? – спросила его Лаура.

- Только не с ним, - воин вытащил из земли свой меч и вытер его лезвие.

- Еще ребенком, - сказал, задумчиво улыбнувшись, он. - Я плавал в море, с мечом в руках, чтобы сражаться с китами. И теперь...

И он замолчал.

- И теперь, - откликнулась Лаура.

- И теперь я убил свое последнее чудовище, и мне осталось только умереть, - сказал воин.

Г Л А В А 5 0

Наступал рассвет, и Майкл с Лаурой поднимались все выше и выше в горы. Здесь уже не было слышно шумящей внизу в ущелье реки, воздух вокруг был чист и прозрачен, и небо было совсем рядом.

- Как на вершине мира, - сказал Майкл.

- Человечество очень заносчиво, - устало откликнулась Лаура. - Я не знаю другого человечества более заносчивого, чем ваше.

Они остановились на крошечном уступе скалы, висящем над облаками и бездной. Тропинка уходила дальше от края пропасти и вела куда-то в расщелину, в темноту. Майкл глубоко вздохнул холодный, горный воздух и почувствовал, как исчезают усталость, боль и одиночество. Он почувствовал как огромное бремя стремлений, создаваемое миллионами лет эволюции, исчезло. И вместе с ним исчезли такие понятия, как любовь, ненависть, привязанность, дружба, тепло, холод, добро, зло, страх, голод, радость, удовольствие и счастье. Все они исчезли, сделав Майкла абсолютно свободным в открывающемся впереди невообразимо новом мире. И

последний шаг не давала сделать только появившаяся в душе Майкла пустота. Теперь он мог совершить и свершить абсолютно все, о чем мечтал или к чему стремился, но он больше ничего не желал и больше ничего не хотел.

- Майкл, это и есть то, куда вы все так стремитесь, - сказала Лаура. - Ты в преддверии, *limbo*, перед пропастью, наполненной облаками. Ты, наконец, поднялся над человеком и человечеством в чистый и морозный воздух, поднялся над всеми болями, страхами, стремлениями и желаниями, последняя ступень лестницы в небо. И ты, наконец, стал свободен, абсолютно свободен, и можешь теперь идти вперед, и ничего не будет более довлеть и управлять. Что ты чувствуешь сейчас, Майкл?

Майкл стоял и молчал, не в силах произнести ни слова.

- Ты что-нибудь чувствуешь, Майкл? – снова спросила Лаура.

- Абсолютную свободу, - ответил Майкл. – Возможность все свершить, силу, и... пустоту. Пустоту, как пропасть.

- Майкл, ты стремился туда, откуда я постоянно бежала, - сказала Лаура. – И еще. Ты еще слишком силен, чтобы идти дальше в горы.

Майкл посмотрел в глаза Лауры. Лаура осторожно дотронулась губами к его губам. Она посмотрела в глаза Майкла и, грустно улыбнувшись, сказала:

- "*L'amor che move il sole e l'altre stele*" – "Любовь, что звездами и нашим Солнцем правит".

Перед Майклом стояла Шейла, девочка из ночного самолета. Она стояла, ничего не говоря, и смотрела в глаза Майкла. Майкл осторожно дотронулся рукой до ее волос. Лаура положила руки на грудь Майкла и очень мягко толкнула его в пропасть. Майкл падал в морозном горном воздухе в бездну, к шумящей в ущелье реке, глядя в ночное небо. Падение казалось бесконечно долгим, звезды тускнели и тускнели, пока их не поглотила темнота.

Г Л А В А 5 1

Лаура медленно шла по Собору Святого Патрика. Она шла к его Великому Алтарю, и ее путь был освещен выкрашенными мозаичными окнами лунным светом. Высокий худощавый парень, одетый во все черное, с длинными белыми волосами, отделился от стены собора и пошел навстречу Лауре.

- Лаура, - сказал он.

Его голос отозвался эхом от пустых стен.

- Ник, - ответила Лаура.

Ник остановился перед Лаурой. Он стоял на ее пути, не давая ей идти дальше, и его черное одеяние поглощало весь падающий на него окрашенный мозаичными окнами свет.

- И я снова не могу войти во Врата Храма? – спросила Лаура.

- Ибо ты так же не веришь, - ответил Ник.

- Всегда и все ассоциировалось у меня с чем-то, - сказала Лаура. – Добро со светом, зло с тьмой. Сейчас же утро. И нет ни света, ни тьмы. И все встречается вместе.

Ник ничего не ответил.

- Вера лежит между познанием и игнорированием, - добавила Лаура.

- Платон. “Республика” Платона, - сказал Ник.

- Да, точно, - согласилась Лаура. - И часто я тяготею именно к игнорированию. Ибо вера порождает иллюзии, впрочем, как и иллюзии порождают веру. И не игнорирование ли является неотъемлемой частью познания?

- Ты совершенно права, - возразил Ник. - Вера предвосхищает знания, дает им направление. Знание, в общем-то, и есть дошедшая до истины вера. Поэтому вера, которую ты отрицаешь, и есть первая ступень познания. Что ты, Лаура, можешь противопоставить, веря в сознание человека и отрицая веру? Теорию Большого Взрыва происхождения Вселенной? Тебе не смешно? Теорию, которая базируется в основном на вере, да еще и на маленькой толике ложно трактуемых фактов. И только потому, что в нашей части космоса созвездия разлетаются? Но ведь ты знаешь, это зависит только от точки зрения. То, немногое, чем располагает современная наука, и приближает ее, скорее, к вере, а не к знанию. Все вокруг же нас имеет свою причину...

- Да, да, да, конечно, - нетерпеливо перебила его Лаура. - *Lux rationis*, свет рациональности, вложенный Создателем в каждое создание, или, скорее, набожным Декартом в чертовски сложный для его понимания лежащий вокруг прекрасный до необъяснимости мир. Все получило от Создателя свою причину и цель.

- Лаура, - умоляюще сказал Ник. - Пожалуйста!

- Я опять что-то не то сказала? – спросила Лаура.

Она на секунду задумалось, и, подняв вверх глаза и сложив перед собой, как будто молясь, вместе ладони, произнесла:

- Прости меня, я имела в виду “в божественно сложный для его понимания мир”.

- Лаура, - умоляюще попросил ее снова Ник. - Пожалуйста!

- Прости меня, Ник, - сказала Лаура. - А ваше продолжение жизни после смерти в спиритуальной форме? Как это глупо. Это понятно даже вам.

- Да, конечно, - согласился Ник. - Но, к сожалению, не готовы еще они к восприятию действительной истины. Что ты можешь предложить в замен? Идеи, на которых зиждется наша вера, и есть слепки именно их впечатлений, любви, ненависти, желаний, амбиций, алчности, великодушия, тщеславия, надежд, ожиданий, страха и безрассудства. Именно их... Вы пришли слишком рано.

- Скорее, поздно, - возразила Лаура. - *Verba volant, scripta manent* - Произнесенное - забудется, написанное - останется на века. Вы уже создали страшный, как страшный суд, иллюзорный мир. Ибо в нем вера управляет волей.

- Да, но только чтобы дать человечеству направление развития, - сказал Ник. - И чем выше будет развитие, тем менее вера будет влиять на волю человека.

- От веры к свободе воли? – уточнила, улыбнувшись, Лаура.

- Именно так, - согласился Ник. - Помни, что поставить человека на колени в ортодоксальной церкви и было единственным способом в те времена внести какой-то порядок в практически неуправляемую массу людей, с трудом концентрирующуюся на чем-либо. Это и было единственным способом донести до них идею, а им - сделать следующий шаг в своем развитии.

- Поставить человека на колени, чтобы сделать в развитии человечества следующий шаг? - уточнила Лаура. - Что может быть более ортодоксальным, чем ваша ортодоксальная вера?

- Всегда легко иронизировать, ничего не делая, - сказал Ник.

- Нет, напротив, - возразила Лаура. – Это очень тяжело и даже больно. От всего этого остается какое-то ощущение ненужности, темноты и одиночества. Ник, я понимаю, каждый поступок определяется в той или иной мере как необходимостью объективных факторов, так и свободой воли. Что же движет вами, имеющими абсолютную свободу и непонятную никому необходимость?

- Зачастую нет никакого другого способа, кроме управления свободой воли людей, чтобы приблизиться к результату, - объяснил Ник.

- Догмами? - уточнила Лаура. - Что может быть более ортодоксальным?

- Что может быть ортодоксальнее данного нам мира? - спросил ее Ник.

- Выбранного вами мира, - уточнила Лаура.

- Какая может быть свобода выбора? - спросил Ник. - Впрочем, как и свобода воли. Нас просто бросили здесь, павших ангелов мира, который так и не удалось создать идеальным. Или, хотя бы, счастливым.

Ник взволнованно замолчал. И Лаура, пытаясь его успокоить, осторожно дотронулась кончиками пальцев до его плеча.

- И если вы отрицаете догмы, как божественный свет, освещающий путь человечества, что вы можете дать им взамен? - спросил Ник.

- Только дух божественной неудовлетворенности, - ответила Лаура. - Дух стремления к совершенству.

- И *ipso facto*, в силу этого факта, еще больший хаос, - уточнил Ник.

- Но зато, какое развитие и движение в отличие от сна догм, - возразила Лаура. - Иллюзии же всегда комфортны, они, также, привлекательны и опасны. Именно то, что зачастую и ищет человек.

- И все же ты здесь, - сказал Ник. - Что ищешь ты? Значит, все-таки, и вы не все можете.

- Я пришла просить тебя о Майкле, о частичке вашего мира, - ответила Лаура.

Она замолчала, понимая, что если сейчас ничего не получится, у нее уже не будет больше никакого способа вернуть Майкла к жизни в его мире.

Собор стоял вокруг них темный и пустой и в нем жили только колеблющиеся огоньки в невысоких светильниках свечей и осколки оставшегося из прошлого эха.

- Хорошо, - неожиданно согласился Ник. - Ответь только на один вопрос. Что движет сейчас тобой, свобода или необходимость?

- Ни то, ни другое, - ответила, счастливо улыбнувшись, Лаура. - Нечто более важное, стоящее над этими понятиями, по сравнению с которым, они кажутся совершенно незначительными и даже ничего не определяющими.

- Даже так? – улыбнулся ей в ответ Ник.

- Настолько незначительными, что они становятся даже неинтересными, - продолжила Лаура.

- И это? – спросил ее Ник.

- Любовь,- ответила Лаура. – Просто любовь.

Ник задумчиво посмотрел на Лауру. Повисла пауза, наступила тишина, и был слышен только треск горевших свечей. Внезапно Ник сделал шаг вперед и обнял Лауру. Лаура положила голову на его плечо и улыбнулась. Они так и стояли, ничего не говоря, и затем Ник, сделав шаг назад, стал снова прежним Ником.

- Это так необычно, - сказала Лаура. - Чем я заслужила такое?

- Ты подарила мне нечто сегодняшней ночью, - ответил Ник. - И я никогда тебе не скажу, что именно.

Г Л А В А 5 2

Майкл снова был в самолете с Шейлой, над ночным океаном после чудесной наполненной музыкой вальсов и запахом кофе Вены.

Лаура наклонилась к Майклу и положила холодную ладонь на его голову. Боль отступила, и мир снова начал растворяться. Майкл засыпал.

- Поцелуй меня, когда я усну, - сказала над океаном Шейла.

Г Л А В А 5 3

Майкл открыл глаза. Стоял теплый солнечный день, тени листья шевелились на белых стенах просторной комнаты и маленькие тени птиц металась между ними. Комната была уставлена медицинскими приборами с зелеными и синими пульсирующими кривыми на экранах дисплеев. На пороге стояла девушка в одежде медицинской сестры. Майкл еще раз обвел глазами комнату и тихо спросил:

- Где я?

- Здравствуй, Майкл. Добро пожаловать в Италию, - ответила с мягким европейским акцентом девушка.

- В Италию? – непонимающе спросил Майкл.

- В Неаполь, в госпиталь *Navu*. Тони с утра ожидает встречи с тобой, - ответила девушка и, приоткрыв дверь, тихонько выскользнула из палаты.

- Тони?- спросил ее вдогонку Майкл.

Через некоторое время на пороге появился высокий худощавый черноволосый парень с темными глазами в светлой просторной одежде, куртке и брюках, со стетоскопом в руках. Он начал говорить прямо с порога, без малейших пауз, как будто бы выплескивая все накопленное, точнее, наболевшее, без всяких вступлений и доводов:

- Вы, ненормальные американцы, лезущие на рожон, превращающие не только свою, но и мою жизнь в кромешный ад, *inferno*.

- Нашу, - поправила его девушка.

- В сплошной ад всеми нашими сверхурочными часами, - продолжил парень. - Если вы так же в Америке боретесь с проблемой занятости, то это безрассудно. *Bravissimo!* Великая страна, даже две, включая нашу, никак не успокоятся в бесполезной попытке сделать мир лучше, зная, что другим именно для этого нужно, совершенно не желая их самих спросить. О чем я говорил? Да, вы, безрассудные американцы, лезущие на рожон и превращающие мою жизнь в ад.

- Нашу, - снова поправила его девушка.

Майкл вопросительно на нее посмотрел.

- Инга, - подсказал Тони.

- Инга, - спросил ее Майкл, - как насчет билета на самолет в Америку?

- Нет, нет, нет и нет! – возразил Тони. - Теперь ты в наших руках.

Инга улыбнулась.

- Что теперь? – спросил ее непонимающе Тони.

- Наконец-то он сказал “наших”, - пояснила Инга Майклу.

- И в знак признательности, - продолжил Тони, - ты должен помочь мне манкировать обязанностями, проводя рабочее время с тобой. Через пару недель, как только администрация госпиталя начнет это понимать, я тебя выпишу и мы отправимся в чудесный итальянский ресторан вдвоем...

- Втроем, - поправила его Инга.

- Втроем, - согласился Тони.

- Как чудесно звучит, - сказал Майкл.

Они стояли перед ним, улыбаясь, в круге солнечного света, Тони и Инга, ребята, с которыми Майкл только что познакомился, но которых он как будто бы знал уже тысячу лет.

- *Déjà vu*, - Майкл вспомнил слова Лауры.

Он почувствовал накатившуюся усталость и закрыл глаза. Засыпая, он еще слышал слова Тони:

- Инга, своим бесцеремонным поведением ты совершенно вывела Майкла из себя.

- Абсурд, - ответила Инга. – Какой-то несурзанный культ нападок и обвинений.

- Теперь я должен подумать о мерах воспитательного воздействия, - продолжил Тони, - которые я должен предпринять по отношению к тебе.

Тони, высокий худощавый черноволосый парень, хирург госпиталя *Navu*, переехал в Неаполь пару лет назад из Венеции.

Г Л А В А 54

Несколько лет назад Тони опаздывал в театр. Он шел узкими улицами Венеции, по брусчатой мостовой, из своего госпиталя и пытался анализировать, почему он никогда никуда не приходит вовремя. Оперный театр *Gran Teatro La Fenice* уже стоял перед ним, декорированный в строгом, простом стиле, с гипсовыми пастельных тонов украшениями на своих белых стенах, застывший эмоциональный опыт нескольких поколений.

Театр, как огромный музыкальный инструмент, был построен из дерева, что имело огромное значение для создания его акустики. При постройке театра для различных элементов его структуры применялись только определенные породы деревьев, при этом огромное значение придавалось направлению волокон деревянных балок. В результате, театр звучал, как чудесный музыкальный инструмент.

Тони вошел в оперный театр, и на него обрушилось изобилие и буйство украшений в стиле барокко в его холле.

- Иллюзии Венеции убивает прагматизм, неся гордость и престиж, - подумал Тони. - Что, впрочем, эссенциально, одно и то же.

Тони шел по театру, приглушенно звучала музыка, начался первый акт *La Traviata*. Шаги Тони одиноко звучали в пустом холле театра, отражаясь от стен с фресками и картинами. Не в силах найти сопрано для очень трудной партии Виолетты Валери в этой опере, Верди в начале 50-х 19-го века обратился к *Carlo Marzari*, директору театра *La Fenice*. Либретто оперы было построено на основе произведения Александра Дюма "*La Dame aux Camélias*", "Дама с камелиями" и основывалось на реальной истории реальной женщины *Alphonsine Duplessis*. Сопрано было найдено и именно здесь, в *Gran Teatro La Fenice*, 6 марта 1853 года и состоялась премьера.

Тони вошел в зал и окунулся в волшебство оперы. Виолетта, еще не понимая, что влюбляется, пела, и чистое сопрано поднималось к вершине театра над басовыми тонами оркестра, над голосами виолончелей, альтов и скрипок, все выше и выше. Тони был очарован красотой музыки голоса, все проблемы и мысли отошли в полумрак театра, оставив только его одного и музыку.

Тони пошел вперед по направлению сцены между рядами кресел. В полумраке театра, от самого пола и до потолка, занимая три его стены, в идеальном геометрическом порядке поднимались пять ярусов лож с королевской ложей в самом центре напротив сцены, разрушающей этот идеальный порядок своими громадными размерами и великолепием. Все пять ярусов приглушенно сияли в темноте золотыми инкрустациями на гипсовой лепке в стиле барокко снаружи лож и лучиками света, отраженного от бриллиантов, изнутри.

Тони шел между рядами кресел, а опера жила своей беззаботной веселой жизнью - шла вечеринка в доме Виолетты в Париже. Тихо, шепотом извиняясь и пытаясь как можно меньше беспокоить зрителей, Тони пробрался к своему креслу и сел. Сидящая справа от него девушка вполоборота повернулась к нему, Тони извиняюще улыбнулся, она ответила вежливой улыбкой на самих кончиках губ и повернулась к сцене. Движение, созданное Тони среди зрителей, само собой затихло, впрочем, как и вечеринка на сцене. Гости Виолетты ушли танцевать в другую, невидимую комнату, откуда доносились приглушенные звуки вальса, оставив Виолетту вдвоем с Альфредо.

- *Da molto e' che mi amate?* – спрашивала Виолетта. – Как долго ты влюблен?

- *Ah si', da un anno* – Ах! Больше года, - отвечал ей Альфредо.

Действие подошло к самому прекрасному и эмоциональному моменту. Затих вальс в соседней невидимой комнате, затих шум гостей, и уже не было на всей земле больше никого, кроме Альфредо и Виолетты. И появилась новая музыка, как впервые на земле появилась жизнь или любовь, началась прекрасная ария Альфредо, его признание в любви:

*Un di', felice, eterea,
Mi balenaste innante,
E da quel di' tremante
Vissi d'ignoto amor.
Di quell'amor ch'e' palpito
Dell'universo intero,
Misterioso, altero,
Croce e delizia al cor.*

Звучала прекрасная музыка вместе с голосами Альфредо и Виолетты, музыка, уносящая их в небо любви, с которого позже на землю их спустит своим вопросом Гастон:

- *Ebben? che diavol fate?* – О, дьявол! Что здесь происходит?

Тони тихонечко рассмеялся и девушка, слегка повернув к нему голову, укоризненно посмотрела на него.

- Простите, - сказал ей шепотом Тони. - Я представил Гастона.

Гастон еще не появился на сцене. Опера продолжала жить своей жизнью, и все было впереди: грациозная, изящная, прекрасная, элегантная и лиричная музыка, любовь, *rendezvous*, страсть, счастье, признание, отвержение, отречение, прощальное письмо, разлука, слезы, гордость, дуэль, страдание, покорность, смирение, встреча и снова любовь. На сцене появился Гастон и девушка, сидящая рядом с Тони, тихонечко рассмеялась. Вместе с ней рассмеялся и Тони.

- Простите, - сказали они хором возмущенным, повернувшимся к ним зрителям.

Начался антракт, включился свет, но девушка продолжала сидеть и смотреть на пустую сцену. Она была одета в темно-синее длинное вечернее платье, на ее шее острыми лучиками света светилось кольцо. Лицо девушки излучало энергию, но сейчас она только ждала. Наступила прекрасная пауза, когда можно было ничего не говорить, а лишь чувствовать и ожидать. Они вдвоем не решались нарушить это молчание, наслаждаясь его секундами, как жизнью. И когда, кажется, уже не было никаких сил ожидать дольше, Тони неожиданно спросил:

- *Ebben? che diavol fate?* – О, дьявол! Что здесь происходит?

Девушка рассмеялась, и они одновременно поднялись. Тони представился, у девушки оказалось чудесное, совершенно неитальянское имя Вероника. Они пили в антракте выбранное ею белое вино *Pinot Griss*, вино, созданное из винограда, любящего теплый климат и перемены жизни - переходы из жаркого итальянского дня в прохладную обдуваемую Адриатикой ночь.

- Вино как женщина, - сказала Вероника.

После оперы они шли вместе по узкой брусчатой улице, идущей вдоль обвитых виноградом красных и желтых стен домов с барельефами и геммами, мимо белых колонн, подпирающих уровень вторых этажей, под нависающими балконами с причудливыми чугунными решетками и живыми цветами, мимо стоящих на мостовой каменных ваз с орхидеями и олеандрами. Они шли по узкой улице под узкой полоской черного звездного неба над их головами. Улица привела их к маленькому ресторану отеля *La Fenice Et Des Artistes*, расположенному совершенно неподалеку от оперного театра. Ресторан был расположен на открытом воздухе возле отеля, в маленьком дворике, образованном каменным ограждением от шумящей рядом улицы и стенами стоящих рядом зданий с прикрепленными к ним деревянными диагональными решетками, по которым взбирался вверх виноград, а между зданиями были подвешены прошедших веков фонари. Несколько белых столиков из причудливо гнутого в стиле барокко металла, накрытых зелеными скатертями, и таких же белых стульев с темно-синими сиденьями и спинками были беспорядочно расставлены на каменной мостовой. Людей было немного, что оставляло выбор, и Тони с Вероникой прошли к дальнему столику, стоящему у ниши, образованной длинными во всю высоту первого этажа окнами отеля, в которой уютно расположился небольшой фонтан и вазы с растущими цветами всех оттенков от бледно-розового до пурпурно-красного. На столике горела свеча с вплавленными в ее воск кофейными зернами, наполняя воздух ароматом кофе.

- Люблю этот запах, - сказала, устраиваясь за столиком, Вероника.

- Сегодня пьем красное вино, чтобы не вносить дисгармонию с цветами, - сказал Тони и предложил:

- *Amarone*?

- Нет, для меня это очень крепкое вино, - возразила Вероника. - Лучше уж *Valpolicella*.

Тони заказал *Valpolicella*. Вероника свободно откинулась на спинку стула и спросила:

- Тони, ты не находишь в осени изначальной недосказанности?

- Недосказанности из-за ожидаемого завершения? – спросил Тони.

- Или от ожидаемого зимнего сна, - предположила Вероника. - Хотя Венеция стирает все признаки осени благодаря Адриатике.

- Я очень люблю эту пору года, - сказал Тони. - Осень - продолжение Ренессанса, погружение в грусть в глазах мадонн от ожидания все же случившегося.

- Цвет неба становится другим, длиннее тени, особо ощутимые на ваших узких улочках, - добавила Вероника.

- И дожди... – задумчиво сказал Тони.

- Капли в *Grand Canal*, - продолжила Вероника. - И еще и колеблющиеся в воде купола церкви Святой Марии. Никогда не уеду отсюда.

- Ты кого-нибудь любишь? – неожиданно спросил Тони.

- Скорее образ, который я сама и придумала, - ответила Вероника. - Спасибо тебе за этот чудесный вечер и этот чудесный ресторанчик. Такой уютный. Никогда не была здесь.

Подошедший официант налил в их бокалы красное вино.

- За встречу, - сказал Тони, подняв бокал.

- За встречу, - откликнулась Вероника.

Они чокнулись бокалами и сделали по глотку чудесного красного вина.

- Люблю Венецию, я бы не смогла жить без нее, - задумчиво сказала Вероника. - Жалко только, что Венеция уходит от нас, сантиметр за сантиметром, под воду каждый год...

- Это не совсем так, - возразил Тони. - Да, конечно же, ты права. Но это совершенно не так. Я расскажу тебе историю.

- Хорошо, - согласилась Вероника, удобно устраиваясь и держа бокал в своих ладонях.

- Итак, - начал Тони. - Много-много лет тому назад Атлантида... Нет, это была совершенно другая история.

Вероника улыбнулась.

- Хорошо, - сказал Тони. - Представь себе Венецию середины 15 века. Армия в торжественной форме, священнослужители - в белой, барабаны, пушки, палящие в честь праздника, звон церковных колоколов, дышащая движением толпа людей в праздничных и простых одеждах, люди, волнующиеся и шумящие, люди, пробивающиеся через толпу в стремлении найти себе место получше...

- Я представляю, даже слышу музыку, - сказала Вероника.

- Итак, в Венецианскую Лагуну уходит галера *Bucentaur*, - продолжил Тони. - На носу галеры, над разрезаемым ею буруном воды, фигура Правосудия. 40 весел в едином ритме бьют по воде, знатные люди в ярких одеждах толпятся на средней палубе, а на верхней палубе стоит дож, в красной одежде под венецианским флагом с крылатым львом, символом Святого Марка. Галера останавливается в открытом море, неподалеку от порта Лидо. 40 весел поднимаются над водой, затихает шум людей на средней палубе. Тишина и только вода капает с деревянных весел в воду. Дождь венчает Венецию с морем, бросая в воду золотое кольцо и говоря: "Мы берем тебя в жены, о море, в знак нашей правдивой и постоянной власти над тобой".

- Как романтично, - сказала Вероника.

- С тех пор, Венеция и море – прекрасная пара, - продолжил Тони. - Поэтому они и настолько близки друг к другу. Смотри, как море ласкает Венецию, не отпускает ее от себя, но оно же и сохраняет ее для себя.

- *Viva San Marco!* - сказала Вероника. - Тони, ты придумал для меня такое чудесное окончание к истории.

- Ты вдохновила меня, - уточнил Тони. - Теперь мы можем встречаться здесь и придумывать легенды. Например, завтра.

- Завтра я уезжаю, - сказала грустно Вероника.

- Вероника, *Dite alla giovane* - спросил Тони словами Жермона из Травиаты. – Скажи мне, молодая девушка, что ты подумала, впервые увидев меня?

- *Non sapete quale affetto?* - ответила вопросом на вопрос Вероника словами Виолетты. – Ты не почувствовал, что чувствовала я?

Тони улыбнулся.

Он провел Веронику до ее отеля. В холле отеля Вероника поблагодарила за чудесный вечер, обняла Тони на прощание, поцеловала его в щеку и пошла вверх по лестнице из шлифованного камня, покрытой вдоль всей ее длины красным ковром с причудливыми зелеными и золотыми узорами. Она поднималась выше и выше, высокая тоненькая девушка в длинном вечернем платье и отражающие ее отделанные полированным мрамором стены делали ее фигурку еще тоньше и беззащитнее. Она шла, осторожно касаясь кончиками пальцев деревянных перил, поддерживаемых бронзовыми кронштейнами с островерхушечными наконечниками и гравированными узорами, прикрепленными к мраморным стенам. На самой верхней ступеньке она обернулась и улыбнулась Тони.

Возвращаясь домой, Тони купил в лобби отеля свечу с вплавленными в воск кофейными зернами.

Г Л А В А 55

Прошло несколько дней. Две утренние операции совершенно измотали Тони. Все шло не совсем так, как хотелось, хотя, в начале, все представлялось не совсем сложным и не заслуживающим особого внимания. Тони сидел у себя в кабинете. Перед ним на столе стоял термос с кофе, и лежали сэндвичи, которые он принес, как обычно, из дома. Ему не хотелось ни пить кофе, ни есть сэндвичи, ни идти в кафетерий на ланч, в многоголосую толпу, в шум и обмен новостями и событиями. Тони сидел глубоко в кресле, положив ноги на стол. Ему также не хотелось ни двигаться и ни думать. Солнце в своем ежедневном рутинном движении поднялось к зениту, пробиваясь жарой в комнату сквозь шевелящуюся тенью на стенах листву деревьев.

Дверь кабинета неожиданно открылась и в комнату безо всякого стука, впрочем, как и всегда, ввалился Райли, старый друг по медицинскому факультету, бесследно исчезнувший, впрочем, как и всегда, пару лет назад и не подававший о себе никаких знаков. Огромный и взволнованный, он сразу же заполнил собой всю комнату.

- Тони, где ты пропадаешь? – громко спросил Райли.

- Я пропадаю? – уточнил Тони, скрывая в подоплеке интонации иронию.

- Точно. Наконец-то разыскал тебя, - обрадованным голосом сказал Райли.

- Я здесь же, как обычно, - сказал Тони. - В одном и том же госпитале уже много лет, с того самого дня, как начал работать. Как дела?

- Ужасны, - немедленно ответил, не задумываясь, Райли.

- У тебя? – с недоверием переспросил его Тони.

- У вас, - уточнил Райли.

Он сделал несколько шагов по комнате и повернулся, как будто бы ища, где бы присесть. Все стулья были свободными. Таким же был и диван.

- Почему? – удивился Тони.

- Я прошу прощение за то, что бываю невыносим, но это выше меня, - ответил Райли. – Это, конечно же, не мое дело, тем более, что я здесь посторонний, чтобы высказывать какие-либо претензии либо недовольства, насколько бы они не казались мне необходимыми и неотложными.

Он остановился, как будто бы подискивая нужное слово, и кивнул, соглашаясь с самим собой, головой.

- Я был бы счастлив все изменить и, конечно же, в лучшую для всех сторону, - продолжил он, - но мой статус посетителя абсолютно связывает мои руки и не дает никакой возможности интерференции с вошедшей в открытый конфликт со здравым смыслом окружающей действительностью.

- И все же, что случилось? – непонимающе спросил его Тони.

- У вас в госпитале все медсестры на одно лицо, - ответил Райли.

- В смысле? – уточнил Тони.

- Ты не понимаешь? – вопросом на вопрос ответил Райли. - Одинаковая одежда, одинаковый стиль причесок, краска волос и губной помады, неотличимый друг от друга макияж.

- И? – все также непонимающе сказал Тони.

- У вас что, один салон красоты на всю Венецию? - возмущенно спросил Райли. - В вашем госпитале массовое искусство воплотилось в массовую жизнь. Хорошо, что дело остановилось на тиражировании красоты и не дошло до кубизма.

Тони рассмеялся.

- Что тебя здесь держит? – снова возмущенно спросил Райли. – Все ваши женщины абсолютно одинаковы.

- Это же госпиталь, - сказал Тони.

- Я же и говорю, - подхватил Райли. – Такой простор для фантазии.

- Именно поэтому тебя и не выбирают в наш совет Госпиталя, а вызывают, - сказал, продолжая улыбаться, Тони. – Серьезно, как твоя жизнь?

- Женился, толстею, не теряю духа, - ответил Райли.

- Ты исчез, не оставив ни малейшего намека, куда перебрался работать, - уточнил Тони.

- Встретил замечательную девушку в Неаполе, - сказал Райли. – Высокая, стройная, чудесная, страстная итальянка еще и с примесью ирландской крови. Представляешь?

- Расскажи мне о ее внутреннем мире, - пошутил Тони.

- Зачем такой девушке внутренний мир? – рассмеялся Райли. – Внешний, только внешний. Как сказала госпожа де Ламбер своему сыну - *“Mon ami, ne vous permettez jamais que de folies, qui vous feront grand plaisir”* – “Мой друг, не позволяйте себе ничего, кроме сумасбродств, которые причинят вам большое удовольствие”. В результате перебрался к ней в Неаполь. Теперь работаю там в госпитале американских Navy.

- Кстати, - прервал сам себя Райли. – Не кажусь ли я тебе Катилиной, как вместилищем всех известных пороков?

- Никогда, - твердо ответил Тони. - И как тебе в Неаполе?

- Фантастическое медицинское оборудование плюс ненормальные американцы, лезущие по всему миру на рожон, и попадающие, в конце концов, ко мне, - ответил Райли. - Каждый новый случай не имеет никаких аналогов, это как вызов, справишься на этот раз или нет. Иногда устаю до чертиков, но когда все получается – очень счастлив.

- Счастлив? – переспросил Тони.

- Откровенно говоря, - сказал Райли, - впервые в своей жизни я зарабатываю быстрее, чем трачу.

- Кофе? – предложил Тони.

- Я настолько разволновался, встретив тебя, что, скорее, успокоительного, - сказал, улыбаясь Райли. - Я помню твой кофе. Спасибо. Необходим день, чтобы потом после него успокоиться. Должен бежать, уже опаздываю на встречу с Советом госпиталя, а потом – улетаю из “Марко Поло”.

- Ты как будто бы живешь со связкой восклицательных знаков в руках, чтобы их ставить как отметки жизни на своем пути, - улыбнулся Тони. - Оставь хотя бы телефон.

- Не только телефон, - сказал Райли. - Вот моя визитка с адресом. настолько разволновался встречей с тобой, что даже забыл, зачем я здесь. Никогда не догадаешься.

- Уже сдаюсь, - сказал Тони.

- В моем департаменте вакантно место хирурга. И ни одной светлой головы вокруг. Перебейся к нам, - предложил Райли.

- Я настолько привык к Венеции, что не представляю себе жизнь без нее, - сказал Тони.

- Априорный суждения, - возразил Райли. – Как будто отбываешь в своем госпитале со стетоскопом, как с петлей на шее, пожизненный срок. Время выходить на волю...

- Нет, правда, - сказал Тони. - Даже если куда и поеду, то только в отпуск и только в Лас-Вегас.

- Да, ты прав, это практически рядом с Венецией, - рассмеялся Райли.

Тони загадочно улыбнулся.

- Понял, понял, понял! - вдруг внезапно воскликнул Райли. - Ты останавливаешься в отеле “*The Venetian*”. Хорошо, не отвечай, подумай и звони в любое время. Все телефоны на моей визитке. Надо бежать.

- Хорошо, только, пожалуйста, потише, - попросил Тони. - Ты перебудоражишь всех вокруг. Если тебя услышит кто-нибудь из администрации, нас двоих выставят из госпиталя.

- Надеюсь только на это, - сказал, улыбаясь, Райли. – Новое место работы для тебя уже есть. Хорошо, уже успокаиваюсь. Боялся, что скажешь нет.

- Но я же сказал..., - начал Тони.

- Позвони, - прервал его Райли. - Или ты хочешь, чтобы я снова разволновался? Только бы вырваться сегодня живым из рук вашего госпитального Совета Десяти.

- Если вырвешься живым, - сказал Тони, - приглашаю тебя поужинать вместе в *Da Arturo*, у них, правда, нет твоей любимой морской кухни, но я угощу тебя чудесным стейком. Если же не будешь успевать на самолет, поужинаем в аэропорту.

- Замечательно, - согласился Райли. - И вечером мы начнем наше сафари на женщин.

- По-моему, ты его никогда не заканчивал, - улыбнулся Тони.

- Никогда, - согласился Райли. – Встречаемся вечером. За мной ужин в Неаполе. Не прощаюсь.

И Райли вывалился в коридор, оставив комнату, наполненную от его непрерывных движений маленькими торнадо.

Тони откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Неаполь звучал заманчиво, но оставлять Венецию, все же, не хотелось. Внезапно прозвучал вызов в хирургию и день покатился, как обычно, среди забот и проблем, не оставив времени на ланч.

Тони вернулся в свой офис вечером. Занимающие всю поверхность его стола стопы бумаг, составленные за прошедшую неделю из сваленных безо всякого порядка отчетов, официальных и неофициальных писем, планов операций, заметок, нескольких пришедших резюме, копий протоколов совещаний, запросов других департаментов, пары неоконченных писем и тому подобного требовали тщательной классификации и систематизации, но, к сожалению, именно по этой причине, вся эта работа не могла быть поручена Инге.

- Конечно же, человек был создан из хаоса, - подумал Тони. - Причем это оказалось совершенно легко. Практически ничего не надо было менять.

Тони перешел Рубикон, свалив все бумаги со стола на пол и переступив через них. Он сел за стол в глубокое кресло и положил на стол ноги.

Тони улыбнулся. Теперь его стол был девственно чист, как только что созданный новый и прекрасный мир, ожидающий своего заполнения.

Тони глубоко сидел в кресле в полной тишине после прошедшего сумасшедшего дня, ожидая звонка Райли. Перед ним стоял все тот же термос с кофе и лежали утренние сэндвичи, уже потерявшие всякий смысл перед рестораном *Da Arturo*. Горела одна только настольная лампа, освещающая часть стола, половинку термоса с кофе и свечу с вплавленными в ее воск кофейными зернами, купленными несколько дней назад в лобби отеля. Погруженный в полумрак офис казался уютным и домашним. Все дневные проблемы стерлись ожиданием встречи, приятного вечера и дружеской болтовни обо всем на свете. Исчезла даже усталость.

Внезапно в тишине офиса раздался телефонный звонок. Тони от неожиданности вздрогнул и поднял трубку.

- Привет, Тони, - сказала Вероника.

- Вероника, - как эхо откликнулся Тони. - Очень рад услышать твой голос. Где ты?

- Я в Венеции, в церквушке *Abbazia San Gregorio* неподалеку от собора *Santa Maria della Salute*. Скорее бывшей церкви. Сейчас это лаборатория реставрирования. Я заканчиваю работать минут через тридцать.

- Я знаю, где это - сказал Тони. - Встречаемся у собора Святой Марии, постараюсь не опоздать.

- Не спеши, я буду ждать, - сказала Вероника.

Тони положил в свою сумку термос с сэндвичами и свечу и вышел из госпиталя.

Г Л А В А 56

Вероника уже ждала его у собора Святой Марии, худенькая стройная девушка в белой футболке и заляпанных брызгами разноцветной краски джинсах.

- Привет, - сказал Тони.

- Привет, - ответила Вероника, прижавшись к Тони, и уже тихо, в самое его ухо, шепотом добавила:

- Я дисгармонирую с тобой в своей рабочей одежде.

Она сделала небольшой шаг назад, посмотрела на Тони и сказала:

- Ты выглядишь немножко усталым.

- И голодным, - добавил Тони. – Как я рад тебя видеть.

Он взял Веронику за руку и повел за собой вдоль собора Святой Марии.

- Ты надолго? - с надеждой в голосе спросил Тони.

- На пару дней, - ответила Вероника. - Началась реставрация картины моего художника. Не осталось ни его имени, ни единой с ним истории, только картины.

- Вероника, - предложил Тони. - Давай устроим небольшой пикник здесь, у *Dogana di Mara*, под фигуркой Фортуны, а потом поужинаем вместе в ресторане. Во-первых, это романтично, во-вторых, после сегодняшнего дня без ланча мне уже не дойти до ресторана.

- Я согласна, - согласилась Вероника. - Это будет наш романтический пикник. Сказать по правде, у меня тоже не было ланча. Я провела пару часов полуденного времени в *Gallerie dell'Accademia*.

- Леонардо да Винчи? – спросил Тони.

- Да, - ответила Вероника.

- Звучит так интригующе, - сказал Тони. - Представляешь, Леонардо впервые посетил Венецию в марте 1500 года и с тех пор в Венеции мало что изменилось. Мы видим ее почти такой, как видел Леонардо. Что ты смотрела в Академии?

- Я провела все свое свободное время перед двумя рисунками Леонардо: Витрувианский человек и Три танцующие нимфы.

- *Vitruvius* был древнеримским архитектором? – спросил Тони.

- Да, - ответила Вероника. - У него несколько книг по архитектуре и в одной из них он говорит, что пропорции храмов должны быть подобны пропорциям человеческого тела, как модели совершенства.

- Наверное, именно поэтому Создатель и не оставил нам храмов, но лишь нас самих, - сказал Тони.

- Несомненно, - согласилась Вероника. - Я была восхищена диапазоном изображения совершенства человеческого тела у Леонардо - от академичной строгости

Витрувианского человека до вакханизма Трех танцующих нимф, где жизнелюбие, радость и зов плоти, как вино, плещут из картины через край.

- Три вакханки, ставшие Нимфами Леонардо, - добавил Тони.

- Да, - задумчиво согласилась Вероника.

Тони расстелил куртку на траве, и они сели, окруженные с трех сторон водой Лагуны. Тони достал термос с кофе, налил его в пластиковые стаканчики и развернул сэндвичи.

- Итак, - приглашающе к продолжению разговора сказал Тони.

- Да, - продолжила Вероника. – Ни осталось ничего, кроме картин моего художника. Это было во времена *Quattrocento*, в период перехода с темперной краски на масляную. Темпера, краска на основе яичного белка, прекрасно сохраняющая свои цвета веками, не позволяла выделять оттенки и полутона, картины выглядели плоскими, чрезмерно яркими и неживыми. Художники начали применять масляную краску, позволяющую отображать мир со всеми его тонами и оттенками, но с ней была другая проблема, неправильная смесь - и картины темнели во времени, как, например, некоторые полотна Тициана.

Тони задумчиво смотрел на худенькую девушку, рассказывающую свою историю, солнце уже клонилось к воде.

- Секрет работы масляными красками привез в Венецию из Фландрии Антонелло да Мессина, научившийся ему у учеников Ван Эйка в 1473-м. Наверное, я должна была начать немножко раньше, с того, как Антонелло был потрясен новой фантастической техникой живописи, стоя перед картиной “Триптих Ломеллини” Ян ван Эйка в Неаполе. Однако секрет не просуществовал в Венеции очень долго.

- Венеция есть Венеция, - сказал Тони и улыбнулся. - Люди не могут обойтись без прекрасного.

- Секрет мгновенно был украден другим художником, Джованни Беллини, приходившим “позировать” для своего портрета, - продолжила Вероника.

- Цель оправдывает средства? – спросил Тони.

- Конечно же, нет, - возразила Вероника. - Но каждый раз, стоя перед картиной Джованни Беллини “Праздник богов”, я прощаю его и даже готова позировать вместе с ним в мастерской Антонелло да Мессина.

Тони рассмеялся.

- Мой художник, - продолжила Вероника, - применял какие-то фантастические смеси красок. Почти не осталось его картин, и мы пытаемся сохранить то, что дошло до нашего времени.

Вероника сделала глоточек ароматного кофе и сказала:

- Спасибо. Хорошо, что не эспрессо, никак к нему не привыкну. Почему вы в Венеции предпочитаете только этот кофе?

- Утром мы в основном пьем капучино, - ответил Тони. - А в течение дня уже эспрессо. Даже не знаю почему, наверное, от постоянной нехватки времени или избытка темперамента.

- Да и еще, - продолжила Вероника, - у моего художника есть одна чудесная особенность - на всех его картинах всегда присутствуют две стихии: огонь и вода. Стихию воды он изображал в виде аллегорий: морской конек олицетворял океан, змея – реку, лебедь – озера, ящерицы – ручьи. С огнем же у него связаны саламандры. Две уравновешивающих друг друга стихии.

- Мне кажется, более противостоящих друг другу, – заметил Тони.

- Ну что ты, уравновешивающих, - уточнила Вероника. - Из всех стихий огонь и воздух природно движутся вверх, земля и вода – вниз.

- Как необычно, - сказал Тони. - Огонь и вода. То, что всегда притягивало взор человека. Можно часами смотреть на воду или пламя, забыв о времени. Как я сейчас, совершенно забыл обо всем на свете.

Тони достал и зажег свечу с зернышками кофе внутри.

Вечер пришел в Венецию, принеся полумрак и прохладу ожидаемой ночи после жаркого дня. Тони и Вероника сидели на самом краешке земле под фигуркой Фортуны на *Dogana di Mara*, с трех сторон их окружали воды Лагуны, и горела свеча, маленький колеблющийся светлячок пламени, несущий тепло и уют.

- Обними меня, Тони, - попросила Вероника.

Тони пересел поближе к Веронике и обнял ее. Вероника положила голову на его плечо и внезапно расплакалась. Тони погладил ее по руке и спросил:

- Что-то случилось?

- Нет, Тони, все хорошо, - ответила Вероника. - Спасибо тебе. Просто почувствовала себя одинокой с бесконечными поездками, гостиницами и какой-то неустроенностью. Смотри, во что я превратилась. Глаза красные, тушь потекла...

- Ты просто не встретила никого, с кем тебе было бы интереснее, чем с остальным миром, - сказал Тони.

- Мне кажется, я влюбляюсь, - тихо сказала Вероника.

Она поднялась. Вместе с ней поднялся и Тони.

- Подождешь меня, я должна привести себя в порядок и переодеться, - попросила Вероника. - Да, я остановилась во “Флоре”, небольшом отеле рядом с *Piazza San Marco*, с чудесным садом цветов. Когда я пью в нем утренний кофе, кажется, что сотни разноцветных бабочек опустились на траву в саду и на траву вокруг меня.

- Хорошо, - согласился Тони. - Затем поужинаем в Риалто, я покажу тебе, где прошло мое детство. *Dov'era e com'era* – где это было и как это было.

Г Л А В А 57

Ожидая в отеле Веронику, Тони зашел в бар в ее лобби. Это было скорее кафе, чем бар, хотя и маленький бар примостился здесь же, у стенки в углу. Все места за столиками были заняты и Тони сел за стойку бара слева от человека лет сорока-сорока пяти, пившего холодное белое вино из запотевшего бокала. Больше людей за стойкой не было. Бармен, высокий худой загорелый человек с длинными седыми зачесанными назад волосами, вытирал бокалы, доводя стекло до блеска.

- Действительно, - подумал Тони. – Какая-то мистерия. Почему мы в Венеции не пьем капучино, например, сегодняшним вечером? До сих пор нет ответа на вопрос Вероники.

Бармен испытывающим и в то же время недоверчивым взглядом посмотрел на свет сквозь бокал, подняв его, держась кончиками пальцев за доньшко, он видел его насквозь, впрочем, как и всех людей в кафе и баре, отставил бокал в сторону и повернулся Тони.

- Добрый вечер, - сказал бармен. – Что будете пить?

- Прошло несколько минут, а я уже скучаю по Веронике, - подумал Тони.

Он повернулся на вращающемся высоком стуле к входной двери. Дверь была закрыта, ограждая присутствующих в кафе людей от тревог и волнений лежащего вокруг мира. Полумрак кафе стирал итальянский темперамент, внося устроенность и спокойствие в наступивший вечер. Приглушенный свет подвешенных к потолку светильников играл теплыми оттенками на отделанных дубовыми панелями стенах кафе и пронизывался тонкими яркими лучиками отраженного света от стоящей в противоположной от Тони стороне высокой, отделанной стеклом и металлом, стойки и высоких стеклянных стеллажей с белыми фарфоровыми кофейными чашечками.

- Сэр? – нетерпеливо, хотя и с элементами некоторого ожидания в голосе, сказал бармен.

Тони повернулся на вращающемся высоком стуле к бармену. На бармене были надеты профессиональная улыбка и профессиональная униформа.

- Профессиональное стирает как неожиданное, так и необходимость в недосказанности, - подумал Тони и повернулся на своем вращающемся стуле к входной двери.

- Сэр? – снова повторил бармен.

Тони повернулся к бармену.

- Почему мы в Венеции не пьем капучино, например, сегодняшним вечером? До сих пор нет ответа на вопрос Вероники, - снова подумал он и заказал:

- Капучино, пожалуйста.

Бармен улыбнулся, вздохнул с облегчением и сказал:

- Это не совсем здесь, но это не проблема.

- Девочки, одно капучино, - крикнул он в полумрак кафе.

- Бросил пить, Марио? – откликнулась одна из девочек.

- Очень смешно, - сказал бармен, переключившись снова на бокалы.

- Мне кажется, я влюбляюсь, - сказал вполголоса сам себе Тони.

- Капучино, - сказала тут же одна из подошедших девочек, принеся дымящуюся чашечку с ароматным кофе.

- Спасибо, - сказал Тони.

Он взял тоненькую фарфоровую чашечку и сделал глоток. Капучино оказалось вкусным и могло вполне быть вечерним напитком здесь в Венеции, но что-то, все же, было не так, как будто бы что-то было не совсем на своем месте.

- Эспрессо, пожалуйста, - попросил Тони.

- Девочки, эспрессо, - крикнул бармен в полумрак кафе.

На этот раз девочки ничего не ответили.

- Совсем отбились от рук, - проворчал бармен и, повысив голос, крикнул еще раз:

- Эспрессо!

- *Si, senior*, - хором ответили девочки.

- Я шел этим же путем, - неожиданно сказал человек у стойки бара, сидящий справа от Тони. - Тоже начал с кофе, перебрал массу напитков, но остановился, все же, на белом вине. Ты же...

Он замолчал, прислушиваясь к чему-то или же ожидая чего-то. У незнакомца было лицо средневекового пророка.

- Тони, - подсказал Тони.

- Полли, - представился человек за стойкой бара. - Очень приятно познакомиться.

- Мне тоже, - сказал Тони.

- В Венеции для бизнеса или удовольствия? – спросил Полли.

- Живу я здесь, - ответил Тони.

- Значит, для удовольствия, - подвел итог Полли и продолжил:

- Я тоже начал с кофе. Ты же, Тони, сразу можешь перепрыгнуть все промежуточные стадии. Пользуйся опытом старших. Для этого мы и здесь.

- Эспрессо, - сказала подошедшая девочка с дымящейся маленькой чашечкой кофе.

- Спасибо, - хором откликнулись Полли и Тони.

- Пожалуйста, капучино и эспрессо для Полли, - попросил официантку Тони.

Полли посмотрел на него вопросительно. Затем он так же вопросительно посмотрел на свой бокал вина.

- Это эксперимент, - объяснил Тони. - Можно ли пить капучино вечером?

- Отлично, я участвую, - согласился Полли и добавил:

- И еще, пожалуйста, капучино и эспрессо для нашего бармена за мой счет. Хочу тоже внести лепту в науку.

- Я так и знала, что он бросил пить, - сказала, уходя девочка.

Внезапно зазвонил мобильный телефон Тони. Тони достал телефон и посмотрел на его дисплей. Телефонный номер звонившего был абсолютно неизвестен.

- Я слушаю, - сказал Тони.

- Алло, Тони, это я, Райли, - заорал Райли на другом конце линии. - К сожалению, мы не сможем сегодня встретиться.

- Что-то случилось? – спросил обеспокоенно Тони.

- Не волнуйся, - ответил Райли. – Все в порядке. Встретил потрясающую девушку. Она, в отличие от тебя, всегда говорит “да”. Не спрашивай о ее внутреннем мире. Позвони мне, когда решишься поменять работу, а лучше присоединяйся к нам прямо сейчас.

- Прямо сейчас не могу, - сказал Тони. - Идет научный эксперимент. Не забывай, звони.

- Пока, - ответил Райли.

Бармен оставил бокалы, и троица уселась вокруг принесенного кофе.

- По-моему, и капучино, и эспрессо - превосходны, - сделал заключение после небольшой паузы бармен.

- Мы лишаем тебя права голоса, потому что ты субъективен, ибо человек кафе. Но кофе пробовать разрешаем, - сказал Полли.

Затем он кивнул на вошедших в бар парня и девушку и предложил:

- Подключаем к эксперименту эту парочку.

- Ребята, - пригласил их бармен. - Присоединяйтесь к нам.

- Марио, только снова не ори, - откликнулся голос из полумрака кафе. – Уже несусь два эспрессо и два капучино.

- Я – Марио, это Тони и Полли, - представил всех бармен.

- Антонио и Анна, - представились ребята. - Очень приятно познакомиться. Даже не ожидали такого внимания.

- Ваше кофе, - сказала принесшая на подносе четыре чашечки девочка.

Они посидели еще немножко, наслаждаясь кофе.

- По-моему, капучино превосходно, - сказала Анна.

- А я что говорил, - уточнил бармен.

- А все же вино лучше, - добавил Полли.

- По-моему, я влюбляюсь, - вполголоса сам себе сказал Тони.

- Дело в том, - продолжил Полли, - что все было и все будет, и ничего нет нового в этом мире. Даже в научных экспериментах. Вы просто забыли старую поговорку гондольеров "*cichetti e l'ombra*" - "откусил кусочек и в тенечек", и, конечно же, с бутылкой вина, как это все всегда и делали. Попробуйте это же самое с кофе...

Полли улыбнулся.

- Хорошо, - сказал он. - Всем белое холодное вино за мой счет.

- Это, наконец-то, ко мне, - обрадовался бармен и налил полные бокалы вина.

Полли поднял свой бокал и торжественно произнес:

- За друзей на всем белом свете!

Все приветственно подняли бокалы высоко вверх и сделали по глотку.

Полли посмотрел на свет через свой бокал с вином и продолжил:

- Постоянное осознание всего времени и пространства, масштабов и круговорота жизни вокруг нас. Виноградное зернышко в бесконечности. Пол-оборота штопора, нацеленного в вечность.

Все замерли. Повисла философская пауза.

- Не помню, кто это сказал, - добавил Полли. - Не помню имени и все. Но этот парень, хоть он и был из Рима, в душе оставался добрым венецианцем.

- Тони, что здесь происходит? – спросила, подошедшая Вероника. - Я что-то пропустила?

- По-моему, Тони влюбляется, - ответил Веронике Полли.

- Эспрессо и капучино? – спросили из полумрака кафе.

- Мы уже перешагнули эту ступень, - ответил в темноту Полли.

- Вероника, - выдохнул Тони. - Я так по тебе соскучился.

И, повернувшись ко всем, он добавил:

- Ребята, я вас всех люблю.

- К счастью, совершенно не деревянная Мария, - сказал Полли.

- Спасибо, - ответили девочки из полумрака кафе. - Мы тебя тоже.

- Но покидаю, - добавил Тони. - Все же сначала надо "откусить кусочек".

ГЛАВА 58

Они шли по *calle*, длинной узкой улочке в Риалто, и Тони держал Веронику за руку.

- Здесь и прошло мое детство, - рассказывал Тони. - А самыми яркими впечатлениями были Карнавал и Регата. Но, Регата особенно...

- Никогда не видела, - задумчиво сказала Вероника.

- Расскажи мне о себе, - попросил ее Тони. - Я знаю, что ты родилась в Риме и дальше практически ничего, кроме настоящего. И между ними белая полоса, пустота.

- А что ты думаешь? - спросила Вероника.

- Даже не представляю, - ответил Тони. - Путешествовала, водила несколько лет свой народ по пустыне.

- Совпадают только путешествия, - улыбнулась Вероника. - Все же гораздо прозаичнее. Окончила университет, много путешествую. Сейчас, как перерыв в бесконечном беге. Ты веришь в фатальность судьбы?

- Давай проверим, - предложил Тони. - Совершенно новая теория. По крайней мере, у нас в госпитале. Гадание по книге.

- Тони, ты мой мистагог, но ты точно ничего не путаешь? - спросила, улыбаясь, Вероника. - Кстати, как вы ставите диагнозы в своем госпитале?

Тони рассмеялся.

- Я совершенно ничего не путаю, - сказал он. - Если остановимся у этого лотка с книгами, я тебе все объясню.

- Наверное, эти книги и вдохновили тебя на опыт, - предположила Вероника.

- Именно эти, - согласился Тони. - Итак, подходим?

- Даже страшно, - сказала, останавливаясь, Вероника. - Это первый этап гадания?

- Абсолютно точно, - подтвердил Тони. - Именно этот продавец внушает мне доверие.

- Мне тоже, - согласилась Вероника. - Хорошо, что не ужас.

- Хотя, если он продает книги именно этого жанра, по гаданиям и предсказаниям, - сказал Тони, - прогноз на жизнь будет немножко странноватым. Итак, подходим?

- Хорошо, - согласилась Вероника. - Но для меня это, как пройти первый круг.

Тони улыбнулся. Ребята подошли и остановились у стоящего на улице в тени деревьев лотка с книгами.

- Итак, что у нас здесь, - сказал Тони. - Путешествия, достопримечательности, музеи...

- Тони, ты не находишь, что мы скатываемся в прошлое, а не в будущее? – спросила его Вероника.

- Привет, ребята, - поздоровался подошедший продавец книг, молодой парень студенческого возраста с длинными выгоревшими волосами, в футболке с надписью на латинском *“Lectori salute!”* – “Салют читателю!” и в протертых до дыр джинсах.

- Привет, - отозвались Вероника и Тони, оторвав взгляд от книг.

- Ищете что-то определенное? – спросил парень. – Превосходно знаю все вокруг в радиусе трех метров. Могу помочь.

- Помочь? – переспросил Тони. - Как раз наоборот. Пытаемся найти в твоём упорядоченном мире нечто случайное.

- Случайное? – переспросил парень и посмотрел на них с полным недоумением.

- Гадаем по книгам, - уточнила Вероника.

Парень улыбнулся.

- Удачи, - сказал он, отошел и взял в руки книгу.

- Рецепты. Будущее в этом направлении и так понятно, - продолжил Тони, перебирая книги. - По крайней мере, на сегодняшний вечер. Ага, “Дневники Леонардо”. Давай попробуем.

- Толкователь писем, - улыбнулась Вероника.

- Скорее рекурсивный воссоздатель по прошлому будущего, - уточнил Тони.

- Иногда даже прокурсивный, - рассмеялась Вероника.

Тони сделал серьезное лицо и взял книгу в руки.

- Итак, закрываю глаза, - сказал он, - открываю книгу наугад и читаю первое попавшееся предложение:

- *“Or vedi la sperāza e’l desiderio del ripatriarsi e ritornare nel primo caso fa a similitudine della farfalla al lume”* – “Сейчас вы видите, что надежда и желание вернуться домой к одному из бывших своих состояний подобны полету мотылька на свет”.

- Тони, это скорее о тебе, - сказала Вероника. – Теперь моя очередь. Давай твою книгу.

И она прочитала:

- *“La forza da carestia o douitia è gienerata”* – “Силы вызываются голодом или изобилием”.

- Даже странно, - сказала Вероника.

- О мотыльке? – спросил Тони.

- Нет, о происхождении силы, - ответила Вероника.

- Я думаю, здесь ключевое слово - голод, - пояснил Тони. - Особенно после моих сэндвичей и нашего пикника.

- Напротив, - возразила Вероника. - Пикник получился очень славным. Я никогда его не забуду. Особенно две его стихии.

Г Л А В А 59

- Лимон - это замечательно, - сказала Вероника, выдавливая его кусочек на лобстера. - Никакой приторности и полутонов. Все четко и ясно. Теннисный мячик после длинного рабочего дня, ожидание теплой погоды после дождливой недели, холодный воздух, *Margarita* из мексиканской текилы, когда уже нет ни тенниса, ни работы, а только вечер и впереди выходные, зеленое море прохладным утром, свежее дыхание ветра, шершавая корочка на языке, листики клевера в парке, зеленые осколки лета в октябре, прощание осени, счастье из детства.

Тони задумчиво молчал, глядя на Веронику.

- Какое интересное название блюда - *Antipaste*, - добавила она, читая меню. - Звучит как воззвание или как протест.

- Это в тебе говорит голод, - улыбнулся Тони.

- Каким был твой день, Тони? – спросила Вероника.

- День начался с двух операций, - начал Тони. - Парень и девушка, совсем еще дети, слетели с виража автострады на мотоцикле. Хорошо, что не было отбойника, и вокруг была только трава.

- Все обошлось? – спросила Вероника.

- Уже болтают вместе, - ответил Тони. - Их кровати поставили в одной палате, чтобы они не отправились ночью на поиски друг друга. Шучу! Им еще лежать и лежать. Недели две-три.

- Хорошо, что все обошлось, - сказала Вероника.

- Потом после операций ко мне ввалился мой старый друг по университету и предложил работу в Неаполе, - продолжил Тони.

- Интересную работу? – спросила Вероника.

- Очень интересную, - ответил Тони. - В госпитале американских *Navu*. Фантастическое медицинское оборудование и технологии.

- И ты? - спросила Вероника.

- Отказался, - ответил Тони.

- Почему? – удивилась Вероника.

- Очень не хочется покидать Венецию, - ответил Тони. - Особенно сейчас, когда мы здесь вдвоем.

- Тони, ты должен ехать, - твердо сказала Вероника. - Ты же понимаешь, как тебе будет там лучше и интереснее. Нельзя же застыть на случившемся. Ты же знаешь, это подобно полету мотылька на свет.

- Я даже не знаю, - сказал Тони.

- Не отказывайся. Подумай, - попросила Вероника. - А что за история с деревянными Мариями?

- Это случилось после известного похищения невест, - объяснил Тони.

- Ты имеешь в виду венчание сотни пар дожем *Pietro Candiano III* в церкви *San Pietro di Castello* на острове *Olivolo*? – спросила Вероника.

- Да, - подтвердил Тони. - Венчание, нападение пиратов, похищение невест, погоня, схватка, триумф и ежегодные парады в честь этого события - Фестивали Марий. Ну и иногда не совсем привлекательные итальянки в образе невест, что и дало им название Деревянные Марии.

- Я знала только первую часть истории, - задумчиво сказала Вероника.

- Человечество живет романтикой, - пояснил Тони.

- А в истории остаются только начала историй, - продолжила Вероника.

- Расскажи мне о твоём художнике, - попросил Тони.

- Хорошо, - согласилась Вероника. - При реставрации его картины здесь, в Венеции, под верхним слоем краски мы нашли вторую картину, как парафраз на первую, но написанную в совершенно другом стиле. Вторая, скрытая картина, напоминает картины Фра Филиппо Липпи - учителя Сандро Боттичелли. Стиль настолько схож удлинёнными линиями фигур и светом, пронизывающим пространство, что мне кажется, их жизненные пути пересекались. В результате получились две совершенно разные картины и обе необходимо сохранить.

- Это сложно? – спросил Тони.

- Неимоверно сложно, - ответила Вероника. – Даже привезли под охраной Гарри Адгессора, чтобы помочь реставраторам.

- Гарри Адгессора? – удивленно переспросил Тони.

- Адгессора,- уточнила Вероника. - Американский химик, поклонник живописи и похититель картин. Адгессор - прозвище, от американского *adhesive* - клей. Он, впрочем, и открыл второй слой картины.

Тони откинулся на спинку стула. Он был полностью заинтригован историей.

- Все началось с похищения, - таинственным голосом начала Вероника, немножко помолчав для создания драматического эффекта.

- Невест? – предположил Тони.

- Картины, - рассмеялась Вероника. - Точнее с нашествия ненормальных девиц, как написали газеты.

Она сделала глоточек вина и продолжила:

- Итак, в Леоне, точнее в его пригороде, есть небольшой частный музей картин. Его владелец Лукас Нолан отвел под него несколько комнат своего огромного особняка. Вход туда совершенно бесплатный, а музей открывается, когда вздумается хозяину. Один из залов там действительно с интересными картинами неизвестных художников Проторенессанса и Раннего Возрождения школ Джотто и Донателло, а остальные пять залов – с картинами самого Лукаса Нолана, по его словам, периода Будущего Ренессанса, изображающими апокалипсис, с шедеврами типа “Кфир, атакующий Падших Ангелов” и тому подобное.

- Это и объясняет появление ненормальных девиц, - предположил Тони.

- Как сообщалось в газетах, - сказала Вероника, - стоял дождливый осенний день. Из посетителей в музее был только один человек, высокий худощавый мужчина с бородкой клинышком, делающей его похожим на Мефистофеля. Он медленно переходил из одного зала в другой, надолго останавливаясь перед картинами.

- Представляю, - улыбнулся Тони.

- Охрана откровенно скучала, - продолжила Вероника. - Но все вдруг внезапно изменилось. В музей нахлынула стайка девиц, заполнив восторгами и щебетанием все пространство. Началось открытое восхищение красотой картин и силой парней из их охраны. В музее установилась дружелюбная обстановка, наполненная щелчками фотоаппаратов и обменом телефонными номерами. Охранникам задали массу вопросов, касающихся как художественных качеств картин, так и личных пристрастий их самих. Минут через десять-пятнадцать все так же быстро завершилось, как и началось. Стайка девиц бесследно исчезла, ушел высокий человек, похожий на Мефистофеля. Все было на своих местах, и охрана вернулась к своей скучной жизни в залах со скучными картинами.

- И? - заинтересованно спросил Тони.

- И через три месяца, - продолжила Вероника, - при продаже одной из картин, эксперты, давая заключение об ее подлинности, обнаружили, что оригинальными были только рама и холст, верхний же слой краски, являющийся самой картиной, был искусно заменен другим слоем с ее подделкой.

- Гарри Адгессор, - таинственным голосом предположил Тони.

- Именно, он, - подтвердила Вероника. - Запись камер безопасности немедленно просмотрели и вот что обнаружили. В момент, когда охранники что-то увлеченно рассказывали девицам, Гарри подошел к картине, нанес слой клея из аэрозольного баллончика на ее поверхность, наложил сверху прозрачную пленку, достал нечто похожее на карманный фонарик, мигнул ультрафиолетовым светом, применяемым для быстрого затвердевания клея, и, потянув пленку за концы, моментально снял слой краски картины с холста. Он свернул картину, спрятал ее под плащом, достал другой рулон краски, развернул его, и, пригладив ладонями, приклеил на место оригинала. Все это заняло 1 минуту 45 секунд. Сигнализация, подключенная к раме картины, оказалась ничем не потревожена. Все бы это кануло в Лету при отсутствии алчности и желания продавать.

- И Гарри взяла полиция, - снова предположил Тони.

- Когда полиция, выбив дверь, ввалилась в комнату Гарри, - сказала Вероника, - обнаружилось, что комната была создана по подобию зала *Salle des Etats*.

- Зала Гранд галереи Лувра, в которой висит картина Моны Лизы? – уточнил Тони.

- Да, - подтвердила Вероника. - Картина Моны Лизы, впрочем, висела здесь тоже. Перед ней в огромном кожаном кресле сидел Гарри, причем оба они загадочно улыбались. Гарри немедленно встал и сделал попытку приблизиться к Моне Лизе, но был остановлен и прикован наручником в ручке входной двери.

- Звоните в Лувр! – встревожено сказал начальник группы захвата.

- Гарри, что это? – спросил его один из полицейских, показывая рукой на Мону Лизу. - Что ты можешь сказать в свою защиту?

Гарри в свою защиту сказал, что если любители живописи любят копию картины, то каждый того и заслуживает. И поклонники, и копия. И слова “воздастся по заслугам” следует распространять не на него самого, Гарри, а именно на картину и ее поклонников, причем именно эти заслуги каждый из них уже получил, поклонники – на объект восхищения, копия же картины – на субъект воздействия, в чем и состояло особое предназначение его самого, именно Гарри Адгессора. Поэтому его должны канонизировать, причем сразу, а не после обычного длиною в век ватиканского периода ожидания, а не приковывать наручниками к ручке двери.

Полицейский вздохнул, пытаясь понять сказанное.

- Кроме этого, я даю вам работу, - добавил Гарри. – Не хотите ли вы, чтобы я ее еще за вас и делал?

Полицейский хотел что-то ответить, но сдержался.

- И не надо смотреть на меня такими полными укоризны глазами, - сказал Гарри. - Самая прекрасная подделка живописи не может быть раскрыта никогда. Вы знаете, сколько подделок создали Рембрандт, Тициан, Рафаэль, когда спешили, или устали, или думали о деньгах, наспех завершая картину, так и не создав то, что могли бы создать? И понять ли нам их неудачи, найти ли нам их несовершенство, если мы не знаем, и даже не можем представить, какой картина могла бы быть.

Он посмотрел на полицейских и на свои картины и добавил.

- И понять ли вам?

- *Musée du Louvre!* – громко требовал по телефону помощник начальника группы захвата.

- Откуда картина, Гарри? – спросил полицейский.

Гарри потряс наручниками и сказал известную фразу Джимми Моррисона, лидера рок-группы “Двери”, о дверях между прошлым и будущим:

- “*There are things known and there are things unknown, and in between are the doors*”.

И добавил:

- Люди не могут быть прикованы между прошлым и будущим. Откройте наручники, дайте свободу идти вперед.

- Гарри, ты заплатишь за это! – пригрозил полицейский.

- Мои картины и есть моя лепта “*Peter’s pence*” – лепта святого Петра, - сказал Гарри. – Моя ежегодная подать в папскую казну, то есть в казну мировой живописи, моя последняя попытка спасти испорченный, развращенный мир, в котором люди перестали давать, а только берут.

- И после этого его осудили? – спросил Тони.

- Его спас Лукас Нолан оплатой адвокатов, а также пожертвованиями в различные фонды, в том числе некоторых избирательных компаний, - ответила Вероника. - Теперь Гарри работает на него, но при нем всегда два охранника.

Тони улыбнулся.

- Кстати, - сказала Вероника, – что происходило в баре отеля? Тони, ты постоянно притягиваешь к себе много людей. Как это тебе удается?

- У меня, наверное, очень короткие колючки, - ответил Тони.

- Короткие колючки? – переспросила Вероника.

- Помнишь притчу Шопенгауэра о дикобразах? – спросил Тони.

- Нет, - ответила Вероника и попросила:

- Пожалуйста, расскажи.

- Тогда не расскажу, - сказал Тони.

- Почему? – спросила Вероника.

- Это очень грустная притча, - пояснил Тони.

- Пожалуйста, - попросила Вероника.

- Это очень ужасная притча, - продолжал настаивать на своем Тони.

- Пожалуйста, - снова повторила Вероника.

- Хорошо, - согласился Тони. – Но это только оттого, что у меня мягкое сердце.

- И короткие колючки, - добавила Вероника.

- Видишь, ты все знаешь, - сказал Тони. - Итак. “Стадо дикобразов легло в один холодный зимний день тесною кучей, чтобы, согреваясь взаимной теплотой, не замерзнуть. Однако, вскоре они почувствовали уколы от игл друг друга, что заставило их лечь подалеже друг от друга. Затем, когда потребность согреться вновь заставила их придвинуться, они опять попали в прежнее неприятное положение, так что они метались из одной печальной крайности в другую, пока не легли на умеренном расстоянии друг от друга, при котором они с наибольшим удобством могли переносить холод”.

Вероника улыбнулась и спросила:

- Почему же притча ужасная?

- Не скажу, - ответил Тони.

- Тони, - спросила Вероника, - кто тебе сказал, что у тебя короткие колючки?

Тони улыбнулся и продолжил:

- Шопенгауэр из этого делает вывод: “У кого много собственной, внутренней теплоты, тот пусть лучше держится вдали от общества, чтобы не обременять ни себя, ни других”.

- Ужасный вывод, - согласилась Вероника.

Она погладила Тони по руке и добавила:

- И нет у тебя никаких колючек.

Г Л А В А 60

Тони и Вероника встречались два-три раза в месяц, когда Вероника приезжала Венецию или Тони был в Риме. Все шло хорошо и вдруг через некоторое время Тони начал понимать, что все завершается, причем совершенно непонятно из-за чего. Тони почувствовал первый появившийся холод в их отношениях.

Утро понедельника 26 января 1996 года началось с телефонного звонка Райли. Телефонный звонок поднял Тони с постели, причем Тони планировал поспать подольше после тяжелой семичасовой операции в воскресенье, которую совершенно невозможно было перенести. Ухудшение отношений с Вероникой плюс этот ранний утренний звонок, все это окончательно вывело его из себя.

- Как дела? – спросил неунывающий и, казалось, никогда не засыпающий Райли.

- Только что проснулся, что-то разбудило, и поэтому еще ничего не понимаю, - сказал Тони. - Что, уик-энд уже завершен?

- Так точно, сэр, - отрапортовал Райли. – И у меня есть идея.

- Уж пусть лучше хоть она окажется хорошей в это кошмарно-раннее утро, - сказал Тони.

- Что-то случилось? – спросил Райли.

- Только то, что у меня есть телефон, - сказал Тони. – К сожалению. Что ты хотел сказать?

- Когда? – спросил Райли.

- Я убью тебя подушкой, если не усну раньше, или если ты не начнешь говорить, - пригрозил Тони.

- Тебе нравится твоя работа? – спросил Райли.

- Именно сейчас, я ненавижу столько много вещей, что их перечисление продлится до вечера, - сказал Тони. - Кстати, спокойной ночи.

- Подожди, - остановил его Райли. - В нашем госпитале все еще вакантна должность хирурга. Если ты забудешь все утренние обиды, мы смогли бы работать вместе.

- Райли, - остановил его Тони. - Дай мне немножко времени подумать. И поспать. У меня все идет вверх тормашками и мне, правда, нужно немного времени, чтобы все понять.

- Спокойной ночи, *sleepy head*, - сказал Райли.

- Я обязательно тебе позвоню, - пообещал Тони и повесил трубку.

Г Л А В А 6 1

Вечером этого же дня, прощаясь с Тони, Вероника сказала:

- Тони - ты замечательный парень и ты мне очень нравишься.

Тони, смотрел на нее, понимая, что все уже закончилось.

- Прости меня, Тони, - сказала Вероника дрогнувшим голосом. - Но я не люблю тебя.

- Ты любишь кого-нибудь другого? – спросил Тони просто, что бы заполнить повисшую паузу.

- Нет, только живу ожиданием, - ответила Вероника. - Прости меня, Тони. Я представляю, как это тяжело для тебя и для меня, но потом будет еще труднее и хуже.

Она осторожно забрала свои руки из рук Тони и сказала:

- Прощай, Тони.

- Прощай, - откликнулся Тони.

Он еще раз коснулся ее руки, помогая ей войти в водное такси возле Дворца Дожей. Вероника повернулась и грустно улыбнулась Тони.

- Прощай, - сказала она.

- Прощай, - ответил ей Тони.

Водное такси отходило от причала, и полоска черной воды между Тони и Вероникой становилась все шире и шире. Вечерний ветер принес прохладу Лагуны. Вероника зябко приподняла плечи и украдкой вытерла или слезы, или брызги летящей воды. Тони грустно улыбнулся и медленно пошел вдоль Гранд Канала. Он шел по площади святого Марка к мосту *Accademia*, не отрывая взгляда от удаляющегося водного такси с маленькой фигуркой Вероники на его палубе.

Наступал вечер, и осколки дня исчезали в Лагуне сотнями солнечных бликов на водной ряби от клонящегося к Собору *Santa Maria della Salute* необыкновенно большого красного солнца. Огромный купол собора, окруженный шестью часовнями, величественно поднимался в темнеющее итальянское небо. Его барокко в игре красных

закатных лучей с контрастными глубокими закатными тенями звало назад в Средние века, а тень купола тянулась и тянулась, пытаясь достать маленькую фигурку Фортуны на здании *Dogana di Mara*, окруженную с трех сторон водой Лагуны.

Тони вышел на *Piazzetta* и обошел колонны *San Marco* и *San Teodoro* справа, со стороны Дворца Дожей, пройдя мимо фигур Адама и Евы, высеченных в его камне. Как и все итальянцы, он никогда не проходил между колонн, где сотни лет назад было место казни. Две огромные гранитные колонны, возрастом около девятиста лет, несли среди вечерних облаков мраморную статую Святого Теодора, прошлого покровителя Венеции, и бронзовую статую крылатого льва Святого Марка, ее нового покровителя. До 829 года Святой Теодор являлся покровителем Венеции, но он был слишком неярким, можно даже сказать тусклым символом для растущего государства. И Венеция послала пару искателей приключений украсть тело Святого Марка из Александрии. Что они и сделали. Так Святой Теодор и его странный дракон, крокодил с собачьей головой, были смещены и отправлены на одну из колонн, а Венеция получила нового покровителя.

Ночь накрывала Венецию звездным в облаках небом. Начал накрапывать дождь, разбивая тысячами капелек отражение куполов церкви *Santa Maria della Salute* в Гранд Канале. Тихо и величественно поднималась в небо колокольня *Campanile*, откуда открывался чудесный вид на заснеженные пики Альп, Венецию, величественную Лагуну и Гранд Канал. Эта была уже третья по счету колокольня. Каждая новая строилась на месте разрушившейся предшественницы по принципу “*dov’era e com’era*” – “где это было, и как это было”. Первая колокольня была возведена в 1173 году как маяк для кораблей в Лагуне и одновременно как башня для обнаружения флота врага и была разрушена землетрясением в начале 16-го столетия. Вторая колокольня, на которой в 1609 году Галилео Галилей демонстрировал свой телескоп дожу *Leonardo Doná*, внезапно осела в 1902 году. К счастью, никто не пострадал. Последняя, третья, была возведена в 1912 году и молчаливо ожидала своей очереди.

Молчали все пять колоколов колокольни: *marangona, malefico, nona, mezza terza, trottiera*, каждый из которых отмечал в прошлом определенное событие, как начало и конец рабочего дня, начало казни, полдень, сбор сенаторов и сессии Большого Совета.

Тони медленно шел по площади Святого Марка, помнившей миллионы людей и событий, войну с пиратами, возвращения из крестовых походов, венчание Венеции с морем, карнавалы и праздники, музыку военных оркестров, Наполеона, *Pink Floyd*, миллионы туристов, миллионы ожиданий встреч и миллионы прощаний.

Возле кафе *Florian*, столики которого стояли прямо на площади Святого Марка, небольшой оркестр исполнял камерную музыку, музыканты играли в стиле *Rondo Veneziano*, известного итальянского оркестра. Исполняли современную обработку произведений рыжего венецианского композитора Антонио Вивальди, называемого в народе и не только *Prete Rosso* – Рыжим Священником, который в жизни и был и венецианским священнослужителем, и прекрасным музыкантом.

Тони остановился у часовой башни *Torre dell’Orologio* с часами, отображающими фазы луны и зодиака, немножко не дойдя до *Quadri’s café*, их месту частых встреч с Вероникой. Часы утверждали, что Солнце стоит в созвездии Овна, как и в момент создания мира и человека, но это совершенно не соответствовало

действительности, ибо уже не было солнца, стоял январь, да и новый день не обещал ничего нового. Тони обернулся к Дворцу Дожей.

Дворец плыл в вечернем итальянском небе над волнующимися перед ночным сном водами Лагуны, два яруса открытых бризу изящных аркад, несущих над собой третий ярус белого и розового веронского мрамора с готическими окнами и восточным узором. И среди чудесных картин, фресок, позолоты, гобеленов, лепных украшений, резьбы по камню и дереву и богатых ковров засыпали дворцовые залы, несущие, как эхо, память прошлого.

Сумерки осторожно вползли в *Sala del Consiglio dei Dieci*, в Зал некогда всемогущего Совета Десяти, расследующего и карающего за преступления против безопасности Государства, в состав которого входил еще более могущественный Совет Трех с Главным Инквизитором в красной мантии и двумя Инквизиторами в черных мантиях, заседающих в маленькой комнате на втором этаже Дворца Дожей, соединенной секретной лестницей с тюрьмой и камерой пыток *Piombi*. Совет Десяти в конце концов сделал свое дело, преобразовав Республику в Полицейское государство.

Сумерки прошествовали по Дворцу дальше, из Зала Совета Десяти в соседнюю *Sala della Bussola*, комнату, где правонарушители в страхе ожидали рассмотрения своего дела. Здесь же и находилась знаменитая *bocca di leone*, пасть льва для отправки секретных доносов. В этом можно было бы усмотреть некую аналогию с Пастью правды в Риме, но в этой пасти, во Дворце Дожей, можно было потерять не руку, а голову.

Сумерки наполнили вечерним полумраком *Sala del Senato*, зал, где дож с сенаторами когда-то обсудали государственные дела. Стены зала и потолок были украшены картинами Тинторетто и его учеников, включая знаменитую “Триумф Венеции”, которую уже трудно было рассмотреть. В этом зале Сенат издавал законы. В его состав входило 200 сенаторов, выбранных из 2000 членов Великого Совета. В те времена в Сенат мог быть избран только аристократ, которых было около 1700 в Венеции. Странная причуда странного 13 века.

И, наконец, сумерки поднялись по Лестнице гигантов, на вершине которой короновался каждый новый дож. Выход на Лестницу, охраняемую огромными скульптурами Марса и Нептуна, был запрещен простым смертным. Сумерки же легко, как и в каждый вечер, поднялись по ней, заполнив собою залы верхнего этажа, декорированные Веронезе, Тицианом и Тинторетто, включая *Sala dello Scudo*, Зал карт, стены которого были увешены картами мира, между которыми висели картины Витторе Карпаччио, Джованни Беллини и деревянные демонические панели Иеронима Босха. В центре зала, уже в темноте, стояли два огромных глобуса 18-го века.

Вечерняя темнота скрыла потолок, расписанный Тинторетто в *Sala delle Quattro Porte*, Зале Четырех Дверей, и вошла в *Sala del Anticollégio*, комнату, где иностранные послы ожидали аудиенции, вошла, чтобы окончательно похитить Европу с известной картины Веронезе с ее похищением.

Уже никого не было в *Sala del Maggior Consiglio*, Зале Великого Совета. Уже не было в нем туристов, и только эхо шагов еще бродило по его громадному пространству мимо знаменитого “Рая” Тинторетто, самой большой в мире картины, написанной

маслом, под “Триумфом Венеции” Веронезе на овальной панели на потолке, бродило мимо изображения 76-ти дождей на картинах, развешанных на стенах зала.

Маленькая дверь в стене напротив “Рая” Тинторетто, “где еще она могла бы быть?” - подумал Тони, вела к выходу на Мост Вздохов, *Ponte dei Sospiri*, соединяющий Дворец Дожей с тюрьмой *Palazzo delle Prigioni*.

Тони улыбнулся. Он вспомнил Казанову, *Giacomo Girolamo Casanova*, родившегося здесь же в Венеции в семье актеров в доме неподалеку от *Teatro San Samuele*, студента университета в Падуе, доктора гражданского и канонического права, секретаря епископа *Bernardo da Bernardis*, путешественника, посланника в свите испанского посла при Папском престоле, скрипача театрального оркестра *San Samuele*, авантюриста, искателя приключений, любимца женщин, “любимца” Государственной Инквизиции, знатока магической кабалы, масона, писателя, драматурга, основателя французской государственной лотереи, бизнесмена, игрока, рыцаря Папского Ордена, дуэлянта, переводчика, библиотекаря и математика, который тоже когда-то пересек Мост Вздохов, был судим Государственной Инквизицией и за отступничество от религии посажен в тюрьму в *Palazzo delle Prigioni*.

Но Казанова не отчаялся. Он нашел металлический болт, заточил его и пробил дыру в полу своей камеры, под кроватью, намереваясь бежать через находящуюся внизу Комнату Трех в канун Праздника Святого Августина. Но ему не повезло. Перед самым побегом его перевели в тюрьму *I piombi*, здесь же под сводами Дворца Дожей.

Казанова все также не теряет присутствия духа и готовит новый побег, на этот раз уже с сообщником, монахом Марино Балби, камера которого была расположена прямо над камерой Казановы. По плану Балби должен был пробить дыру в потолке камеры Казановы и стену из своей камеры в коридор тюрьмы. И перед самым побегом снова неудача. На этот раз в камеру Казановы подсаживают Сорадачи. Времени уже практически не остается, тем более, что Балби уже завершил задуманное. И Казанова убеждает Сорадачи, что ангел, в вознаграждение его за благочестие и веру, помогает ему бежать. И в этот момент в дыре в потолке появляется ангел Балби и троица совершает побег, возносясь на крышу Дворца.

Казанова стоял на крыше Дворца Дожей прямо перед куполами Собора Святого Марка. Колокол ударил полночь, начинался День Всех Святых.

Тони улыбнулся и пошел по направлению к отелю *Gritti*.

Стояла зима 1996 года, наступило безвременье: прошло Рождество, Карнавал еще не наступил, туристы же и прохожие практически исчезли в этот понедельник 29 января. Не было слышно музыки из окон *piano-nobile*, окон верхних и главных этажей *palazzo*, дворцов, где и проходили все встречи, вечеринки и балы, и откуда, казалось совсем недавно, неслась музыка и где в колеблющихся огнях свечей танцевали тени. Окна были сейчас темными и были закрыты плотными шторами. Никого также не было и на *altana*, находящихся на крышах верхних открытых площадках дворцов, где часто тоже проходили вечеринки. Единственными, кого встретил Тони в этот вечер, были гондольеры, устанавливающие кабинку в средней части гондолы. Бутылки шипящего белого вина *Prosecco* стояли тут же рядом с ними на тротуаре.

Тони оглянулся. Дворец Дожей плыл над Венецианской Лагуной в пришедшем с севера холодном воздушном потоке, плыл среди десятка других венецианских дворцов, больших и маленьких, византийских, готических, ренессанских, выполненных в стиле барокко, роскошных и не очень, кто что мог себе позволить в этом мире. Но каждый из них нес в себе изящность и любовь людей, не только их задумавших, построивших или в них живших, но и тех, кто не имел к ним никакого отношения, но приехал сюда из различных сторон нашего кажущегося еще огромным маленького мира, приехал почувствовать хранящее ими дыхание прошедших времен. Прошлое жило в отблесках пламени свечей соборов и в колеблющихся бликах воды Венецианской Лагуны. Прошлое, как Адриатическое море, было повенчано с Венецией навсегда.

Возле отеля *Gritti* Тони повернул и пошел вдоль узкого канала по направлению к театру *La Fenice*. Не дойдя до театра, он зашел в винный бар, где они бывали часто с Вероникой. Тони взял бокал красного крепкого *Amarone* у его стойки, прошел вглубь бара и сел за дальним столиком, расположенным у окна. Столики бара были отделены друг от друга невысокими стойками полированного дерева. Бар был полуосвещен стоящими на столиках свечами в невысоких стаканах из мозаичного стекла. На столике Тони рядом со свечой лежала кем-то забытая монетка в один Евро с изображением *Vitruvian Man*. Справа от Тони деревянная лестница вела вниз к винным запасам. Над лестницей висела картина, изображающая Венецию октября 1202 года. 200 боевых кораблей уходили из Венеции в крестовый поход под командованием дожа *Enrico Dandolo* на ярко-красной галере и с крылатым львом на развевающемся флаге, символом могущества и непобедимости Венеции. Людской шум, эмоции, торжественная музыка, приветственные крики толпы, пальба на прощание и в честь дожа из пушек, барабаны, отрывистые команды, шум бьющейся о борта боевых кораблей воды, залпы пушек и церковные колокола жили на картине, где-то вдали, отделенные игрой света и тени, создаваемой горящей свечой, пламя которой притягивало к себе взор и сулило покой и тепло. И было спокойно и тихо, как будто бы ничего не произошло ни в этот день, ни в тот октябрь 1202 года, и мир всегда был спокоен и совершенен.

Окруженный небольшим количеством людей, здесь, в полумраке бара, с бокалом красного вина Тони совершенно отвлекся от течения времени, он не думал ни о чем и от мира остались только клочки воспоминаний. Они шли с Вероникой после какого-то спектакля или оперы через всю Венецию, мимо стоящих гондольеров, одетых в их знаменитые полосатые рубашки и светлые просторные брюки, а в верхних этажах *palazzo* горел свет, шли торжественные балы и шумели вечеринки. Они шли по *callesella*, очень узенькой улочке, настолько узкой, что Тони чувствовал тепло находящихся по обе ее стороны шероховатых стен домов. Они миновали забытый на одной из стен предвыборный портрет *Massimo Cacciari*, ставшим давно уже мэром Венеции, и внезапно начался дождь. Теплый дождь падал отвесно, заполняя собой все узкое пространство улочки, стекал по шероховатым стенам домов и собирался под ногами в ручейки.

- Тони, открой, пожалуйста, зонт, - попросила Вероника.

Тони вспомнил, что у него есть зонт, открыл его, но идти с ним было абсолютно невозможно – зонт был сжат стенами стоящих очень близко домов. Тони закрыл зонт, дождь усилился, и они с Вероникой побежали. Они бежали и бежали под дождем,

казалось, бесконечно долго, и, внезапно, узкая улочка закончилась, и они оказались на пятнышке сухой мостовой, защищаемой от дождя стеной церкви. И дождь закончился так же внезапно, как и начался, и появилось солнце.

- Смотри, - сказал Тони, повернувшись к потемневшей от времени бронзовой табличке на стене церкви.

Вероника повернула голову и прочла вслух:

- Опасайтесь падающих ангелов!

Они одновременно подняли головы и посмотрели вверх.

- Тони, открой, пожалуйста, зонт, - улыбнувшись, попросила Вероника.

Над ними, на самой кромке стены стояли ангелы, и синее небо, начинающееся над их головами, уходило во всех направлениях в бесконечное пространство.

Г Л А В А 6 2

Понемножку, шаг за шагом, обстановка снаружи бара начала меняться, появилось какое-то неосознанное ожидание чего-то тревожного. Тони поднял голову. За окнами стояла ночь, в которой началось какое-то движение, чаще и чаще зазвучали сирены, куда-то торопливо шли люди, появились отблески мигалок, создающих движение теней на окнах домов, добавился приглушенный, тревожный шум и, внезапно, небо окрасилось красным цветом. Тони, не выпуская из рук бокала с красным вином, вышел из бара и пошел по улице, увлекаемый куда-то потоком людей. Через некоторое время Тони, пройдя мимо дворца *Ateneo Veneto*, вышел на маленькую площадь *Campo San Fantin*. Его рука с бокалом опустилась, и красное вино медленно полилось вниз.

Горел *Gran Teatro La Fenice*, горел перед волнующейся на площади толпой, окрашивая оранжевыми языками пламени небо. Горел театр, и никто ничего не мог поделать, ни люди, которые были не в состоянии подойти поближе из-за жары, ни пожарные, которые не могли приблизиться на своих спасательных судах – каналы вокруг театра были осушены в связи с его реставрацией, и только на фоне оранжево-красного пламени, у самого театра на коленях стояла маленькая фигурка, подняв руки в последней молитве в небо.

Огонь охватил центральную часть театра и пошел по лабиринтам комнат его северного и южного крыла, оставляя языки пламени на деревянном каркасе несущих и опорных балок, делающим театр похожим на огромный, чудесный музыкальный инструмент. Прекрасная акустика мгновенно разносила пламя по всему театру. Неся в себе прекрасное, театр нес в себе и гибель – замкнулся еще один из кругов дантовского ада. Огонь переливался, как нотами, красными, оранжевыми, голубыми, зелеными, пурпурными и белыми тонами. Театр прощался с музыкой. В низкие звуки падающих перекрытий, фресок и балок, содрогающих воздух вокруг басовыми нотами, вплеталось завывание огня в лабиринтах его комнат и стаккато осколков стекол, брызнувших на площадь перед театром, после которого тон пожара стал совершенно тревожным,

громкость басовых нот начала нарастать и, когда уже не было абсолютно никаких сил воспринимать эту страшную музыку, раздался громкий и чистый хрустальный звук, тысячи хрустально чистых тонов прозвучали под горящим сводом, затихнув эхом над площадью - упала и разлетелась на тысячи осколков огромная хрустальная люстра театра. Огонь поменял цвета и оттенки, отражаясь на лицах молчащих вокруг людей. Тони выронил бокал и пошел по темным улицам Венеции.

Он шел сквозь людей, спешащих к театру, и, пройдя мимо дворцов *Volpi* и *Ca'Farsetti*, вышел на мост *Rialto* через Гранд Канал неподалеку от церкви *Santa Maria dei Miracoli*. Тони сел на каменное покрытие моста, прислонившись спиной к его перилам. Было тихо, и по воде плыла белая дымка. Тони не помнил, сколько прошло времени, его привел в себя звук церковного колокола, бьющего 11 часов. Дул свежий ветер и Гранд Канал отражал сотни огоньков, заставляя их танцевать на воде, как будто бы ничего ни произошло. Тони достал телефон и, позвонив Райли, сказал о своем согласии работать в американском госпитале *Navu* в Неаполе.

Тони покидал Венецию в момент ежегодного Карнавала. Венеция бурлила тысячами людей и была наполнена шествиями, музыкой, танцами, фантастической космогорией костюмов королей и шутов, фантастических птиц и зверей, красавиц и чудовищ, великих инквизиторов и прославленных ученых, астрономов и астрологов, пиратов и адмиралов, дождей и простых людей, святых и грехотворцев, великих ораторов и великих мимов, поэтов и художников, купцов, аристократов, музыкантов, куртизанок, гондольеров, рыцарей и дам сердца... *Dov'era e com'era* - Где это всегда было и как это всегда было.

Г Л А В А 63

Стоял жаркий полдень. Майкл открыл глаза. Солнце уже перевалилось на другую сторону госпиталя, принеся прохладу. В открытых дверях палаты стоял Тони. На этот раз он был один без Инги. Тони улыбнулся, подошел и, придвинул стул к кровати Майкла, сел.

- Как ты себя чувствуешь? – спросил он. - По шкале от 0 до 10. 0 - это плохо, 10 - превосходно.

- Ты не знаешь, как дела у Расти? – спросил Майкл. – Наверное, он тоже здесь. Я хотел бы ему позвонить.

- Я не только не дам тебе ему позвонить, но еще бы и отобрал телефон у самого Расти, - сказал Тони. - Он звонит сюда каждый день и Инга от него без ума. Они болтают по телефону часами, что их сближает - это особенности выздоровления американских пилотов в условиях госпиталей в Италии. А в результате, я выполняю всю ее работу. Итак, как ты себя чувствуешь? По шкале от 0 до 10.

- Теперь на все десять, - ответил Майкл.

- Именно поэтому мы и держим здесь Ингу, - сказал Тони.

Майкл улыбнулся.

- Майкл! Майкл! Майкл! – раздался в коридоре взволнованный крик Инги.

Майкл и Тони замолчали и повернулись к двери. Несколько секунд совершенно ничего не происходило. Тони начал медленно подниматься со стула, в этот момент дверь внезапно распахнулась и на пороге возникла взволнованная Инга. Тони замер, так окончательно и не поднявшись. Инга держала над головой мобильный телефон.

- Майкл!- громко сказала она. - Это Расти!

Ее глаза встретились с глазами Тони, и она замолчала.

- Так, – сказал Тони и сел на стул.

- Моя помощница, - уточнил он, показав указательными и средними пальцами обеих рук кавычки.

Повисла тишина. Инга тихонечко подошла к Майклу, отдала ему трубку и замерла.

- Майкл, - попросил Тони, - не спеши, говори с Расти обо всем. Постарайся затянуть разговор как можно дольше. Это даст мне на некоторое время помощницу, причем я прослежу за тем, чтобы она за это время не успела сменить гражданство.

- Я постараюсь, - сказал, улыбаясь, Майкл.

- Идем, Инга, - позвал ее Тони. - Снова придется принимать к тебе воспитательные меры воздействия.

- Какая-то средневековая обстановка, - тихо сказала Инга.

- Расти, привет, где ты? – спросил в трубку Майкл.

- Я в госпитале *Navu* в Мэриленде. Со мной все в порядке, - ответил Расти. - Через неделю навещу тебя, возвращаюсь в эскадрилью. Рутинка. Осталось только оформить бумаги. Ничего не спрашиваю. По-моему, я знаю о тебе абсолютно все.

- Ее, кстати, увели применять воспитательные меры воздействия, - сказал Майкл. - Поспешите. Именно в этой стране когда-то зачитывались “Молотом ведьм”.

- Такие серьезные проблемы? – встревожено спросил Расти.

- Здесь вообще нет ни одного серьезного человека, - ответил Майкл. - Поэтому я и счастлив. Приезжай!

- О’кей, - сказал Расти. - Бегу на процедуры.

- Звони, - попросил Майкл. - Не исчезай.

- Несомненно, - ответил Расти. - Пока. Выздоровливай.

-Удачи, - сказал на прощание Майкл, отключил трубку и нажал кнопку вызова медсестры, стараясь сократить продолжительность применяемых к ней воспитательных мер.

Г Л А В А 64

Прошло несколько месяцев. Майкл возвращался в Америку и Тони провожал его в аэропорт. Инга отказалась ехать с ними, не объяснив причину.

- Почему? – спросил ее Тони.

- Жду звонка, – коротко ответила Инга.

- От кого? – подозрительно спросил Тони.

- От друга, - ответила Инга.

- От чьего друга? – снова подозрительно спросил ее Тони.

- Он несносен, - сказала Инга Майклу, кивнув на Тони. – Хочет превратить мою безграничную любовь к работе в безграничный фанатизм.

- Отправлю тебя в монастырь *San Gregorio Armeno*, - сказал Тони Инге.

Инга удивленно открыла глаза.

- Монастыри – чудесное изобретение человечества, - пояснил Тони Майклу, – воспитывающие пиетет и повиновение.

- Инга, сожалею, - сказал Майкл Инге.

- Тебе бы только меня отправить на край земли, - сказала Инга Тони.

- Это же здесь, в Неаполе, - сказал Тони Инге.

- Уже молчу, - обиженно сказала Инга Тони. – Даже могу принять обет.

- Монастыри – чудесное изобретение человечества, - пояснил Тони Инге.

- Хорошо, - сказала Инга голосом, который не предвещал ничего хорошего.

- “Месть это блюдо, которое имеет восхитительный вкус, когда подается холодным”, - сказал Тони Инге.

- Дон Вито Корлеоне из “Крестного отца”, - пояснил Тони Майклу и Инге.

- Хорошо, - сказала Инга на этот раз ледяным голосом и рассмеялась.

Майкл и Тони рассмеялись вместе с ней.

- Не смешно, - сказала Инга Тони. – Наш госпиталь и так антиквариат идей. Тебе же дай волю, и ты бы ввел у нас вместо должностных обязанностей Правила святого Бенедикта.

- Никогда, - возразил Тони. – Хотя нет. Ввел бы, но только часть из них.

- Какую? – подозрительно спросила Инга.- Ты и так превратил мою работу в пытку. Еще и испытываешь душевный триумф.

- Двенадцать степеней смирения, как ступеней лестницы, ведущей в рай, - ответил Тони. - Лестницы, к которой ты даже еще не подошла.

- Двенадцать степеней? – уточнила Инга.

- Как ступеней, - подтвердил Тони.

- Кому нужен такой рай? – возмущенно спросила Инга.

- Мне, - ответил Тони. – Все ищут рай на небе, я же - на земле. И все зависит только от тебя.

- Несомненно, - ничего не обещающим голосом сказала Инга.

- Майкл, - сказала она, меня тему разговора. – К сожалению, я не смогла купить тебе билет на самолет ни на сегодня, ни на завтра. Время отпусков. Все летят или возвращаются. Тебе придется подождать пару-тройку дней.

- Не волнуйся, - сказал Майкл. – Я все равно улечу сегодня, хоть и нет билетов.

- Ко всему, - добавил Тони. – Не хотелось бы расставаться с тобой.

Инга подтверждающе кивнула головой и улыбнулась.

- Я, к сожалению, не могу тебя больше держать здесь ни дня, - сказала Тони. – Я или должен тебя выписать, или перевести в ваш госпиталь в Мэриленд.

- Что для нас одно и то же, - добавила Инга. – Ты уезжаешь в Америку.

- Да, - подтвердил Тони.

- Или..., - неожиданно сказала Инга.

- Что? – заинтересованно спросил Тони.

- Мы помещаем его в психиатрическую клинику, - ответила Инга. – И навещаем каждый день.

Тони улыбнулся ей в ответ.

- Какой нормальный человек будет летать на истребителе? – спросила Инга с оправдательными нотками в голосе.

- Что за способ улететь сегодня на самолете, все билеты на который проданы? – спросил Тони.

- Я пользовался им пару раз, и он всегда срабатывал, - ответил Майкл.

Тони и Инга вопросительно посмотрели на него.

- Я надеваю свою летную форму, - объяснил Майкл.

- О-о-о! – мечтательно сказала Инга.

Г Л А В А 65

Они ехали в аэропорт на красном Феррари Тони. Инга осталась в госпитале, так ничего и не объяснив.

- *Ferrari 308 GTS* 1975-го года, - пояснил Майклу Тони. - Мечтал иметь его всю свою жизнь. Никогда бы ни купил, подарил друг. Правда, восстановить его стоило примерно столько же, что и купить новую машину, но я счастлив.

Впереди вывернул и пошел на большой скорости открытый спортивный Мазерати с двумя девушками, непрерывно поправляющими волосы, которые трепал ветер.

- Будь осторожен с итальянками, - улыбнулся Тони. - Они отличаются от американок. Вы еле пережили пятисекундный “*malfunction*” в одежде Дженнет Джексон на Суперболе 2004-го года. Наша Илона Сталлер, Чиччолина, член итальянского парламента, полуобнаженной взгромоздилась на конскую статую на площади святого Марка рядом с Дворцом Дожей и провозгласила себя живым воплощением искусства.

- И никаких случайных отказов в элементе одежды? – спросил Майкл. – Никаких *malfunctions*?

- Абсолютно никаких, - подтвердил Тони.

- По крайней мере, теперь понятна связь иммунитета с развитием, - сказал Майкл. - Ты еще не видишь?

- Продолжай, - попросил его Тони.

- Иммунитета депутатской неприкосновенности и развития искусства, - пояснил Майкл.

- Я не думаю, что она являлась поборником иммунитета неприкосновенности, - возразил, улыбаясь, Тони.

- Интересно, сколько у этих девчушек на Мазерати лошадиных сил? – спросил Майкл.

- Сейчас увидим, - ответил Тони и сказал:

- Только смотри вокруг, нет ли карабинеров.

Он нажал на педаль акселератора и Феррари, обогнав Мазерати, уверенно пошел вперед. Тони просигналил, и девушки подняли на прощание руки.

- Знаешь, - сказал Майкл. - Я так долго ждал этого дня, он даже мне снился, а сейчас совершенно не хочу улетать.

- Летишь к Шейле? - спросил Тони.

- Сначала в Нью-Йорк, к Шейле, потом домой, а затем уже в госпиталь на летную комиссию,- подтвердил Майкл.

- Волнуешься? - спросил Тони, бросив быстрый взгляд на Майкла.

- Нет, я знаю ее адрес. Я даже был у нее дома. Я обязательно ее найду, - ответил Майкл.

- Я о летной медкомиссии, - уточнил Тони.

- Чувствую себя замечательно, - сказал Майкл. - Не думаю, что будут какие-то проблемы.

- Чувства совершенно не смогут тебе помочь, - добавил Тони. - Я снова о медкомиссии.

Майкл улыбнулся.

- Майкл, у тебя проблемы с сердцем, - продолжил Тони. - Что тебе сейчас нужно - это ежедневный спорт. Далее же или сердце восстановится, или проблема обострится. Поэтому занимайся спортом под наблюдением врачей. Зная тебя и их, я, конечно же, понимаю, что этого не произойдет. Они будут тебя постоянно ограничивать, ты же будешь стремиться к максимальным перегрузкам. Но, все же, предупреждаю.

- Хорошо, - согласился Майкл.

- Хорошо, - задумчиво повторил Тони.

- Тони, извини, но я совершенно тебя не понимаю, - прервал его раздумья Майкл. - Позвони Веронике прямо сейчас и мы все встретимся вместе в Америке.

- Я даже не пытался ее искать, - сказал Тони. - Мне кажется, все это бесполезно.

- А мне кажется, что нет, - возразил Майкл.

- Бесполезно, - добавил Тони.

- Сказала ли она, что тебя не любит? - спросил Майкл.

- Нет, - ответил Тони.

- Сказала ли она, что не хочет тебя видеть? - снова спросил Майкл.

- Нет, - ответил Тони.

- Сказала ли она, наконец, никогда мне не звони?

- Нет, - снова ответил Тони.

- Видишь? - сказал Майкл.

- Нет, - ответил Тони. - Проблема в том, что у Вероники нет постоянного адреса, у нее нет собственного дома, она постоянно переезжает с одного места на другое, полная противоположность мне. Конечно же, я звонил бесконечное число раз, но ее телефон не отвечает и я уверен, что работа занесла ее уже в другую страну.

- Что тебе известно о ее работе? - спросил Майкл.

- Она ищет одного неизвестного художника, сохранилось только несколько его картин, - ответил Тони. - Сначала Вероника жила на Крите, потом переехала в Венецию, где мы и встретились, известная тебе часть моей жизни, а затем планировала поездку в Рим. Вероника...

- Подожди, - прервал его Майкл.

Тони вопросительно посмотрел на Майкла.

- Не забывай о дороге, - попросил его Майкл. – Мне уже успели надоесть госпитали.

- Хорошо, - согласился Тони, переведя взгляд перед собой.

- Какие-то отдаленные ассоциации, - сказал задумчиво Майкл. - Как будто бы я знал и забыл ответ на твой вопрос.

Он помолчал немного, пытаясь что-то вспомнить.

- Что-то связано с тем, что мне говорила Шейла, - сказал Майкл. - Прости, никак ничего не приходит в голову. Ты же сам говорил, что у меня медицинские проблемы.

- С сердцем, - улыбнулся Тони. - Запомни. Как у железного дровосека.

- Несомненно, - согласился, улыбнувшись, Майкл. – И все же, что тебе известно о ее художнике?

- На его картинах всегда присутствуют две стихии, - ответил Тони. – Стихия воды и огня. Горящий огонек свечи, мальчик, задувающий огонь, отражение огонька пламени или звезд в воде. Его школа живописи не похожа ни на византийскую, ни на венецианскую, ни на испанскую. И еще, у него совершенно нереальный свет, свет какого-то неземного светила, ослепительно мерцающе-дрожащий...

Майкл с интересом смотрел на Тони.

- Что? – спросил Тони.

- Как будто бы передо мной брезжит свет, похожий на свет твоего художника, но я ничего не могу рассмотреть, - сказал Майкл.

Тони остановил Феррари у аэропорта. Они, ничего не говоря, вышли из машины. Тони открыл багажник и взял сумку Майкла. Майкл стоял, опершись локтем на крышу машины, и задумчиво смотрел перед собой.

- Идем, Майкл, - улыбнувшись, сказал Тони. – Иначе ты никогда не улетишь к своей Шейле.

- Идем, - согласился Майкл.

Они вошли в аэропорт *Capodichino*, окунувшись в атмосферу расставаний и встреч, ожидания будущего и возвращения к прошлому, сотни людей окружали их, и воздух был наполнен приглушенным гомоном непонятных языков и тихой незнакомой музыкой.

- Для радости встречи все же нужно прощание, - сказал задумчиво Тони.

- Не всегда, - возразил Майкл.

- Просто пытаюсь сам себя поддержать, - объяснил Тони. - Билет ты можешь купить вот здесь.

И Тони показал рукой на стойку справа.

- Тебе нужна моя помощь? – спросил он.

- Нет, спасибо, подожди меня здесь, - ответил Майкл.

Майкл оставил Тони, подошел к стойке и наклонился к сидящей за ней девушке. Тони отошел в сторону, чтобы не мешать проходящим людям и прислонился спиной к стене.

Майкл и девушка за стойкой оживленно о чем-то говорили. У девушки были торчащие ежиком короткие ярко-желтые волосы.

- Это не для меня, - подумал Тони. - А Майкл, кажется, даже увлечен. Не понимаю.

Тони перевел взгляд на Майкла. В этот момент Майкл повернулся и показал рукой на Тони. Девушка подняла голову над стойкой и тоже повернулась к Тони. Волосы на другой стороне ее головы были окрашены в нежно-голубой цвет. Глаза девушки и глаза Тони встретились. Тони улыбнулся и приветственно помахал ей рукой. Девушка улыбнулась ему в ответ и повернулась к Майклу.

- Точно, не для меня, - снова подумал Тони.

Майкл продолжал что-то оживленно говорить.

Телефон Тони зазвонил. Тони достал из кармана трубку, включил ее и поднес к уху. Он не успел ничего сказать, его перебил взволнованный голос Инги:

- Тони, привет. Как вы там, среди запустения морали и нравов аэропорта? Майкл еще не улетел? Ему привет тоже. Не мог ли бы дать мне отпуск на пару месяцев съездить в одну страну?

- В какую? – с подозрением спросил Тони.

- Не скажу, - ответила Инга.

- Нет, - возразил Тони. - Даже не думай об этом.

- Точно, как в семье Монтекки, - возмущенно сказала Инга. – Какая-то курьезная традиция прошлого.

- Монтекки? - переспросил Тони.

- Или Капулетти, - добавила Инга. – Живу под постоянным давлением воспитания прошлого и настоящего и даже не знаю, что ждет меня в будущем.

- Новое, не прекращаемое воспитание, - ответил Тони.

Инга на другом конце телефонной линии тихо вздохнула.

- Прощай Инга, - сказал Тони.

- Прощай? – с надеждой в голосе переспросила Инга.

- До свидания, - сказал Тони и отключил трубку.

Тони повернулся и оказался лицом к лицу с Майклом.

- Получилось? – нетерпеливо спросил его Тони.

Майкл помахал в воздухе билетом на самолет.

- Где она смогла найти тебе место? – с удивлением спросил Тони. – В бизнес-классе?

- Лучше, - ответил Майкл.

- Неужели в первом классе? – спросил Тони.

- Еще лучше, - ответил Майкл.

- Что может быть еще лучше? – снова спросил Тони.

- Вместе со стюардессами, - ответил Майкл.

- Ты неисправим, - рассмеялся Тони. - Летишь к своей Шейле, а думаешь о стюардессах.

- Шучу, - сказал Майкл.

- Замечательно, - добавил Тони. - Несмотря даже на то, что потребовалось много времени, чтобы получить билет. Особенно учитывая вид этой девицы.

- На билет как раз понадобилось немного времени, - сказал Майкл.

- Что же задержало тебя так долго? – с удивлением в голосе спросил Тони. - Не она же.

Тони бросил взгляд на девушку. Она улыбнулась и помахала ему в ответ рукой.

- Нет, - ответил Майкл. – Задержало вот что.

Он протянул Тони лист бумаги с напечатанным на нем компьютерным текстом.

- Что это? – спросил Тони, беря лист из рук Майкла.

- Маршрут полета Вероники с указанием всех мест и времени взлетов и посадок: Венеция - Рим - Мадрид - Толедо.

Тони посмотрел на Майкла широко открытыми глазами.

- Вероника ищет одного из учеников Эль Греко, - пояснил Майкл. - По твоему описанию, у них совершенно одинаковый стиль создания картин. Ты еще не понимаешь?

- Абсолютно ничего, - ответил Тони.

- Смотри, - сказал Майкл. - Я же помню, Шейла говорила об этом. Незнакомый художник, как и Эль Греко, по происхождению грек и родился, впрочем, как и Эль Греко, на Крите, который в то время принадлежал Венеции. Помнишь, Вероника была перед Венецией на Крите? Затем Эль Греко переехал в Венецию, а затем в Рим, как и Вероника. Мы же стояли с Шейлой в Мэте перед “Видом на Толедо” - одной из последних картин Эль Греко. Я уверен Вероника сейчас в Испании, точнее в Толедо.

Тони смотрел на Майкла восхищенными глазами и не говорил ни слова.

- Тебе нужен билет? - спросил Майкл и улыбнулся. - Рядом со стюардессами?

Он снова повернулся к девушке, вместе с ним повернулся и Тони. Девушка снова улыбнулась и помахала приветственно Тони рукой. Тони улыбнулся ей в ответ.

- Тебе она не нравится? – спросил Майкл.

- После твоей новости и ее помощи она мне нравится больше всех на свете, - ответил Тони.

- Хорошо, - сказал Майкл. – Потому что сегодня вечером ты угощаешь ее ужином в ресторане. Минут пятнадцать назад она уже согласилась.

Г Л А В А 66

Нью-йоркский дом Шейлы выглядел так же, как и несколько месяцев назад. Майкл вышел из лифта и остановился перед дверью в ее квартиру. Все здесь было по-прежнему, как будто бы он никогда никуда не уезжал. Майкл сделал глубокий вздох и позвонил. За дверью послышались быстрые легкие шаги. Дверь распахнулась. На пороге стояла незнакомая высокая стройная девушка. Она была в белом длинном махровом халате, босиком, ее длинные мокрые волосы были отброшены назад, а на лице еще оставались капельки воды. Девушка отбросила правой рукой прядь волос, улыбнулась и сказала:

- Привет, Майкл.

Майкл оторопел. Он видел ее впервые в жизни и впервые в жизни не знал, что сказать девушке.

- Привет, - после секундного молчания сказал Майкл.

За спиной девушки на пороге возник такой же высокий, длинноволосый и мокрый парень, тоже в длинном белом махровом халате, и тоже босиком.

- Привет, Майкл, - сказал он и улыбнулся.

- Привет, ребята, - ответил Майкл.

На его лице было написано такое недоумение, что ребята рассмеялись.

Девушка показала рукой на эмблему с именем Майкла на груди его летной куртки и пожала плечами. Майкл улыбнулся.

- Эллиен и Крис, - представила себя и своего друга Эллиен.

- Майкл, - представился Майкл.

Эллиен расхохоталась и повалилась на спину. Крис подхватил ее под мышки и потащил в дом. Эллиен продолжала смеяться, не в силах остановиться, и ее ноги оставляли на полу две мокрые полосы.

- Заходи, Майкл, - крикнул из глубины квартиры Крис. – Заходи навесить чурающихся всякого общения за последние пару дней пару людей. “Кто войдет сюда, окажет мне честь”.

- Ты забыл вторую часть фразы, - добавила громко Эллиен и расхохоталась еще громче.

Майкл, перешагнув порог, вошел комнату. Комната была практически пустой, на полу лежал большой белый пушистый ковер, у дальней стены стоял огромный

плоский экран телевизора, напротив него располагался угловой диван и небольшой стеклянный столик с кофеваркой и двумя чашечками кофе. На стене висела огромная яркая сюрреалистическая картина. Эллен и Крис уже успокоились и сидели на диване.

- Чудесная квартира, - сказал Майкл.

- Спасибо, - ответила Эллен.

- “Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины”, - добавил Крис. – Чтобы ты ни делал, пожалуйста, не выходи на балкон и не смотри вниз. Своими непрекращающимися реконструкциями они когда-нибудь откроют в Земле Девятые врата.

Эллен рассмеялась, потрепала его по мокрым волосам и сказала Майклу:

- Как я люблю его за это. Присаживайся, Майкл.

Майкл улыбнулся вместе с ней и присел на край дивана.

- Я не отвлекаю вас от неотложных дел? – спросил он.

- Нет, - ответила Эллен. - Мы спорим.

- О чем? – спросил Майкл.

- Еретик ли Папа Римский? – ответила Эллен.

- Вольтеровский спор, - уточнил Крис.

- Спорите с Вольтером? – спросил Майкл и повернулся к Крису.

- С ним трудно спорить, - ответил Крис.

- И кто на какой позиции? – спросил, ничего не понимая, Майкл.

- Ты не понял меня, Майкл, - ответила Эллен. – Мы на одной позиции, а спорим со здравым смыслом.

Майкл повернулся к Эллен.

- Причем у меня еще осталась его капля, - уточнила она и улыбнулась.

- Истина вредит себе болтливостью, - добавил Крис. - Что привело тебя, Майкл, в Квинс?

- Странная история, - ответил Майкл. – Я ищу Шейлу. Она жила год назад в этой квартире.

- Мы переехали сюда только вчера, - сказал Крис. – Квартиру покупал наш юрист. Я ему сейчас позвоню.

Эллен налила Майклу кофе.

- Даже не спрашиваю, знаю, что будешь пить, - сказала Эллен. – Потому что кофе чудесный.

- Сказано более, чем скромно, - улыбнулся Крис.

Майкл взял тоненькую фарфоровую чашечку и сделал маленький глоточек горячего кофе. Кофе действительно был чудесным и ароматным.

- Спасибо. Замечательный кофе, - поблагодарил Майкл.

- Видишь? - сказала, обращаясь к Крису, Эллен. - Я же говорила, что надо было покупать кофеварку *Cuisinart*. И оказалась права.

- Ты должна избавиться от сибаритства и роскоши предрассудков, - улыбнулся Крис, набрав номер и поднеся к уху телефонную трубку.

- Никогда, - возразила Эллен.

- Ты отстаиваешь только свой выбор, в подоплке скрывая феминизм. Обычная интеллектуальная мимикрия. Майкл еще не пробовал кофе, сделанное кофеваркой *Bosch*, - возразил, отводя трубку от уха, Крис.

- Ты думаешь, что оно понравилось бы Майклу больше? – спросила Эллен.

- Несомненно, - ответил Крис. - В тебе еще и говорит божественная маргинальность.

- Во мне говорит разум и практичность, - уточнила Эллен.

- Разум и практичность при женской абберации восприятия действительности, - в свою очередь уточнил Крис.

- При женской абберации? – переспросила Эллен.

- Пригласите, пожалуйста, Рика Джонсона, - сказал в трубку Крис.

В комнате повисла пауза.

- Кстати, какая была вторая часть фразы? – спросил Майкл.

Эллен недоуменно посмотрела на Майкла.

- “Кто войдет сюда, окажет мне честь”, - напомнил Майкл.

- “кто этого не сделает, доставит мне удовольствие”, - сказала Эллен. – Прости, Майкл, мы действительно рады тебя видеть.

- Привет, Рик, - сказал в трубку Крис. – Как поживаешь? Как настроение?

В трубке Рик что-то ответил.

- Ну и как? – иронично спросила Эллен.

- Ужасное, - ответил Крис. – Какая-то диковинная хореография мыслей по поводу вчерашнего.

-Что-то случилось? – с тревогой в голосе спросил Майкл.

- Им обоим надо бросать в таких количествах пить, - объяснила Эллен. – И Риду, и Крису.

- Рик клянется, - сказал Крис Эллен, - что джин попался совершенно неважный. И вообще надо переходить на *Джек Дэниэлс*.

- Эпигоны Бахуса, - сказал Эллен.

- Я не возражаю, - сказал Крис в трубку. - Да, я согласен, это довольно претенциозно, хотя и с налетом романтического пафоса.

- Шейла, - напомнил Майкл.

- Несомненно, - сказал Крис в трубку. – Послушай, Рик, кто жил в этой квартире до нас? Можешь ли ты найти их адрес или телефон? Точнее, ее.

Снова наступила пауза. Майкл сделал еще один глоточек чудесного обжигающего кофе.

- Спасибо. Пока, - сказал Крис и положил трубку на журнальный столик.

- Что? – с нетерпением в голосе спросила Эллен.

- Майкл, - сказал Крис. – До нас эта квартира принадлежала одной пожилой паре, которая в данный момент живет в Ницце и не была в Нью-Йорке последние десять лет.

Майкл смотрел, не зная, что сказать, на Криса.

- Кофе? – предложила Эллен.

- Нет, спасибо, - ответил Майкл.

- Видишь, - сказал Крис Эллен. - Кто же покупает кофеварки *Cuisinart*? Еще и столько критических замечаний по их поводу.

- Каждая кофеварка имеет своих ценителей и пересмешников, - отметила Эллен.

- Я попадаю в разряд пересмешников? – спросил, улыбаясь, Крис.

- Ты еще можешь перейти в разряд ценителей, - предложила Эллен.

- Спасибо, - сказал иронично Крис.

- В идиосинкразии вкуса твоего кофе..., - начал он.

- Ребята, спасибо. Кофе был чудесный, - прервал их Майкл. – У меня к вам еще одна просьба.

- Да, - сказали хором Крис и Эллен и повернулись к Майклу.

- Шейла оставила мне ключ от квартиры, - продолжил Майкл. - Можно мне его попробовать?

- Конечно, - снова хором ответили ребята.

Майкл поставил кофе на стеклянный столик, поднялся и подошел к двери. Ключ легко вошел в замок, но Майкл так и не смог его открыть.

Г Л А В А 67

Майкл проснулся и некоторое время совершенно не мог понять, где он. Всю ночь рядом с ним была Шейла, его раскрывшийся в полночь тропический цветок уходящего в никуда забытого мира, еще пытающегося поймать его взгляд. Она может жить только рядом с тобой, - говорила Лаура. Шейла тихонько спала, положив ладошку под щеку, и ее чудесные волосы рассыпались на освещенном осенней луной лице. - Спасибо, Тебе, - думал Майкл, - за дождь и музыку Вены, ночь над океаном,

просыпающийся осенний Нью-Йорк, за небрежную цепочку событий, принесших в мою жизнь это очарование, за чудо, вошедшее в мою жизнь над ночным океаном, за снова проснувшееся во мне восхищение, это случается со мной все реже и реже, так тихо и спокойно, как будто бы ничего не происходит, моя любовь рождается в тишине, под треск свечей в разноцветных лучах *Great Rose Window* в осеннем Нью-Йорке, и у меня нет ничего, о чем попросить Тебя, кроме добра и счастья для этой девочки. “Когда ты спишь на ладони под бабочками волос”, - тихо сказал Майкл. Шейла открыла глаза и улыбнулась. И снова наступало утро и где-то совершенно рядом снова были еще не проснувшийся Сан Патрик и только что уснувший Таймс Сквер. Какое самое чудесное событие, которое с тобой не произошло? – спросила тихо Шейла. Это ты, - также тихо ответил Майкл, - ты исчезаешь со своим исчезающим по утрам миром и мне никак не задержать и не остановить тебя. И они снова шли вместе к Высокому Алтарю, над которым парил Бронзовый балдахин в белом мраморном пространстве Собора, парил в пространстве, наполненном едва слышным треском и запахом горевших свечей, отдаленными голосами, то ли только что зашедших в собор людей, то ли бывших здесь когда-то очень давно, зашедших за надеждой, утешением или просто добрым словом, зашедших перед долгой дорогой, в горе или радости, в хорошие времена или плохие, или просто влюбленных.

Майкл окончательно проснулся.

Было около шести часов утра, стояло жаркое лето. Птицы в дереве рядом с окном Майкла отпели восход и замолчали, как будто бы уснули снова. Включилась первая газонокосилка и воздух наполнился запахом свежескошенной травы, смешанным с кошмарными дребезжащими звуками. Тут же проснулись собаки.

- А действительно, коты лучше, - подумал Майкл.

Шум дополнился лаем, и от этого невыносимого в такое раннее утро шума сработала автоугонная сигнализация какой-то машины.

- Очень странно, - подумал Майкл.

Странно было не от того, что она сработала, неожиданно надежность много была далека от совершенства, странно было потому, что многие здесь в этом небольшом городке под Бостоном с небольшим населением тысяч в десять человек вообще не вытаскивали ключи из замков зажигания, чтобы не искать по утрам. Не до того.

От поднятого шума снова проснулись и запели в дереве птицы и все вместе с головой Майкла пошло по кругу. Впереди была еще пятница, миллион лет до уик-энд, также наполняемого по утрам голосами птиц, газонокосилок и автоугонок.

- Как тяжело сове просыпаться рано утром, еще и в такой какофонии, - подумал Майкл. - Ни свет, ни заря. И совершенно нераскрывающиеся глаза и крылья. Бывают моменты, когда каждая сова мечтает стать жаворонком. Так тяжело выживать в этом мире. Не из-за этого ли население здесь всего десять тысяч? Теперь окончательно понятен ответ на вопрос Умы Турман: “Ты больше любишь слушать или ждешь, чтобы сказать?” - Только бы ничего не слышать в это утро.

Шейла, казалось бы, в прошлой жизни, говорила:

- Осенью мне больше нравится слушать.

- Только не здесь. – подумал Майкл. - Вредно смотреть “Криминальное чтиво” и одновременно слушать такой шум.

Вечера были не тише. Небольшая школа городка имела, к полному сожалению, чудовищно огромный школьный оркестр с чирлидерами и всем прилегающим. Недавно оркестр купил новые барабаны, похожие на огромные, разрезанные пополам шары. Новые барабаны уже выставляли на площадке перед школой во время репетиций, но еще на них не играли, наверное, проводили моральную подготовку населения. По вечерам школьный оркестр маршировал по городу, неся радость в каждый дом.

- Только бы не исполняли гимн, - думал Майкл. - Тридцать лет минимум без права обжалования.

Яркий утренний луч солнца нырнул в комнату, внезапно затихла автоугонка и Майкл окончательно проснулся.

До прохождения летной медкомиссии весной, он был направлен в Массачусетс, как консультант, в группу, занимающуюся доводкой нового прицела для *F-18*.

Г Л А В А 68

Бостон, небольшой по масштабам город по сравнению с американскими мегаполисами, с диким смешением архитектурных стилей, с домами подобными европейским, входящими клиньями кварталов в островки небоскребов, в зеркальных стенах которых отражались стоящие рядом церкви и соборы, был одним из немногих городов, подобных Нью-Йорку, Вашингтону, Чикаго и Сан-Франциско, в которых люди еще заполняли улицы в течение дня и по вечерам.

Еще во времена викингов древние скандинавы уже добирались сюда. Известная из саг земля Винлэнд, открытая в 1000-х годах Лэйфом Эрикссоном, сыном Эрика Рыжего, лежала где-то здесь на побережье Массачусетса. Название Винлэнд, как и слово *вин*, было связано не с вином, а с окружающей плоской местностью. Позже пуритане, 102 пилигрима, жертвы религиозных преследований Церковью Англии, прибыли на Кэйп Код, основали новую страну Плимут, подписали мирный договор с индейцами и праздновали свой первый День Благодарения, новый праздник в новой стране, сулящей равенство и счастье. Новый город был назван Бостоном в честь покинутого города в Англии, а новый созданный здесь же университет - Гарвардским, в честь Джона Гарварда, тоже пуританина, передавшего ему свою библиотеку.

Первой знакомой Майкла в Бостоне оказалась Лори, занимавшаяся документами, связанными с его переводом в *MIT*, Массачусетский технологический институт. Майкл познакомился с ней совершенно случайно, утром, на студенческом стадионе. Готовясь к летной медкомиссии, Майкл пробегал ежедневно четыре-пять миль. В то утро вход на стадион был закрыт желтыми лентами с предупреждающими надписями, совершенно как в детективных фильмах. Перед входом стояла в

найковском белом спортивном костюме и в таких же найковских белых кроссовках девушка. Майкл подошел поближе, и девушка повернулась к нему.

- Шейла, - выдохнул Майкл.

Перед ним стояла Шейла, точнее незнакомая девушка, очень похожая на Шейлу, но что-то в ней было совершенно иным.

- Лори, - поправила его девушка. - Но ты можешь называть меня Шейла.

- Майкл, - представился Майкл. - Лори - чудесное имя. Очень приятно познакомиться.

- Ныряем под лентами и бегаем, - предложила Лори. - Что они заставят нас за это платить двойные налоги?

И они побежали.

После пробежки Майкл пригласил Лори поужинать позже в самом чудесном месте по ее выбору.

Самым чудесным местом, по мнению Лори, оказалось небольшое кафе на корабле Центра по изучению китов, а сам ужин был заменен ланчем.

- Чудесная погода, - уточнила Лори. - Еще не мигрировали киты в воды Карибов, не начались снежные заносы и не надо откапываться по утрам. Знаешь, какой у меня календарь? Машина у соседского дома. К концу января над снегом останется только ее крыша, в феврале она исчезнет совсем, а в марте начнет появляться. Непонятно, почему древние не применяли этот метод наряду с солнечными часами?

Майкл рассмеялся.

Через несколько часов их окружал открытый океан с соленым ветром и волнами, как будто бы Бостон так и не случился в их жизни. Майкл и Лори стояли на носу корабля, и Лори счастливо улыбалась, отворачиваясь от летящей в лицо соленой воды.

- Ты любишь океан? – спросил ее Майкл.

- Океан, как и небо, несет в себе бесконечность, - ответила Лори.

Корабль опустил нос навстречу огромной волне, и она окатила их зелеными брызгами. Лори прижалась, защищаясь от летящих соленых капелек, к Майклу.

- Лори, в твоей душе живет поэт, - сказал Майкл, пытаясь закрыть ладонями ее лицо от летящей воды.

- Наверное, в каком-то ее уголке, - согласилась Лори.

Брызги океана, заполнившие все вокруг, медленно осели на палубу. Корабль снова поднял нос.

- Что еще остается, когда работаешь с учеными, - добавила Лори. – Хотя все они в душе поэты.

Она вытерла рукой капельки океана с лица и добавила:

- Поэтому я ничего не понимают в физике.

- Абсолютно ничего? – уточнил Майкл и улыбнулся.
- Особенно в бесконечности, - добавила Лори. – И особенно в городе.
- Ты шутишь, - сказал Майкл.

- Нет никакого бесконечного континуума пространства и времени, - продолжила Лори. - Город изменяет и пространство, и время. Время растягивается его огромными дистанциями, особенно на пути на работу, конечно, если не опаздываешь, и сжимается короткими вечерами после нее. Пространство же втиснуто между стенами домов, как люди в лифтах или метро в часы пик. Мы выглядываем в окно, чтобы увидеть мир, а видим такое же окно в доме напротив. На мир мы смотрим в окно телевизора, но чаще всего видим его рекламу или очередной короткий сериал о нереальной жизни, не оставляющий никакого пространства для мысли.

Лори перевела дыхание и добавила:

- Телевидение – это пандемоний сентенций, как говорит Керт.
- Керт? – переспросил Майкл.
- Программист из соседней группы, - уточнила Лори. - Профессиональный музыкант, знаток псевдо-философских тайных обществ и хоббитов.

Она взглянула на Майкла, поправила рукой взлохмаченные ветром волосы и спросила:

- Я ужасно выгляжу?
- Для океана ты выглядишь чудесно, - улыбнулся Майкл.
- Поэтому я и не люблю город, - сказал Лори. – Там еще нет и китов.

Корабль шел и шел вперед, и с него была видна до самого горизонта только вода, как будто бы не было ни Бостона, ни вообще никакой цивилизации, ничего, кроме океана вокруг и везде, и еще и китов, поднимавшихся наверх, к его поверхности, за глотком воздуха. И было совершенно непонятно, как можно было найти китов в открытом океане в течение часа, причем Майкла и Лори предупредили, что киты отошли дальше и возможно их не удастся увидеть. Но, наверное, им, все же, повезло, китов было шесть, и это был первый такой удачный день в этом году.

- Горбуны, - пояснила Лори. - Видишь белые и черные пятна на хвосте?
- Да, - ответил Майкл. - Всю жизнь в океане и никогда не видел китов.
- Кит в брачный период поет самую длинную и сложную песню в своем мире, в *Animal Kingdom*, в Королевства зверей, - сказала Лори и неожиданно спросила:
- Почему вы перестали петь песни, Майкл?

Майкл задумался.

- Мир меняется, - предположил он. – Мы втянуты в круговорот проблем и времени остается только на то, чтобы выплыть.
- Почему вы перестали петь песни, Майкл? – снова повторила свой вопрос Лори.
- Не перестали же совсем, - уточнил Майкл. – Есть же чудесная музыка.

Лори заинтересованно повернулась в нему.

- Например, “Карнавал животных” Сен-Санса, - пошутил Майкл.

Лори грустно улыбнулась.

- Я не понимаю ничего в классической музыке, Майкл, - сказала она. - Как, впрочем, и в живописи. Я получаю удовольствие от красоты мира, которую больше нигде не найти. Я живу удовольствием от общения с миром и мне абсолютно неинтересны все теории живописи или музыки.

- Например, - уточнил Майкл.

- Даже смешно сказать, - ответила Лори. – Почему, например, не улыбалась Мона Лиза. Ну не было ей смешно в тот момент. Или Леонардо так и не смог ей спеть свою песню.

Майкл улыбнулся.

- Обычно причина разочаровывает. Ты не находишь? – спросила Лори.

- Иногда, - ответил Майкл.

- Разочаровывает или ты не находишь? – уточнила Лори.

- Поэтому ты считаешь, что причину не стоит и искать? – вопросом на вопрос ответил Майкл.

- Зачем миру женщины, которые ищут причину?- спросила Лори.

Вечером Майкл и Лори ужинали в ресторане на верхнем этаже самого высокого в Бостоне небоскреба, и с 52-го этажа был виден весь город, океан, расположенный в Кембридже Массачусетский технологический институт с громадными спутниковыми антеннами на крышах, Гарвардский университет, старинные церкви, небоскребы со стеклянными стенами, паутина автострад и порт с кораблями.

Садилось солнце, заканчивался день и начинался новый период в жизни Майкла. Сегодня он был в прибрежном океане, похожем на настоящий, в теплом, спокойном океане с прирученными китами, рядом сидела девушка очень похожая на Шейлу, а завтра его ждала работа - полеты на наземном тренажере истребителя *F-18*, абсолютно похожем на его боевую машину.

Г Л А В А 69

Прозвенел звонок, Майкл открыл дверь. На пороге стояла Лори.

- Доброе утро, Шейла, - сказал Майкл и поправился, - Лори. Прости.

- Я уже привыкла, - сказала Лори. - Мне даже нравится мое новое имя. Собирайся, подброшу тебя в *MIT*.

Они приехали в Массачусетский Технологический ровно в 8:00 утра. В отличии от военных организаций, никто здесь из инженеров не придавал особого значения

времени начала и конца рабочего дня. Вовремя на работу приходили только Майкл и Крис, инженер-электроник, занимающийся аналоговым модулем прицела. Все остальные приходили и уходили позже положенного. Как хобби, возникшее из-за нереализованной детской мечты или же по какой-то другой совершенно прозаической причине – из-за скуки семейной жизни, отсутствия хобби, а может быть даже потому, что школьный оркестр маршировал с огромными барабанами мимо окон его дома, Крис по вечерам работал волонтером-пожарным в одном из небольших городков Бостона.

- Наверное, это его и дисциплинировало, - подумал Майкл, - как меня *Navy*. Крис работает, а я все еще прихожу в себя, наверное, не совсем еще организован до уровня местной пожарной команды. Что же касается остальных, наверное, их отсутствие связано с надписью на спине пожарной футболки Криса, в которой он снова пришел на работу: “Стой в 300 футах от этой точки”. На этом расстоянии они все и живут. Может быть, восприняли это сегодня буквально?

- Майкл, ты видел скопление пожарных машин и машин скорой помощи вчера вечером? – спросил Крис.

- Нет, - ответил Майкл. - Что-то случилось?

- Мы выезжали к человеку, который отравился ядовитыми грибами, - сказал Крис.

- Грибы же в лесах здесь никто не собирает. Где он в Бостоне нашел ядовитые грибы? – спросил с удивлением Майкл.

- У себя в холодильнике, - ответил Крис.

Дверь открылась и, как обычно, с тридцатиминутным опозданием, ввалился Керт, программист, игравший в девяностых в профессиональной музыкальной группе, похожий в юности на Арамиса, а сейчас уже больше на Портоса. На фотографии с бас-гитарой на сцене, с длинными светлыми вьющимися волосами, освещенный лучами прожекторов, Керт выглядел как всплеск солнечных вихрей. Рядом с этой фотографией в его кьюбикле висела фотография точно таких же жены и ребенка, но уже в лучах солнечного света. Вся троица выглядела совершенно одинаково и представляла собой источник света и загара. Керт жил в каком-то своем виртуальном мире вместе со своими восторгами и музыкой. Недавно в его мире появилась пицца, он начал приносить ее каждый день и всех угощать.

- Ребята, - сказал Керт, входя с очередной большой коробкой пиццы. – Сегодня курица с ананасами. Я, кстати, никак не могу понять, почему такое название для праздника *Labor day*, День труда? Наверное, потому что не работаем.

Он положил коробку с пиццей на стол, открыл ее и сказал:

- Они ненормальные.

- Неясно только кто, - уточнил Крис. - То ли они, потому что придумали такое название, то ли мы, потому что не работаем.

- Мне непонятно, почему вообще такое небольшое количество праздников у нас в Америке по сравнению с Европой, - добавил Майкл. - Всего лишь восемь в году. Буш мог бы выиграть предвыборную кампанию на третий срок, невзирая ни на какие

ограничивающие законы, если бы выступил с лозунгом десяти праздничных дней в году.

- Ему потребовалось бы тридцать праздников, - сказал Крис, - после всех его политических неудач.

- И следующий только в конце ноября, День Благодарения, - уточнил Керт.

- Кошмар, - сказал Крис. – Кстати, почему ты вспомнил День труда, который давно прошел и дело идет ко Дню благодарения?

- Потому что оно идет очень медленно, - ответил Керт.

- Кошмар, - сказал Крис.

- Абсолютно точно, - согласился Керт. - Эпикур сказал: “ Удовольствия должны быть управляющим принципом жизни” и в четвертом столетии в Риме было 175 праздничных дней.

- Эпикур не был римлянином, - возразил Майкл.

- Но зато как был прав! – сказал Керт. - Чувствую себя римлянином.

- Я, иногда, тоже, - согласился Крис.

- Почему мы не любим праздновать с размахом? - продолжал сокрушаться Керт. - В смысле, праздновать, не останавливаясь, несколько дней в каждом месяце. Какая-то обратная сторона стабильности.

Вошел Пол, как всегда, в костюме, галстук, приглушенных тонов светлой рубашке и, скорее еще по привычке, в светлых летних туфлях, один из лучших программистов института.

Ребята затихли, погружаясь в ежедневные проблемы.

С момента возвращения Майкла из Европы произошло огромное число событий. Но, несмотря на это, Майкл скучал, ему не хватало Шейлы, друзей по *Navy*, ребят из Италии, веселых вечеров, детской беззаботности и еще чего-то неуловимого, чего Майкл совершенно не мог объяснить, плюс огромного количества европейских праздников. Жизнь была похожа на жизнь в гостинице или на затянувшееся путешествие. По спортивным каналам показывали только бейсбол. Играли *New York Yankees*, Янки из Нью-Йорка и *Boston Red Sox*, Красные Носки из Бостона. Вокруг был полусонный, заваливаемый мокрыми осенними листьями Бостон и игроки, машущие мокрыми бейсбольными битами, на экранах телевизоров.

- Полные признаки осени, - подумал Майкл.

Фанаты бостонской бейсбольной команды до такой степени не любили *New York Yankees*, что орали: “Янки - младенцы!” на всех играх, даже когда играли с другой командой. Чикагская команда *Cubs* снова вывалилась из мировой серии. С этой командой, объяснила Лори, произошла странная история. Команда была создана в 1870-м, получила название *Chicago Cubs*, Медвежата из Чикаго в 1902-м, играла и выигрывала до 1945 года, пока не произошло странное событие. В 1945 году они вышли в мировую серию, где должны были сыграть семь финальных игр с *Detroit Tigers*, Тиграми из Детройта, и из первых трех игр в Детройте *Cubs* выиграли две и

одну проиграли. На четвертую игру один из болельщиков, грек по происхождению и владелец чикагской таверны Билли Сианис пришел с двумя билетами, одним для себя, другим – для своей козы. Козу он привел с собой, как, впрочем, делал неоднократно и до этого. Во второй половине игры Билли вместе с козой был выдворен со стадиона за непереносимый запах последней, на что Билли наложил на команду заклинание - *Cubs* больше никогда не выиграет Мировую серию. Так и произошло. Команда проиграла серию в Детройте и переместилась в разряд середнячков.

- Полные признаки осени, - снова подумал Майкл.

Ко всему, погода стояла совершенно ненормальная, заливало дождем с ураганным ветром, в одном из городков с тысячным населением были разрушены все дома, причем все это начиналось в Чикаго и во Флориде, смешивалось воздушными потоками над Бостоном, проливалось ливнем и вызывало торнадо в двух часах езды на машине к югу. Торнадо появлялись и уходили отсюда по касательной на восток.

Обстановка в группе Майкла по стихийности и непредсказуемости была ничем не лучше погоды, проблемы возникали каждый день и обострялись короткими сроками, данными на доводку прицела. Эти короткие сроки совершенно не давали никакой возможности двигаться по броуновской траектории, только по наикратчайшей прямой, правда, иногда совершенно непонятно куда.

- Наверное, это какой-то новый закон природы, - думал Майкл. - Закон успокоения и упорядочения хаоса, к чему Вселенные и разбегаются. Хотя, с другой стороны, трудно представить звезды на небе, расставленные квадратно-гнездовым способом.

Проект осуществлялся под управлением *Darpa, Defense Advanced Research Projects Agency* - Агентства перспективных научных разработок. Прицел был интегрирован в Глобальную информационную сеть поля боя, базирующуюся на *MILS*-архитектуре, *The Multiple Independent Levels of Security/Safety* – Множественных независимых слоев секретности и безопасности. Лозунг первых систем “*fail first, patch later*” - “отказал - отремонтируем позже” был заменен новым системным подходом с постоянным мониторингом состояния и предотвращением нарушения функциональности до того, как она могла наступить. В работе принимало участие также и *NSA, National Security Agency* – Национальное агентство по безопасности. *MILS*-архитектура, требующая при создании колоссальных усилий программистов и электронщиков, поддерживала системные функции на трех уровнях: на уровне *separation kernel* – выделенного ядра, на уровне *middleware* – промежуточного программного обеспечения и на уровне *applications* – приложений.

Применение глобальной информационной сети поля боя позволяло осуществлять назначение целей, времени и места создания авиационной группировки и нанесения удара динамически, когда самолеты были уже в воздухе. Оптимальный сценарий воздушного удара создавался программным обеспечением, базирующемся на алгоритмах генетики. Связанные сетью компьютеры, обрабатывая кинетический поток целей, условий и имеющихся ресурсов, генерировали набор сценариев воздушного удара, так называемый *ATO, Air Tasking Order*. Каждому из сценариев присваивался *fitness core* - показатель соответствия. Конкурируя друг с другом, выживали только сценарии с высокими показателями соответствия. Эти сценарии, комбинируясь друг с

другом в изменяющихся внешних условиях боя, генерировали новое поколение сценариев, имитируя биологический процесс выживания и воспроизводства.

Майкл сидел в тренажере, представляющим собой часть кабины *F-18*, стоящей перед огромным панорамным экраном. Самолет Майкла заходил на цель с направления Восток-Север-Восток. Ребята копались в недрах электронного прицела, поднимая взгляды на два огромных цифровых осциллографа.

- Как тебе здесь? - спросил Пол.

- В кабине? – вопросом на вопрос ответил Майкл.

- В Бостоне, - уточнил Пол.

- В начале это было похоже ваше метро, - ответил Майкл. - Вошли на остановке люди, стало тесно и неудобно, совершенно как в новом коллективе, потом все немножко утряслось, все привыкли, стало даже удобно, а затем на новой остановке вошли новые люди.

- Если бы в наш вагон вошел кто-нибудь из музыкантов, - сказал Керт откуда-то из недр развороченного блока.

- И несколько женщин. Но немного, - добавил Пол. – Это бы вас немножко организовало. Может быть, стали бы приличнее одеваться. В смысле, не в протертые джинсы, футболки и кроссовки.

- Скороспелая и скоропалительная теория, - возразил Керт. – Нас не изменить, как и наш респектабельный образ.

- Извини, что перебил, - сказал он Майклу.

- Все время проходишь мимо каких-то событий, ничего не замечая, как и мимо городов, птиц, музыки, озер, фильмов, книг, оставляя столько интересного позади, не видя случайно или просто не зная, - продолжил Майкл. – Я плыву по течению, и вся моя жизнь зависит только от нескольких людей, а совершенно не от меня. Я жду эту медкомиссию, как попытку к бегству из сегодня. Я только и делаю, что жду, хожу на работу, бегаю в парке неподалеку, сижу по воскресеньям на волнорезе, смотрю фильмы, слушаю джазовых женщин, брожу по паркам, и нет практически никаких желаний, кроме как ускорить течение времени. Когда устаю, даже приятно осознавать, что меня несет спокойным течением жизни, невзирая на газонокосилки по утрам. По вечерам же сижу у дома. Светляки мигрировали от меня к дому напротив и падают ночью в траву с деревьев, как звезды.

- Ты только не падай духом, Майкл, - попросил его Керт.

И ребята снова замолчали, занятые каждый своим делом.

- Вот и осень, – думал Майкл. - Чем она мне нравится? Красками? Здесь осенью в основном красные оттенки листьев, очень необычная гамма цветов практически без желтого. Никогда не задумывался, какой цвет мне нравится больше всего. Или осень нравится музыкой? Что лучше слушать осенью? Или настроением? Или дождем? Японскими танками? Картинами? Тишиной? Чем?

- Это все прогнозирующий блок, - внезапно сказал Керт. - Читали, Берт Рутан получил приз в двадцать миллионов долларов за построенную частным образом ракету без помощи всяких государственных космических агентств и всяческих космических организаций, занимающихся этим десятки лет?

Никто не откликнулся, все были заняты своей работой.

- Я же могу запустить на орбиту наш прогнозирующий блок, когда он мне окончательно надоест, - добавил Керт и начал очередную историю о роке и поклонниках.

- Осенью мне больше нравится слушать, - говорила Шейла.

Открылась дверь, все замолчали, вошла Лори из соседней группы.

- Ребята, - сказала она. - Эта томная осень окончательно притупила мои мысли и снизила активность. Но, тем не менее, поделюсь своим открытием. Только что сделала. Увидела внезапно появившуюся помаду на клавиатуре и решила почистить клавиши. Обратила внимание на свой *Enter*. Он оказался темнее остальных. Открытие же заключается в определении характера по загрязнению клавиатуры. Если грязноват *Enter*, то хозяин клавиатуры - добрый, покладистый и контактный человек. Его всегда приглашают на ланч. Правда, мое открытие дает иногда сбои, еще и бывают разительные исключения.

- Мы приглашаем тебя сегодня с нами на ланч, - сказал Крис.

- Ребята, - сказал Керт. - Только что я провел экспресс-исследование своей клавиатуры. Помады нет. По моей теории, это результат празднований дней рождений не в фирме. До полного определения причин необходимы дополнительные тесты. Наиболее стертыми оказались буквы, что означает, что хозяину клавиатуры всегда есть что сказать. *Enter* оказался грязноват только на границе с *Shift*, что может означать ограниченное проявление доброты, покладистости и контактности, доходящее до *Shift*, сдвига. Лори, если твое открытие не дало сбой или сбой не дал *Enter*, то даже не знаю, что подумать.

Лори рассмеялась:

- Тогда второй для тебя тест, Керт, если не помогла клавиатура, - предложила она. - Представь, на картине изображены четыре серых стены равной длины, идеальный квадрат. Что ты видишь в этом, Керт?

- Я вижу в этом только свой кьюбикол, - ответил Керт.

- Я о картине, - уточнила Лори. - Только честно.

- Если честно, то я кажусь себе идиотом, - сказал Керт. - Или потому, что ничего не понимаю в квадратах Малевича, как Джессика Симпсон в *HDTV*, или вообще потому, что стою перед такими картинами. По-моему, в моем кьюбиколе больше смысла, чем в твоей картине, по крайней мере, больше музыки. Заходи послушать.

Лори снова рассмеялась.

- Какая связь между Джессикой Симпсон и *HDTV*? - спросила она.

- Вчера в интервью Джессикой Симпсон сказала: “Я абсолютно не понимаю, что такое 1080i, но я это хочу”, - ответил Керт.

Лори снова рассмеялась.

- Не буду вас отвлекать. Ухожу, - сказала она. - Встречаемся на ланче.

- Ребята, прицел снова не держит цель, - сказал Майкл. - И у самолета появилось рыскание.

- Я вижу, - ответил Пол. – Это я включил систему имитации радиоподавления. Сейчас попытаемся подстроить. Как у тебя, Крис?

- Судя по всему, мы интерферируем с системой стабилизации полета, - ответил Крис.

- По-моему, все, что больше птеродактиля в небе - опасно само по себе, - сказал Керт.

- Секунду, - начал Крис. - По-моему, я нашел.

- Стало лучше, - откликнулся Майкл.

Цель устойчиво стояла в прицеле. Майкл сделал “бочку” и нажал гашетку. Перед красной вспышкой на экране, имитирующей сход ракет, Майкл успел заметить, что ромб прицела сошел с цели.

- Майкл, ты потерял цель перед самым выстрелом, - сказал Пол. - Зачем тебе высший пилотаж перед стрельбой?

- Даже не знаю, - расстроился Майкл. - Наверное, по привычке.

- Вы всегда это делаете в *Navu*?- спросил Пол.

- Не всегда, но иногда трудно удержаться, - ответил Майкл.

- Так, - сказал Пол. - Еще одна проблема.

Майкл замолчал.

- Программное обеспечение настолько сложно, многослойно и огромно, - сказал Керт, - что найти ошибку очень тяжело. Учитывая еще и характер программистов, я могу сказать, что сделать это часто невозможно. В университетах нас учат на базе программ, которые до сих пор несут в себе ошибки. И вообще, я думаю, что в соответствии с “Республикой” Платона, надо собрать всех программистов и сказать им, что они родились под землей, чтобы они забыли как все прошлые ошибки цивилизации, так и все прошлые ошибки программистов.

- Несомненно, - сказал Пол.

- И вообще, не нападайте на Майкла, - попросил Керт. – Смотрите, сколько в мире проблем, действительно больших по сравнению с нашей. Например, ураганы. Смотрели по *TV* о Френсис. Ее скорость упала с 200 миль в час до 35, когда она покидала Флориду, по новостям даже сказали, что она в депрессии, но, как оказалось, воды в ней совершенно не поубавилось, судя по величине озера возле моего дома. По поводу же депрессии, они, очевидно, имели в виду местное население. Не исчезла еще

Френсис, как появился новый ураган Иван, идет на Кубу. Куда еще Ивану идти? Они начали давать названия ураганам по алфавиту и скоро доберутся до наших имен.

- Керт, ты прав, - согласился Крис. - Уже появляется новый ураган, вернее новая, Джин. Завтра будет известно, куда она пойдет и далеко ли ей до Ивана. Сегодня показывали города во Флориде. Практически все люди выехали. Стоят пустые дома с заколоченными фанерой окнами на пустых улицах.

- Хорошо еще, что ураганы впадают в депрессию, - добавил Керт. - И не вмешиваются в нашу здесь жизнь серьезно. Бывает пара часов без света, вот и все. Если бы не это, в депрессию бы впадал я.

- Не преувеличивай, Керт, - попросил Пол. - Не все же так плохо.

- Мне иногда кажется..., - сказал Керт и замолчал.

Наступила пауза.

- Что, Керт? - переспросил его через некоторое время Крис.

- Мне иногда кажется, - продолжил Керт, - что природа применяет смерчи как гигантский пылесос, чтобы очиститься, в ее смысле, слегка стряхнуть пыль и вернуться к первоначальному состоянию.

- Не преувеличивай, Керт, - повторил Пол.

- Мне кажется, я преуменьшаю, - откликнулся Керт.

- А мы были летом в Дейтоне, - сказал Крис. - Я мечтал о международном аэрошоу весь этот год. Плюс, там самый большой в мире музей самолетов. Плюс, это город братьев Райт. После всех этих плюсов жена не устояла и мы поехали.

- И как Дейтон? - спросил Майкл, снова пытаясь захватить цель с высоким уровнем радиопомех.

- Все так и оказалось, - ответил Крис. - И аэрошоу, и музей, и братья Райт. Плюс, кусок берлинской стены в авиационном музее. Первый раз я увидел эту стену в Берлине на ее обычном месте, второй раз, уже ее кусок, правда, большой, на авианосце в Нью-Йорке, а в третий раз - в Дейтоне, в авиационном музее. Создается впечатление, что американцы и забрали себе все ее куски.

- За что и боролись во время "холодной войны", - уточнил Керт. - Смотрели прошлое вручение Оскара?

- Было что-то интересное? - поинтересовался Майкл.

- Наверное, именно оно и было самое неудачное за последние 2-3 года, - ответил Керт. - Я имею в виду номинации за лучшую мужскую и женскую роль. Никогда бы не назвал этих ребят лучшими актерами по сравнению со всеми остальными. Как правило, фильмы, вышедшие за 8-10 месяцев до вручения Оскара, приедаются, и самые умные кинематографисты выпускают фильмы за 1-2 месяца до вручения, из этих фильмов и выбирают победителей.

- Я помню, - сказал Пол, - Мел Гибсон очень обижался в утренних новостях, что его фильм о Христе, очень тяжелый, но собравший огромное число зрителей, вообще не номинировался.

- Да, - продолжил Керт. - Вел вручение Крис Рок, комедиант и немножко актер, который обычно славится применением неприменяемых на таких мероприятиях слов. Поэтому в самом центре зала посадили его мать, чтобы немножко сгладить выступление. С подрезанными крыльями Крис все-таки провел вручение, приблизив его практически к семейному просмотру. Из нововведений, для экономии времени, некоторые номинанты стояли в зале у своих кресел, там им и вручали Оскаров, там же они и произносили ответную речь. Крис Рок посоветовал в следующем году вручать Оскаров прямо на автомобильной стоянке. Могут прислушаться...

Дверь лаборатории открылась и снова вошла Лори.

- Керт, твой программный модуль работает, - сказала она.

- Замечательно? – уточнил Керт.

- Замечательно, - согласилась Лори. - Вот все подписанные документы.

Лори положила папку с бумагами на стол Керта.

- Спасибо, - сказал Керт. – Даже грустно. Исполнилось еще одно желание.

- Сокровенное? – уточнила Лори.

- Несомненно, - ответил Керт.

- Керт, что ты больше всего хотел бы на свете? – спросила Лори.

- Ты имеешь в виду мое следующее сокровенное желание? – уточнил Керт. – С одной стороны, мое стремление к маргинальности диктует одно, душа же стремится к совершенно другому.

- Именно, - согласилась Лори. – Сокровенное. То, что ты хочешь, может, даже не осознавая того.

- Больше всего на свете? – переспросил Керт.

- Именно, - снова ответила Лори.

- Надо подумать, - сказал Керт и уточнил. - То, что я хочу и именно сейчас?

- Да, - ответила Лори.

Керт помолчал немножко, копаясь в самом себе и в прицеле, и ответил:

- Индейский пудинг с мороженым, взбитыми сливками, патокой, пряностями и молоком.

- Керт, я серьезно, - улыбнулась Лори.

- Тогда еще и брусничный пирог, - ответил Керт. – Но тоже со взбитыми сливками, патокой, пряностями и молоком.

И пояснил:

- Лакомые привычки.

- Я имею в виду что-нибудь более значительное, - уточнила Лори. - Более наполненное смыслом и более глобальное.

- Ты права, - согласился Керт. - Пудинг или пирог – это, конечно же, мелко, совершенно недотягивает. Нужно что-то более наполненное. Наверное, именно здесь и именно сейчас, я хотел бы....

- Только сокровенное желание, Керт, - попросила Лори.

- Я понял, - сказал Керт.

- Без чего тебе совершенно не обойтись, - добавила Лори.

- Конечно же, - согласился Керт.

- Что бы сделало тебя сейчас счастливым, - снова уточнила Лори.

- Я понял, - сказал Керт. - Я хотел бы шейку лобстера, обмакиваемую в расплавленное масло, с огромной печеной картошкой, надломленной пополам и заполненной сметаной. Еще бы я хотел запеченную на гриле кукурузу, овощи, хотя бы брюссельскую капусту. Да, плюс запеченную в карамелизованном сахаре рыбу-меч с аспарагусом и брокколи...

- Керт, ты невыносим, - сказала Лори.

- Я знаю, - согласился Керт. – Это мое имманентное свойство. Да, еще было бы неплохо холодное пиво, лучше Хайнекен.

- Керт, ты еще и консерватор, - уточнила Лори. - Все время только *Хайнекен*.

- Ну вот, - сказал Керт. - Сразу обвинение. И все это в пятницу. Конечно же, я консерватор. Что делать, когда вокруг только республиканцы и демократы, слоны и ослы. Какая зверушка могла бы быть эмблемой консерваторов? Кстати, о зверушках. Вы видели наши фотографии с последней вечеринки? Было не очень хорошо со стороны менеджеров фотографировать инженеров в подобном состоянии. Ну, конечно же, как и со стороны инженеров - доходить до подобного.

Пятница продолжалась совсем необычно или же не совсем обычно. Вообще этот день, пятница, отличался значительно от других дней не только приближением уик-энда, но и изменением настроения многих людей. Итак, дождь, который так долго обещали синоптики к концу недели, так и не состоялся, зато как гром обрушился директор департамента с радостью, что прицел разрешили установить для испытаний на боевой самолет, и затем, уже как окончательная развязка, от него пришла его секретарша и принесла ящик холодного пива Бадвайзер. При этом она сказала, что танцевать на столе еще не готова, у них тоже ящик пива, вернее, у них еще ящик пива, поэтому придет немного попозже.

- Ребята, - сказал Керт. – Какая замечательная система стимулирования труда! В смысле, со стороны директора департамента!

Он помолчал немножко и добавил:

- И не хуже со стороны его секретарши.

- Удивляюсь, - сказала Лори, - как военные, смотря на все ваши вечеринки, еще разрешают вам работать над своими проектами.

- Кстати, ты не опасешься постоянного взгляда Большого Брата со спутников? – спросил ее Керт.

- Совершенно нечего бояться, - ответила Лори. - У них разрешение около метра на пиксель. Только бы не растолстеть.

- Хорошо, тогда о Большом Брате, пока я не растолстел, - продолжил Керт. - Вчера маленький самолет, перелетая из одного штата в другой, влетел в воздушное пространство Белого дома. В Белом доме подняли тревогу. Как сообщили по *TV*, такой переполох раньше случался только когда Хиллари Клинтон возвращалась домой раньше обычного.

- И? – спросила Лори.

- На этот раз все обошлось без потрясений, - продолжил Керт. - Президент Буш в это время катался на велосипеде, вице-президент Чейни работал в Западном крыле Белого дома. Как объяснили по *TV*, обычный рабочий день.

Ребята улыбнулись.

- Как и у нас, - продолжил Керт. - Только какое-то внутреннее напряжение и скука до пессимизма и безысходности. Лори, никогда не угадаешь, почему.

- Почему? – спросила Лори.

- Автомат с кофе не работает, - ответил Керт.

- В воскресенье мы ездили в винный тур, - внезапно сказал Пол и мечтательно замолчал.

- И? – спросил Крис.

Майкл вспомнил свои винные туры с Расти на озере Сенека. Они ехали вдоль озера, мимо освещенных красным солнцем виноградников, мимо вереницы Вайн-ярдов, останавливаясь попробовать вино в каждом из них. Вместе с ними, из одного Вайн-ярда в другой, кочевали компании людей, приехавших сюда попробовать огромное число вин, сухих, полусухих, красных и белых, причем эти компании, переходя из одного Вайн-ярда в другой, становились все веселее и сплоченнее и приобретали все более и более философское воззрение на мир.

- И один из посетителей, - продолжил Пол, - сказал или же повторил чью-то мысль, а может быть взял ее из наполненного философией и винными парами воздуха. Он сказал: “Вода разъединяет людей, вино же соединяет”. И было это в Вайн-ярде “Четыре дымохода” или в “Бегущей лисе”, где мы пробовали Пино Нуар и, созвав небольшую конференцию единомышленников и обсудив положение дел, пришли к выводу, что оригинальные сорта винограда Пино появились все-таки в Америке, а не в Европе, и были уже потом завезены в Европу. А я, в свою очередь, высказал предположение, что, вероятнее всего, Колумбом, который отправился отсюда открывать Индию, а открыл Европу, и они согласились. Еще один из путей достижения согласия.

- Только вода разъединяет людей, - добавил Керт.

Г Л А В А 70

Время летело. Заканчивалась осень. Дождь шел, пронизывая деревья, сквозь поблекшую листву сверху вниз. Дождь лил непрерывной стеной, зачеркивая все вокруг и не оставляя ничего, убрав даже школьный оркестр из каждого вечера с их кошмарными барабанами и музыкой. Деревья пожелтели, начался Хэллоуин, и дети в костюмах страшилок пошли по домам пугать и получать свои конфеты. Городок Майкла преобразился к празднику. Дома украсились соломенными Страшилами из Изумрудного города, снопами кукурузы, оранжевыми гирляндами, тыквами с вырезанными лицами и неперенными огоньками внутри, цветами и осенними листьями вокруг домов.

В день Хэллоуина поток детей начался сразу после заката солнца. В основном приходили очень маленькие, которые сразу же забывали, что сказать, как только дверь открывалась, поэтому их родителям приходилось подсказывать из темноты.

Дети говорили: “Trick or treat” и сразу же получали конфеты. Причем детей приходило так много, что в этом городке с 10-ти тысячным населением, Майклу казалось, что именно дети и составляют все эти 10 тысяч.

Закончился Хэллоуин, и наступило ноябрьское индейское лето, еще один островок тепла, из которого и уходила осень, бредя, как корова, облепленная мокрой осенней листвой, совершенно, как в старой забытой японской танке.

Ноябрь принес холод и снег. Ветер продувал улицы города, неся сорванные с деревьев листья до самого горизонта, и огромное, холодное и серое, как океан, осеннее небо висело над головой.

Ноябрь заканчивался и прямо перед самым Днем Благодарения наступил день рождения Керта. Его празднование началось сразу же после работы и было похоже на кочующую вечеринку. С каждым новым баром празднование, казалось, только начиналось, но день, тем не менее, уже заканчивался. Его оставалось на доньшке все меньше и меньше, пока остатки дня окончательно не развеялись, как пары, и наступила ночь. Ребята вышли из четвертого бара. Стояла полная луна. Ночь и мороз, взявшись за дело вместе, пробирали до костей, но настроение у всех было замечательное. Холод, метель и пустая вымерзшая улица казались прекрасными. Время, когда людей на улице еще не было, очень быстро становилось временем, когда людей на улице не было уже.

Проходя мимо пустой, необитаемой как остров, машины, Керт остановился и оперся на нее рукой.

- Хотел вам так много сказать, но забыл, - сказал он. – Не обессудьте.

- Никогда, - ответил Саймон.

Крис, в свою очередь, предложил всем остепениться и даже осесть.

Керт посмотрел на него вопросительно.

- В пятом баре, - уточнил Крис. - Чтобы поужинать.

Ребята пошли дальше сквозь падающий снег и пронизывающий город сильный ветер, как когда-то заносимые снегом путники шли на свет. Впереди, неожиданно из

темноты, появился человек. Он медленно брел им навстречу и каждый раз оборачивался, чтобы внимательно рассмотреть каждого проходящего.

- Ближайший бар? – коротко спросил идущий последним Керт.

Холод сделал его до неожиданности лаконичным.

Человек остановился, с удивлением посмотрел на Керта и показал полупустой пивной бутылкой направление куда-то вверх, в сторону Луны.

Керт поднял голову, посмотрел на Луну и торжественно сказал:

- Сирано.

И глубокомысленно замолчал.

- О чем ты, Керт? – спросила Лори. - Иногда, а точнее всегда, мужчин трудно понять. Особенно в подобном состоянии.

- Впрочем, как и женщин, - добавил Керт.

- Несомненно, - сказала Лори. - Я же идущая по жизни за вами менада, одержимая женщина Диониса. Итак, Сирано...

- Сирано де Бержерак, - пояснил Керт. – Дуэлянт. Странное время, когда называться джентльменом было нельзя, не убив другого джентльмена. Кстати, Майкл, у вас идет еще запись в *Navy*? Но я не об этом. Немного, конечно же, об этом, но не совсем. Особенно сейчас.

- Постоянно, - ответил Майкл.

Лори посмотрела на него с удивлением.

- Я о записи в *Navy*, - уточнил Майкл.

- Хочется быть джентльменом, - пояснил Керт Лори.

- Итак, Сирано..., - продолжила заинтригованная Лори. – Керт, ты доведешь меня, как менаду, до жуткого испуга.

- Сирано де Бержерак написал в своем “Путешествии к Луне”, - объяснил Керт. – “Бахус держал таверну в небе, повесив, как вывеску, Луну”.

- Смысл песни “*Fly me to the Moon*” Дайен Кролл мне теперь стал абсолютно понятен, - сказал Саймон. - Особенно сегодняшним вечером.

- А мне - смысл Лунного календаря, - добавил Майкл.

- Стояла двенадцатая ночь десятого месяца, - таинственным голосом произнесла Лори.

- Ребята, вперед, - предложил Керт.

- Подожди, - остановила его Лори. - Двенадцатая ночь десятого месяца мне абсолютно непонятна. Для меня это как теорема Геделя или машина Тьюринга.

- Какая теорема, первая или вторая? – с подозрением в голосе спросил Керт.

- Обе плюс машина, - ответила Лори. – Как ты это все воспринимаешь и понимаешь?

- Алкоголь, - пояснил Керт. – Ребята, вперед.

Они прошли еще немного, не обращая никакого внимания на снег, холод и ветер, и в темноте показались огоньки пятого бара. За ним виднелся ресторан.

- “О’Брайн”, - прочел название бара Майкл и остановился.

- Точно, - сказала Лори. – Это и есть наша основная цель. Вторичная же, как принято у вас в *Navy*, будет ресторан, если мы промажем в первую.

- Точно, - сказал Майкл. - Но я не об этом.

- О чем ты, Майкл? – спросила Лори. – Точно, мужчин трудно понять в подобном состоянии.

- Ларри О’Брайн, - ответил Майкл. - Дирижер *Glenn Miller Orchestra*. Он играет здесь?

- Майкл, это обычный бар, - объяснила Лори. – И, говоря об обычных барах, ты должен бросить пить. Хотя бы на сегодняшний вечер. Опирайся на мое плечо. Заходим на первую цель. Операция *Rendez-vous*. Я буду опорой сегодня в твоей жизни. Только не зазнавайся, никогда не выйду за тебя замуж.

Майкл положил руку на ее плечо, а она обняла его за талию.

- Потеряла такой шанс, - с улыбкой добавила Лори.

- Какой шанс? – спросил Майкл.

- Могла бы запросто прямо сейчас тебя на себе женить, - пояснила Лори. - Хотя, нет.

- Почему нет? – удивился Майкл.

- После традиционного бокала шампанского именно мне пришлось бы нести тебя на руках, - ответила Лори. - Домой. Лучше расскажи мне о *Glenn Miller Orchestra*.

- Там такая чудесная певица, - сказал мечтательно Майкл. - Джули Рич. Чудесная женщина...

- Майкл, ты невыносим, - остановила его Лори. - Только не рассказывай мне о своих женщинах. Имей хотя бы какой-нибудь такт. Я же только что чуть не вышла за тебя замуж.

- О’кей, - сказал Майкл. - Заходим на первую цель. Ты знаешь, Лори, О’Брайн – это фамилия дирижера у которого поет....

- Майкл, ты невыносим. Все опять с начала, - сказала, улыбаясь, Лори.

И они ввалились в *О’Брайн*, первые, обнявшиеся Майкл и Лори, затем Поль и Керт, вдвоем поддерживающие Саймона, и затем сам, важный непонятно от чего, Крис.

Бар представлял собой длинную затемненную комнату с подсвеченной стойкой, вернее четырьмя стойками, соединенными в прямоугольник в центре зала. Бармены были внутри, все остальные – снаружи. У стен уютно располагались столики,

освещенные небольшими стоящими на них светильниками, а за окнами осталась ночь, холод и снег. Бар был наполнен людьми и музыкой. Играл небольшой бэнд, исполняющий кантри, банджо, две гитары и ударные. Играли Джонни Кэша.

Пока ребята пробирались к столику, выяснилось, что Керт начинал, как Элвис Пресли, водителем огромного грузовика, а в свободное время играл в рок-группе. Ребята уютно уселись за столик недалеко от стойки бара. Мелькнувший мимо официант оставил на столике несколько меню, и к ним сразу же подошел владелец бара, школьный знакомый Саймона. Официант сразу же вернулся.

- *Хайнекен*, - заказал Керт. - И сразу несколько бутылок.

- *Метрополитен*, - добавила Лори.

- *Бадвайзер*, пожалуйста, - попросил Пол. – Саймону джин и тоник.

- Несомненно, - согласился Саймон. - Побольше тоника, пожалуйста, пока не начал разговаривать с джиннами.

- “Всегда будь пьян... Вином, поэзией, добром - бери что хочешь. Но только оставайся пьян,” – сказал Керт Саймону и пояснил. - Это Чарлз Бодлер.

Саймон согласно кивнул головой.

- Но всегда превалируй над алкоголем, - добавил Керт и пояснил. – Это уже я.

- Что я и делаю, - сказал Саймон. – По крайней мере, пытаюсь.

- *Джек Дэниэлс* на лед, - заказал Майкл.

- *Джон Вокер*, - добавил Крис. - И тоже на лед.

- И все, что он захочет, нашему новому другу, - попросил Керт, кивая головой на владельца бара.

- Саймону О’Брайну, - уточнил Саймон.

- У вас одинаковые имена, - сделал заключение Керт. – Будет невероятно трудно, учитывая, что ты у нас уже сегодня пятый.

- Пятый Саймон? – уточнил владелец бара.

- Пятый бар, - ответил Керт.

- Тогда зовите меня О’Брайн.

- Сегодня все, как ты захочешь, - сказал Керт. – Все, что ты захочешь выпить, впрочем, тоже. С Днем рождения!

- Керт, ты уже разговариваешь сам с собой, - сказала Лори.

- Спасибо, - сказал Керт.

Лори посмотрела на него вопросительно.

- Это я снова сам себе, - пояснил ей Керт. - Кстати, где-то читал это имя, О’Брайн.

- Мне пепси, - заказал владелец бара.

- Работаю, - пояснил он ребятам. – Вы ученые, как Саймон?

- Игроки, - уточнил Керт.

- Игроки? – переспросила Лори.

- Наука - это игра в покер, ты за столиком один на один с природой, у нее на руках все козыри, у тебя же только интеллект, - пояснил Керт.

Он посмотрел на Лори и добавил, обращаясь к ней:

- Я надеюсь.

- Молчу, молчу, - сказала Лори. – Никаких комментариев. Сегодня твой день рождения. Продолжай.

- Хорошо, - продолжил Керт. - Ты делаешь ошибки, немножко выигрываешь, в основном везет очень немногим, я сказал бы, в масштабах науки, везет единицам, но ты возвращаешься и возвращаешься к столику с рулеткой, и перед тобой кружится и мир, и жизнь, и ты не знаешь, где она остановится. И все под наблюдением в телекамеру на потолке вверху. И статистика имеет только вероятность быть наукой об игре, но часто кажется, что именно она одна ею и является.

- Ты говорил об игре в покер, а не в рулетку, - уточнила Лори.

- Я никогда не возражал, что женщина смотрит на мир шире, - согласился Керт.
– Но ты же не возражаешь, что она все же вертится?

- Сегодня, в твой день рождения, нет, - улыбнулась Лори.

- Хорошо, - сказал Керт.

Официант, записав заказ в маленьком блокноте, растворился в полумраке бара. Наступила пауза.

- Ответная речь, - внезапно сказал Керт.

- Ты, как всегда, нарушаешь закон причинно-следственной связи, - остановил его Пол.

- Я нарушаю? - спросил Керт.

- Именно, - ответил Пол.

- В смысле? - уточнил Керт.

- Еще никто ничего не говорил, - сказал Пол. – Не было никаких тостов.

- А официант? – спросил Керт.

- Молчал, как рыба, - ответил Пол. - Принес меню и канул в неизвестность.

- Полная индифферентность, но это, по крайней мере, объясняет пустой стол, - сказал Керт. - А ты говоришь о нарушении закона.

- Хорошо еще, что ты не присоединился к предыдущему оратору, - добавила Лори.

- А я не присоединился? – уточнил Керт.

- Абсолютно нет, - ответила Лори.

- Говоря об официантах, - сказал Керт, – ненавижу диеты. И вообще все наши проблемы начинаются с борьбы с весом, которая превращается в борьбу со вкусом. Во всех смыслах. При этом подобная перестановка акцента вообще ничего не дает. Кроме удара по худому населению.

Керт глубокомысленно замолчал.

- Или это попытка свести последних на нет? – спросил он. - При отсутствии возможности сравнения и завершится борьба с весом.

Из полумрака бара, наконец, возник официант и, расставив на столике напитки, снова растворился в темноте.

- Керт, с днем рождения, - подняла свой бокал Лори. - Я восторгаюсь твоим оптимизмом, твоей провансальской легкостью и, вообще, твоим стилем жизни. Ты любишь всех вокруг, и все любят тебя.

- Это не совсем так, - возразил Керт.

- По крайней мере, это лучше, чем “совсем не так”, - сказала Лори. – Что же ты не любишь, Керт?

- Эйнштейна, - ответил Керт.

- Не любишь? – уточнила Лори.

- Терпеть не могу, - подтвердил Керт.

- Его-то за что? – спросила, улыбаясь, Лори.

- Да, в общем-то, никогда не ожидал от него ничего подобного, - ответил Керт.

- Чего именно? - снова уточнила Лори.

- О чем ты? - спросил Керт.

- Керт, пожалуйста, - попросила Лори. – Я уже готова в тебя вцепиться.

- Не люблю его и все, - сказал Керт. - С чего, кстати, это началось? Да, с его “гениальной” теории, ставшей манифестом для всего мира, которая заключается в следующем, и я почти цитирую: “Не дергайтесь, ребята. Вам все равно не достичь скорости света. Посему успокойтесь и смотрите издали”.

Лори улыбнулась.

- Скажу тебе по секрету, - тихо добавил Керт. - Его теория сама относительна.

- Даже не подозревал в тебе этого, - сказал Пол. - Ты всегда так жизнерадостен.

- Все время влюбляюсь, - пояснил Керт.

- Любовь, - неожиданно сказала Лори, - это одновременно и универсалия культуры нашей цивилизации и сложный комплексный душевный феномен, базирующийся на избирательном чувстве сугубо субъективного характера и направляющий индивидуума в непреодолимом стремлении к своему предмету.

Лори с удивлением посмотрела на свой бокал *Метрополитена* и добавила:

- То есть, к предмету любви.

-Ты ничего не хочешь добавить о радостной окрашенности мировосприятия самого субъекта любви? – с подозрением в голосе спросил Керт.

- Ничего, - ответила Лори, и сделал глоток *Метрополитена*.

- Извини, что тебя перебила, - добавила она.

– О чем я говорил? – спросил Керт. - Да, о любви. Об этой доселе непонятной для меня философской категории.

И он посмотрел на Лори.

- Спасибо, - сказал он.

Лори улыбнулась.

- Прекратить смех, - сказал Керт. – Всем напустить на себя мимирию внутренней глубины.

Лори расхохоталась. Вместе с ней рассмеялись и ребята.

Керт обвел всех отрезвляющим взглядом, что ему не удалось в его состоянии, посмотрел на свой полупустой стакан и добавил:

- И любовь, как любая из форм, стремится наполниться содержанием... И при этом, зачастую, она не очень требовательна и критична. Но, тем не менее, вчера был просто очарован. Вы знаете, вкус в наши дни так же редок, как и настоящее произведение искусства. Но она поразила меня всем, она была одета в чудесно струящееся и волнующееся при каждом шаге платье цвета оттенков светлого пива...

- *Бадвайзер?* – уточнил Пол.

- Скорее, *Хайнекен*, - сказал Керт. - Летящие волосы цвета пльзенского темного...

- Керт, ты неисправим, - улыбувшись, сказала Лори.

- Как всегда, - подтвердил Керт. – Простите, иногда веду себя, как последний король Сардинии. Любовь, азарт, страсть и алчность. И все же, наверное, алчность – это мужчина, азарт и страсть - его наложницы, его сестры, женщины. И первый заставляет их для своего удовольствия танцевать. Третья же их сестра, любовь, стремится, как и все ее сестры, заодно вместе с братом, безгранично обладать.

- А вообще, любовь – это не чувство, - неожиданно сказала Лори.

- А что? – с удивлением спросил Керт, с трудом оторвавшись от своего стакана.

Все ему уже удавалось с трудом.

- Скорее, ощущение, - ответила Лори, - как голод, например. Можно испытывать сильный голод, не очень сильный, пресыщение или вообще что-либо ненавидеть, как какою-нибудь еду. Также и в любви.

Керт посмотрел на свет сквозь свой стакан.

- Испытать чашу любви? – спросил он.

- Точно, - согласилась Лори.
- Кто это сказал? – спросил Керт.
- Я не знаю, - ответила Лори.
- Наверное, я, - задумчиво сказал Керт.

И он снова посмотрел на свет сквозь свой стакан.

- Клясться в вечной и великой любви – все равно, что клясться в вечной и великой жажде, - неожиданно сделал заключение Саймон.

- Ну, если напиток хороший, что не оторваться..., - задумчиво начал Керт.
- И крепкий, - продолжил Крис.
- И вкусный, - добавила Лори.

- В чудесном бокале на тонкой ножке, - Керт поднял перед собой и повертел, держа кончиками пальцев, свой невысокий из толстого стекла стакан. – То клясться можно.

- Тогда, за любовь, - сказал Пол.

И все сделали еще по одному глотку.

- Ну и ладненько, - продолжил Керт. - Итак, к кольцу *Peacemaker*. Я думаю, для сохранения мира его создатель должен был заниматься объектно-ориентированным программированием электронного прицела, а не железными пистолетиками.

- Керт, он же жил очень давно и, причем, в Техасе, - уточнила Лори.

- Всю жизнь считал, что он из Силиконовой долины, - сказал Керт. - Теперь понятно, почему прогресс шел так долго. Наш электронный прицел это та виртуальная цель, к которой так долго стремились буддисты и маоисты. Все философии без него есть пустота, ничто. Даже Зигмунда Фрейда. Кстати, Лори, что ты можешь сказать о нашем прицеле, как женщина?

- Как женщина, - ответила Лори, - я могу сказать, что ваша система, к счастью, все более и более похожа на пилота, а пилоты, к сожалению, все более и более похожи на вашу компьютерную систему. Это не относится к тебе, Майкл. Ты сейчас более похож на геральда. Нет, на геральда сейчас более похож Керт, ты же, Майкл, очень хороший парень.

Лори поцеловала Майкла в щеку и прижалась щекой к его плечу.

- Какая сентиментальная парадигма, - сказал Керт.

- Говоря о бесконечности нашей роли и прогрессе, как же ребята из *Jet Propulsion Laboratory* Калифорнийского Технологического, разрабатывающие для нашего прицела ракеты? – прервал его Пол. - Как можно обойтись без них?

- Вящая им слава, - сказала Керт и спросил:
- А что, движение камикадзе уже завершилось?

Он с недоумением взглянул на Пола и добавил:

- Это плохо. Тогда новый тост. Восхищаюсь Рэем Брэдбери. “*Jump of the cliff and build your wings on the way down*” – “Прыгни со скалы и построй себе крылья на пути вниз”. Тост за полет! Во всех отношениях и во всех смыслах!

После тоста, Керт, не останавливаясь, предложил поменять название бара “О’Брайн” на “О! Брайн!” Владелец бара, прижатый к его стойке всеми доводами, подкрепленными джином, виски и *Космополитеном*, согласился при условии, что в данный момент никто не полезет на крышу.

- Просто потому, что холодно, - уточнил О’Брайн. - А также учитывая последний тост Керта.

Г Л А В А 7 1

День рождения завершился. Последними прощались Майкл и Лори. Все остальные уже разъехались по домам. Они стояли у остановленного Майклом для Лори такси у входа в уже опустевший бар. В мягком лунном свете огромными хлопьями тихо падал снег. Водитель такси терпеливо ждал, что для него было не впервые у этого, как, впрочем, и у любого другого бара.

Лори что-то рассказывала, а Майкл стоял, ничего не слыша и думая о чем-то своем, смотрел на Лори и молчал.

- Майкл, ты не со мной, - внезапно сказала Лори. – О чем ты думаешь?

- Ни о чем, - ответил Майкл. - Такой чудесный день.

- Скорее, ночь, - уточнила Лори.

Майкл улыбнулся.

- Что ты делаешь завтра, на День Благодарения? – спросила Лори.

- Ничего, - коротко ответил Майкл.

- Брось все, - предложила Лори. - Езжай куда-нибудь с другом развеяться. Я всегда так и делаю, когда у меня подобное настроение.

- Куда? – спросил Майкл.

- Хотя бы к родителям, - ответила Лори.

- Они снова в путешествии, - сказал Майкл.

- Майкл, ты просто влюбился, - предположила Лори.

- Да, - согласился с ней Майкл.

- Тогда езжай к ней, - предложила Лори.

- Я даже не знаю, где она сейчас, - сказал Майкл. - Звоню каждый день, но ее телефон не отвечает.

- Майкл, ты знаешь ее всего лишь один день, - сказала Лори.

- Два дня и две ночи, - уточнил Майкл.

- Хорошо, вдвое дольше, - улыбнулась Лори. – Иными словами, ты ее практически не знаешь. За что ты ее так любишь?

- Я люблю ее чудесное милое лицо с удлинённой линией глаз, мою замерзшую звездочку в холодном пространстве незнакомых, собранных полетом людей, - сказал Майкл. - Ее поэзию и прозрачную свежесть, ее рождающуюся из хаоса музыку, ее правила никогда не разговаривать с прохожими и остерегаться незнакомцев у иллюминаторов, которых она, к счастью, никогда не придерживается; ее растрепанные ветром волосы в летящем по просыпающемуся Нью-Йорку такси, в котором она направляла ладонью встречный поток ветра на меня и счастливо улыбалась, взлохмаченная полетом над волнами к Леди Либерти тоненькая девушка, живущая настоящим, исключаящим всякие долгосрочные и краткосрочные планы, с кем хотелось бы потеряться в любом неизвестном и неизведанном городе; люблю ее мир, который уходя в никуда пытается поймать твой взгляд, как шествие лис в лесу в "Снах" Акиро Куросавы, когда солнце светит сквозь падающий дождь; люблю ее раскрашенную, как крылышко бабочки, душу; ее узенькую ладошку, ее Вселенную как прекрасную и непредсказуемую женщину, живущую тем, чтобы восхищать и удивлять; люблю ее чудесное маленькое кафе *Greco*, в котором начинался в Риме каждый ее новый день и ее прогулку вечером в дождь, как завершение "Рима" Феллини; ее церквушку *Sant'Andrea della Valle*, в которой звучала музыка Вивальди; ее праздник Двенадцатой ночи; рассказанную ею притчу Шопенгауэра и объяснение логики Санта Клауса, ее *Pink Floyd*, как мечту уставшего от суматохи огромного мегаполиса; ее стихи Андре Бретона, ее завершение детства перед леонардовской *Ginevra de' Benci*, ее смех, осенний листок в ее руках; представляемую ею, чтобы забыть все тревоги, горную реку, отбурлившую на вершинах и плавно текущую в долине у подножья гор между мирриадом полевых цветов, стрекоз и бабочек в летний, жаркий и знойный полдень, когда больше нет ничего желаемого, чего бы ни принес день пришедший, и больше нет ничего невозможного, чего бы ни принес день будущий - чудесное состояние за секунду до послеполуденного утомления; брызги дождя на ее лице, ее слезы при нашем прощании в осеннем Нью-Йорке, ее нерешительность войти в зал в Мэте с картиной, которую она мечтала увидеть всю жизнь; ее "Букет подсолнухов", джазовых женщин и боязнь летать - человек по Сартру - авантюра, которая имеет наибольшие шансы закончиться плохо. Я люблю ее за снова проснувшееся во мне восхищение, за наше касание рук, за то, как она держала двумя ладонями чашечку кофе, как будто бы пытаюсь согреться, смеялась летящим в лицо брызгам на сумасшедшем катере, спала под бабочками волос, уютно куталась нашим последним утром, боялась высоты над ночным океаном, сидела, прижавшись к моему плечу, в Центральном парке, подставляя лицо осеннему солнцу, грустила, думая о чем-то своем, пыталась сдержать слезы нашим последним утром, пыталась сдержать улыбку, когда я болтал о живописи, пыталась хранить серьезное молчание, когда я болтал о жизни, и сама безостановочно говорила и говорила обо всем. Я люблю ее музыку и тишину, ее глаза девочки в ночном Соборе, в которых просыпалась женщина; ее Кэрролла, Сартра, Микеланджело, Хемингуэя и Чеширского кота...

- Майкл, как я ошибалась, - сказала вздрогнувшим голосом Лори.

- Прости меня, Лори, - извиняющимся голосом сказал Майкл.

- Нет, ты совершенно меня не понял, - прервала его Лори и улыбнулась - Это я должна просить прощение за свою невыносимость, бескомпромиссность и категоричность там, на корабле с китами.

Майкл непонимающе на нее взглянул.

- Прости, - сказал он. – Я совершенно ничего не понимаю.

- Ты один из немногих, которые поют еще женщине свою песню, - добавила Лори.

Лори грустно улыбнулась, обняла на прощание Майкла и сказала:

- Спасибо за чудесный вечер.

- Тебе тоже, - ответил Майкл.

Лори села в такси и захлопнула дверцу. Такси тронулось. Лори помахала на прощание Майклу рукой, достала телефон и набрала номер.

- Керт, - сказала она в трубку. - *Quid pro quo* – услуга за услугу. Вот и настал твой черед.

Г Л А В А 72

Майкл с трудом нашел свою машину у первого их в этот вечер бара. Было очень тихо и вокруг не было ни одного человека. Все также светила Луна и падал снег.

Майкл ехал очень осторожно, не нарушая ни одного правила движения. Путь домой занял намного больше времени, чем обычно.

- Окончательно бросаю пить, - подумал Майкл.

Он медленно подъехал к своему дому, выключил двигатель и вышел из машины. Дома вокруг уже спали, и воздух был наполнен тихим шуршащим звуком касающихся друг друга медленно качающихся на ветру замерзших веток. Майкл оперся локтем на крышу машины и поднял голову. Снег тихо падал из бездны неба, стирая дома, машины, дороги, кусты и деревья, зеленые лужайки и медленно идущего у дома напротив пушистого кота.

Майкл улыбнулся и пошел домой. По пути он достал письма и несколько журналов из почтового ящика, коснулся рукой ветки японской вишни, вызвав небольшой снегопад, подошел к дому и, опираясь одной рукой о стену, долго пытался попасть ключом в замочную скважину, пока это ему ни удалось.

Майкл вошел в дом, включил свет и взглянул на конверты. В первом письме пришло приглашение вступить в общество пожилых людей.

- Рано, - подумал Майкл. - Я еще должен на пути вниз построить себе крылья. Керт – гений. Или это был Брэдбери?

В последующих конвертах оказалось несколько счетов на оплату, просьбы о пожертвовании в несколько обществ и реклама ненужных товаров.

- Рано, еще только ночь, - подумал Майкл и открыл последнее письмо.

Это был вызов из суда.

- Ну и быстро же они здесь работают, - подумал Майкл. - Не пойду. Я же уже бросил пить.

Майкл еще раз взглянул на конверт. Над правильным адресом стояло не его имя.

- Завтра, все завтра, - сказал сам себе Майкл.

Он бросил открытое письмо на стол, подошел к кровати и, не раздеваясь, упал лицом на подушки. Неожиданно громко зазвонил телефон.

- Ну и быстро же они здесь работают, - снова подумал Майкл.

Не поднимаясь, одной рукой похлопав по тумбочке, стоящей рядом с кроватью, он нашел телефон, поднял трубку, поднес ее к лицу и сказал:

- Я же уже решил бросить пить.

- Майкл, - сказал Керт. - Мои бросают меня на День Благодарения и уезжают к родителям. Едем в твой Льюистон. Покажешь Ниагару. Это, правда, большой водопад?

- Хорошо, - согласился Майкл и окончательно провалился в сон.

Г Л А В А 73

Нереальность была ужасной. Майкл стоял в тоннеле, пробитом в глубокой скале, на границе вибрирующего света в одном его конце и кромешной тьмы - в другом. Свет больно бил прямо в глаза, совершенно не давая ничего впереди рассмотреть, и Майкл оглянулся. Позади него свет так и не смог пробить тьму, она продолжала жить своей жизнью и только выступы камней бросали в нее свои длинные тени. По каменным стенам тоннеля медленно стекала вода. Было абсолютно тихо и слышны было только капающие звуки. Рядом с Майклом стояла Лаура.

- Как иногда трудно сделать выбор пути, - сказала она, и свет вибрировал яркими сполохами на ее лице.

- Иногда это сделать очень легко, - возразил Майкл, - если, конечно, впереди не свет поезда метро.

- Это не свет поезда метро, - улыбнулась Лаура. - Итак, Майкл.

Майкл сделал шаг навстречу свету и остановился. Свет вибрировал неживыми белыми тонами, от которых хотелось скрыться во тьме.

- Почему ты видишь только путь вперед или назад? - спросила Лаура, и раздался звонок в дверь.

Майкл с трудом открыл глаза, поднялся, медленно пересек комнату, обещая сам себе бросить пить после каждого шага, и открыл дверь. В дом ввалился Керт с большой

сумкой, висящей на плече. Он оглянулся. Вокруг царил кромешный беспорядок, среди которого на столе стояла увеличенная фотография Шейлы.

- Какое сентиментальное утро, - сказал Керт.

- Доброе сентиментальное утро, - поприветствовал друга Майкл.

К полному удивлению, его голос еще его слушался.

- Летим смотреть Ниагару, - сказал в ответ Керт.

- Ты был вчера серьезен? – спросил Майкл.

- Абсолютно, - ответил Керт. - Вот два билета на самолет и вот еще два - на концерт *Deep Purple* в Торонто. Ты чудесно выглядишь после вчерашнего. В какой-то степени даже соблазнительно на продолжение жизни. Какая-то мистерия.

- *Navu*, - коротко ответил Майкл. – Можешь присоединиться. Запись все еще идет. Но голова, все же, жутко раскалывается.

Майкл взглянул на себя в зеркало. Вид был ужасен. На него смотрел совершенно иной человек, с которым не хотелось иметь ничего общего, что, к сожалению, было абсолютно невозможно.

- Никогда более, - пообещал сам себе Майкл.

Керт прошел по комнате, бросил сумку на пол, упал в кресло и вытянул ноги.

- Собирайся, - сказал он. - Я так и знал, что ты проспишь, поэтому и приехал раньше. Самолет через три часа, а нам еще надо заехать в *Tim Horton's*. Умираю без кофе.

- Я тоже, - сказал, улыбнувшись, Майкл.

Через три часа они уже сидели в самолете *Jet Blue* с неизменными экранами телевизоров в спинке каждого кресла и надписью над ними:

- Без вас, ребята, мы были бы только эскадрилей летающих телевизоров.

Г Л А В А 74

Майкл и Керт стояли у самого подножья Ниагарского водопада со стаканчиками *Seattle's Best Coffee*. Свою машину они оставили у отеля *Red Coach Inn* на двухчасовой стоянке.

- Можем не успеть, - заметил, выходя из машины, Керт. – Два часа это достаточно короткое время для одного из чудес света.

- Это неважно, - сказал Майкл. – Здесь никто не уделяет внимание времени.

- Это счастье, когда время не имеет значения, - добавил Керт.

Ребята стояли у самого подножья Ниагарского водопада. Вода летела вниз из самого неба, билась о камни и поднималась брызгами вверх. Водяная пыль водопада перемешивались с кофе.

- Хороший кофе, - сказала Керт.

Он помолчал немного и уточнил:

- Горячий.

- Здесь нет, к сожалению, твоего любимого *Tim Horton's*, - извиняющимся голосом сказал Майкл. - И я ничего не могу поделать.

- Это неважно, - сказал Керт. – Кофе, действительно, горячий. Что еще нужно в такой холодный день?

Он прислушался к себе и добавил:

- Слушай, Майкл. Это почти, как песня. "Что еще нужно в такой холодный день?"

- Да, - согласился Майкл.

- Хотя нет, - продолжил Керт. - Ничего не выйдет.

- Почему? - спросил Майкл.

- Так хорошо, что мне сейчас ничего не нужно, - ответил Керт. - А так хотелось написать песню. Такая досада!

- Керт, не преувеличивай,- попросил его Майкл.

- Ты имеешь в виду - не преуменьшай? - уточнил Керт.

- С тобой всегда непонятно, что я имею в виду, - улыбнулся Майкл и предложил:

- Тогда напиши "Что еще не нужно в такой холодный день?"

- Уже ничего, - сказал Керт. - У меня сейчас все есть.

- Тогда не пиши песню, - рассмеялся Майкл.

- Что я и делаю, - сказал Керт.

- Что ты делаешь? – спросил Майкл.

- Я смотрю на нас с тобой со стороны, - ответил Керт. - И совершенно не понимаю людей.

- Все мы настолько одинаковы? – спросил Майкл.

- Все мы совершенно разные, - ответил Керт. – Но это различие очень мало.

- Я абсолютно перестал тебя понимать, - сказал Майкл.

- Смотри, - продолжил Керт, – *de facto*, я женат, очень люблю свою жену и сынишку, но бегу от них в свой мир - мир музыки и у меня это совершенно не получается. Жизнь так быстро уходит, а я так ничего и не сказал этому миру.

- Я же..., - начал Майкл.

- Ты же, одинокий, - продолжил Керт. - Имеешь бесконечно много свободного времени, все женщины любят тебя, а ты ищешь и ищешь свою Шейлу и стремишься к тому, чтобы быть постоянно с ней, не имея свободного времени.

- Я же говорю, - сказал Майкл. - Различие настолько огромно...

- Нет, - возразил Керт. - Различие так мало, что нет никакой возможности стать между нами.

- Ты опять все преувеличиваешь, - сказал Майкл.

- Нет, на этот раз, преуменьшаю, - возразил Керт и улыбнулся.

Он помолчал немного и спросил:

- Снова звонил утром своей Шейле?

- Да, - ответил Майкл. - Даже не знаю, где она сейчас. Звоню каждый день и получаю сообщение, что такого номера не существует.

- Может быть, она уехала? – предположил Керт. – И вне доступности телефонной связи? Я получаю подобный ответ, когда звоню из Канады Саймону. Нет, немножко другой - “абонент не принимает”. Хотя, как я помню, мы всегда принимали. Хотя бы в *О’Брайне*. И много.

Майкл рассмеялся.

Керт посмотрел на водопад и сказал, улыбаясь:

- Одно из немногих мест на свете, где дождь идет снизу вверх, рождая радугу.

- Спасибо тебе за твою идею путешествия, - поблагодарил его Майкл.

- Как чудесно меняется модуляция и ритм музыки водопада, - продолжил Керт. - Какой-то шепчущий гром с синкопами и каденциями шума воды Великих Озер.

- Ты должен написать симфонию, - предложил, улыбаясь, Майкл.

- Обязательно, - согласился Керт. - Современное компьютерное программное обеспечение позволяет создавать симфонии и делать аранжировки для симфонического оркестра. К сожалению, я пишу только песни и небольшие музыкальные композиции.

- Пока, - уточнил Майкл.

- Конечно, - согласился Керт. - Все это у меня в компьютере. К сожалению, я так и не завершил ни одного *CD*. Почему-то не хватает времени. Работа и семья. Встаю утром в шесть, пишу музыку до семи. Мое самое счастливое время суток. И все. Далее ни одной свободной секунды для музыки.

- Зачем ты поехал со мной? – спросил Майкл. – Только потерял несколько дней.

- Я нужен тебе больше, чем моей музыке, - ответил Керт. – Не переживай так, Майкл. Из таких чудесных мгновений, как сейчас здесь у водопада, и состоит жизнь. Это нужно и для тебя, и для меня, и для моей музыки. И вообще я благодарен судьбе, что встретил тебя. “Многие люди подобны популярным песням, воспринимаются только на время”. Это сказал не я, но я полностью с этим согласен.

- Кто-то из современных великих? – спросил Майкл.

- Наоборот, - ответил Керт. - Франсуа де Ларошфуко.

- Спасибо, Керт, - снова поблагодарил его Майкл.

Над ними низко пролетел желтый вертолет, несущий туристов к *Horseshoe Falls*
- Подкове водопада.

- Смотри, Майкл, вертолет – совсем как Лори в хэллоуинском костюме пчелы, – сказал Керт.

Майкл улыбнулся.

Кораблик *Maid of the Mist* привез туристов из тридцатиминутного путешествия к *Horseshoe Falls*, путешествия, всегда сопровождаемого чайками. Дек у подножья водопада, на котором стояли Майкл и Керт, моментально заполнился людьми, голосами и восторгами. Майкл и Керт отошли подальше к краю дека, чтобы не мешать им фотографироваться на фоне водопада и радуги. Все остальное практически не было видно. Водные брызги закрывали стоящие на противоположной стороне канадскую телебашню *Skylon Tower* с карабкающимися снаружи снизу вверх желтыми лифтами, отели *Sheraton*, *Embassy Suits* и *Skyline Brock*, в последнем снимали заключительные кадры фильма “9 с половиной ярдов”. Стоящая стеной водяная пыль закрывала также стоящие на канадской стороне колесо обозрения, магазинчик *Niagara Duty Free* и *Hard Rock* кафе.

Внезапно порыв ветра поднял брызги воды водопада над их головами. Водяной вихрь закрыл на несколько секунд небо и сразу же опустился вниз, перемешиваясь с водными брызгами, летящими снизу вверх. Все вокруг неожиданно затихли и вдруг, неожиданно, все одновременно хором сказали:

- *Ah!!!!*

Майкл оглянулся и увидел, что в небе появилась вторая радуга, висящая над первой, с зеркальным отображением ее цветов. Две радуги начинались прямо у его ног и уходили к отелю *Sheraton*, стоящему на канадской стороне.

Две высокие худенькие итальянские девушки попросили Майкла сфотографировать их на фоне двух радуг.

- И затем на фоне водопада, - добавила одна из них и, показав рукой на нишу, сделанную сносимой ветром водой водопада в вертикальной стене между камней, сказала своей подруге:

- Смотри, Пола. *In una caverna sotto terra viveva uno Hobbit.*

Майкл вопросительно посмотрел на Керта, знатока музыки и нескольких языков. Керт незамедлительно пояснил:

- На английском это будет так: *In a hole in the ground there lived a hobbit.*

- Толкиен, - сказал, задумавшись, Майкл.

- В норке, под землей, жил-был Хоббит. Норка его была сухой, и все в ней было незамысловато и просто, и пол был посыпан песочком, - продолжил Керт, также знаток Хоббитов и Властелинов колец.

Девушки улыбнулись.

Майкл взял фотоаппарат, сделал несколько шагов назад, девушки продолжали улыбаться, и сфотографировал их.

- Спасибо, - сказали хором девушки, взглянув на дисплей фотоаппарата.

- Стойте, - внезапно сказала Пола.

У Пола появилась новая идея сфотографироваться вместе с подружкой, подняв руки и держа в небе две радуги. Майкл сделал несколько снимков, и внезапно эта идея охватила всех вокруг, всех людей, прибывших сюда со всего света и встретившихся здесь только сегодня. Идея Пола привела всех в состояние восторга и все начали делать подобные снимки. В конце концов, решили сфотографироваться все вместе, установив фотоаппарат Пола на камне и включив его в режим автосъемки. Все сразу же перезнакомились. Керт и Майкл также были включены в групповой снимок. Пола записала их адреса и пообещала прислать фотографии. Все стали вместе под радугой, фотоаппарат Пола отсчитывал последние секунды перед снимком, кто-то внезапно запел “я сижу на радуге”, все подхватили эту песню с различными акцентами и расхохотались. Людей было неимоверно много, но всем хватило радуги, чтобы взять ее двумя руками.

Г Л А В А 75

Майкл и Керт ехали по Торонто.

- Если забыть массу идиотских вопросов на границе, - сказал Майкл, - например, не набили ли мы багажник джином и виски, то все было хорошо, и Ниагарский водопад, и маленький городок *Niagara-on-the-Lake*, и чудесное кофе на берегу озера напротив форта с английским флагом, древними пушками и таким же древним духом.

- Ты прав, - согласился Керт. - Все было, действительно, хорошо. Как будто бы мы действительно набили багажник джином и виски.

- Как много в Канаде ностальгии по Англии и ее королеве, - сказал Майкл.

- Мне, иногда, кажется, что Канада держится за королеву, впрочем, как и Англия, иначе появятся требования воссоединения с Америкой, все же единый язык, - добавил Керт.

Канада по обеим сторонам дороги впадала в осеннюю спячку с необычайно красными листьями на деревьях над огромным синим Онтарио.

- Как чудесно, что эти ребята из *Deep Purple* все еще играют, - сказал Керт.

- Конечно, - согласился Майкл.

- Не обращай внимания на мою категоричность в музыке, - улыбнулся Керт, - тем более, по словам Канта, эстетические умозаключения всегда нелогичны и субъективны. Причина моего разочарования в современной музыке, наверное, от понимания того, что мою группу не слушают все повально.

- Причина же моего разочарования в современной музыке, - добавил Майкл, - от того, что кроме *Deep Purple* и твоей, Керт, группы вообще слушать нечего.

- Майкл, вот здесь, в этой машине, мне стало понятно, почему с каждым веком упрощается музыка, - сказал Керт.

- Почему? – спросил его Майкл.

- Ты не находишь, что непонятное звучит чудеснее объясненного? - спросил Керт.

- Нет, - ответил Майкл. – И все же, почему с каждым веком упрощается музыка?

- Искусство, в том числе и музыка, были созданы, чтобы дополнять нашу не совсем совершенную жизнь, - ответил Керт. – Так?

- Так, - согласился Майкл. – И все же?

- Небольшой, подготовленной группе слушателей, например 18-го века, необходима была классическая музыка, чтобы дополнять их насыщенную философией и литературой жизнь. Моцарт писал для небольшого круга высокообразованных людей, которых с каждым годом, благодаря развитию системы просвещения, становилось все меньше и меньше, - продолжил Керт. – Так?

- Так, - согласился Майкл.

- Жизнь же с каждым годом упрощается и становится все более примитивной, к сожалению, - сказал Керт. - Чтобы дополнять такую жизнь, нужна и соответствующая музыка. Так?

- Ты считаешь, что жизнь настолько упростилась? – переспросил его Майкл.

- Конечно, - ответил Керт. – Например, сколько раз за последнюю пару минут я спросил тебя: “Так?” Уместен ли бы был такой вопрос в таких количествах за такой короткий промежуток времени в 18-м веке?

И переспросил:

- Так?

Майкл улыбнулся.

- Мне очень нравится классическая музыка, - сказал Керт. – В последнее время, особенно оперы. В самое последнее время - особенно “Аида” и “Лоенгрин”.

- Я говорю о популярной музыке, - возразил Майкл.

- Я понимаю, - сказал Керт. – Хотя и не совсем. Для меня именно Бах и был основателем тяжелого рока. Хоть все и началось с древнего грека Терпандра – изобретателя семиструнной лиры.

- Бах? - переспросил Майкл.

- Прислушайся к звучанию одного только его имени, - улыбнулся Керт.

Майкл рассмеялся.

- А если серьезно, - продолжил Керт. - Именно Бах ввел огромное число басовых инструментов в оркестр, исполняющий его музыку. Плюс ко всему, он применял ненормально огромный контрабас, для игры на котором нужны были два человека: один из музыкантов прижимал струны к грифу, а другой на них играл. Представляешь, насколько был низкий звук?

- Представляю, - улыбнулся Майкл.

- И вообще, каждый из композиторов был настолько отличен от других и создавал настолько свою музыку, что ее достаточно для каждого моего настроения, - добавил Керт. - Моцарт в опере обращал большее внимание на музыку, чем на слова, Вагнер придавал огромное значение каждому слову, Верди считал, что чем меньше в опере слов и чем больше действий, тем лучше.

- Я согласен с тобой, - согласился Майкл. – Но и “Аида”, и “Лоенгрин” заканчиваются так печально.

- Драму трудно завершить, - пояснил Керт. – Свадьба же в финале так приторна и банальна.

Ребята проехали по одной из старых улиц Торонто мимо небольших магазинчиков с живой Мерлин Монро в витрине одного из них (или двойником, – уточнил Керт), кафе “Старбакс”, над тремя уровнями магазинов под землей и еще больше над, связанных подземными переходами и подвесными галереями, мимо устремленных вверх небоскребов, CN телебашни, иногда им навстечу попадались необычные двухэтажные автобусы и обычные трамваи, их машина миновала залив Онтарио с парусниками и аэродромом на острове, и ребята подъехали к Амфитеатру *Molson*.

Концерт начался с песни “*My woman from Tokyo*”. Яркая бабочка летала вверх в низких басовых звуках *Deep Purple*, летала совсем невысоко над головами сотни тысяч людей под навесом Амфитеатра *Molson* с открытыми для потока воздуха, птиц и бабочек боковыми проемами. *Deep Purple* начинали в 1968-ом, когда *Beatles* уже фактически распались, и только какие-то невидимые струны еще удерживали этих ребят вместе, наверное в последней попытке не отстать от измененной ими же самими музыки. И когда в 2001-м у всех на слуху уже были новые группы, балансирующие, как канатоходцы над миллионами фанов, пытаясь открыть когда то забытое в классике и джазе, балансирующие между немножко приторными *Beatles* и уже начавшим устанавливаться немножко монотонным тяжелым роком, пять музыкантов из *Deep Purple* исполняли песни 60-х, 70-х и 80-х годов, и самым чудесным сюрпризом был возврат к ним Яна Гиллана, ушедшего в середине семидесятых певца, спевшего в мюзикла “Иисус Христос - суперзвезда”.

Япония оказала на них необычное влияние, и, обычно, первой песней на концертах стала “*My woman from Tokyo*”, не лучшая для восприятия с диска, но экзотичная на концерте, и далее “*Space Truck*” с квадрофонией пролетевшего над головой вертолета, гимн Канады в синтезаторном варианте, который все пели стоя, прижав правую руку к сердцу и подняв над головой кружки с пивом в левой, гимном, исполненном на синтезаторе, который всем видом напоминал тот легендарный из семидесятых, принесшим известность красивой музыкой и несчастливым роком,

висевшим над группой, в смысле, судьбой, с потерями гитар, барабанных палочек перед концертами и драматическим падением самого синтезатора из грузовика с не менее драматическим звуком. Затем музыканты вспомнили “Hush”, песню, написанную в 68-м, сыграли новую композицию - имитацию общения касаток, навеянную океанским заливом в Виктории, Бритиш Коламбия. “Smoke on the water” пели уже все вместе, огромное количество людей, стоя с зажженными огоньками.

- Я понимаю абсолютно все в музыке, - сказал после концерта в холле гостиницы Керт. - Я сам пишу музыку. Я не понимаю только, как они это делает. Это гениально.

Майкл стоял, задумавшись о чем-то своем, никак не реагируя на слова Керта.

- У меня твой любимый *Джек Дэниэлс*, - сказал Керт. - Заходи ко мне.

- Хорошо, - согласился Майкл. - Только мне нужно позвонить одной женщине.

Г Л А В А 76

Роксана положила трубку и, глядя куда-то в бесконечность перед собой, продолжала стоять над телефоном, думая о чем-то своем.

- Майкл? - тихо спросила Стефани, пытаясь одновременно не разрушить настроение Роксаны и получить ответ на мучавший ее вопрос.

- Снова вмешиваюсь в установившийся порядок, - сказала Роксана. - Буду переносить его медкомиссию на весну.

- Что его так тянет летать? - спросила Стефани. - Понимаю подобное желание в юности, но сейчас, когда грезы исчезли и мир стал простым и понятным.

- Я несколько лет назад спросила его об этом же, - сказала Роксана.

- И что он ответил? - спросила Стефани.

- Он рассмеялся, - ответила Роксана. - И сказал, что летать это хорошо.

Стефани улыбнулась.

- Иногда мне кажется, - сказала она, - что каждый человек - это осколок зеркала цивилизации, в котором она частично отражается. И каждый осколок по-своему отражает окружающий мир.

- Твой мир напоминает *Symphonie fantastique* - Фантастическую симфонию Берлиоза, - улыбнулась Роксана.

- Знаешь ее полное название? - спросила Стефани.

- Фантастическая симфония Гектора Луи Берлиоза? - уточнила Роксана и улыбнулась.

- “Эпизод из жизни артиста, фантастическая симфония в пяти частях”, - ответила Стефани. - Ее же продолжением являлось другое произведение Берлиоза “Лелио, или Возвращение к жизни”.

- Никогда не связывала их вместе, - сказала задумчиво Роксана. - Я хотела только сказать, что наш мир отличается от фантастического. “Хорошо” есть только то, что нужно природе для достижения ею собственных, непонятных и даже непостижимых человеком, целей. Она ведет нас к ним, управляя понятиями хорошо и плохо, справедливо и несправедливо, добро и зло...

- Как правительство? – спросила Стефани. – Но с другой стороны, оно должно отстаивать и интересы народа.

- Ты не находишь, что отстаивание интересов народа чаще всего подразумевает борьбу огромного количества людей с глупым законом или же с небольшой группкой других людей, дошедших в достижении своих интересов до крайности, глупости или чего-то еще? – спросила Роксана. - Мир должен подняться, чтобы воевать с одним. Какая-то идиотская ситуация, где все перевернуто *upside down*.

- Ты права, - согласилась Стефани. - Принцип суперпозиции здесь совершенно не работает. Сумма отдельных мнений не соответствует каждому мнению в отдельности или же, по крайней мере, большинству из них. Интересно, почему? Или человек качественно меняется с приходом к власти, или большинство хочет совершенно не того, чего хочет. Или же что-то еще.

- Должны же работать какие-то законы, - подхватила Роксана. - Работает же закон всемирного тяготения, невзирая на величие головы внизу и величину яблока наверху. Не в этом ли разрешение вечного кризиса верхов и низов? Или же этим ребятам не хватает удара яблоком по голове? Невзирая на величие и величины.

Стефани рассмеялась.

- Или жизненные ценности зависят только от должностного положения человека? - спросила она. - У меня с последними проблемами в госпитале к концу недели только одно желание, почти как жизненная ценность – побыстрее уик-энд. Представляешь мое падение?

- Как у яблока, - сказала Роксана и улыбнулась.

- С другой же стороны, не все дело в правителях и правительствах, - сказала она. - Зачастую понятия, воспринимаемые нами буквально, начинают абсолютно довлеть, превращая субъект, на который они проектируются, в догму, не требующую даже элементарных доказательств. И мы верим в это, и ничто не сдвинет нас с этой точки. Как, например, в неизбежность войны.

- Я согласна, - сказала Стефани. - Война лежит в основе природы человека, разумного зверя по Аристотелю, но вся история цивилизации заключается в движении от второй части определения к первой, от зверя к разуму.

- Хорошо, - согласилась Роксана. - Тогда как вывод – это движение можно ускорить. И избавиться от войн путем других войн.

- Лучше уж путем мира, - предложила Стефани.

- Вставляя цветы в дула ружей? – спросила Роксана. – Это же уже было. Я думаю, правдивы, истинны только простые идеи, как разум или зверь. Комплексные же идеи, как разумный зверь, еще и построенные на логическом противоречии, истинны не всегда. Все зависит только от точки зрения, от позиции с которой рассматривать мир, ближе она к разуму или зверю.

- С другой же стороны, - сказала Стефани. – Мы пытаемся нести добро в страны подобные Ираку и Афганистану, в которых категории добра и зла совершенно не соответствуют нашим.

- Не соответствуют? – переспросила Роксана.

- Конечно же, - ответила Стефани. – Мы пытаемся переделать страны, в которых нищенское положение населения, как в материальном, так и в духовном мире привело к практически полному социальному равенству, к серому однообразию интересов, позиций, мнений, запросов, что, в свою очередь, как результат, привело к эгалитарному, уравнительному обществу. Подобное же общество, как показывает история цивилизации, всегда пристыковывается к религиозной силе, инквизиции в прошлом, мусульманству в настоящем, при наихудшем раскладе. В руки религии переходит цензура, искусство, образование, формирование стиля жизни. Иными словами, все это ведет к серому однообразию во всех областях, и, чтобы сохранить себя, в целях самозащиты такого образа жизни, государство и народ просто обязаны подавлять прогресс.

- Развитие останавливается? – спросила Роксана.

- Конечно, - ответила Стефани.

- Тогда остается только найти людей с интеллектуальным и моральным превосходством и передать им власть, - предложила Роксана.

- И развитие пойдет по пути прогресса? – с иронией в голосе спросила Стефани.

- Да, возможно, - ответила Роксана. - Но тогда интересный вопрос. Относишь ли ты наше правительство к категории людей с интеллектуальным и моральным превосходством?

- Ты меня снова ставишь в тупик, - улыбнулась Стефани.

- Прости, что я снова о войне в такой чудесный вечер, - сказала она извиняющимся голосом. – Снова сделала *faux pas*, ошибочный шаг, как будто бы принесла вино на вечеринку во французский дом.

Роксана улыбнулась.

- Мы делаем все как-то не так, - продолжила Стефани. - И это происходит со времен Колумба, который плыл из Испании в Индию самым длинным путем, идя на запад, через Атлантический океан, вокруг Земного шара...

- Сегодняшний вечер вносит во все оттенок романтичности, - сказал Роксана. - Я даже представляю три его корабля, заблудившиеся в океане: *Niña*, *Pinta* и *Santa Maria*. Погоня за золотом, драгоценными камнями и шелком для испанской монархии.

- Веришь ли ты в Бога? – неожиданно спросила Стефани.

- Я даже не знаю, - ответила Роксана.

- Хорошо, - сказала Стефани. – Тогда, существует ли Бог?

- Я не знаю этого тоже, - ответила Роксана. - Но мне было бы очень скучно жить в мире, управляемым кем-то всевышним.

- А не живешь ли ты в подобном мире? – снова спросила Стефани.

- Я всего лишь подразумевала, что не хотела бы жить в мире, будущее которого предрешено, - уточнила Роксана. – Или же в мире, не управляемым Всевышним, а лишь наказывающим нас за проступки, оценку которых часто невозможно сделать однозначно и можно трактовать как угодно во всем диапазоне оценок.

- Например, как в медицине, от одного до десяти, один – это плохо, десять – это хорошо? – уточнила Стефани.

- Совершенно верно, - ответила Роксана. – Как в медицине. Не применяет же Всевышний статистический анализ для оценки влияния конкретного действия на всех окружающих при определении вероятностных границ и доверительных интервалов поступка и проступка?

- Тебе в детстве не довелось прочесть “Молот ведьм”? – спросила Стефани.

- Проверь, любая абсолютная истина - относительна, - ответила Роксана. - Особенно в медицине.

- И особенно в женщине, – уточнила Стефани и улыбнулась.

- Абсолютно точно, - рассмеялась Роксана.

- По-твоему, хорошее это то, что ведет человечество вперед? – спросила Стефани.

- Во Вселенной нет ни вперед, ни назад, ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево, - ответила Роксана. – Это только тени нашего небольшого пространства.

- Тогда, что управляет человеком в интересном для тебя мире? – спросила Стефани.

- Вот мы и подошли к морковке, подвешенной впереди ослика, к которой он стремится, но никак не может достичь, - улыбнулась Роксана.

- Этот ослик живет в твоём интересном мире? – спросила Стефани.

- В моем интересном мире, к сожалению, огромное число дураков, до жалости похожих на осликов, и очень много морковки, - улыбнулась Роксана. – Зачастую ад - это люди вокруг нас.

Она помолчала и добавила:

- “Нет выхода”.

- Кевина Костнера? – спросила Стефани.

- Скорее, Жан-Поля Сартра, - ответила Роксана.

- Тогда, кто же дал нам понятия добра и зла? – спросила Стефани.

- Природа выкинула нас на нашей Земле в безвоздушное пространство, - ответила Роксана. - Добро и зло сформировала в нас эволюция для нашего же выживания и превосходства, как вида, над другими. Этот процесс завершили правительства для лучшего управления народом. Церкви же, играющие когда-то в этом огромную роль, сегодня незаметно уходят в тень.

- И ты тоже можешь быть жестокой и злой? – спросила Стефани.

- Я всегда жестока и зла, когда это, например, касается выживания ребенка, - ответила Роксана.

- И именно этот мир тебе интересен? – уточнила Стефани.

- Конечно, - ответила Роксана. – Впрочем, нет же никакого другого. Вот и вся наша свобода выбора.

- Я уверена, что природа не ставила никаких целей, - сказала Стефани. - Миллионы лет назад мы оказались в войне с самой природой. Психология выживших и сформировала понятия хорошего и плохого.

- Я думаю, ты права, - согласилась с ней Роксана. - Историю написали победители. Например, возле моего дома на газоне в траве выживают только низенькие ромашки. И их количество огромно. Если бы они писали историю, то хорошо бы было быть только маленьким и ни в коем случае не лезть выше травы под ножи Истории, то есть Газонокосилки.

- Абсолютно, точно! – улыбнулась Стефани. – Я очень люблю ромашки.

- Я почему-то не нравлюсь никому, - неожиданно сказала Роксана.

- Что ты? – возразила Стефани. - Ты не нравишься либо недостаточно умным мужчинам, либо слишком умным. Вторым необходимо некоторое время, чтобы понять, что ты умнее их, первым же этого не понять никогда.

Роксана улыбнулась.

- Ты просто еще не влюбилась, - пояснила Стефани.

Роксана грустно вздохнула.

- Уже очень поздно. Два ночи, - сказала Стефани.

- Побудь со мной еще немножко, - попросила Роксана.

- Тебе нужно хотя бы на короткое время влюбиться, - сказала Стефани. - Ты все так же пытаешься противостоять тому, к чему постоянно стремишься. Плюс к этому, стрессы в госпитале, каждодневная игра со смертью, которая физически к тебе никак не относится, а принадлежит людям, выбравшим тебя совершенно случайно. Зачастую они вообще никого не выбирают. Игра случая, рок, фатальность.

- Часто они стремятся именно ко мне, - сказала Роксана.

- Поверь мне, часто они совершенно не понимают того, к чему стремятся, исходя только из чувства, но не разума, - уточнила Стефани.

- Как, впрочем, и я, - сказал Роксана.

- Как, впрочем, и мы, - добавила Стефани.

- Все проблемы родом из детства, - сказала Роксана. - Совершенно все нелогично. Природа ведет меня к какой-то своей непонятной цели, играя ощущениями и чувствами, кусочками счастья и просто удовольствиями.

Она улыбнулась и добавила:

- Зато как хорошо сейчас. Чудесный вечер вычеркнул нас из повседневной жизни, закрыв темной звездной завесой всех людей с их проблемами, требованиями, борьбой, воззваниями, петициями и всей остальной неустроенностью. А вся наша жизнь остались здесь, в круге света этого теплого домашнего вечера.

- Твой следующий шаг - меланхолия и одиночество, - сказала Стефани, - если завтра утром эта теплая домашняя обстановка не будет взорвана звонком будильника, продолжившимся госпиталем с его каждодневной горечью и болью.

Роксана грустно улыбнулась.

- Что ты ждешь от жизни? – спросила Стефани.

- То, от чего постоянно бегу в наш уютный вечер, - ответила Роксана. – Громкий звонок утреннего будильника, кофе, прохладный душ и наш госпиталь.

Г Л А В А 77

Вся прошлая жизнь представлялась Майклу коротким мгновением, в котором время летело, увлекая за собой стрелки часов, превращая их в миллионы сверкающих вращающихся дисков, день сменялся ночью и ему снова на смену шел новый торопливый день, очередной день в калейдоскопе меняющих друг друга дней и ночей, света и тьмы, которые, казалось, впервые сливались вместе в этом торопливом беге времени с тех давних пор, как их разделил Создатель на картине Микеланджело в пространстве между нами и небом Сикстинской капеллы. В летящем потоке времени сверкали ночи мириадами зажигаемых людьми огней, сменялись рассветы, закаты и времена года, заставляя деревья распускаться и засыпать, птиц улетать и прилетать, людей - уходить и возвращаться. Шли дожди и снег, гремели грозы, приходили тайфуны, закрывая волнами небо, и снова светило солнце, снег окрашивал землю в белые оттенки, сквозь который пробивалась трава, поглощая его белый покров. Зима сменялось летом, а лето зимой, и не успевшие прогреться земля и города снова покрывались снегом, и ему уже шло на смену новое лето, сжимая в быстрых метаморфозах движения осень и весну в мелькающие скоротечные отрезки. Просыпались и высыхали дожди, вырастала трава и цветы, следящие головками за быстро несущимся в небе солнцем, распускались деревья и падали, казалось, несозревшие от быстрого бега времени плоды, и снова в холодных дождях опадали листья и выпадал снег.

Вокруг Майкла кипела жизнь, но все происходящее, любовь, увлечения, дружба, все казалось нереальным, происходящим, как бы в кино или, скорее, в пьесе, поставленной школьным драмтеатром.

Наступило и прошло Рождество.

- Шейла, - думал Майкл. - Пусть у тебя больше и больше случается дней, наполненных счастьем, когда не думаешь ни о прошлом, ни о будущем, ни о временах года, а живешь только настоящим и все вокруг хорошо.

Время летело, и наступил День Сурка.

- Это надо было видеть, - сказал, входя утром в лабораторию, Керт. - Сурка снова вытащили, толстого и сонного, похожего скорее на сову, чем на жаворонка. Эта собака опять увидела свою тень, значит, зима будет долгой. Утром снова выкапывал дом и машину из снега. Мне кажется, что он это делает нам назло из-за плохого настроения, холода или яркого снега. Тоже мне, пифия. Если бы ему надо было бы спеть или станцевать, чтобы продлить зиму, он сделал бы это с радостью. Для меня бы вообще он пел бы рэп.

- Керт, ты не прав, - возразила Лори. - Самое главное то, что люди собираются вечером, пьют и танцуют всю ночь, греются у костров, а утром уже вытаскивают Филадельфию.

- Мне кажется, - добавил Керт, - что они и Филадельфия первый раз нашли совершенно случайно, доставая из снега шампанское.

- Кстати, в каком-то штате по подобию начали применять другую зверушку, типа енота, чтобы предсказывать погоду, - сказал Саймон. - Телевидение тут же отреагировало – они что, люди с гор, не применяют более точный метод предсказания погоды с сурком?

- Керт, ты и в Святого Патрика не веришь, как и в Филадельфию? – спросила Лори.

- Напротив, - возразил Керт.

- Еще бы, - добавил Саймон. - Керт никогда не откажется от Дня Святого Патрика, праздника с таким большим количеством пива. Даже если бы Патрик...

- Святой Патрик, - уточнил Керт.

- Даже если бы Святой Патрик, - согласился Саймон, - был бы язычником...

- Святой Патрик был язычником, - сказал Керт.

- Неимоверно, - восхитилась Лори. – Керт, твои знания безграничны.

- Посещайте почаще пивные праздники, - посоветовал Керт. - Набираешься во всех смыслах. Человек, ставший впоследствии Святым Патриком, родился в Ирландии, его имя было *Маэуин*, и он очень хотел, но никак не мог получить работу епископа из-за отсутствия образования. До шестнадцати лет причислял себя к язычникам и закончил тем, что был продан в рабство группой ирландских мародеров, почистившим его деревню, где и приблизился к богу. Через шесть лет сбежал, прибил к монастырю, где и учился двенадцать лет. Стал известен призывом, как и теорией, конвертации язычества в христианство в Ирландии. Мне кажется, что он изучал программное обеспечение. Плюс ко всему, вот и объяснение зеленого цвета, любимого цвета ирландцев, как и пива, любимого напитка программистов. Затем он получил христианское имя Патрик, был направлен, как второй епископ, в Ирландию, где был успешен в конвертировании в христиан, несколько раз арестовывался, но всегда

успешно сбегал, путешествовал по всей Ирландии, создавая монастыри, школы и церкви и исцеляя, плюс ко всему, вывел в Ирландии всех змей. Так продолжалось 30 лет и завершилось пенсией и причислением к святым с утверждением праздника.

- Неимоверно, - снова восхитилась Лори. – Теперь буду посещать пивные праздники.

Г Л А В А 78

Наступила весна. Наверное, из-за сравнения с переменчивостью погоды, все разнообразие происходящего казалось для Майкла совершенно незначительным и совершенно не требующим внимания. Весна же была совершенно переменчива, от снежного пейзажа за окном утром, белого цвета до самого горизонта, до зеленой травы с пением птиц через два часа. Неделю назад, кажется совершенно случайно, вернулись канадские гуси.

- По-моему они ошиблись, прибыв рано, как никогда, - думал Майкл. - Еще выпадет снег.

- Майкл, ты действуешь по дилетантски, - перебил его мысли Керт. – И я вижу, у тебя нет никаких шансов найти Шейлу.

- Я делал все что мог, - возразил Майкл.

- Знаешь, Майкл, чему учит музыка? – спросил Керт. – Ты должен двигаться от одного такта к другому. Ты не можешь перепрыгнуть, вернуться или остановиться. Есть, конечно же, подобные приемы при создании музыки, но в общем смысле, музыка учит последовательности и терпению.

- Керт, это музыка научила тебя терпению? – улыбнулась Лори.

- Не перебивай! – сказал Керт.

- Керт, музыка действительно научила тебя терпению, – рассмеялась Лори.

- Майкл, - сказал Керт, - забудь женщин!

- Керт, - Лори от смеха с трудом произносила слова. – Керт, вы же ищите женщину. Как там было о музыке и последовательности?

Керт расхохотался. Они смеялись вместе с Лори и никак не могли успокоиться. Майкл, глядя на них, улыбнулся.

- Лори, пожалуйста, - сказал Керт, вытирая слезы. – Я уже плачу.

- Только не говори больше о музыке, - попросила Лори.

- Хорошо, - согласился Керт. – Только о женщинах. Но и ты пообещай, что будешь молчать. Я не могу работать в такой обстановке.

- Обещаю, - серьезным голосом сказала Лори.

- Итак, Майкл, чем мы располагаем? – спросил Керт. - Есть у тебя ее *Social Security Number*, банковский счет, фотографии, факты из жизни, полное имя, отпечатки пальцев на чем-нибудь, что она держала в руках. Выкладывай все, что у тебя есть.

- Ты знаешь ее имя, вот наша фотография, а все, что я знаю о ней, я рассказывал неоднократно, наверное, даже надоел, - сказал Майкл.

- Этого уже много, - сказал Керт. – В музыке нет ничего невозможного. Ты натолкнул меня на замечательную мысль. Нам абсолютно не нужен ее *Social Security Number*. Одна моя знакомая, мы играли вместе в школьном оркестре, работает в *Social Security Administration*. Она найдет Шейлу мигом в их компьютерной базе. Даже может быть две Шейлы. Познакомишь меня со второй. Глядя на тебя, я уже влюбился в это имя. Сейчас только найду номер ее телефона.

Керт долго искал номер ее телефона в блокноте. В лаборатории повисла тишина. Лори, как и обещала, молчала. Наконец Керт улыбнулся, закрыл блокнот, набрал номер и сказал Майклу:

- Не волнуйся так, минут через двадцать - тридцать мы ее найдем. Как я раньше об этом не подумал?

Лори тихо вздохнула.

- Шейла! – внезапно заорал Керт в трубку. - Что нового? Как дела?

- Керт, - настороженно позвал его Майкл.

Керт отмахнулся рукой:

- Подожди, пожалуйста. Не перебивай. Она спрашивает ее имя.

- Шейла, - сказал Майкл.

Глаза Керта стали совершенно круглыми и он сказал:

- О-о-о!

- Шейла, - спросил он. - Ты не летала год назад в Вену?

Наступила пауза. Керт молчал. Шейла что-то быстро говорила на другом конце линии, и ее голос становился все взволнованней и взволнованней.

- Керт, что? – спросила Лори.

- Пожалуйста, подожди, - попросил ее Керт. – Ты же обещала.

– Это я не тебе, - добавил он в трубку.

В лаборатории снова повисла тишина. Керт продолжал слушать, ничего не говоря, только отмахиваясь от Лори и Майкла.

- Шейла Вильямс, среднее имя – Л., – добавил Керт в трубку. – Хорошо. Ты тоже. Пока.

Керт положил трубку и сказал:

- Поиски начались.

- О чем она говорила все это время? – заинтересованно спросил Майкл.

- Все это время она, причем очень ярко, образно и зачастую с выражениями неподобающими людям искусства, объясняла, как именно она, как это мягче сказать, ненавидит летать.

- И что теперь? – спросил Майкл.

- Все, - ответил Керт. – Она завелась.

- В смысле? – уточнил Майкл.

- В прямом, - ответил Керт. - Она завелась и не успокоится, пока не найдет твою Шейлу. В музыке нет ничего невозможного.

Г Л А В А 79

Прошло два - три часа с тех пор, как Шейла из *Social Security Administration* завелась.

- У меня все работает нормально, - сказал из кабины тренажера *F-18* Саймон.

- Пробуем с Лори, - предложил Керт.

Последнюю неделю прицел работал устойчиво, если в кабине находился любой человек за исключением Лори. Если в кабину тренажера садилась Лори, прицел держал цель в течение пяти – шести секунд, и затем его рамка на дисплее перед пилотом плавно уходила с цели влево и опускалась вниз.

- Пробуем с Лори, - согласился Саймон.

Лори улыбнулась, потерла ладонь о ладонь, сказала: “Посмотрим”, пересекла комнату, переступая через провода, идущие от тренажера к приборам и электронным блокам, и грациозно забралась по лестнице в кабину.

В лаборатории повисла тишина. Прошло несколько минут.

- Не работает, - сказала из кабины Лори.

- Вижу, - откликнулся Саймон, глядя на экран стоящего перед ним блока управления.

- Я думаю, прицел не работает, потому что на борту женщина, - сказал Керт.

- Самолет - это же не корабль, - возмутилась из кабины Лори.

- Зато из *Navu*, - сказал Керт.

- Керт, перестань, - попросила Лори.

- Кстати, о прицелах, - продолжил Керт. – Я понял, почему Колумб плыл в Индию в направлении противоположном самому короткому пути, вокруг всего Земного шара.

- Почему? – спросила Лори. – Хотя я догадываюсь.

- Правильно, - ответил Керт. – Потому что на его корабле была женщина.

- Керт, я уверяю тебя, - сказал Саймон. – У него было три корабля: *Santa María*, *Pinta* and *Niña* и не было ни одной женщины.

- Нина, - торжественно сказал Керт.

- Керт, ты невыносим, - сказала Лори. – Впрочем, именно поэтому я и пытаюсь подольше побыть в вашей лаборатории.

- Лори, покажи, как ты это делаешь, - попросил Керт.

- Что? – спросила Лори.

- Как ты добиваешься, чтобы прицел не работал, - пояснил Керт.

- Хорошо, - согласилась из кабины тренажера Лори.

Керт поднялся по лестнице, наклонился над Лори, протянул руку вовнутрь кабины и что-то нажал на приборной доске.

- Смотри, - сказала Лори.

Прошло несколько минут.

- Не работает, - сказал Керт.

- Это видно и здесь по приборам, - откликнулся Саймон.

- Единственное, что я, к сожалению, не вижу, - сказал Керт Лори, - как ты совмещаешь рамку с целью. Отсюда вся панорама видна под острым углом.

- К сожалению, - повторила Лори.

- Давай я сяду в кабину, - предложил Керт. – А ты сядешь мне на колени. Это даст мне нужную перспективу.

- Хорошо, - согласилась Лори.

Она выбралась из кабины и сделала рукой приглашающий жест Керту.

- Спасибо, - сказал Керт.

Он забрался в кабину, Лори села ему на колени.

- Начинай, - сказал Керт Лори.

- Мне неудобно, - откликнулась Лори.

- Сейчас, - сказал Керт.

- Что здесь, черт возьми, происходит? - раздался голос вошедшего начальника лаборатории.

- *Ebben? Che diavol fate?* – пропел оперным голосом на итальянском из кабины Керт и повторил в той же тональности. - *О, дьявол! Что здесь происходит?*

В лаборатории повисла тишина.

- *La Traviata*, - пояснил Керт.

- Керт, - разочарованно сказал начальник лаборатории. – Тебе бы повзрослеть.

Он повернулся и весьма медленно вышел. Дверь за ним также медленно закрылась.

Керт тихо поаплодировал.

- Снисходительные хлопки галерки, - пояснил он.

- Керт, ты невыносим, - рассмеялась Лори.

- *Aeternae veritates*, вечные истины, - возмущенно и тихо сказал Керт, кивнув на закрывшуюся дверь. – Ему еще бы и скипетр в руки. Охваченный смятением. Непрестанные капризы, снобизм, притворства и диссонирование.

Ребята рассмеялись и вдруг, внезапно, раздался звонок телефона Керта.

- Шейла, - сказал взволнованным голосом Керт, пытаясь отодвинуть Лори в сторону в тесной кабине тренажера и достать из кармана трубку.

- Да, - откликнулась Лори. – Я уже привыкаю к этому имени.

- Это звонит Шейла из *Social Security Administration*, - пояснил Керт, делая и делая новые безрезультатные попытки достать из кармана трубку телефона.

Лори поднялась в тесной кабине тренажера, держась рукою за его борт. Керт начал приподниматься вслед за ней. Майкл, понимая, что сейчас она упадет, подбежал к тренажеру. Керт, наконец, поднялся и Лори, взглянув вниз на Майкла, театрально покачнулась и упала в его руки. Керт наконец-то вытащил трубку из кармана, снова сел в кабину тренажера и сказал:

- Алло. Да, у меня все в порядке. Не обращай внимание на дыхание. Нет, действительно, хорошо. Даже как-то легко, как будто бы сбросил фунтов сто.

- Керт, - возмущенно сказала Лори в руках Майкла.

- Прости, - сказал Майкл Лори. - Даже забыл о тебе.

Он медленно поставил ее на пол.

- Ничего, – сказала Лори. - Даже приятно.

- Майкл, - сказал Керт из кабины. – Они нашли около тысячи Шейл, отсортировали по возрасту, осталось чуть больше сотни. После просмотра ее фотографии – не осталось ни одной. Жалко.

Лори кончиками пальцев погладила плечо Майкла.

- Не отчаивайся так, Майкл, - добавил Керт. - Ничего страшного. Я думаю какие-то ошибки в базе данных, неумение работать с фильтрами поиска, старое программное обеспечение или что-нибудь еще. Я иногда не могу найти ноты в библиотеке в их компьютерной базе данных, зная все атрибуты поиска. Но стоит подойти к полкам с книгами, рассортированными по именам авторов, и все в порядке – вот они стоят, даже несколько редакций и изданий. И никаких проблем при поиске.

- Ты можешь чем-то еще помочь, Керт? – спросила Лори. – Не могу на Майкла спокойно смотреть.

- В музыке нет ничего невозможного, - ответил Керт. - Не отчаивайтесь, ребята. Мы прошли только круг первый. Настало время тяжелой артиллерии. Как у Чайковского в Увертюре к “1812”. Ты не слушала, Лори?

- Керт, не отвлекайся, пожалуйста, - попросила Лори.

- О’кей, - согласился Керт. – Один из моих друзей-музыкантов сейчас работает в ФБР.

- Ого! – восхитилась Лори.

- То-то же, - сказал Керт. - Я напишу ему *e-mail* и присоединю твой файл с фотографией. Саму же фотографию с отпечатками пальцев пошлем позже. Только, пожалуйста, не мешайте мне.

Написание письма заняло минут десять и все это время все вокруг честно молчали. Керт прикрепил к письму файл фотографии и сказал:

- Итак, вы встретились над океаном. Операция тогда называется *Smoke on the Water*.

- Отправляй уже, - попросил его Саймон.

- Отправляю, - согласился Керт и нажал клавишу *Enter*.

Г Л А В А 80

Прошло несколько дней.

- Майкл, ФБР, к сожалению, тоже не нашло Шейлу, - сказал Керт, входя одним утром в лабораторию. - Снова невероятное количество снега.

Он снял куртку и повесил ее на стоящей у входа вешалке. В лаборатории повисла тишина. Все ожидали продолжения.

- Но, отсортировав все фотографии, - сказал Керт, - они нашла наиболее похожего на нее человека.

Керт сделал паузу и продолжил:

- Это наша Лори.

Лори грустно улыбнулась.

- Лори, ты не Шейла? – спросил Керт. – Теперь не знаю, что и делать.

- Остается только ЦРУ, - сказала Лори.

- Хорошо, - согласился Керт. – Но так не хотелось бы иметь с ними дело.

- Ты это всерьез, Керт? – спросила Лори, глядя на него восхищенными глазами.

- За этот взгляд я пойду на край земли, - пошутил Керт. – Один из моих друзей-музыкантов из школы...

- Вперед, Керт, - перебила его Лори. - Ну, пожалуйста.

- Музыкант в ЦРУ, - сказал Керт. – Представляете метаморфозу? Так доиграться. На этот раз мы сделаем тебе копию фотографии, Майкл. Не знаю, что останется от оригинала после их лабораторных исследований.

- Хорошо, - согласился Майкл.

Прошло еще несколько дней. К Майклу на улице подошел незнакомый парень. Он показал ему свое удостоверение. Майкл ничего не успел прочесть, кроме одного слова, напечатанного большими буквами – ЦРУ.

- Меня зовут Джон, - представился парень.

- Джон Смит? – уточнил Майкл и улыбнулся.

Парень никак не отреагировал, он оставался совершенно спокойным и, казалось, не заинтересованным абсолютно ни в чем.

- Нам нужно поговорить, - сказал он. – Это лучше сделать в моей машине.

Парень открыл дверцу стоящего рядом черного *SUV* и Майкл забрался вовнутрь.

- Это касается Шейлы? – спросил Майкл и улыбнулся.

- Майкл, это не шутка, - ответил Джон. - Это дьявольски серьезно. Мы проанализировали отпечатки пальцев, применяя технологию отделения по слоям, разработанную *DARPA*. За последний год ты брал фотографию в руки более трех тысяч раз. Представляешь, насколько была кропотлива работа. В общем-то, это число и заставило меня двигаться вперед.

- И? – спросил Майкл.

- Мы нашли отпечатки пальцев Шейлы и проверили все базы данных, включая базы фотографий, отпечатков пальцев, выпускников университетов, школ, банковских историй, водительских удостоверений, владельцев машин, паспортов, *Social Security Administration*, пассажиров авиалиний, поездов и автобусов, посетителей госпиталей, имен, почтовых адресов, адресов интернет, короче всего, что только можно представить. Мы проверили базы данных Соединенных Штатов, Испании, Франции, Португалии, Швейцарии, Бельгии, Нидерландов, Германии, Британии, Уэллса, Ирландии, Шотландии, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии, Польши, Чехии, Словакии, Австрии, Венгрии, Словении, Италии, Греции и Кипра.

Майкл уже ничего не говорил. Он просто молчал, ожидая известия.

- Майкл, - сказал Джон. – Эта девушка никогда не существовала. Я буду просто счастлив, если она найдется где-либо. К сожалению, у нас нет доступа к информации всех стран. Дай мне, пожалуйста, знать.

И он протянул Майклу свою визитку.

Г Л А В А 8 1

Наступило время летной медкомиссии Майкла. Стоял тихий чудесный вечер, и было по-летнему тепло. Майкл шел по Бесезде, небольшому городу в штате Мэриленд, в котором размещался *National Naval Medical Center*, Национальный медицинский центр *Navu*.

Майкл вспомнил провожавших его в аэропорту Бостона Керта и Лори.

- Мы желаем тебе удачи, - сказала, обнимая его на прощание, Лори.

- Хотя бы очень хотелось, чтобы ты ничего там не прошел, вернулся и работал с нами, - добавил Керт.

- Керт, это невежливо, - перебила его Лори.

- Зато, правда, - сказал Керт. - Всегда говорю правду, только правду и одну только правду. Никогда не любил путешествия.

*“Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим”.*

- Как ужасно звучит, - добавил он.

- Ты всегда говоришь одну только правду? – уточнила, улыбаясь, Лори. - Тебе остается только поклясться на...

Она посмотрела вокруг и ее глаза остановились на киоске Информационного центра Бостона.

- Тебе остается только поклясться на буклете Массачусетского технологического, - добавила Лори. - Нести?

- Неси, - сказал Керт. - Буду клясться. Всегда это делал для женщин, хотя правду говорил только мужчинам.

- А женщинам? – спросила Лори.

- Только клялся, - ответил Керт.

- Ребята, - сказал Майкл. – Спасибо вам за все. Я был счастлив все это время с вами.

- Мы тоже, - сказала Лори. – А, в общем-то, Керт прав.

- В чем? – спросил Керт.

- Возвращайся, Майкл, - попросила Лори.

Майкл шел по Бесезде. Город был спокоен и тих этим весенним вечером. У Майкла он всегда ассоциировался со спокойствием и тишиной. И еще и с Роксаной.

- Надо бы позвонить Роксане, - подумал Майкл.

Он посмотрел на часы.

- Не буду ее беспокоить сегодня. Уже поздно, - решил он.

И внезапно остановился. Роксана шла по противоположной стороне улицы, глядя перед собой и не обращая внимание на окружающих.

- Ну вот, со мной одни беспокойства, - подумал, улыбнувшись, Майкл.

Роксана продолжала идти по противоположной стороне улицы и думала о чем-то своем, не видя Майкла и, казалось, она не обращала на мир вокруг никакого внимания. Ее темная фигурка на фоне ярких витрин казалось тоненькой и незащищенной.

Майкл повернулся и пошел к ней, прямо через газон с уже по-летнему зеленой травой и заполненную автомобилями улицу безо всяких признаков светофоров и пешеходных переходов. Майкл уже достиг противоположной стороны, как раздался резкий автомобильный сигнал и звук тормозящих по асфальту шин. Майкл сделал еще один быстрый шаг, оказался на тротуаре среди прохожих и повернулся. Такси при торможении занесло, и оно стояло под углом к автомобильному потоку. Машины за ней нетерпеливо сигналили. Водитель такси опустил стекло и каким-то до нереальности спокойным голосом спросил:

- Ты сумасшедший?

- Еще не знаю, - сказал Майкл. – Медкомиссия завтра. Извините.

- Случается, - сказал водитель. – Хотя уж лучше бы, никогда.

Он начал поднимать стекло такси.

Майкл почувствовал прикосновение к своей руке. Он извинился еще раз и повернулся. Рядом с ним стояла Роксана, ее лицо было очень бледное, и она была не в состоянии ничего произнести. Майкл обнял ее и сказал:

- Здравствуй.

- Здравствуй, - ответила тихо Роксана и поцеловала его в щеку.

Майкл, прижимая к себе Роксану, почувствовал, что она замерзла и тихонько дрожит в своем легком плаще.

- Ты совершенно замерзла, - сказал Майкл.

- Все также совершенно не верю в зиму, - согласилась Роксана.

Она взглянула в глаза Майкла и добавила:

- Ты меня испугал.

- Прости, - сказал Майкл. - Снова причиняю тебе беспокойства.

- Ничего, - улыбулась Роксана. - Даже приятно, когда кто-то способен на сумасбродства.

Майкл улыбнулся.

- Ты снова похудел, - сказала Роксана.

Она погладила его по щеке и добавила:

- Небритый.

Майкл прижался щекой к ее ладони.

- Все равно, колючий, - сказала Роксана. - Но теперь уже только в прямом смысле. Загорелый, обветренный...

- Ты выглядишь просто чудесно, - сказал Майкл. – Лучше, чем всегда.

- Майкл, если тебя послушать, - улыбнулась Роксана. - Я становлюсь моложе с каждым годом и скоро догоню тебя, если жить в соответствии с твоими комплиментами.

- Живи только в соответствии с ними, - сказал Майкл.

- С тобой все наоборот, Майкл, - добавила Роксана. - Даже интересно. Если бы ты еще и понимал женщин.

- Я понимаю женщин, - возразил Майкл.

- Ты понимаешь женщин? – иронично переспросила Роксана.

- Даже не поверишь, но одна девушка сказала однажды, что я понимаю женщин, - сказал Майкл. - Это было в осеннем Нью-Йорке, мне кажется, тысячу лет назад.

- Ты ей сделал предложение или что-то предложил? – заинтересованно спросила Роксана.

- Я уже не помню, - ответил Майкл. – По-моему, кофе.

- Майкл, только кофе, - сказала Роксана. - Это именно то, что мне сейчас бы хотелось.

И, улыбнувшись, добавила:

- Майкл, ты, все-таки, понимаешь женщин.

- Конечно, - согласился Майкл.

- Но только иногда, - добавила Роксана. - Что же касается кофе, здесь рядышком чудесное кафе с чудесным капучино. Только не спеши. Какое-то настроение торопливости у всех вокруг. У всех вокруг, кроме меня.

Они шли по улице, Майкл держал Роксану за руку и рассказывал ей о Бостоне, ребятах из Массачусетского технологического, китах, *Deep Purple*, Рождестве, дне рождения Керта, баре О'Брайн, Брэдбери и Ниагарском водопаде. Роксана шла, прижавшись к Майклу плечом, и улыбалась. Они шли и шли среди потока людей и машин и переходили улицы только на зеленый свет светофора.

- Пообещай мне не попадать больше ни в какие переделки, - попросила его Роксана.

И добавила:

- К сожалению, это совершенно невозможно. Ты привык жить на краю пропасти.

- Обещаю, - пообещал Майкл.

Роксана посмотрела с сомнением на Майкла и сказала:

- Вот мы и пришли.

Майкл открыл дверь, пропуская Роксану вперед, тихонечко звякнул прикрепленный ко входной двери колокольчик, и Майкл с Роксаной оказались в чудесном, небольшом и уютном кафе. Людей было немного. Мягко светили стоящие на маленьких столиках светильники, и Дженис пела “*Leaving on a Jet Plane*”:

*... So kiss me and smile for me
Tell me that you wait for me
Hold me like you never let me go
I'm leaving on a jetplane, I don't know when I'll be back again.
I'm leaving on a jetplane, I don't know when I'll be back again.
I'm leaving on a jetplane, I don't know when I'll be back again.
Oh babe I hate to go...*

Майкл и Роксана прошли к стоящему у окна столику. Майкл помог Роксане снять плащ, снял свою куртку, положил их на стоящий рядом стул и они сели. Разноцветные стекла окна с каким-то итальянским средневековым сюжетом, бросали на их столик цветные пятна, среди которых мягко горел небольшой светильник.

- Ты удивилась нашей встрече? – спросил Майкл.

- Скорее, испугалась, - ответила Роксана.

Полумрак кафе изменил ее, привнес элементы трогательности и беззащитности.

- Добрый вечер, - сказала подошедшая к ним девушка. - Кофе?

- Добрый вечер, - откликнулись хором, повернувшись к ней, Майкл и Роксана.

- Конечно, - добавил Майкл.

- Два капучино, - попросила Роксана.

- Что-либо особенное? - спросила девушка.

- Нет, как обычно, - ответила Роксана.

- Мне, пожалуйста, сахар, - на всякий случай попросил Майкл.

- Сколько? - спросила девушка.

- Как можно больше, - ответил Майкл.

- Майкл, - сказала, улыбнувшись, Роксана, - у тебя завтра медкомиссия.

- Тогда просто капучино, - сказал Майкл. - Как обычно.

- Вы никогда не заказывали у нас кофе, - сказала девушка. - Я бы обязательно запомнила.

- Мне интересно, какой капучино, как обычно, - уточнил Майкл.

Официантка посмотрела на него с недоумением.

Роксана положила свою руку на руку Майкла и добавила:

- Два капучино, пожалуйста, как обычно.

Девушка записала что-то в небольшом блокноте и ушла.

- Прости, Майкл, - сказала Роксана. – Совершенно не спросила тебя. Заказала капучино, как мы всегда делали. Ты не поменял свои вкусы?

- Никогда, - ответил Майкл. – Только капучино.

Роксана улыбнулась.

- Как быстро летит время, - сказал она.

- Не говори так грустно, - попросил ее Майкл.

- Я имею в виду, когда не ждешь от жизни, когда, наконец, принесут капучино, - улыбнулась Роксана.

Подошедшая девушка поставила на их столик две белые чашечки с кофе.

Майкл посмотрел на них, улыбнулся и сказал:

- Действительно, как быстро летит время.

Роксана улыбнулась ему в ответ. На вершинах взбитых сливок капучино шоколадным порошком были нарисованы сердечки.

- Как твои дела, Роксана? - спросил Майкл. - Как работа?

- Смотри, Майкл, - сказала Роксана и слегка подтолкнула чашечки.

Шоколадные сердечки закачались в кофе.

- Наши с тобой сердца бьются в унисон, - сказала, снова улыбнувшись, Роксана.
– Да, ты спрашивал, как работа?

- Не обижайся на меня, Роксана, - попросил Майкл. - Я неисправим.

- Работа. Конечно, - продолжила Роксана. - Неотъемлемая, но не главная, целиком заполняющая, но никак не входящая в жизнь.

Она помолчала и спросила:

- Как дела у Расти?

- Если бы не его дракон, - начал Майкл.

- Майкл, забудь, пожалуйста, о драконе, - улыбнулась Роксана. – Никогда не могла Расти понять с точки зрения психологии. Он – очень интересный, я бы даже сказала, очень необычный человек. Ты не находишь?

- С точки зрения психологии? – уточнил Майкл.

- Да, - согласилась Роксана.

- Нет, - сказал Майкл.

- Смотри, - продолжила Роксана. – Обычно существуют две причины внутреннего конфликта человека. Одна из них – внешняя, объективная, набор внешних условий, воздействующих на человека. Вторая же – внутренняя, субъективная, невозможность человека подчиниться этим внешним условиям или воздействиям. Невозможность устранить хотя бы одну из этих причин может даже привести к смерти.

- Как, например? – уточнил Майкл.

- Как софокловский Аякс, - пояснила Роксана. – Расте же, решая эту проблему устранением внешних факторов, как это может быть иначе в *Navy*, тянется к индийской философии, призывающей бороться только с внутренней стороной конфликта.

- Я тоже не всегда его понимаю, - согласился Майкл.

- Забудь о драконе, - рассмеялась Роксана. – Попробуй хотя бы раз в жизни устранить внутреннюю причину своего конфликта.

Майкл улыбнулся.

- Я попробую, - сказал он.

Роксана, взглянув на Майкла, неожиданно спросила:

- Медкомиссия завтра?

- Завтра, - коротко ответил Майкл.

- Волнуешься? - снова спросила Роксана.

- Абсолютно нет, - ответил Майкл.

Роксана бросила быстрый испытывающий взгляд на Майкла.

- Немножко, - сказал Майкл.

- Это хорошо, - сказала Роксана. - Всего в жизни должно быть понемножку, тогда жизнь заполняется таким количеством интересных вещей...

- Даже любви? - спросил Майкл.

- Особенно любви, - подтвердила Роксана. - К сожалению, с тобой еще рано говорить об этом. Хотя чаще всего в жизни оказывается, что говорить об этом уже поздно. Вспомни наш разговор лет через десять.

Она немножко помолчала и добавила:

- Или через двадцать. Или никогда. А вообще не слушай меня, Майкл. У меня просто нет сердца.

Майкл недоуменно посмотрел на Роксану.

Роксана показала на свою чашечку: ее шоколадное сердечко исчезло.

Майкл сделал глоточек кофе и сказал:

- Какой чудесный капучино.

- Говорила тебе, - улыбнулась Роксана.

Г Л А В А 82

На следующий день на тесте на центрифуге у Майкла потемнело в глазах, реальность окружающего мира начала исчезать и Майкл почувствовал, что он умирает. Он снова был с Лаурой в горах, в одном шаге от пропасти абсолютной свободы и

оставалось сделать только один шаг, чтобы окончательно раствориться в новой, открывающейся Вселенной. Майкл еще отвечал на вопросы автоматически, не думая, плывя на центрифуге в мире, которому он уже, казалось, не принадлежал, в мире, проплывающем вокруг и мимо него, и в этой круговерти непонятных образов уже ирреального мира где из подсознания выплыл образ девочки из ночного самолета над океаном и Майкл держался и держался за него.

- Шейла, не исчезай, - попросил тихо Майкл.

И мир погас.

Г Л А В А 83

Стояла ночь. Лаура бежала к Собору Святого Патрика по пустынной в это время 51-й улице в Нью-Йорке. Она миновала Европейское кафе между 7-й и 8-й авеню, и ей на ее пути начали встречаться деревья, образующие зеленый живой островок вокруг Собора. Лаура остановилась у Пятой авеню, перевела дыхание и медленно пересекла ее.

Она медленно поднялась по ступеням лестницы, ведущей к главной двери Собора, восемь ступеней которой казались ей тянущимися бесконечно долго во времени и пространстве: 7 дней создания плюс еще один, именно тот первый день, без которого так бы и ни началось время. Лаура изо всех сил нажала ладонями на створки центральных, всегда закрытых для туристов, огромных бронзовых с шестью фигурами святых дверей, и двери открылись удивительно легко и плавно, открылись слегка, пропуская Лауру, Лаура проскользнула вовнутрь, и темнота, и тепло обняли ее, забрав у нью-йоркской холодной ночи. Лаура, затаив дыхание, медленно пошла вовнутрь Собора. Она прошла под громадным мозаичным окном и великим органом, между двумя мраморными наполненными водой чашами, мимо стойки с колеблющимися язычками пламени свечей и остановилась. Величественный собор лежал перед ней. Лаура вздохнула и снова пошла вперед по белому мраморному полу между двумя рядами изящных готических колонн, поддерживающих, как небо, свод собора. Мозаичные разноцветные окна по обеим сторонам со сценами из жизни святых едва светились в свете неземной луны, подвешенные к своду Собора светильники были погашены, а высокий Алтарь под скрытым темнотой балдахином был совершенно невидим и лишь его изящные, играющие на трубах ангелы угадывались в свете светящихся позади них мозаичных окон *Lady Chapel*.

Одетый во все черное высокий худощавый парень шел навстречу Лауре.

- Лаура, - сказал он тихо и его голос отозвался эхом от стен Собора.

- Ник, - ответила так же тихо Лаура.

Они остановились, не дойдя немного друг до друга. Если бы они протянули руки, они смогли бы коснуться пальцами. Ник посмотрел внимательно на Лауру и спросил:

- Ты все же решила уйти навсегда к людям?

Лаура ничего не ответила, думая о чем-то своем.

- Так интересно, - добавил Ник.

- Что? – откликнулась Лаура.

- Все они стремятся из их мира в лучший, - ответил Ник, показав глазами куда-то в ночь, за стены Собора. - Ты же, наоборот, стремишься в их мир.

- Мы все потихоньку уходим, - сказала Лаура. – И с этим ничего не поделать. Наступает тысячелетие Просвещения. Почти каждый уже нашел свое время. Только я никак не могу уйти. Я не знаю, как это сделать. И не забирай, пожалуйста, его, к которому я иду.

- Ты нашла его, но никак не можешь найти себя, - уточнил Ник.

- Я никак не могла найти себя, - тихо откликнулась Лаура.

- Ты была его всеми женщинами так долго, - продолжил Ник. – Но так и не смогла сделать свой выбор. И он был в каждую из них влюблен.

- Он был каждой из них увлечен, - уточнила Лаура. – Только сейчас он влюблен.

Она улыбнулась и добавила:

- Хорошо, что не придется больше танцевать *Jubilee!* в лас-вегасовском *Bally's*.

- Из за того, что там разрушают твой любимый Храм филистимлянинов? – спросил, слегка улыбнувшись, Ник.

- Нет, просто совершенно не люблю танцевать, - ответила Лаура.

- Я не понимаю тебя, - сказал Ник. - Зачем возвращаться в темноту, мрак, войны, ненависть и голод?

- Я еще помню тот мир, - ответила Лаура, - Мир, наполненный любовью, желаниями, цветом, запахами и вкусом. Мир Хемингуэя.

- Я помню, - сказал Ник. - “*As I ate the oysters with their strong taste of the sea and their faint metallic taste that the cold white wine washed away...*”

- Пожалуйста, Ник, - попросила Лаура.

- Всю жизнь я ждал момента подобного этому, а теперь даже ему не рад, - сказал Ник. – Ничего я тебе не скажу.

И Лаура внезапно расплакалась.

- Пожалуйста, Лаура, успокойся, - попросил Ник. - В прошлый раз ты подарила мне нечто, о чем даже не подозревала. Я не могу не помочь тебе в ответ.

Лаура вытерла ладонями слезы и посмотрела на Ника.

- Хорошо, - сказал Ник. – Единственное, что ты должна сделать...

И он замолчал, грустно глядя на Лауру.

- Что именно? – спросила с нетерпением в голосе Лаура. – Что я должна сделать?

- Ты помнишь, как ты покинула тот мир, – спросил Ник.

- Я совершенно ничего не помню, - ответила Лаура. - Помню только, я падала где-то в горах, в чистом холодном воздухе. Я падала и смотрела в темно-синее небо, и небо почему-то становилось ближе и ближе.

- Лаура, - сказал Ник. - Ты знаешь ответ на свой вопрос.

- Ничего я не знаю, - ответила Лаура. - Во мне живут только осколки памяти.

- Хорошо, - согласился Ник. - Только я боюсь, ты будешь ненавидеть меня после этого.

- Что ты, - сказала Лаура. - Я буду тебя любить.

- Я буду тоже скучать без тебя, мой прекрасный враг, - сказал Ник. - Все очень просто. Ты не нашла ответа, потому что никогда не задумывалась. Освободись от контакта со всем материальным и духовным и ты вернешься в свой мир.

Лаура смотрела на него непонимающе. Ник же смотрел на нее вопросительно и молчал.

- Сам говорил, что я никогда не задумываюсь, - сказала Лаура.

- Освободись от контакта с материальным миром, - снова пояснил Ник. - Избавься от одежды, духов, парфюмерии, сама знаешь, от всего того, что, по твоему мнению, делает тебя красивой. Только не обижайся, пожалуйста. Я сейчас говорю, как врач.

- Ясно, что не как парфюмер, - улыбнулась Лаура. - Итак, это совершенно не трудно. Чувствую, что основное и проблематичное впереди.

- Точно, - ответил Ник. - Хотя, как сказать...

- Итак, - начала Лаура.

- Итак, - продолжил Ник. - Пожалуйста, не забывай, что ты еще стоишь не на той земле. Ты должна потерять опору, свой последний контакт.

- Как падение в пропасть? - испуганно спросила Лаура.

- Точно, - ответил Ник. - Но если это тебя так пугает, сделай что-нибудь, чтобы оторваться от земли. Взберись, наконец, на коня.

- Ты уверен, что все получится? – спросила Лаура дрожащим голосом. – Ты абсолютно уверен?

- Получилось же у Чиччолины в Венеции, - ответил Ник. – Нет, я, конечно же, не уверен. Но это единственный, насколько я знаю, путь. Не волнуйся так, все у тебя будет хорошо.

Лаура улыбнулась:

- Никогда не находила объяснение ее поступку. Что же касается освобождения от духовного?

- Ты должна отключить свой разум, - ответил Ник.

- Отключить разум? - недоуменно переспросила Лаура.

- Отрешиться от всего, окунуться в нирвану, - пояснил Ник. - Буддизм, наконец...

- Ник, пожалуйста, - умоляющим голосом сказала Лаура. - Буддизм займет несколько лет.

- Почему женщины всегда спешат, но всегда опаздывают? - улыбнулся Ник - Тогда просто напейся. До полного отключения, до полной потери всякой реальности, до отрицания понимания окружающего, до состояния, когда все вокруг все равно, когда уже не хочешь ничего и все равнозначно. Это будет похоже на рестарт мозга. И ты окажешься в своем мире.

- Так просто? – удивилась Лаура, еще всхлипывая после слез. – И все?

- Будь счастлива, Лаура, - сказал Ник.

- Теперь мне окончательно ясен поступок Чиччолины, - улыбнулась Лаура.

- Видишь, - сказал Ник. – Только помни, что после этого ты уже не будешь принадлежать Космосу, но еще не будешь принадлежать и Земле. Поэтому ты должна найти того, с кем останешься навсегда.

- Я уже нашла его, - сказала Лаура. – Точнее он нашел меня.

- Нет, - снова возразил Ник. - Ты должна найти его буквально.

- И это все? – спросила Лаура.

Она грустно улыбнулась.

- Да, - ответил Ник. – Если он тебя любит, ты останешься на Земле. Это единственное, что может оставить тебя там.

- Он меня любит, - сказала Лаура.

- Если же нет..., - начал Ник.

- Он меня любит, - повторила Лаура.

Она встревожено взглянула на Ника.

- Если же нет, - продолжил Ник. – Ты навсегда исчезнешь и для Земли и для Космоса, для всех последующих Великих Возвращений.

- Он меня любит, - повторила Лаура и вытерла ладошкой слезы.

- Если он тебя любит, - добавил Ник, - ты увидишь, как за тобой захлопнутся врата.

- Врата? – переспросила Лаура.

- Посмотри в этот момент на небо, - сказал Ник.

Лаура тихо вздохнула.

- Что ждет меня там? – тихо спросила она.

- Твоя любовь, - ответил Ник.

- Я не об этом, - сказала Лаура.

- Я понимаю, - добавил Ник.

- И что же все-таки?- снова спросила Лаура.

- Не волнуйся, - ответил Ник. – Ты сможешь и там совершать свои маленькие чудеса. Подобно тому, что ты сотворила в Нью-Йорке и Вене. Но только у тебя уже не будет пути назад.

Лаура мечтательно улыбнулась.

- Откуда ты все-таки знаешь, как можно уйти к людям? – спросила Лаура.

Она внезапно замолчала, и улыбка сошла с ее лица.

- Ник, ты тоже готовишься уйти? – спросила она шепотом.

Ник широко открыл глаза, дав ей сигнал замолчать, и оглянулся вокруг.

- Я буду скучать без тебя, - сказал Ник.

- Ты все же скучаешь по ней, - очень тихо, одними губами сказала Лаура.

- По ней, - одними губами произнес Ник. – Да еще и по времени, когда не было имен.

Ник стоял и смотрел в никуда сквозь Лауру, погружившись в свои мысли.

- Ник, - тихо позвала его Лаура.

- Да, - откликнулся Ник, возвращаясь на землю.

- Ник, ты боишься своей любви, - сказала Лаура.

- Я боюсь о своей любви, - откликнулся Ник. - Любовь это внезапно взорвавшийся бутон прекрасного цветка, раскрывшего свои лепестки, который со временем становится красивее и красивее, пока...

И Ник замолчал, вернувшись к своим мыслям.

- Пока..., - приглашающе к продолжению сказала Лаура.

Ник встрепенулся и взглянул на Лауру.

- Пока не достигнет самой высокой и чудесной стадии цветения. И когда уже невозможен последний шаг по лестнице в небо, цветок увядает, и листья его опадают.

Ник замолчал и посмотрел на Лауру.

- Ты не боишься осени, Лаура? – спросил он.

- Я очень люблю осень, - тихо ответила Лаура.

Ник осторожно прикоснулся кончиками пальцев к плечу Лауры.

- Будь счастлива в твоём новом мире, - сказал он.

- Спасибо, - ответила Лаура Нику. – Без тебя я бы никогда не нашла свой путь.

Она подняла глаза вверх, под купол собора, и повторила:

- Спасибо.

Лаура перевела взгляд на Ника. Ник недоуменно смотрел на нее, вопросительно подняв брови.

- И все-таки Он есть, - пояснила Лаура.

- Лаура, - с нотками упрека в голосе откликнулся Ник.

- Прости, - улыбнулась Лаура. – Такой уж Он меня создал.

- Это был *Mefisto*, - уточнил Ник и улыбнулся ей в ответ.

Г Л А В А 84

Венский ресторан *Do&Co* был тих и пуст. За его высокими в высоту стены окнами не было ни темно, ни светло. Наступившее безвременье между ночью и днем стерло окружающий мир, и только сполохи отдаленной грозы высвечивали силуэт еще спавшего города.

Лаура стояла у окна ресторана, выходящего на 800-летний величественный собор *Stephansdom* и видела в отражении себя. Ночь делал ее, как и любую женщину, прекраснее. Лаура была одета в длинное темное платье и на ее руке сверкали тысячами огоньков отраженного света часики. Тихо моросил дождь, и шум ударов его капелек о стекла заполнял окружающий Лауру полумрак. Несмотря на дождь, в небе на фоне Млечного пути мерцали звезды. Движущаяся среди них комета повернулась хвостом к еще не взошедшему солнцу, и две темные длинные тени так и не сумевших уснуть птиц закрыли ее на секунду от Лауры.

Лаура прислонилась лбом к холодному стеклу и посмотрела вниз. Улицы были пусты. Люди разошлись по домам, оставив свои ночные тени у подъездов, где они продолжали жить своей жизнью. Качающийся в руках ветра свет уличных фонарей заставлял двигаться молчащие и капающие дождем деревья. Из остановившегося намокшего автобуса вышло несколько человек, они заспешили куда-то под открывающимися разноцветными зонтами.

- Существа с длинными ушками, почти как в “Карнавале животных” Сен-Санса, - подумала Лаура и улыбнулась. – Существа, ведомые чувствами, как морковкой на привязи, вперед и вперед, ни шагу в сторону, к самому краю жизни, как к краю земли над бездонной пропастью.

Лаура вздохнула.

- Каково мне будет среди них? – подумала она. - Они не знают почти ничего, зачем мы и почему, я же знаю почти все, они умеют только немного, мне же немного лишь неподвластно, они не помнят ничего из Великих Возвращений, я же помню почти все. Их вперед ведут чувства, окрашивая их жизни разноцветными красками, они желают всего, я же не хочу почти ничего, я живу вне жизни, пытаюсь вернуться в нее. И, несмотря на все это, я иду туда же, к краю пропасти, вслед за ними, но так хотелось бы быть среди них и также испытывать счастье.

Лаура повернулась спиной к миру за окном и опустилась на пол. Она сидела на ковре, обхватив руками колени и прижавшись спиной к холодному стеклу.

- Когда я поняла, что я отличаюсь от них? - спросила сама себя тихо одними губами Лаура и вздохнула.

- Это случилось в Центральном парке, в Нью-Йорке, неподалеку от Дакота апартаментов, - думала она. - Я была маленькой девочкой, которая не умела еще притворяться. Стояла осень, и девочки строили, как Венди, домик из упавших осенних листьев.

Лаура улыбнулась.

- И, конечно же, у них ничего не получалось. - думала она. - И я внезапно поняла, что я совершенно не такая, как они все вокруг, и я могу построить все, что захочу, абсолютно все, даже небоскреб из опавших осенних листьев, и от возможности всего, мне стало очень скучно и уже абсолютно ничего не хотелось. И мир вокруг стал неинтересен.

Лаура подняла взгляд. Ресторан все так же был темен, его столики были сдвинуты в стороны, вдали у противоположной стены светилась теплыми огоньками стойка бара.

- Что мы пили тогда с Майклом? - подумала Лаура. - Это было красное вино, по моему, Пино Нуар. Сейчас бы глоточек. Интересно, как чувство любви нанизывает на себя десятки небольших, казалось бы, не связанных с ним желаний.

Лаура медленно поднялась и пошла по направлению к бару. Ковер скрывал шум ее шагов, в ресторане все также было тихо. Лаура медленно шла, ведя рукой по спинкам стульев.

- Иду, как и все существа с длинными ушками, влекомая, как морковкой, желанием, - подумала Лаура. - Не хватает только музыки Сен-Санса.

Лаура остановилась и закрыла глаза. Вокруг тихо раздались первые звуки музыки. Лаура сморщила носик. Мелодия перескочила вперед на несколько тактов. Лаура улыбнулась, открыла глаза и снова пошла вперед. Музыка продолжала тихо звучать.

Огоньки бара оказались отблесками света ночной Вены на его металлической стойке. Лаура налила полбокала красного вино и вернулась к своему окну. Она сделала небольшой глоток и посмотрела на уснувший за окном город.

- Как тихо, - подумала Лаура. - Даже не верится, что наш мир быстро меняется, где-то пустыня съедает землю, моря и океаны вытесняют сушу, растут города, осыпаются под ветром горы, уходит под воду Венеция. И вопрос только в том, как быстро и для кого течет время. Очередной кругооборот времени, Великое Возвращение, и я снова буду стоять здесь же, принимая решение. Водоворот времени, как и всей жизни. И мы снова и снова повторяем свой путь, едва помня прожитое, снова и снова движемся в водовороте куда-то вверх? вниз? И никто не знает ответа, а лишь оставляет нам для последующего Возвращения шанс его найти.

Лаура тихо вздохнула.

- Если он тебя не любит, говорил Ник, - вспомнила Лаура, - ты никогда не вернешься для Великих Возвращений. Даже Ник с его могуществом не мог дать ответа на мой вопрос. Или не хотел? Я исчезну, и исчезнет очередной его враг. Хотя после нашего разговора я не могу считать его врагом. Исчезнет еще один человек, несущий ему проблемы? Как поступила бы я на его месте? Если бы ему грозило полное исчезновение, я бы, наверняка, его предупредила. Хорошо быть маленькой девочкой, которая еще не умеет притворяться. Чем дольше раздумья, тем ближе мы к краю Великого Возвращения. Ева была права, долго раздумывая перед деревом с инжиром. А музыку можно заставить звучать и другим способом.

Лаура улыбнулась. Она внезапно поняла, что Майкл думает сейчас о ней.

- Мир будет скучен бесконечно и каждый раз снова и снова в своем Возвращении, если я поступлю иначе, - подумала Лаура. - Пришла пора строить свой домик из упавших осенних листьев.

Г Л А В А 85

Уже ушла боль, и Майкл был с Шейлой вдвоем в своем мире, и ее лицо было прямо перед ним. Затем все на мгновение исчезло, центрифуга начала торможение, и мир снова начал возвращаться к Майклу.

Читая заключение комиссии, ее председатель, высокий сухощавый седой пожилой человек, бывший военный хирург, сказал с сожалением, что Майкл больше никогда не сможет летать на истребителях, а только на пассажирских, транспортных или административных самолетах. На усмотрение Майкла.

Майкл шел по госпиталю, ни о чем не думая, погруженный в себя. Он шел, не обращая никакого внимания на окружающих, он шел длинными коридорами со светлыми стенами, анфиладами комнат, застекленными переходами между корпусами, он шел мимо людей, живущих своими ожиданиями и тревогами, он шел и шел, пока не остановился перед дверью в кабинет Роксаны. Майкл тихо постучал и вошел.

Роксана сидела за стеклянным столом, заваленным книгами и бумагами. Она подняла голову и сказала:

- Здравствуй, Майкл. Я уже все знаю.

Она поднялась из-за стола, подошла и обняла Майкла.

- Я не знаю, что теперь делать, - сказал Майкл. – Как будто бы все завершилось.

Роксана извиняюще улыбнулась. Майкл грустно улыбнулся ей в ответ.

- Все живое вокруг имеет волю, - сказала Роксана. - Не смотри на меня такими глазами, иногда я сама себе кажусь юной взбудораженной поклонницей Шопенгауэра, но твоя непреодолимая воля и желание не есть что-либо непреодолимое и мистическое, перед тобой закрылся лишь один путь, и открылось огромное множество других. Ты можешь летать на пассажирских самолетах, со спасательными командами в горах, на гидросамолетах в океане, вспомни ребят из Массачусетского технологического... Перед

тобой только что открылся новый удивительный мир, и каждый его путь ждет твоего выбора. Я очень сожалею, но не расстраивайся, это твое новое начало.

- Конечно, - согласился Майкл. - Как будто все это со мной уже было. Все было и все будет. Экклезиаст? Какое-то ипохондрическое состояние.

- Не останавливайся, Майкл, - сказала Роксана. – Экклезиаст – это больной Будда. У тебя же все впереди. Судьба - всегда как Цирцея, то травит зельями, то безумно влюбляется. Только не останавливайся.

- Никогда, - согласился Майкл.

- Спешешь? – спросила Роксана.

- Да, - ответил Майкл. - Лечу в Вашингтон встречать Тони и Веронику.

- Я очень сожалею, - повторила Роксана. – Но эта медкомиссия – совершенно не главное в твоей жизни.

Роксана сделала шаг назад. Красивая и уверенная женщина, знающая ответы на все вопросы. Она слегка наклонила голову, внимательно посмотрела на Майкла и добавила:

- Будь осторожен, Майкл, ты влюбился.

Г Л А В А 8 6

Тони и Вероника появились в толпе людей, прилетевших из Нью-Йорка в вашингтонский *Reagan National Airport*. Они шли, держась за руки, оба высокие, худощавые, с длинными, черными, слегка вьющимися волосами, Тони – в синих джинсах, черной футболке, темно-синем спортивном пиджаке и легких светлых итальянских туфлях, Вероника – в черно-синем брючном костюме и легком светлом свитере, туфли на высоких каблуках делали ее еще изящнее и стройнее. Их длинные темные плащи висели на чемодане на колесиках, который вез за собой Тони. Майкл увидел ребят сразу, и сразу же их узнал, они совершенно выделялись в толпе людей, прилетевших сюда со всего света.

- Тони! - крикнул Майкл и поднял приветственно руку.

- Майкл! - закричал в ответ Тони. - Как я рад тебя видеть!

Майкл пошел им навстречу. Тони отпустил ручку чемодана и раскинул для объятия руки. Майкл сделал еще несколько шагов, пробираясь сквозь идущих навстречу людей, и попал в объятия Тони.

- Как я рад тебя видеть! – снова повторил Тони.

- Я тоже, - сказал Майкл. – Наконец-то ты покинул Венецию.

- Ненадолго, - уточнил Тони. – Пока здесь тебе не надоем.

- Никогда, - сказал Майкл. – Я так долго ждал вас.

Тони выпустил Майкла из своих объятий, сделал шаг назад и сказал:

- Майкл, это моя Вероника.

- Очень рад познакомиться, - сказал Майкл и пожал ее узенькую ладошку. - Как вам Нью-Йорк?

- Вчера в Центральном парке, - ответил вместо нее Тони, - на Земляничных полях, прямо над *Imagine*, я сделал Веронике предложение.

- И? – спросил Майкл, хотя все было написано на их лицах.

- Вероника согласилась, - ответил Тони. - За что я и люблю Леннона. Майкл, делай предложение девушкам только в Центральном парке. Работает безотказно.

- Тони, - укоризненно сказала Вероника. – Майкл, мне очень понравился Мэт. Был дождливый день...

- Я так счастлив, - не останавливался Тони. – В последние годы мои мечты оборачивались химерами. Благодаря тебе, Майкл...

Они говорили с Вероникой одновременно.

Майкл смотрел, не отрывая глаз, на Веронику, он видел ее где-то до этого, пытался вспомнить где, но это у него не получалось. И Вероника внезапно замолчала. Она вопросительно посмотрела на Майкла широко открытыми глазами, думая о чем-то своем и не говоря ни слова.

- Ребята, - позвал их Тони.

Наступила пауза.

- Вероника, ты все же обещала выйти замуж за меня, - сказал, улыбнувшись, Тони.

Вероника и Майкл молчали, неотрывно глядя друг на друга.

- Мои мечты обернулись химерами, - сказал Тони.

- *In una caverna sotto terra*, - начал Майкл. - Дальше абсолютно не помню итальянски. .

- *viveva uno Hobbit*, – продолжила Вероника и улыбнулась. - *В норке, под землей, жил-был Хоббит*.

Снова наступила пауза.

- Тони, - сказала Вероника. - Мы с Майклом вместе на одной из моих фотографий возле Ниагарского водопада.

Тони улыбнулся:

- А я уже подумал о вендетте, - сказал он. - Ну что? Едем ужинать? Будете передо мной раскаиваться, падшие ангелы!

- Если вам наскучила американская еда, - предложил Майкл. – Завтра поедем в Маленькую Италию в Балтиморе. Там несколько чудесных итальянских ресторанов и даже есть итальянский боулинг на лужайке, *Vosse Ball*. А сегодня поужинаем в

ресторане *Америка* с чудесным видом на Капитолий и чудесным огромным меню из 200 блюд, включающим их знаменитый десерт *Death by Chocolate*.

- Я пошутил о вендетте, - сказал Тони.

И Майкл с Вероникой рассмеялись.

- Даже не верится, что я завтра увижу Леонардовскую *Ginevra de'Benici* и *Adoration of the Magi* Боттичелли, - сказала Вероника. – Майкл, ты уверен, что Национальная Галерея уже закрыта?

- Абсолютно, - ответил вместо Майкла Тони. – Сначала ужинать.

- Майкл? – переспросила Вероника.

- Абсолютно, - рассмеялся Майкл. – Сначала ужинать.

И Вероника счастливо улыбнулась.

Г Л А В А 87

В один из полупустых баров на окраине Вашингтона вошла одетая в длинное темное платье высокая стройная девушка. Она присела за отполированную дубовую стойку бара и, смотря перед собой, как будто бы в сплошную пустоту, тихо сказала:

- Только бы Ник оказался прав.

- Простите, - откликнулся бармен. - Я не расслышал.

- Он тоже скучает по ней и по тому времени, когда еще не было имен, - подумала Лаура.

- М'эм, - повторил бармен.

Лаура подняла на него взгляд. Бармен был одет в черный костюм, черную, оттенком немножко светлее костюма, рубашку и абсолютно черный, как черная дыра, галстук. К полной неожиданности, он не улыбался.

- Веселенький бар, - сказала тихо сама себе Лаура.

- Простите? – откликнулся бармен и в ожидании замер.

- *Джек Дэниэлс*, - попросила Лаура. - В самый высокий стакан и, пожалуйста, поменьше льда.

Бармен достал из-под стойки бара высокий стакан, поставил его на бумажную салфетку с изображением какого-то средневекового герба с итальянским львом перед Лаурой, блестящей серебряной лопаточкой бросил в стакан три кубика абсолютно прозрачного с острыми кромками льда и, взяв бутылку со стеклянного стеллажа за своей спиной, плеснул в стакан *Джек Дэниэлс*.

Лаура с сомнением посмотрела на бармена.

- До края, - попросила она и похлопала ладонью по вершине стакана.

Бармен недоуменно взглянул на Лауру, пожал плечами и налил полный стакан виски.

- Спасибо, - сказала Лаура.

Она положила несколько банкнот на стойку бара.

- Пока еще в состоянии расплатиться, - пояснила она, улыбнувшись, и добавила.
- Оставьте себе сдачу.

- Спасибо, - сказал бармен. – Если будет недостаточно, я здесь.

- Несомненно, - сказала сама себе Лаура.

Она сделала небольшой глоток, поморщилась и посмотрела с сомнением на свой высокий стакан. Рядом с ней на высокий круглый стул опустился какой-то незнакомый парень. Лаура вполоборота отвернулась от него и увидела за окном бара чайку. Абсолютно белая чайка беспокойно перемещалась взад и вперед за оранжево-желтым витражом окна по кирпичной кромке здания на фоне клубящихся туч начинающегося дождя и, поворачивая голову, смотрела на Лауру то одним, то другим глазом.

- Привет, - услышала Лаура и от неожиданности вздрогнула.

Она повернулась и посмотрела на присевшего рядом длинноволосого с простецким лицом парня, одетого в джинсы, кроссовки и клетчатую синюю рубашку.

- Томми, - представился парень. – Могу угостить любым напитком.

- Несомненно, - сказала тихо сама себе Лаура и повернулась к своему высокому стакану полному *Джек Дэниэлс*.

- Мы где-то встречались, - продолжал, пытаясь начать разговор, парень.

Лаура снова повернулась к нему, наклонилась к его лицу и заглянула в глаза. Парень недоуменно молчал и сидел совершенно неподвижно. Лаура откинулась назад, хлопнула парня по плечу и сказала:

- Томми, к сожалению, ты ничего не помнишь из прошлых Возвращений.

Томми молчал, не зная, что сказать. Лаура подняла свой высокий стакан, посмотрела на свет сквозь *Джек Дэниэлс* и спросила:

- Какой для меня теперь станет любовь?

Она закрыла глаза и выпила все содержимое до дна большими глотками. Парень восхищенно молчал и смотрел на Лауру. Лаура посидела немножко, не открывая глаз, совершенно не дыша и держа себя рукой за горло. Затем она открыла глаза, сделала осторожный вздох и улыбнулась. Она кивком головы попрощалась с барменом и Томми, положила на стойку еще две банкноты, поднялась и сделала несколько осторожных шагов по направлению к двери.

- Чудесное платье, - сказал Томми.

- Несомненно, - снова сказала тихо сама себе Лаура и так же тихо добавила:

- *A horse! a horse! my kingdom for a horse! – Коня! коня! все царство за коня!*

Г Л А В А 88

- Представляете, я хорошо знаю двух американских пилотов и двух замечательных итальянок, и все меня разочаровывают, - сказал, улыбаясь, Тони.

Майкл, Тони и Вероника ужинали в ресторане “Америка” с прекрасным, как и обещал Майкл, видом на Капитолий.

- Тони, прости, - шуточно попросила прощение Вероника. - Больше никаких фотографий с американскими пилотами.

- Больше никаких фотографий с прекрасными итальянками, - добавил от себя Майкл.

- Хорошо, - сказал Тони. – Кстати, Расти сейчас в Венеции.

- Как дела у Расти? – спросил Майкл.

- Живет в моей квартире, - ответил Тони.

Вероника подтверждающе кивнула головой.

- Отпуск, - продолжил Тони. - Прекрасная итальянка. В следующем месяце начнет летать. Пообещал стереть дракона. *Quid pro quo*, услуга за услугу. Мой единственный по силе адекватности поступок, после того, как ты помог вернуть мне мою любовь.

- Тони, - укоризненно сказала, улыбаясь, Вероника.

- Извини, - сказал Тони. – Досадная правдивость.

- Инга? – спросил Майкл.

- Конечно же, - ответил Тони.

- Как вам Нью-Йорк, ребята? – спросил, улыбаясь, Майкл.

- Прежде всего, - сказал Тони. - Спасибо тебе за приглашение и за эту поездку.

- Спасибо, - добавила Вероника.

- Мы никогда бы не вырвались в Америку, - сказал Тони. - Не представляю себя без Венеции.

- Я помню, - сказал Майкл.

- И без Вероники, - добавил Тони. - Теперь, к счастью, она живет вместе со мной в Венеции. Единственное, о чем сожалею, оставил работу в госпитале *Navu*. Так что не попадай больше ни в какие военные истории и передраги. Меня уже там нет.

Тони нежно взял руку Вероники и продолжил:

- Мы влюблены в Венецию. Каждый вечер бродим вдвоем по ее улочкам. Вероника открывает для себя Венецию, я же каждый вечер ее вспоминаю.

- А как вам Нью-Йорк? – снова спросил Майкл.

- Просто чудо, - ответил Тони.

- Колючее чудо, - добавила Вероника.
- Прости, что я тебя перебила, - Вероника повернулась к Тони.
- Он ничего не видел в Нью-Йорке, - сказала она Майклу. – Все время смотрел только на меня.
- Смотрел только на нее, - подтвердил Тони.
- Колючее чудо? – переспросил Майкл.
- Я? – спросил, улыбаясь, Тони.
- Нет, - ответила Вероника. – Ты - просто чудо. Нью-Йорк же - колючее чудо. Жемчужинки среди колючек-небоскребов: Центральный парк, Мэт, Святой Патрик... Мы влюбились в Пятую авеню, идущую рядом с Центральным парком. Но я уже скучаю по нежной, немножко по-женски недовольной и романтичной Европе. Мне немножко не хватает ее.
- Последний день мы провели, лежа на траве в Центральном парке, - добавил Тони.
- В Центральном парке он все время смотрел только на меня, - сказала Вероника.
- Я все время смотрел только на нее, - подтвердил Тони.
- Пока не подошли ребята с футбольным мячом, - добавила, улыбаясь, Вероника.
- Я думала, он уже никогда не вернется обратно.
- Замечательная вещь – футбол, - подтвердил Тони.
- И добавил извиняющимся голосом:
- Так было тяжело удержаться.
- Я же была не против, - добавила Вероника и улыбнулась.
- Бремя свободы и определяет желание бегства от свободы, - улыбнулся ей в ответ Тони.
- Как у Фромма в "*Escape from Freedom*"?- спросила Вероника.
- Как у человечества в современной жизни, - ответил Тони.
- Игра в футбол и было твоим бегством от свободы? – спросил Майкл и улыбнулся.
- Уж точно было бегом, - ответил Тони. - Зато затем у всех нас был пикник.
- С чудовищным запасом еды и красного вина, - добавила Вероника.
- И красного вина, - подтвердил Тони. – Пикник по-итальянски.
- Тони, как тебе удалось завоевать Веронику? – спросил Майкл.
- Веселая наука, - ответил Тони.
- Веселая наука? – удивленно спросил Майкл.
- Веселая наука? – возмущенно спросила Вероника.

- Вот вам двоим моя вендетта, - улыбнулся Тони.

Он повернулся к Майклу и сказал:

- Никогда не объясню!

Затем Тони повернулся к Веронике и добавил:

- Никогда не прекращу!

- Виноват. Больше не повторится, - сказал Майкл.

Тони счастливо улыбался.

- Вероника..., - приглашающе сказал Майкл.

- Виновата. Больше не повторится, - откликнулась Вероника.

- Хорошо, - сказал, удовлетворенно улыбаясь, Тони.

- Итак, - начал Майкл.

- *Gaya scienza*, - пояснила Вероника.

- По-старопровансальски, веселая наука, - продолжил Тони.

- Любовь, как дисциплина, как научный элемент южно-французской рыцарской культуры, - сказала Вероника:

- *Любовь от неучей бежит.*

- *Любовь - блаженная наука*

- *Для тех, кто смел и даровит.*

- Бургграф фон Ритенбург, - пояснил Майклу Тони.

- Смел и даровит, - сказала Вероника Тони и нежно дотронулась до его руки.

- И все же? – спросил Майкл.

- Типичный случай *Deus Ex Machina* – *Бога из Машины*, - продолжила Вероника. – Тони появился, как ангел в последнем акте древней-древней античной пьесы, появился в самую последнюю минуту, когда я, придумав себе весь мир вокруг, решила ничего не делать и оставить все как есть. Я не верила, что мне все простит и Тони, и моя судьба, и даже весь мир. Я была уверена, что все навсегда закончилось и не будет больше возврата в наши дни. Я понимала, что я все сама разрушила, и мир пошел мимо и дальше, оставив меня на кромке заброшенного поля с разрушенными мечтами, как старыми мельницами. И мне было очень трудно жить с этим, но, вдруг, снова появился Тони, и жизнь, и вообще все вокруг приобрело смысл, вы даже не поверите, как я сейчас счастлива.

- Мистицизм вернул мне любовь, - сказал Тони.

Майкл недоуменно перевел взгляд с Тони на Веронику, и Тони с Вероникой рассмеялись.

- Тони нашел меня в Толедо. Я же поняла, что люблю Тони еще во Франции, - сказал Вероника. - Когда работала над книгой о влиянии мистики на искусство, в

основном о *Bernard de Clairvaux*, Бернаре Клерво. Но мой путь был противоположен его пути. Бернаре Клерво родился в 1091-м Бургундии, в юности писал светскую лирику, поступил в цистерцианский монастырь аббатства Сито, а затем основал свое собственное аббатство. В аббаты же он был посвящен, другим известным мистиком *William of Champeaux*, епископом Вильямом из Шампо, профессором теологии в Нотр-Даме и основателем известного монастыря, оплота французской мистики, Сент-Виктор.

Вероника перевела дыхание.

- Вероника же..., - начал Тони.

- Я же начала с аббатств, монастырей и мистики, - продолжила Вероника. - А закончила светской лирикой в честь Тони.

- К несчастью, Бернаре Клерво был француз, - сказал Тони. – И Вероника безвылазно провела год во Франции.

- А сейчас? – спросил Майкл.

- *Et voilà* мы вместе, - ответила Вероника.

- Сейчас Вероника пишет о другом мистике, Джордано Бруно, - добавил Тони.

- Мистике, философе, поэте, поклоннике Каббалы, - пояснила Вероника, – создавшем религию Космоса, несущего множественность миров.

- К счастью Джордано был итальянец, к моему конечно, не его счастью, - добавил Тони. - И Вероника теперь рядом со мной.

Г Л А В А 89

Ребята ехали на такси в свой отель. Майкл сидел возле водителя, повернувшись к Тони и Веронике. Вероника восхищенно смотрела в окно на проплывающий мимо вечерний Вашингтон, а Тони держал ее руку и смотрел только на нее.

Таксист по просьбе Майкла сделал большой круг по Вашингтону перед тем, как ехать в ожидавший их у самого Капитолия отель *Hyatt Regency Capitol Hill*. Такси, миновав Мемориал Джефферсона - президента страны, политика, философа, писателя, ученого, музыканта, изобретателя и политика, принявшего активное участие в создании Декларации Независимости, везло ребят по *West Basin Drive* мимо озера *Tidal Basin*, вокруг которого цвели сотни бело-розовых японских вишен.

- Как я всегда мечтала это увидеть, - восхищенно сказала Вероника.

- *I have a dream*, - добавил Тони.

- Тони, - укоризненно сказала Вероника.

- Это немножко дальше, - улыбнувшись, сказал Майкл. – Мемориал Линкольна, где Мартин Лютер Кинг и произнес свою знаменитую речь *I Have a Dream*.

Такси, миновав *West Potomac Park*, ехало по дуге вокруг поднимающегося над *Reflecting Pool* Мемориала Линкольна, выполненного в неоклассический стиле с

тридцатью шестью дорическими колоннами, каждая из которых олицетворяла один из штатов во времена его жизни.

Вероника счастливо вздохнула и улыбнулась.

За окном такси медленно проплыла южная стена Мемориала со знаменитым линкольновским геттисбургским обращением и словами *Government of the people, by the people, for the people*, сады Конституции, монумент Вашингтона или просто “Карандаш” - созданный из 36 тысяч мраморных и гранитных кирпичиков, монумент, уходящий в небо. Миновав Белый дом, такси оказалось на Пенсильвания Авеню, и справа от ребят уже проплывал в ночных огнях Молл – грандиозный длиной в одну милю гранд-бульвар, созданный французским архитектором *Pierre L’Enfant* между Монументом Вашингтона и Капитолием. По обеим сторонам Молла раскинулись Смитсониевский замок, Национальная Галерея Искусств, Аэрокосмический музей, Музеи Американской истории, Африканского искусства, Истории природы. А перед ребятами уже возвышался Капитолий, созданный в стиле неоклассической архитектуры в честь признания демократических принципов Древней Греции и Рима, несущий Статую Свободы на своем куполе.

- Завтра мы обязательно будем здесь, - тихо сказала Вероника. – Вот и составлен наш *L’ordre du jour pour le roi* – Распорядок дня короля.

- Я счастлив, - сказал Тони и посмотрел на Веронику.

- За разгулом удовольствий стоит пресыщение и я счастлива, что это абсолютно не распространяется на Тони, - сказала Вероника Майклу и прижалась к плечу Тони.

- Это связано с моим скепсисом по отношению к миру? - спросил Тони.

- Как это вообще может быть связано со скепсисом? – удивилась Вероника.

- Очень просто, - ответил Тони.

- С Тони все всегда очень просто, - сказала Вероника Майклу.

- Видишь, - сказал Тони Веронике.

- Нет, - ответила Вероника.

- Я тоже, - добавил Майкл.

- Смотрите, - сказал Тони. – Мой скептицизм по отношению к миру все же нес в себе произрастающие зерна интереса. Мир - не клочок земли, ограниченный водой Лагуны Венеции. Три слона, несущие на себе мир, существуют, но плавают они в безграничном океане. Причем вся это троица, стоящая на черепахе, прекрасна. Создатель тоже существует.

- Тони, - укоризненно сказала Вероника.

- Как и любовь, - добавил Тони и извиняюще улыбнулся. – Мир Вероники огромен, и пребывать мне в нем предстоит в постоянном неведении неожиданного будущего и постоянном восхищении. И я, ее церемониймейстер, начинаю наш новый тур. Какое здесь может быть пресыщение?

Вероника положила голову на его плечо, улыбнулась и сказала:

- Тони, как ты не понимаешь? Ты создаешь образ чудесной и удивительной женщины, я же пытаюсь ему только следовать.

- Ты меня очень любишь, - сказал Тони.

- Конечно, - откликнулась Вероника и добавила:

- Тони, ты слишком тщеславен, чтобы понять, какое ты чудо.

Такси, обогнув Капитолий и миновав здание Верховного суда с мотто над входом *Equal Justice Under Law* и построенную в стиле итальянского ренессанса Библиотеку Конгресса с фонтаном и бронзовой статуей Нептуна, остановилось у отеля *Hyatt Regency Capitol Hill*.

В лобби отеля, получив ключи от номера, Вероника еще раз поблагодарила Майкла, поцеловала его в щеку и сказала, что очень устала и хочет спать.

- Мы выпьем с Майклом кофе, и я поднимусь к тебе, - предложил Тони.

- Хорошо, - согласилась Вероника.

Она взъерошила волосы Тони, взглянула на него, слегка наклонив голову, и сказала:

- Мой итальянский сирокко.

Вероника вошла в лифт, обернулась, протянула руку, не давая закрыться его двери, и попросила:

- Тони, только, пожалуйста, никаких экспериментов с кофе.

- У нас чудесный капучино и эспрессо, - успокоил ее Майкл.

- Именно этого я и боюсь, - сказала Вероника и улыбнулась.

Г Л А В А 90

Прощавшись с Тони, Майкл понял, что он уже не уснет и вышел из отеля.

Людей на улице было немного. Возле отеля стояло несколько такси. Их водители, собравшись вместе, громко обсуждали какую-то хоккейную игру. При появлении Майкла все замолчали.

- Такси? – предложил один из них.

- Спасибо, - сказал Майкл. – Я пройду пешком.

И Майкл пошел по направлению к Капитолию. Тротуар был еще мокрым после прошедшего дождя, тучи развеялись, появились звезды, и последнее пробиваемое изнутри молниями облако уплывало к ночному океану.

- Дождь я могу простить природе только в Вашингтоне, - говорила Шейла, казалось бы, в прошлой жизни. – Дождь, спасший город от пожара.

Майкл повернул на Авеню Конституции у бронзового памятника генералу Улиссу Гранту, мемориала, создававшегося в течение двадцати лет: тринадцать лошадей, артиллеристы и солдаты с пушкой и оружием рвались в гущу боя, и первые из них, и лошади, и всадники под развевающимся флагом, уже были охвачены его огнем здесь, на маленькой площадке перед Капитолием, частичке огромного вселенского пространства еще охваченного боем.

- Один из осколков памяти Гражданской войны, - подумал Майкл.

Он шел по Авеню Конституции мимо еще капающих дождем деревьев, вдоль Молла, мимо Национальной Галереи Искусств, редкие прохожие казались совершенно нереальными и где-то рядом с ним была *Ginevra de' Benci*, которую так мечтала увидеть Вероника, флорентийская девушка, живущая на картине Леонардо, утонченные черты лица в подсвеченных локонах волос, бескровно белая кожа вокруг глаз, подчеркивающая их выражения – Леонардо прикасался к холсту здесь пальцами вместо кисти, девушка, живущая в пространстве сфумато, мистики и меланхолии среди едва движущихся в бризе ветвей деревьев и листьев можжевельника. “Я слышу в каждой картине музыку”, - говорил когда-то Керт и пассажи цветовых тонов музыкой в минорном ключе перетекали от сфумато на горизонте картины с неограниченным всемогуществом и силой природе к ее переднему плану, к шарму одиночества, обаяния и очарования.

Картина была заказана послом Венеции во Флоренции *Bernardo Bembo* и знаменовала собой завершение периода работы Леонардо в мастерской Вероккио и начало нового периода в его жизни.

- Начало времени перемен, - подумал Майкл. - *Corriger la fortune*, как говорила Шейла, времени исправления судьбы.

Он подошел к Белому дому со стороны его Южной лужайки. Президент улетал в Кэмп Дэвид. Его вертолет *Marine 1* медленно поднялся в воздух и пошел низко над Моллом в сторону Капитолия. Два красных огня остались гореть на вершине деревьев, как память о посадочных огнях временной взлетной полосы.

Майкл медленно обошел Белый дом по 15-й улице, прошел мимо *Treasure Building* со статуей Александру Гамильтону перед его южным входом и остановился перед Белым домом на Пенсильвания Авеню.

Вертолет президента улетел, еще одна из частичек в цепи случайных закономерностей, изменяющих мир. Из толпы корреспондентов, выходящих из Белого дома и еще мерцающих своими фотовспышками, отделилась хрупкая женская фигурка. Майкл замер. Он не верил своим глазам. Это было, как мир, необъяснимо и непостижимо. К Майклу через зеленый газон, прямо по линии, соединяющей их взгляды, по еще мокрой после дождя траве, среди сонма мерцающих светлячков все быстрее и быстрее шла Шейла. И Майкл пошел к ней на встречу, сначала медленно, как во сне, и затем быстрее и быстрее. Он был уже в открытых воротах Белого дома и один из парней из охраны президента предупреждающе поднял руку и крикнул:

- Сэр!

Но Майкл ничего не слышал, он продолжал быстро идти, не отрывая взгляда от Шейлы.

Парень сделал быстрый шаг ему навстречу и, положив руку на висящий на его поясе пистолет, повторил еще громче:

- Сэр!

- Майкл! - крикнула Шейла.

Парень оглянулся и увидел бегущую навстречу Майклу Шейлу. Он встретился с ней взглядом и понял, что ему уже здесь ничего не сделать. Он может сколько угодно кричать или непрерывно палить вверх, но все сейчас будет бесполезным и напрасным. Парень улыбнулся и сделал шаг назад. Майкл и Шейла бежали навстречу друг другу.

- Лови меня, Майкл, - крикнула Шейла и упала в его объятия.

Она стояла, прижавшись к Майклу, и чувствовала как холодный, еще зимний ветер пронизывает ее насквозь, бьет и хлещет ее душу, и она пыталась спрятаться в еще несущей остатки тепла темноте. Я все также не верю в зиму, - повторяла про себя Лаура, ей было очень страшно и больно, и она, пытаясь не кричать, кусала губы, вжавшись лицом в плечо Майкла. Она видела вокруг себя бесконечный космос, в котором уже не было ведущей заблудившихся пилигримов Полярной звезды, не было ничего, ни времени, ни направлений, ни пространства, а только бесконечность вокруг, но Лауре уже никуда не хотелось идти. И тонкие яркие лучики света, связывающие ее с ее прошлым и будущим, протянувшиеся к ней из всех направлений, начали рваться, как прощальные взгляды уходящих в никуда заблудившихся звезд. Лаура прижималась к Майклу в баре у подножья Гранд-Каньона, где Майкл встал на ее защиту, "Как хорошо, что не придется много танцевать", - подумала Лаура и улыбнулась, и она уже летела к Майклу по клавишам лежащей на полу магазина игрушек в Лас-Вегасе огромной клавиатуре и Майкл был готов поймать ее в свои объятия. Лаура почувствовала, что ее щеки мокры от брызг океана, от дождя или от слез, они слушали с Майклом песню китов в Бостоне, стояли у танцующих фонтанов Белажио, Майкл держал ее за руку в Соборе Святого Патрика, она сидела, забравшись с ногами, в уютном кресле ферри, идущем из Виктории в Ванкувер. и Майкл был рядом, и все также шел дождь, скрывая от них венский Собор, мокрые деревья за окном госпиталя в Неаполе и весь рождающийся новый мир. Лаура еще сильнее прижалась к Майклу, она продрогла и тихонько дрожала, и Майкл прижимал ее к себе. Она почувствовала, как холодный, еще зимний ветер пронизывает ее насквозь, сдирает и рвет в мелкие клочья сухую оболочку ее души, скручивает их в тонкие сухие прозрачные лоскутки и несет их прочь дальше и дальше, поднимаясь водоворотами в небо. И под рвущейся оболочкой уже появилась яркая, как крылышко бабочки, ее новая душа, и начали уходить в никуда темнота, холод и боль.

Шейла улыбнулась и вытерла ладонью слезы. Майкл приподнял ее над землей и прижал к себе.

- Вы не можете находиться здесь, сэр! – вежливо сказал подошедший охранник.

- Вы не можете находиться здесь, сэр, - тихо сказала на ухо Майклу Шейла.

Майкл осторожно поставил Шейлу на лужайку.

- Извините, - сказал он охраннику.

- Только не обещайте, что это больше не повторится, - сказал охранник, быстро взглянув на Шейлу, и улыбнулся.

- Никогда, - хором ответили Шейла и Майкл.

Майкл обнял Шейлу, она прижалась к нему, и они пошли к выходу с территории Белого дома.

Вашингтонские улицы уже были пусты, не было ни людей, ни машин и, казалось, они были единственными людьми в этом огромном городе. Майкл и Шейла остановились, и вместе с ними, как будто бы, остановилось и время, и они стояли совершенно одни на дне ночного колодца со стенами из звездного неба.

- Шейла, ты просто не существуешь в нашем мире, - сказал Майкл.

- Посмотри на небо, - говорил Ник. – За тобой закроются врата.

Шейла стояла, прижавшись к Майклу и смотрела, подняв голову, вверх. Висящее, казалось прямо над их головами в черном ночном небе белое кучевое облако начало пробиваться изнутри светом сотен звезд. Их тонкие лучи зажигали мерцающие синие столбики света внутри облака, каждый из которых заканчивался яркой бело-голубой звездочкой на его поверхности, обращенной к земле. Свечение маленьких звезд в облаке усиливалось и усиливалось, яркие бело-голубые сполохи пробежали внутри облака, оно задышало невероятно ярко-синим цветом и вспыхнуло. Волна огня, яркого до белизны снаружи и переходящего в борющиеся между собой красные, оранжевые и желтые оттенки внутри, пробежала от центра облака к его краям, оставляя за собой клубящийся красно-черный дым и падающий в черном небе огненный дождь быстро сгорающих частиц. И облако исчезло, оставив огромное, достигающее до горизонта, кольцо красно-черного дыма и открыв путь к земле охватившему все небо невероятно ярко-бело-голубому свету. Свет усиливался и усиливался и, когда на него уже невозможно было смотреть, небо взорвалось яркой вспышкой. Шейла на секунду ослепла. И свет исчез, а в пустоте неба раскрылась огромная воронка с вращающимися стенами красно-черного цвета, в которую втягивался оставшийся после облака дым, а в ее центре, в открывшемся небольшом круге яркого синего неба светило невероятно яркое белое солнце. Черно-красный дым поднимался по огромной спирали все выше и выше, пока не достиг голубого неба и солнца, и небо вспыхнуло черным, оставив лишь успокаивающиеся красные и черные сполохи света, которых становилось все меньше и меньше. И небо стало, наконец, черным и в нем одна за другой появились звезды.

Майкл ничего не видел, он только почувствовал, что начинается новая жизнь и огромная пустыня осталась позади него.

- Я никуда тебя больше не отпущу, - сказал Майкл.

- Шейла может существовать в этом мире только с тобой, - говорила Лаура. – А без нее ты погибаешь очень рано в каждом новом Великом Возвращении.

Шейла еще раз взглянула в небо и сказала:

- Я теперь всегда буду только с тобой.

Звезд становилось все больше и больше, пока они не превратились в лежащий перед ними Млечный путь – “чудесный, великий, цветущий, жужжащий беспорядок”.

Майкл и Шейла стояли на Пенсильвания Авеню и казались двумя маленькими прижавшимися друг к другу фигурками с высоты ночного неба. Улица тянулась в обе от них стороны полосками красных огней уходящих в никуда машин, сливалась с другими дорогами десятками многоуровневых развязок, пересекалась с автострадами, перепрыгивала реки и терялась среди потоков движущихся огоньков, и все это становилось меньше и меньше и уже были видны только скопления световых пятен городов Америки и качающиеся одинокие огни на поверхности океана.

- Шейла, ты же не существуешь, - сказал, улыбаясь, Майкл.

Шейла вздохнула, уткнулась носом в щеку Майкла, и ответила:

- Мне всегда удавались небольшие чудеса.

- Завтра нас ждет чудесный день, - сказал Майкл.

Orchard Park, Niagara Falls, Buffalo, New York

2011

ПРИМЕЧАНИЯ

Г Л А В А 1

Транспортный Геркулес - Военно-транспортный самолет *Lockheed C-130 Hercules*.

Г Л А В А 2

Navy - Военно-морской флот. Происходит от латинского *navigiom* - флот кораблей.

“Que les parallèles sont belles sous la perpendiculaire de Dieu” - Poisson Soluble. Poems of André Breton. Black Widow Press. Boston, Mass., 1982. p.308.

И все же, все что ждет нас всех в этом мире, как впрочем сам мир вместе с каждой его частицей - это не исчезновение, а метаморфозы - Парафраз. Marcus Aurelius. Meditations. The New Modern Library. New York. Book 5, 33, p.63.

Г Л А В А 3

“As I ate the oysters with their strong taste of the sea and their faint metallic taste that the cold white wine washed away, leaving only the sea taste and the succulent texture, and as I drank their cold liquid from each shell and washed it down with the crisp taste of the wine, I lost the empty feeling and began to be happy and to make plans.” Ernest Hemingway. A Moveable Feast. Charles Scribner’s sons, New York. 1964. 211 p.

**“Hey you, with you ear against the wall
Waiting for someone to call out,
Would you touch me?
Hey you, would you help me to carry the stone?
Open your heart, I'm coming home”.**

(R. Waters. Hey You. Pink Floyd “The Wall”)

Г Л А В А 4

World Wide Web или **WWW** - Всемирная паутина, распределенная система, образованная на базе web-серверов, реализующая доступ к информации на подсоединенных к Интернету компьютерах.

“Римские каникулы” - Фильм Вильяма Вайлера (William Wyler) “Римские каникулы” (“Roman Holiday”) с Одри Хэпберн (Audrey Hepburn), Грегори Пекком (Gregory Peck) и Эдди Альбертом (Eddie Albert). Романтическая комедия, созданная в 1953 году.

“Рим” Феллини - Фильм “Рим” Федерико Феллини, создан в 1972-м (Federico Fellini “Roma”).

Марк Аврелий - Marcus Aurelius Antoninus Augustus (апрель, 26, 121 - март, 17, 180). Римский император с 161-го по 180-й год, философ-стоик. Последний из Пяти хороших императоров, правящих римской империей, начиная с 96-года.

“Все что противостоит движению, становится путем” - Marcus Aurelius. Meditations. A New Translation with an Introduction by Gregory Hays. The Modern Library. New York. 2002, 194 p.

“Будь прямым, а не выпрямленным” - Marcus Aurelius. Meditations. A New Translation with an Introduction by Gregory Hays. The Modern Library. New York. 2002, 194 p.

“Даже небрежность природы имеет свой шарм и очарование” - Marcus Aurelius. Meditations. A New Translation with an Introduction by Gregory Hays. The Modern Library. New York. 2002, 194 p.

Cruz decussate - Андреевский крест с X-перекрестьем.

“E non ho amato mai tanto la vita” - “И никогда я не любил так страстно жизнь”. La Tosca. Акт III.

Г Л А В А 5

“Ищи свою войну и своего врага” - Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Попурри. Минск. 2001, с.41.

Настоящую пышущую жаром африканскую пустыню, только в которой можно стать Львом, одним из зверей Заратустры - “Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственно пустыне” (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. Сочинения в двух томах. Том 2. Издательство “Мысль”. Москва. 1990, стр.18)

Г Л А В А 6

Red Flag - “Красный Флаг” - название программы подготовки пилотов.

Военная авиабаза Нэллис - Nellis Air Force Base.

414-я Военно-Тренировочная Эскадрилья - 414th Combat Training Squadron.

Мы похожи на мессенжеров из Города ангелов – Фильм “Город ангелов” (“City of Angels”) с Мэг Райен (Meg Ryan) и Николасом Кэйдж (Nicolas Cage).

Г Л А В А 8

**“Вспышка молнии в ночной пустоте
- Дорога к Бодхисаттвы жизненному пути”**

или

“A Flash of Lightning in the Dark of Night.
- A Guide to Bodhisattva’s Way of Life.”

(Tenzin Gyatso. The Fourteen Dalai Lama. Shambhala. Boston & London. 1994, 144 p.)

Г Л А В А 10

**“Doing the garden, digging the weeds
Who could ask for more?
Will you still need me, will you still feed me
When I'm sixty-four?”**

(J.Lennon, P.McCartney. When I'm Sixty Four. "Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band")

Г Л А В А 12

Dog fights - воздушные бои.

Программа Red Baron – Программа “Красный Барон” (здесь и ниже см. Wikipedia.org).

Red Flag – Программа “Красный флаг”.

Авиационный тактический центр - Air Warfare Center.

Дивизион вражеских тактик - Adversary Tactics Division.

Marine – Морин - Морская пехота.

Воздушные Силы Соединенных Штатов Америки - US Air Force.

Американская авиация Европы - US Air Force Europe.

Американская авиация Тихого Океана - Pacific Air Forces (PACAF).

Авиационная Национальная Гвардия - Air National Guard (ANG).

Авиационное Мобильное Командование - Air Mobility Command (AMC).

Резерв авиасил - United States Air Force Reserves (USAFR).

Г Л А В А 13

Showgirl - Участница шоу.

Bally's – Отель и казино в Лас-Вегасе.

Downtown - Центр города.

Buccaneer Bay - Бухта пиратов.

British Royal Navy - Британский королевский военно-морской флот.

Палаццо - Небольшой дворец.

Cirque du Soleil - Название цирка.

Louvre - Лувр.

Hôtel de Ville - Городской дворец Отель-де-Виль, в котором размещается парижская мэрия.

Arc de Triomphe - Триумфальная арка.

Empire State Building - Эмпайр-стейт билдинг.

Chrysler Building - Крайслер билдинг.

Seagram Building - Сигрем билдинг.

Grand Central Station – Центральный вокзал.

Coney Island - Кони-Айленд.

Lazy River - Ленивая река.

“Fly me to the Moon
And let me play among the stars,
Let me see what spring is like
On Jupiter and Mars.”

...

“In other words hold my hand
In other words, darling, kiss me.”

...

**“Fill my life with song
And let me sing forevermore,
You are all I hope for
All I worship and adore.
In other words, please, be true
In other words, I love you.”**

(Fly me to the Moon. Writer: Porter, Cole)

Г Л А В А 14

Trompe l'oeil - Тромплей, обман зрения, - технический прием создания оптической иллюзии в искусстве. Этот прием использовался уже в Древней Греции и Древнем Риме. Типичный пример античного троплея - настенное изображение окна, двери или атриума для создания ложного эффекта того, что комната больше, чем она есть. В одной из популярных древнегреческих историй рассказывается об известных художниках Зевксисе и Парразие. Зевксис создавал настолько реальные и убедительные картины, что птицы прилетали и клевали нарисованный виноград. Однажды Зевксис спросил своего соперника Парразия, можно ли ему скинуть изорванную в лохмотья штору с картины, чтобы оценить её, но обнаружил, что эта штора нарисована. Как Зевксис вводил в заблуждение птиц, так Парразий ввёл в заблуждение Зевксиса (см. <http://ru.wikipedia.org>)

“Если долго смотреть в бездну, бездна смотрит в тебя” – Фридрих Ницше.

**“La donna è mobile
Qual piuma al vento,
Muta d'accento — e di pensiero.
Sempre un amabile,
Leggiadro viso,
In pianto o in riso, — è menzognero”**

(Джузеппе Верди. Риголетто. 1851)

**“L' aguato del caval, che fe' la porta
Ond' usci de' Romani il gentil seme”**

(The Divine Comedy of Dante Alighieri. Inferno. Canto XXVI. The Harvard Classics. Edited by Charles W. Eliot, LL.D. Grolier Enterprises Corp. Danbury, Connecticut, 1990. 428 p.)

Г Л А В А 17

AIAA - American Institute of Aeronautics and Astronautics - Американский институт аэронавтики и астронавтики.

“Мужчина думает: "Итак, сейчас 6 часов вечера. Работа закончена и я могу пойти прогуляться, заглянуть в клуб, подняться на башню, чтобы встретить закат, пойти, наконец, в театр, встретиться с друзьями или выбежать из ворот города в широко открытый мир и никогда не вернуться назад. Все зависит от меня и я имею полную свободу. Однако, я ничего не сделаю, а лишь пойду добровольно домой к своей жене.” - Arthur Schopenhauer. Prize Essay on the Freedom of the Will. Cambridge. University press. United Kingdom. 1999. 100 p.

“Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels oder Versuch von der Verfassung und dem Mechanischen Ursprunge des Ganzen Weltgebäudes nach Newtonischen Grundsätzen Abgehandelt” – “Всеобщая история природы и теория небес, или эссе об устройстве и происхождении Вселенной в соответствии с законами Ньютона”.

- Нет, настоящую, пышущую горячим песком и солнечным жаром пустыню, в которой у Ницше дух превращается в льва, - сказала Шейла. – “Но в самой уединенной пустыне совершается второе превращение: здесь львом становится дух, свободу хочет он себе добыть и господином быть в своей собственной пустыне” (Ф. Ницше. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Сочинения в двух томах. Том 2. Издательство “Мысль”, Москва, 1990, стр. 18).

Г Л А В А 18

JFK - Международный аэропорт Джона Ф. Кеннеди.

Квинс - *Queens*, район Нью-Йорка.

Г Л А В А 19

Пирс 16 или 83 - Причалы, с которых катера или речные автобусы уходят к Статуе Свободы.

Lady Liberty - Статуя Свободы.

Г Л А В А 20

Mad dog - Злой Пес.

Lady Liberty - Статуя Свободы.

Г Л А В А 21

Wall Street - Уолл-стрит (wall – стена) – когда-то северная граница города Новый Амстердам, ставшего впоследствии частью Нью-Йорка.

Trinity Church - Церкви Троицы, церковь, расположенная на пересечении улиц Бродвей и Уолл-стрит. Построена в 1698 году, уничтожена "Великим пожаром Нью-Йорка" через 78 лет, отстроена снова в 1846 году. С момента завершения и до 1890 года являлось самым высоким зданием Нью-Йорка.

Г Л А В А 22

Flatiron или Flatiron Building - Флэтайрон-билдинг, известен также под названием "Утюг". Когда-то одно из самых высоких зданий Нью-Йорка. В рассказе "Персики" О'Генри пишет: "Но вот здесь имеется кровоподтёк, судя по которому можно предположить, что вы свалились с небоскрёба "Утюг", и не один раз, а по меньшей мере дважды" (<http://ru.wikipedia.org>).

Union Square - Юнион Сквер, Площадь Объединения.

Винсент Пил - Vincent Peale, написавший книгу "The Power of Positive Thinking".

**"Life's a journey not a destination
And I just can't tell just what tomorrow brings"**

(Aerosmith, Amazing Lyrics)

Г Л А В А 23

Великие бронзовые двери - Great Bronze Doors.

Великое окно - Great Rose Window.

Г Л А В А 25

"Природа всегда возвращается, даже если ее ты гонишь вилами" – "Naturam expellas furca, tamen ipsa redibit chassez le naturel, il revient au galop" (Horace. Epistles I.X.24. Voltaire. Philosophical Dictionary. Penguin Books. 1986, p.76)

Г Л А В А 26

Metropolitan Museum of Art - Музей искусства Метрополитен.

“I was learning something from the painting of Cézanne that made writing simple true sentences far from enough to make the stories have the dimensions I was trying to put in them.” - “Я находил нечто в картинах Сезанна, вдохновляющее меня на простые, точные сентенции, делающие мои истории жизненными” (Ernest Hemingway. *A Moveable Feast*. Charles Scribner’s sons, New York. 1964. 211 p.).

Джотто ди Бондоне, Петро Лоренцетти, Гуаренто ди Арпо, Джованни ди Паоло, Фра Анжелико - Giotto di Bondone, Pietro Lorenzetti, Guariento di Arpo, Giovanni di Paolo, Fra Angelico.

Фра Филиппо Липпи - Fra Filippo Lippi.

Андреа Мантенья, Доменико Гирландайо, Джованни Беллини - Andrea Mantegna, Domenico Ghirlandaio, Giovanni Bellini.

Джованни Батиста Тьеполо - Giovanni Battista Tiepolo.

Аполло – Аполлон.

“Your soul painted like a wing of butterfly” - Queen. *The Show Must Go On*.

Г Л А В А 27

**“- Повнимательнее, Пятерка! Не брызгайся краской!
- Ничем не могу помочь. Семерка подтолкнула мой локоть.
- Правильно, Пятерка. Всегда обвиняй других, - возмутилась Семерка.
- Лучше помолчи. – отрезала Пятерка. – Я слышал, Королева сказала
вчера, что ты заслужила, чтобы тебе отрубили голову.”**

(Здесь и далее из *Alice in Wonderland. The Best of Lewis Carroll*. Castle. Manufactured in the USA, 439 p.)

**“De Satan ou de Dieu, qu’importe? Ange ou Sirène,
Qu’importe, si tu rends, - fée aux yeux de velours,
Rythme, parfum, leur, ô mon unique reine!”**

(Charles Baudelaire. *Les Fleurs du Mal. Hymne A La Beauty*. In a new translation by Richard Howard. David R. Godine. Publisher. Boston. 1982, 366 p.)

All you need is love – песня Джона Леннона, впервые исполненная *Beatles* в телевизионном всемирном шоу *Our World*, Наш мир, одновременно транслированном в 26 странах мира.

Мозес Микеланджело – скульптура Мозеса, Моисея, созданная Микеланджело, установленная в церкви *San Pietro in Vincoli* в Риме.

Г Л А В А 28

**“Dix ans après
Je te retrouve dans la fleur tropicale
Qui s’ouvre á minuit
Ten ears later”**

(Poems of André Breton. Seashell Sail. Black Widow Press. Boston, Mass.1982. p.308.)

“Quand tu dors dans la clairière de ton bras sous les papillons de tes cheveux” - Poems of André Breton. Seashell Sail. Black Widow Press. Boston, Mass.1982. p.308.

“Все смешано вместе в гармонию противоположностей” - Marcus Aurelius. Meditations. A New Translation with an Introduction, by Gregory Hays. The Modern Library. New York, p. 92.

Г Л А В А 29

“Вселенная внезапно стала конгруэнтной бесконечной ширине и широте надежды человечества” - Jorge Luis Borges. Collected Fictions. The Library of Babel. Viking. USA, p.115.

“И если бы какой-либо вечный странник пустился бы в путь в каком-либо направлении, то по происшествию веков он бы обнаружил, что одни и те же книги повторяются в том же беспорядке” - Jorge Luis Borges. Collected Fictions. The Library of Babel. Viking. USA, p.118.

Barnes and Noble – Название книжного магазина.

“Я создал ритуалы и танцы, как манифест от бога людям” - The Bacchae by Euripides. Prentice-Hill, Inc., Englewood Cliffs, NJ, USA. 1970. p.141.

Послушайте, как чудесен **Льюис Кэрролл**:

“Would you tell, please, which way I ought to go from here?”

“That depends a good deal on where you want to get to,” said the Cat.

“I don’t much care where-----“ said Alice.

“Then it doesn’t matter which way you go,” said the Cat.

(The Best of Lewis Carroll. Alice in Wonderland. Castle. Edison, New Jersey, 439 p.)

All you need is love – песня Джона Леннона, впервые исполненная *Beatles* в телевизионном всемирном шоу *Our World*, Наш мир, одновременно транслированном в 26 странах мира.

Г Л А В А 30

**“All that you touch
 All that you see
 All that you taste
 All you feel.
 All that you love
 All that you hate
 All you distrust
 All you save.
 All that you give
 All that you deal
 All that you buy,
 beg, borrow or steal.
 All you create
 All you destroy
 All that you do
 All that you say.
 All that you eat
 And everyone you meet
 All that you slight
 And everyone you fight.
 All that is now
 All that is gone
 All that's to come
 And everything under the sun is in tune
 But the sun is eclipsed by the moon.
 There is no dark side of the moon really.
 Matter of fact it's all dark.”**

(R. Waters. Eclipse. Pink Floyd. The Dark Side of the Moon).

Г Л А В А 33

“Форрестол” – *Forrestal*, название авианосца.

“Джек Дэниелс” – бренди.

Джуди Гриир - *Judy Greer*, киноактриса, 10 лет занятий классическим балетом, степень бакалавра по программе *Creative and Performing Arts* в *DePaul University*.

- **Как леди Годайва?** - уточнил **Майкл**. – Часто в русских переводах – Леди Годива.

“Рожденная, чтобы быть дикой” - *Janelle Denison. Born to Be Wilde. Berkley Sensaton. New York. 357 p.*

Г Л А В А 36

**“So stand in my shoes,
And leave from your home.
Fight for the people who hate you
With protests they’ve shown.
Fight for the stranger,
Fight for the young.
So they all may have
The greatest freedom you’ve won.”**

(The Marine. By Corporal Aaron M. Gilbert, U S Marine Corps, USS Saipan, Persian Gulf. Из письма, присланного с войны своему отцу).

Г Л А В А 37

**“East of the sun, west of the moon
We will build home, full of love...”**

(Sarah Vaughan. East of the sun).

Powerful Girls - парафраз на название мультфильма “Powerpuff Girls”.

“Beyond the screen of leaves the sunlight pelted down and the butterflies danced in the middle their unending dance” (Sir William Golding. Lord of the flies. AEONIAN Press Inc., Jackson Heights, New York, 1975, p. 120)

“La Volupté m’appelle et l’Amour me couronne!” (из “Le Masque”. Charles Baudelaire. Les Fleurs du Mal. In a new translation by Richard Howard. David R. Godine. Publisher. Boston. 1982, 366 p.).

“Ses ailes de géant l’empêchent de marcher” (из “L’Albatros”. Charles Baudelaire. Les Fleurs du Mal. In a new translation by Richard Howard. David R. Godine. Publisher. Boston. 1982, 366 p.).

Плоский мир Томаса Фридмана - Thomas L. Friedman. The World is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century”. Thorndike Press. Waterville, Maine. 2005. 835 p.

“Центральным принципом цивилизации является субординация правящей власти установившимся обычаям людей и их воли, выраженной через Конституцию” – “The central principle of Civilization is the subordination of the ruling authority to the settled customs of the people and to their will as expressed through Constitution” (The Rt. Hon. Winston S. Churchill, C.H., M.P. Blood, Sweet, and Tears. G.P.Putnam’s sons, New York, 462 p. – Civilization, p.45).

“Anyone who wants to govern the country has to entertain it” - “Каждый, кто хочет управлять страной, должен развлекать ее” (Saul Bellow. Ravelstein. Penguin Group, Penguin Putnam Inc., New York, 2000, 233 p.).

“Джентльмены, знайте, что королевские расходы не могут зависеть от его доходов, доходы должны определяться его расходами” – “Gentlemen, you know that the king’s expenditure can not be regulated by his revenue; his revenue must be regulated by his expenditure” (Antonina Vallentin. Mirabeau. Translated by F.W.Dickes. New York. The Viking Press. 1948, 524 p.)

**“The autumn leaves
drift by the window,
the autumn leaves
to come and go...”**

(The autumn leaves. Writer: Porter, Cole)

Г Л А В А 38

“This was terror without limit; without mercy, without regard to human life, because it was motivated by a cause higher than any human cause. It was inspired by a belief in God...” (Tony Blair. A Journey. My Political Life. Alfred A. Knopf. New York-Toronto. 2010, p. 342).

“...The first plane could have been an accident. The second was definitely an attack. The third was a declaration of war “ - ...Первый самолет мог оказаться случайностью. Второй несомненно означал атаку. Третий был объявлением войны” - George W. Bush. Decision Points. Random House. 2010, p.747.

Bob Woodward. Plan of Attack.. Simon & Schuster. New York-London-Toronto-Sydney 467 p.

David Rothkopf. Running the World. PublicAffairs. New York, 2004. 554 p.

Michael R. Gordon, General Bernard E. Trainor. Cobra II. The inside story of the invasion and occupation of Iraq. Pantheons Books, New York. 2006.

Г Л А В А 39

“Have Gun, Will Travel” - Название популярного телевизионного сериала в стиле вестерн.

“God! God! If they were all there – all the generals, the admirals, the presidents and the kings – theirs, ours – all of them” (Collected Stories of William Faulkner. Turnabout. Vintage International. Vintage Books. A Division of Random House, Inc. New York, 1995, p.509).

Г Л А В А 40

“Cogito, ergo sum” (Рене Декарт).

“Et les grandes orgues c’est la pluie comme elle tombe ici et se parfume: quelle gare pour l’arrivée en tous sens sur mille rails” (Poems of André Breton. The Dark Lantern. Black Widow Press. Boston, Mass.1982. p.308).

“Non isperate mai veder lo Cielo!” (The Divine Comedy of Dante Alighieri. Inferno. Canto III. The Harvard Classics. Edited by Charles W. Eliot, LL.D. Grolier Enterprises Corp. Danbury, Connecticut, 1990. 428 p.)

Г Л А В А 42

“l’ universo sentisse amor” (The Divine Comedy of Dante Alighieri. Inferno. Canto VII. The Harvard Classics. Edited by Charles W. Eliot, LL.D. Grolier Enterprises Corp. Danbury, Connecticut, 1990. 428 p.).

Г Л А В А 43

Вернемся к “Пирю”- далее диалог на основе текста “Пира” Платона (Plato. Symposium. The Modern library. New York. 1996, 100 p.).

Г Л А В А 44

**“...quanto la cosa è più perfetta,
Più senta il bene , e così la doglienza”**

(The Divine Comedy of Dante Alighieri. Inferno. Canto VI. The Harvard Classics. Edited by Charles W. Eliot, LL.D. Grolier Enterprises Corp. Danbury, Connecticut, 1990. 428 p.).

Г Л А В А 45

“Vedi che la ragione ha corte l’ ali” - Dante. The Divine Comedy. III Paradise. Translated by Louis Biancolli. Washington Square Press. New York. 1966, p.6.

Г Л А В А 46

“Taci, e lascia volger gli anni” - Dante. The Divine Comedy. III Paradise. Translated by Louis Biancolli. Washington Square Press. New York. 1966, p.33.

Г Л А В А 48

“Defienda me Dios de my” – Да защитит меня Бог от самого себя (исп.). - - Ф.Ницше. О пользе и вреде истории для жизни. Сочинения в 2-х томах. Том 1. М. Мысль. 1990, с.226.

“Democrito, che ‘l mondo a caso pone” - The Divine Comedy of Dante Alighieri. Inferno. Canto IV. The Harvard Classics. Edited by Charles W. Eliot, LL.D. Grolier Enterprises Corp. Danbury, Connecticut, 1990. 428 p.

**“All the world's a stage,
And all the men and women merely players”**

(As you like it, act II, scene VII.. The Complete Works of William Shakespeare. Random House. New York, Toronto, London, Sydney, Auckland. 1990, p.239).

“Весь мир - театр и люди в нем - актеры” – перевод П. И .Вейнберга, Т. Л. Щепкиной-Куперник, см. также А. Тарковский “Жертвоприношение”.

“Utrum veritas sit fortior inter vinum et regem et mulierem?” - Umberto Eco. Serendipities. Language and Lunacy. Italian Academy Lectures. Columbia University Press, NY, 1998, 130 p.

“Amor condusse noi ad una morte” - The Divine Comedy of Dante Alighieri. Inferno. Canto V. The Harvard Classics. Edited by Charles W. Eliot, LL.D. Grolier Enterprises Corp. Danbury, Connecticut, 1990. 428 p.

“Если бы женщина была мыслящим созданием, то, конечно, будучи кухаркой в течении тысячелетий, она должна была бы открыть величайшие физиологические факты, а равным образом и овладеть врачебным искусством.” - Ф.Ницше. По ту сторону добра и зла. №234. Сочинения в 2-х томах. М. Мысль. 1990.

Г Л А В А 49

“Еще ребенком я плавал в море, с мечом в руках, чтобы сражаться с китами” – (“Беовульф”).

Г Л А В А 50

“L’amor che move il sole e l’altre stele” - Dante. The Divine Comedy. III Paradise. Translated by Louis Biancolli. Washington Square Press. New York. 1966, p. 136.

Г Л А В А 55

“Mon ami, ne vous permettez jamais que de folies, qui vous feront grand plaisir – Мой друг, не позволяйте себе ничего, кроме сумасбродств, которые причинят вас большое удовольствие” – Фридрих Ницше. Сочинения в двух томах. Издательство “Мысль”. Москва. 1990, т. 2, стр. 355.

Г Л А В А 56

Quattrocento – Кваттроченто, Раннее Возрождение, эпоха итальянского искусства 15-го века.

Г Л А В А 57

“Постоянное осознание всего времени и пространства, масштабов и круговорота жизни вокруг нас. Виноградное зернышко в бесконечности. Пол-оборота штопора, нацеленного в вечность” - Marcus Aurelius. Meditations. A New Translation with an Introduction, by Gregory Hays. The Modern Library. New York.) – 17, Book 10, p. 137/

Г Л А В А 58

“Or vedi la sperāza e’l desiderio del ripatriarsi e ritornare nel primo caso fa a similitudine della farfalla al lume” – The Notebooks of Leonardo da Vinci. Compiled and edited from the original manuscripts by Jean Paul Richter. In 2 volumes. Vol.2. Dover Publications, Inc. New York, p. 291.

“La forza da carestia o douitia è gienerata” - The Notebooks of Leonardo da Vinci. Compiled and edited from the original manuscripts by Jean Paul Richter. In 2 volumes. Vol.2. Dover Publications, Inc. New York, p. 137.

Г Л А В А 59

“Кфир” – истребитель израильских ВВС.

“Стадо дикобразов легло в один холодный зимний день тесною кучей, чтобы, согреваясь взаимной теплотою, не замерзнуть. Однако, вскоре они почувствовали уколы от игл друг друга, что заставило их лечь подальше друг от друга. Затем, когда потребность согреться вновь заставила их придвинуться, они опять попали в прежнее неприятное положение, так что они метались из одной печальной крайности в другую, пока не легли на умеренном расстоянии друг от друга, при котором они с наибольшим удобством могли переносить холод” - Притча Шопенгауэра о дикобразах, см. Ф. Ницше. Рождение трагедии из духа музыки. Сочинения в двух томах. Том 1. Издательство “Мысль”, Москва, 1990, стр. 780.

“У кого много собственной, внутренней теплоты, тот пусть лучше держится вдали от общества, чтобы не обременять ни себя, ни других” - Притча Шопенгауэра о дикобразах, см. Ф. Ницше. Рождение трагедии из духа музыки. Сочинения в двух томах. Том 1. Издательство “Мысль”, Москва, 1990, стр. 780.

Г Л А В А 60

Sleepy head – соня.

Г Л А В А 61

The Greatest Escape Stories Ever Told. Edited by Darren Brown. The Lyons Press. Guilford. Connecticut. An imprint of the Globe Pequot Press. 288 p.

Г Л А В А 64

“Месть это блюдо, которое имеет восхитительный вкус, когда подается холодным” - Mario Puzo. Godfather. G.P.Putnam’s Sons. New York. 1969, 446 p.

Г Л А В А 66

“Кто войдет сюда, окажет мне честь, кто этого не сделает, доставит мне удовольствие” - слова на дверях поэта - Фридрих Ницше. Сочинения в двух томах. Издательство “Мысль”. Москва. 1990, т. 1, стр. 531.

“Нет прекрасной поверхности без ужасной глубины” – Фридрих Ницше. Сочинения в двух томах. Издательство “Мысль”. Москва. 1990, т. 1, стр. 275.

Г Л А В А 69

Downtown – центр города.

Джессика Симпсон, Jessica Simpson - американская поп-звезда, певица, актриса.

HDTV - телевидение высокого разрешения, *High Definition Television*.

1080i – видеорежим телевидения высокого разрешения, для соотношения экрана 16:9 означает 1920 пикселя по горизонтали и 1080 пикселей по вертикали. Общее разрешение: $1920 \times 1080 / 2 = 1.04$ миллионов пикселей (делится на два, потому что *interlaced*).

Г Л А В А 70

“Всегда будь пьян... Вином, поэзией, добром - бери что хочешь. Но только оставайся пьян” - “You must be drunk always... On wine, on poetry, on virtue – take you pick. But be drunk” - Charles Baudelaire. Paris Spleen. Little Poems in Prose. From “Be Drunk”. Wesleyan University Press. Middletown. Connecticut. 2009, p. 99.

Любовь - это одновременно и универсалия культуры нашей цивилизации и сложный комплексный душевный феномен, базирующийся на избирательном чувстве сугубо субъективного характера и направляющий индивидуума в непреодолимом стремлении к своему предмету – парафраз. Пост-модернизм. Энциклопедия. А.А.Грицанов, М.А.Можейко.

Peacemaker – Миротворец.

Г Л А В А 74

De facto – фактически (лат.)

“In a hole in the ground there lived a hobbit” – J.R.R. Tolkien. Hobbit. Annotated by D.A.Anderson. Houghton Mifflin Company. Boston. New York. 399 p.

Г Л А В А 78

Social Security Number – Номер социального обеспечения.

Social Security Administration – Администрация по социальному обеспечению.

Г Л А В А 81

**“Ныне черный корабль на священное море ниспустим,
Сильных гребцов изберем, на корабль гекатомбу поставим.”**
(Гомер. Илиада. Перевод Н. Гнедича).

“Leaving on a Jet Plane” – песня Джона Дэнвера (John Denver). Lyrics: Chantal Kreviazuk

Г Л А В А 87

“A horse! a horse! my kingdom for a horse!” - King Richard III, act V, scene IV.
The Complete Works of William Shakespeare. Random House. New York, Toronto, London,
Sydney, Auckland. 1990, p.668.

Г Л А В А 88

Deus Ex Machina – “Бог из Машины” (лат.) – фраза, применяемая для описания неожиданного поворота событий, помогающего развязать сложившуюся неразрешимую ситуацию за счет вмешательства извне. В древнегреческом театре “машиной” (*machina* – лат., *μηχανή* – греч.) назывался механизм, позволяющий превратить человека в летающего бога – сегодня известный как кран).

Г Л А В А 90

“Чудесный, великий, цветущий, жужжащий беспорядок” - Уильям Джеймс.